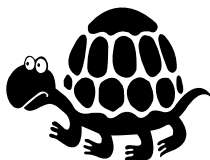

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ
GLASNOST DEFENSE FOUNDATION

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПОСТУПОК

*Сборник публикаций победителей и финалистов
премии имени Андрея Сахарова
«За журналистику как поступок»
за 2003 год*

Москва
Издательство «Медя»
2004

УДК 070+94(470+571)"19/20"
ББК 76.01+63.3(2)64
Ж 92

Утверждено к печати Редакционным советом
Фонда защиты гласности

Ответственный редактор —
президент Фонда защиты гласности
Алексей СИМОНОВ

Составители —
Алексей ПАНКИН, Борис ТИМОШЕНКО

*Издание выпущено в свет благодаря содействию организации
«National Endowment for Democracy»*

Ж 92 ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПОСТУПОК: Сборник публикаций победителей и финалистов премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» за 2003 год/ Под ред. А.К. Симонова. Составители — А.Б. Панкин, Б.М. Тимошенко. М.: Медея, 2004 г. — 368 с.

В течение последних трех лет в России проводится конкурс на премию имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок». Эта премия присуждается российским журналистам за материалы, которые становятся продолжением жизненной позиции авторов, последовательно воплощаемой в работе на высоком профессиональном уровне, и отстаивают те ценности, которые отстаивал А.Д. Сахаров. Среди победителей конкурса много провинциальных журналистов, авторов блестящих статей, которые неизвестны широкой публике. Издание книги позволит представить панораму современной российской журналистики, отразить происходящие в стране события и распространить интересные материалы за пределы регионов, в которых работают победители конкурса.

В книгу включены статьи двадцати пяти авторов (лауреата, номинантов и финалистов конкурса), представляющих Дагестан, Кемеровскую, Волгоградскую, Свердловскую, Орловскую, Пермскую области, Удмуртию, Санкт-Петербург, Москву и Московскую область, Чечню и др. Статьи посвящены таким актуальным проблемам, как межнациональные отношения, ущемление прав человека со стороны власти, коррупция и продажность в судах, проблемы российской деревни, право граждан, в том числе журналистов, на выражение своего мнения в СМИ, профессиональная этика журналиста.

УДК 070+94(470+571)"19/20"
ББК 76.01+63.3(2)64

© Фонд защиты гласности, 2004
© Панкин А.Б., Тимошенко Б.М., составление, 2004
ISBN 5-98169-002-X © Издательство «Медея», оформление, 2004

Премия имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок»

Премия имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» присуждается российским журналистам за материалы, в которых убедительно, честно, обоснованно — с точки зрения прав человека и демократических ценностей — ставятся и анализируются важные для общества проблемы.

Материалы должны быть опубликованы в течение конкурсного срока в любом российском печатном СМИ.

Жюри конкурса голосованием выбирает пятерых номинантов премии. Лауреат определяется большинством голосов членов жюри и объявляется на церемонии вручения премии.

На церемонии вручения премии лауреат обязан выступить с речью по проблематике, затронутой в публикациях, за которые он был номинирован на премию, и рассказать о том, как развивается ситуация.

Премия не присуждается дважды одному и тому же лицу.

Премия может присуждаться посмертно.

Выдвижение претендентов осуществляют редакции газет и журналов и граждане России.

На конкурс представляются не более 7 публикаций одного автора. В случае если публикации составляют отдельный цикл, их количество может быть больше. В аннотации к представляемым материалам необходимо пояснить, почему именно эти публикации являются поступком.

Материалы принимаются в печатном и электронном виде (на дискетах, на компакт-дисках и по электронной почте на адрес: fond@gdf.ru). Электронная версия сдается в **обязательном порядке**.

Печатные версии материалов принимаются до 1 ноября очередного года в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова по адресу: **107120, Москва, Земляной вал, 57, стр. 6**, с пометкой «Премия имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок».

Премия вручается ежегодно, в День прав человека, 10 декабря.

Рассматриваются материалы, опубликованные в период с 15 октября предыдущего года по 15 октября текущего года.

Учредитель премии – Питер Винс.

Жюри премии 2003 г.:

1. Симонов А.К. – председатель жюри, президент Фонда защиты гласности;
2. Питер Винс – учредитель премии;
3. Горюхина Э.Н. – журналист, лауреат премии имени А. Сахарова за 2001 г., Новосибирск;
4. Лацис О.Р. – заместитель главного редактора газеты «Русский курьер»;
5. Панкин А.Б. – редактор журнала «СРЕДА. Российско-европейский журнал о медиа»;
6. Политковская А.С. – обозреватель «Новой газеты», лауреат премии имени А. Сахарова за 2002 г.;
7. Полникова И.Г. – обозреватель газеты «Молодой дальневосточник», Хабаровск;
8. Руденко И.П. – обозреватель газеты «Комсомольская правда»;
9. Самодуров Ю.В. – директор Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова;
10. Фурман Д.Е. – политолог, доктор исторических наук, сотрудник Института Европы РАН;
11. Шириян А.Р. – издатель журнала «Cigar Clan».

Награды победителям:

Денежная премия лауреату – 5 000 долларов.

Денежные премии номинантам – 4 премии по 500 долларов.

Дипломы – редакциям печатных изданий,
опубликовавших материалы победителей.

Дипломы – лауреату и номинантам,
журналистам печатных изданий.

Срок подачи материалов истекает 1 ноября текущего года.

СЕГОДНЯШНЯЯ ЖУРНАЛИСТИКА НУЖДАЕТСЯ В МОРАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТАХ...

Премия имени А.Д. Сахарова учреждена иностранным бизнесменом, американцем Питером Винсом. Однако на месте патриотов я бы не торопился бить в барабаны тревоги. До 22 лет Питер, которого тогда наверняка звали Петей, был гражданином СССР и вдоволь хлебнул всех прелестей инакомыслия в стране, название которой мы теперь пишем в графе «место рождения». Его дед и отец были баптистскими священнослужителями. Дед погиб в лагерях в 37-м, отец после нескольких отсидок был обменен в период президентства Джими Картера по модной тогда формуле «диссиденты на шпионов». Сам Питер к тому времени уже тоже мотал срок за правозащитную деятельность, прерванный высылкой «святого семейства» из страны.

Так что идея премии Сахарова для журналистов появилась на свет в близком родстве с благородным поступком и правами человека.

У идеи редко бывают ярко выраженные родители. После того, как Винс получил благословение от Елены Георгиевны Боннэр, он обратился к людям, которые, по мнению их обоих, что-то в журналистике понимают. Первоначально идея была более громоздкой и предполагала учреждение премии как некоего критерия высоких журналистских стандартов, которая могла делиться по жанрам, разным спектрам журналистских интересов и присуждаться довольно значительному количеству людей. После долгих дебатов мы сошлись на том, что журналистских премий достаточно много и еще одна, даже такая именная, но повторяющая привычные схемы, растворится в общей массе, станет именно «еще одной». Нам же хотелось, чтобы премия была особой, неповторимой, как тот человек, чьим именем она освящена. И тогда пришла мысль, что премия должна вручаться за журналистику как поступок, когда написанное перестает быть более или менее удачным сочетанием слов, а становится продолжением жизненной позиции авторов, последовательно и неуклонно воплощаемой в работе. Нам казалось, что сегодняшняя журналистика, которая переживает нелегкие времена, в которой много наносного, заказного и покупного, нуждается в моральных авторитетах, каковыми могли бы стать лауреаты этой премии. Утверждение высоких профессиональных стандартов должно сопровождаться тщательным анализом причин и последствий того, что сделано журналистом, чья работа достойна выдвижения на эту премию. Мы исходили из убеждения, что есть в России журналисты, для которых ответственность за слово и ответственность за поступок сходны, для кого написанное не является единственным итогом сделанного, кто рассматривает свою работу, как часть своей человеческой гражданской ответственности перед теми, о ком и для кого они пишут.

Таких журналистов не может быть много, но наше твердое убеждение заключалось в том, что они, тем не менее, есть и что они нуждаются и в поддержке их позиций, и в высокой оценке ими сделанного. Особенно важным было для нас участие в этом конкурсе журналистов из российских регионов. Именно там пребывает большинство людей этой профессии, именно там ситуация, как правило, им не благоприятствует, именно

там сохранить душу живую особенно нелегко. Мы понимали, что болезни журналистики многообразны и длительны и что процесс создания в ней нравственных опор будет не менее долгим. Мы понимали, что берем на себя тяжелую ответственность, и первые три года работы жюри доказали, что взваленная нами на себя ноша противоречива и трудно подъемна.

Первым лауреатом премии имени Сахарова стала, как ни странно, женщина, для которой журналистика была второй профессией. Впрочем, эта новосибирская «училка» давно уже культивировала свою страсть удивиться, восхититься или поплакать вместе с воображаемым читателем. Постепенно для нее читатель перестал быть воображаемым, и Эльвира Горюхина стала настоящим газетным профессионалом, но продолжала видеть мир глазами самых любимых для нее людей на этом свете, глазами детей. С этим она прошла все горячие точки, и из своих командировок привозила не только материалы, она таскала за собой целый воз нужд и бед своих героев и всеми силами старалась разгрузить этот воз, где статьи были важным, но не единственным совершенным ею поступком.

Эльвира Горюхина стала лауреатом сахаровской премии за 2001 год. Лауреатом 2002 года стала журналистка «Новой газеты» Анна Политковская. Те, кто читал ее публикации, легко поймут почему. Анна стала символом высочайшего журналистского достоинства там, где не выдержали многие знаменитые журналистские перья. Ее болью, ее личной судьбой стала Чечня. И снова газетная публикация только часть ее человеческого долга. Ее герои — это не только те, о ком она пишет, это те, кого она защищает в судах, кого она лечит, спасает, кому она везет продукты и вещи, те, чья беда стала ее бедой, чья боль стала ее болью.

По уставу премии победители становятся членами нашего жюри, и я искренне надеюсь: настанет день, когда они составят это жюри целиком.

Премия «За журналистику как поступок» пока еще не стала важным событием в журналистике, она только набирает авторитет. На первый конкурс было прислано около тридцати работ, на второй — немногим более сорока. В принципе, это правильно, таких журналистов и не может быть много. Тем приятнее, что номинантами этой премии были журналисты из Хабаровска и Камышина, из поселка Свердловской области и городка в Чечне. Мы твердо верим, что у этой премии есть будущее, что эта премия есть и будет достойна своего имени, что мы сумеем сделать эту премию памятником Андрею Дмитриевичу Сахарову и избежим суетливых спекуляций, которые до сих пор окружают установление памятника Сахарову в Москве.

Эта книга посвящена результатам третьего конкурса, на который пришло уже около ста работ. Победителем 2003 года стала Галина Ковальская, которая, увы, никогда не войдет в наше жюри. Блистательная журналистка и удивительная женщина погибла при аварии вертолета в очередной командировке. Мы собрали здесь лучшие материалы из присланных на конкурс и теперь постараемся делать это ежегодно.

А. СИМОНОВ,
председатель жюри премии имени Андрея Сахарова
«За журналистику как поступок», президент Фонда защиты гласности

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

Галина КОВАЛЬСКАЯ
(«Еженедельный журнал», Москва)

ШТУРМ И ГЛУПОСТЬ

Войсковые операции по захвату больших городов — событие в новейшей истории нетривиальное. О том, как это происходило девять лет назад в Грозном, вспоминает наш обозреватель — очевидец событий

Одно из самых жутких воспоминаний — повисший над грозненским вокзалом запах сгоревшей мануфактуры, смешанный с запахом горелого мяса. В конце декабря 1994-го мы, группа журналистов, правозащитников и депутатов Госдумы, приехали в Чечню, чтобы своими глазами увидеть, что там творится. Грозный к тому времени уже несколько раз бомбили, причем российские генералы уверяли, что бомбят только военные объекты, а чеченцы рассказывали, что бомбы падают на жилые дома, больницы и прочее. Первая чеченская война уже началась, и войска неуклонно приближались к Грозному, но никто из нас не представлял, что будет штурм. 31 декабря нас пообещал принять Дудаев. Всем скопом, нас было десятка полтора, мы ввалились в так называемый президентский дворец — бывшее здание республиканского комитета КПСС. Это была огромная башня, которая возвышалась над городом. После штурма от нее останется один остов, а позже и его взорвут по приказу российского военного командования.

По дворцу бродили мужчины с автоматами — охранники и «бойцы президентской гвардии». Их еще не называли боевиками, это слово появится буквально через несколько часов, в первых же сообщениях о боях в Грозном. Большинство гвардейцев загода покинули город, ожидая массированных бомбардировок. Оставалось, по оценкам экспертов правозащитного центра «Мемориал», сотни две-три. Несколько десятков из них были сосредоточены во дворце. Явно не зная, чем себя занять, боевики слонялись по лестницам, беспрерывно курили и перебрасывались шуточками. Нас проводили в просторную комнату и просили подождать: президент Дудаев освободится и выйдет к нам. Ждали долго, кажется, не один час. Те, кто приехал в Чечню уже не в первый раз, уговаривали нетерпеливых не нервничать: в Чечне никогда ничего не бывает вовремя. Вдруг раздался страшный шум, несколько мужских голосов за дверью что-то кричали. Дверь распахнулась, стремительно вошел охранник и отрывисто произнес: «Всем в подвал. В городе танки». Он повел нас по каким-то узким коридорам и лестницам вниз, и, пока мы шли, стены вдруг содрогнулись от страшного залпа, а затем все время слышался почти беспрерывный грохот орудийной пальбы. В подвале мы

принялись судить-рядить о случившемся. Все сходились на том, что бой кончится через пару часов — российские войска возьмут дворец, и это будет означать конец чеченской «независимости». Помнится, никто из нас не сочувствовал тогда «наведению конституционного порядка», но и дудаевский режим никто особо не оплакивал.

Прошло в самом деле около двух часов, когда в подвал вошел запыхавшись возбужденный боевик с гранатометом и предложил: «Хотите посмотреть, как танки горят? Пойдемте покажу!» По очереди, группками по три-четыре человека, мы поднимались наверх и, хрустя битым стеклом, пробирались к выходу из дворца. Наружу нас не выпускали — предлагали смотреть через дверной проем. На площади перед дворцом факелами пылали танки. Десятка два — никто из нас от растерянности не догадался сосчитать. На крыльце у входа стояли боевики с гранатометами. Один из них, обернувшись к нам, произнес с ликованием: «Мы их все уничтожили! Мы их расстреляли! Пусть сунутся еще — мы их опять уничтожим! Мы за нашу свободу как один человек!» Другой добавил: «Горит непобедимая русская армия!» Они были счастливы и решительно не замечали, что мы не спешим разделить их восторг.

Вскоре в подвал начали приводить первых пленных. Сначала троих, потом еще четверых, потом еще и еще, мы не успевали считать. Многие были ранены — им тотчас оказывали помощь. Здесь же, в подвале, отгородившись ширмой, работал чеченец-хирург, едва успевая извлекать пули и осколки у боевиков и пленных. Всем пленным давали попить и поесть жиденького супчику — его и сами ели, и нас им угощали. Избиения пленных, перерезанные горла контрактников — все это будет позже, когда война затянется и покажется уже бесконечной. А тогда, в эйфории победы да к тому же на глазах у людей из Москвы, чеченцам хотелось быть щедрыми и гуманными. Пленные солдаты твердили одно и то же: был приказ двигаться за вперед идущим танком или БМП, шли колонной, куда — не знали, внезапно впереди танк загорелся, не успели понять, что к чему, как вспыхнул и их танк. Не помня себя, выскочили наружу и тотчас угодили в плен. Города не знают, карты нет. Через пару дней плененный подполковник Зрядний поведал «мемориальцам» Сергею Ковалеву и Олегу Орлову, что командиры подразделений получили приказ встать на окраине города. Генерал Константин Пуликовский, будущий президентский полпред на Дальнем Востоке, проводил совещание и заверил их в том, что в город они не войдут — дескать, там будут работать внутренние войска. Однако, после того как встали на окраине, и часа не прошло — получили приказ на выдвижение в Грозный. Батальон Зряднего должен был занять район железнодорожного вокзала. Как вести себя дальше, отвечать ли на огонь, как разоружать противника — команд не поступало. Карты города не было даже у командира подразделения.

Сергей Ковалев взял рацию у дудаевских охранников и по ней обратился к российским военнослужащим с призывом сдаваться в плен. За это Ковалева потом объявят «предателем», его будет склонять министр обороны Павел Грачев и помянет недобрым словом в своей книге генерал Трошев. Однако в тот момент все мы, включая Ковалева, видели одно: наши парни зазяб горят в танках. Плен — единственная для них возможность уцелеть.

Вдруг объявился русский старик из ближайшего дома. Он прорвался к дворцу сквозь уличный бой и объявил боевикам, что ему надо видеть «главного правозащитника Ковалева». В его доме идет настоящее сражение, и его семидесятилетней жене стало плохо. А до врача теперь никак не добраться. Он сам не мог выйти по лестнице — спустился по простыням со своего второго этажа. По дороге ему осколком оцарапало руку. Он хочет, чтобы Ковалев ему помог хоть чем-нибудь. Сергей Адамович мог только посочувствовать. Мы дружно уговаривали старика остаться в подвале, переждать бой. Но он упрямо рвался назад. Сказал, что попробует добраться, боится надолго оставлять жену.

К вечеру пальба около дворца немного стихла, и кое-кто из нас решился ненадолго выйти. Весь центр был усеян подбитыми машинами. По улице шли какие-то два мужичка, по виду совершенно штатские. Увидев за полквартала от себя неподбитый танк, не шарахнулись в сторону, а спокойно продолжили путь, сокрушаясь на ходу, что нет под рукой гранатомета. В чеченцах в тот день проснулся охотничий инстинкт. Там и сям во множестве валялись трупы. Мы тогда еще не знали, что погибшие бойцы сплошь из 131-й Майкопской бригады и 81-го Самарского полка, из которых составили сводную бригаду для штурма Грозного с Северного направления. Что командовал этим направлением тот самый генерал Пуликовский. Он в точности следовал плану, разработанному в Генштабе: двигался на город колоннами по три машины в ряд. Разработчики штурма ориентировались на опыт Баку января 90-го и не ожидали сколько-нибудь серьезного сопротивления. Вечером 31-го прошло сообщение, что Грозный взят и российские военные кормят голодных грозненцев кашей со своих полевых кухонь.

Самое чудовищное и непостижимое произошло на следующий день. 1 января все повторилось в точности, как накануне. Так же колоннами вошли в город войска, так же их пропустили в центр и спокойно сожгли из гранатометов. Так же к нам в подвал заходили ошалевших, потерянных солдатиков. Это были остатки 131-й Майкопской бригады и приданных ей десантников и морских пехотинцев.

Второго мы с коллегой вышли из дворца. На улицах по-прежнему стреляли: оставшиеся в живых бойцы, сумевшие закрепиться в окрестных домах, яростно отстреливались от атаковавших их дудаевцев. К нам подошел боевик: «Вы журналисты? Я проведу вас к железнодорожному вокзалу — там очень много подбитых танков». Действительно, огромная привокзальная

площадь была, сколько видел глаз, плотно уставлена догоравшей бронетехникой. Время от времени раздавался оглушительный хлопок — это взрывались боекомплекты. Над площадью стоял удушливый мерзкий запах, от которого сразу начинало мутить.

Бои за Грозный продолжались до конца месяца. Командование было поручено уже генералу Рохлину, который с самого начала не въезжал в город колоннами, как на прогулку, а продвигался под прикрытием шквального огня, уничтожая перед собой все живое. 19 января над дворцом водрузили российский флаг как символ победы над мятежным городом, но бои за южные окраины будут длиться еще недели две. В новогодний штурм погибло около тысячи военнослужащих, часть из которых до сих пор числится без вести пропавшими. Мирных грозненцев при взятии города погибло около 25 тысяч.

«Еженедельный журнал», 01.04.2003

ЗОНА РИСКОВАННОГО ПРОЖИВАНИЯ

**Беженцы-ингуши понемногу возвращаются в Пригородный район
Северной Осетии**

Мы сказали, что интересуемся беженцами из Пригородного района. Султан отреагировал: «Тогда вам и надо с беженцами разговаривать. А я уже не беженец. Был несколько лет, а теперь у меня свой дом». И правда, дом у Султана почти готов, осталось чуть-чуть отделать. Буквально на днях собирается в него заселиться. Султан — житель села Тарское, что в Пригородном районе Северной Осетии, директор сельской школы, весьма уважаемый человек. В ноябре 1992 года он, как и все его односельчане-ингуши, как вообще все ингуши Пригородного района, бросил дом и ушел в Ингушетию. Ушел последним, когда в селе ни одного ингуша не осталось: все не верил, что ему может грозить какая-то опасность от односельчан осетин или от российской армии. Его никто и не трогал: в Тарском было относительно спокойно, но родные боялись, что начнутся расправы, как у соседей, и умолили уйти. Два года назад вернулся в Тарское, поселился во временке и начал восстанавливать разграбленный и сожженный дом. И вот скоро новоселье.

Претензии и опасения

Война между осетинами и ингушами вспыхнула осенью 1992-го из-за Пригородного района. Из всех постсоветских войн эта была, пожалуй, самой кровопролитной, хотя и недолгой: с 30 октября по 2 ноября погибло с обеих сторон по несколько сот человек. Правда, многих ингушей убили не осетины, а солдаты федеральных войск, которые вмешались в конфликт на осетинской стороне.

Пригородный район входит в состав Северной Осетии. Ингуши предъявляют на него претензии. В 1924 году, когда была создана Ингушская автономная область, она включала не только нынешнюю территорию Ингушетии, но и Пригородный район, и часть Владикавказа, который был ее столицей. Потом, в 1934-м, Ингушскую АО упразднили, она стала частью Чечено-Ингушетии. Владикавказ (тогда Орджоникидзе) целиком вошел в Северную Осетию, а Пригородный район вместе с живущими там ингушами — в Чечено-Ингушскую автономную область, преобразованную в 1936 году в АССР. Он перешел в ведение Осетии в 1944 году после депортации чеченцев и ингушей. В 1957-м репрессированные народы начали возвращаться из ссылки, и Чечено-Ингушетию восстановили, но не совсем в прежних границах: Пригородный район оставили в составе Северной Осетии, а к Чечено-Ингушетии для компенсации прирезали два ставропольских района (нынешние Шелковской и Наурский районы Чечни). Но прирезали-то с той стороны, где жили чеченцы, которые и заселили эти земли, а ингушам от этой компенсации ничего не досталось. Они почувствовали себя глубоко оскорбленными и как бы не до конца реабилитированными. Хоть Пригородный район и остался осетинским, многие ингуши выкупали свои жилища у осетин и возвращались туда, откуда их в 1944-м выслали. Ингуши все время помнили о нанесенной им обиде и не оставляли надежды когда-нибудь «восстановить справедливость», то есть переподчинить Пригородный район Чечено-Ингушетии. Произносить это вслух в советское время не полагалось, но разговоры в ингушской среде велись постоянно и, естественно, достигали ушей осетин. Осетины — руководство, республиканская элита, отчасти и простые люди — опасались этих претензий, относились к ингушам с недоверием. Власти пытались, насколько возможно, «принимать меры». У ингушей то и дело возникали проблемы с трудоустройством на территории Северной Осетии, а с 1982 года вышло постановление, ограничивающее прописку в районе, причем этот запрет практически коснулся именно ингушей. Правда, некоторые ингуши все же умудрились и в это время прописаться — за взятки, конечно. Москва в основном смотрела сквозь пальцы на политику «сдерживания» ингушей: партийное руководство брежневских времен с некоторой настороженностью относилось к пострадавшим при Сталине народам. В 1981-м во Владикавказе прошли антиингушские выступления. Москва реагировала поразительно мягко: никто не был арестован, а вскоре был санкционирован уже упоминавшийся запрет на прописку.

Словом, после 1957-го между ингушами и осетинами поселилась взаимная неприязнь, что, впрочем, не мешало многим и многим ингушам успешно работать и жить в Пригородном районе, учиться и делать карьеру во Владикавказе, лечиться в хороших владикавказских больницах, жениться на осетинках... В начале 90-х на волне гласности и свободы ингушские претензии на Пригородный район были провозглашены открыто. Многие горячие

головы требовали и часть Владикавказа вернуть. Соответственно взаимная осетино-ингушская неприязнь стала нарастать. Летом 1991 года мне довелось поездить по Осетии и Ингушетии. До этого я уже побывала и в Грузии, и в Южной Осетии, и в Армении, и в Азербайджане, но такого накала национальной ненависти, как по поводу Пригородного района, я тогда нигде не встречала. Простые осетины, да и многие университетские профессора, не стесняясь, рассуждали вслух, что ссылка ингушей была вполне оправданной и «Хрущев напрасно их вернул», что ингуши — дикое разбойное племя, вороватое и порочное по своей природе и т.п. Ингуши же приписывали осетинам чуть ли не все злодеяния сталинского режима: и депортацию-то всех народов затеял осетин Сталин, чтобы своим осетинам передать Пригородный район, и все сталинские репрессии, чтобы только осетинам получше жилось. Тогда хватало пальцев на одной руке, чтобы сосчитать людей с обеих сторон, которые пытались как-то противостоять этому общему потоку агрессивного национализма.

Война

Минул август 91-го, в Чечне к власти пришел Дудаев, распался Союз, начался «парад суверенитетов». Ингушские районы заявили, что не «уходят» вслед за Чечней из России, а остаются в ее составе. Ингуши надеялись, что демократическое руководство России «выкорчует остатки сталинизма» и вернет-таки им Пригородный район, а заодно и часть Владикавказа. В застольных разговорах случалось слышать, что «терпение народа может лопнуть» и что «если власть не решит по справедливости, люди сами пойдут отвоевывать свою землю». При этом ингушская часть бывшей Чечено-Ингушетии осталась практически без власти — руководящие структуры остались в Грозном, а тон в отколовшейся от Чечни республике задавали лидеры националистических движений. Северная Осетия под разговоры о том, что ей угрожают «территориальной экспансией», формировала республиканские силовые структуры: национальную гвардию, народное ополчение. Осетинские силы были хорошо вооружены, у них были даже бэтээры. Ингуши тоже вооружались, благо на базарах в Назрани и Грозном в ту пору можно было купить все, вплоть до гранатомета. В 1992-м почти у всех ингушских и осетинских мужчин было оружие. После того как осетинский БТР задавил ингушскую девочку, а через пару дней еще двух ингушей нашли убитыми, началась настоящая война. 30 октября вооруженные ингуши бросились в Пригородный район и в считанные часы вошли во Владикавказ. Убивали и брали в плен осетин, жгли дома. Те отстреливались как могли, но явно терпели поражение. Тогда вмешалась российская армия и не просто отразила ингушское нападение, но и помогла осетинам вышвырнуть из Пригородного района вообще всех ингушей. Позже их дома разграбили и сожгли. На территории крохотной Ингушетии оказалось несколько десятков тысяч беженцев.

В зоны этнических конфликтов на территории бывшего СССР беженцы, как правило, не возвращаются. Нет больше армян в Азербайджане, нет азербайджанцев в Карабахе и Армении, и, наверное, при жизни нынешнего поколения они туда не приедут. Нет грузин в Сухуми и Гаграх, почти нет в Цхинвали, а осетины, жившие в Грузии (не на территории Южной Осетии), в большинстве своем покинули бывшую родину и ушли кто в Южную, кто в Северную Осетию — назад им хода нет. А вот в Пригородный район очень медленно, преодолевая огромные препятствия, беженцы возвращаются. Султан, о котором речь шла вначале, не одинок — в одном только Тарском в большей или меньшей степени восстановлено уже 400 ингушских домов. Деньги — однократные выплаты — на восстановление перечисляются из федерального бюджета через Спецпредставительство президента РФ в зоне осетино-ингушского конфликта (орган, созданный для урегулирования осетино-ингушских отношений практически сразу же после войны). Деньги вроде бы немалые сегодня: в среднем около 600 тыс. рублей. Но беженцы рассказывают, что их все равно не хватает, приходится залезать в долги. Деньги можно взять либо «на приобретение жилья», либо «на строительство», либо «на восстановление». На покупку жилья беженец получает разом всю сумму и может купить себе дом в любом месте, независимо от того, где жил до 92-го. Строиться тоже можно где угодно, но деньги на строительство и на восстановление выдаются не сразу, а в три приема: осваиваешь первую порцию, тебе дают вторую, потом третью. За это время инфляция съедает часть суммы, строительство растягивается на долгие годы. Долги Спецпредставительства только по уже открытым счетам в два с половиной раза превышают его годовой бюджет.

Мифы и счета

Но все же главное препятствие — не деньги. После пережитого 30 октября — 2 ноября 1992 года взаимная неприязнь двух народов долго не утихала. Плакали убитых и клялись отомстить. Осетины расценивали случившееся как «внезапную агрессию» со стороны ингушей, тогдашний председатель североосетинского Верховного Совета Ахсарбек Галазов заявлял, что республика «взрастила змею на своей груди» — подразумевались ингуши — жители Пригородного района и Владикавказа, которые будто бы тайно готовили нападение на соседей-осетин. В действительности атаку предприняли в основном назрановские ингуши, жители Пригородного в большинстве своем предпочли не вмешиваться, а были, разумеется, и такие, кто укрывал и прятал соседей-осетин. Тем не менее вдохновленный антиингушскими настроениями североосетинский Верховный Совет в марте 1993 года принял постановление ни больше ни меньше как «о невозможности совместного проживания» с ингушами. Что означало: тех, кого выдворили из нашей республики, назад не пустим. А ингуши из Пригородного не чувствовали за

собой никакой вины и называли поход на Владикавказ «осетинской провокацией», а войну октября — ноября своей национальной катастрофой. Осетины вспоминали и переживали первые дни войны, когда били их, ингуши — последующие, когда неадекватные действия российской армии фактически отдали их в руки осетинских ополченцев. (Ингушей в ходе этих событий погибло примерно вдвое больше, чем осетин.) Пресса обеих республик изощрялась в живописании жестокостей противной стороны. Осетинский исследователь Александр Дзадзиев рассказывал обозревателю «Журнала» о всевозможных мифах, которые были порождены осетино-ингушской войной. Осетинские газеты наперебой рассказывали, что ингуши насиловали и убивали женщин, детей, стариков. Между тем в списках убитых осетин ни одного мужчины моложе 18, ни одного старше 60, и женщин совсем немного, причем никаких экспертных данных о том, что они были изнасилованы, не существует. А ингушские СМИ охотно рассказывали, как осетины скармливали ингушских детей свиньям — тоже чистой воды вымысел. На таком фоне возвращение беженцев могло показаться непосильной задачей.

Принципиальное решение о возвращении ингушей в Пригородный район Ельцин принял еще в декабре 1993 года, подписав соответствующий указ. Но только в конце июня 1994-го президенты Осетии и Ингушетии согласовали «Порядок возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев...». В августе была сделана попытка вселить первые десять ингушских семей в село Чермен. Оно непосредственно прилегает к Ингушетии, и в восточной его части ингушские семьи оставались и в октябре-ноябре 1992 года. Образовались как бы ингушская и осетинская зоны села. Попытка вернуть ингушей в «осетинскую зону» поначалу успеха не имела. Ингушей выгнали обратно и впоследствии выгоняли много раз. До сих пор в центр Чермена ингушей не удается вернуть: осетины выходят на дорогу, перегораживают путь транспорту. «Не пустить ингушей» поклялся конкретный житель Чермена, пенсионер по имени Алихан Дудиев, у которого вроде бы погиб в 92-м кто-то из родственников и который всякий раз подговаривает соплеменников «не пущать». Все знают, что это он мутит воду, но практически ничего с ним сделать нельзя. Этого Алихана даже судили. Дали ему, принимая во внимание почтенный возраст и всевозможные заслуги, два года условно. Он по-прежнему выставляет пикеты односельчан на пути возвращающихся ингушей. Вообще за все годы из 1682 вагончиков-временок, в которые завозили ингушей в села Пригородного района, целы 1373. Остальные сожгли и уничтожили. И за все годы Алихан был единственным, кого за такие дела судили, однако, как видим, это не облегчило участь беженцев. В селе Тарском (куда вернулся наш Султан) как-то в 1996-м за одну ночь сожгли 100 вагончиков. К счастью, никто из заселившихся ингушей не погиб — их вывезли на бэтэрах обратно. Адам, молодой житель Тарского, в первый раз в 1992-м покидавший его еще ребенком, говорит, что во второй раз, в 1996-м, было

страшнее: «Тогда я увидел, что они на самом деле хотят нас убить». Адам тоже отстроил большую часть дома, но никак не закончит: деньги вышли, а новую порцию все не перечисляют.

Враг за оврагом

Тарское, как и Чермен, поделено на зоны. По одну сторону оврага живут ингуши, по другую — осетины. Магазин есть только в осетинской части. Один раз двое ингушей рискнули и пошли в магазин. Их избили. «Тогда они вернулись, поймали осетина, — рассказывает мне Адам, — и побили его. Так сразу милиция приехала. Да его даже и не били по-настоящему, просто два раза ударили, и то милиция приехала. А когда наших побили, им плевать». В милиции Пригородного района служат осетины. Спецпредставительство настаивает, чтобы ингушей тоже брали на работу в милицию, и вроде бы добились, чтобы 50 человек туда зачислили, но понятно, что погоду в органах правопорядка создают не ингуши. Тарский сельсовет тоже на осетинской стороне, но когда необходимо оформит какую-то бумагу, ингуши ездят в райцентр — село Октябрьское. Там ингуши не живут: их туда вообще не пускают, но к машинам с ингушскими номерами относятся более или менее спокойно. «Так, иногда что-то крикнут вслед, но избиений не бывало», — рассказывали мне в Тарском. «Они к нам ходят, когда хотят, — возмущался осетинским поведением еще один житель Тарского. — А нам к ним нельзя». — «Очень редко бывает, чтобы осетины к нам заходили, — поправил соплеменника справедливый Султан. — И уж если заходят, то чаще ночью». Ночью к Султану иногда заходит посидеть-выпить директор осетинской школы, что за оврагом. Султан его ученик, и у них с давних пор теплые отношения. Но ходить в гости к ингушу не положено — соседи осудят. Вот и приходится наносить визиты тайно, чтобы никто не видел. Осетинская школа в Тарском большая, рассчитана на 900 детей. А учатся в ней всего 200 с небольшим. Тем не менее два года назад в Тарском построили вторую школу — для ингушских детей. Это Султан долго и упорно «пробивал», чтобы ингушским детишкам тоже было где учиться: за овраг-то им путь заказан.

В Спецпредставительстве рассказывают, что многие руководители местной власти в Пригородном поощряют такую сегрегацию. Объясняя, почему ингушские и осетинские дети должны учиться поврозь, обычно говорят: детских драк в школе не избежать. Обычные драки между мальчишками — ничего страшного, но если подерутся ингуш с осетином, сразу придут разбираться старшие братья, а потом и отцы, и вспыхнет межнациональный конфликт. Проще не пересекаться. Но вот в селе Куртат того же Пригородного района с прошлого учебного года ингуши и осетины ходят в одну школу. И еще есть пять школ в районе, где учатся вместе. Спецпредставительство гордится каждым этим случаем. Директор школы в Куртате признается,

что с большой опаской согласилась принять в школу ингушских детей. По ее словам, до 92-го в школе из более чем семисот учеников было всего восемь ингушей, и все девочки. «Мальчики учились в соседнем селе, в Октябрьском. Их в нашей школе били». После войны, которая по Куртату прокатилась очень жестоко, школа сначала вообще не работала: и осетины, и ингуши покинули село. Первые бежали от ингушей, вторые от российской армии. Потом стали появляться осетины. С 1996-го стали возвращаться ингуши, но детей учили в школе села Дачное — это поселок, практически сливающийся с Куртатом (у них и сельсовет общий), но там до войны ингуши были в подавляющем большинстве. Сейчас Дачное вообще стало мононациональным. Как только стало понятно, что ингушские беженцы туда возвращаются, все осетины покинули свои дома: заявили, не желают жить с ингушами. Североосетинские власти безропотно нашли для них жилье. Так вот, осенью 2001-го ингушские родители Куртата дружно забрали своих ребят из Дачного и потребовали, чтобы их приняли в куртатскую школу. Директор получила предупреждение от прокурора, что не имеет права отказать. Школьный физик говорит, что преподавать сразу стало интереснее: «Знаете, многонациональный состав — это очень здорово. Дети как-то ожили». Директор и завуч не столь оптимистичны: «Сейчас-то вроде получше. А сначала очень дрались». Ингушка Малика, мама местного десятиклассника, подтвердила: «Первый год так страшно дрались, у меня каждый день сердце ныло. Сейчас поспокойнее». Привыкли.

В Куртате, где ингуши с осетинами никакими оврагами не разделены и живут вперемешку, обстановка куда более здоровая, чем в Тарском. Почти все куртатские осетины, с которыми довелось перемолвиться словом, говорят, что возвращение ингушей — это хорошо. Может, они так и не думают, но по крайней мере считают нужным так говорить. Здесь соседи здороваются на улицах, кто бы какой национальности ни был. А в Тарском ингуш с осетином здороваются, только если встретились один на один, чтобы сосед не дай Бог не видел. Беженка, восстанавливающая свой дом в Куртате, рассказывала с явным удовольствием, как соседка-осетинка нет-нет да и вынесет ей пирога и сыру, чтобы силы подкрепить. В Куртате даже начали понемножку ходить друг к другу на свадьбы и поминки.

Лиха беда начало

В Спецпредставительстве считают, что задача возвращения вынужденных переселенцев решена более чем наполовину. Из 42 тысяч, состоящих на учете в Спецпредставительстве, более чем 21 тысяча ингушей открыли счета на строительство, восстановление или покупку жилья. В Ингушетии убеждены, что задача возвращения только-только начала решаться. Во-первых, реально вернулась не 21 тысяча, а гораздо меньше: всего тысяч 11-12. Кто-то открыл счет, но все никак не построишь, кто-то вообще купил дом в

другом месте. Тысячи людей продолжают жить в вагончиках в селе Майское Пригородного района, где создана своеобразная резервация для беженцев. Во-вторых, во многие села осетинские власти до сих пор не пускают беженцев. Например, в уже упоминавшийся райцентр Октябрьское — осетинские власти провозгласили, что здесь ингушей не будет. За этот принцип держатся мертвой хваткой. Когда силами Спецпредставительства удалось вернуть десять ингушских семей на улицу Мира, районное начальство распорядилось передать ее в село Дачное. Не пускают еще в несколько сел, которые провозгласили «зоной водозабора». Якобы оттуда будут отселять всех жителей. Но пока отселили всего пять осетинских семей, которые жили совсем уж в развалах. Остальные осетины продолжают как ни в чем не бывало обитать в Южном, Чернореченском и прочих селах, а ингушам туда путь заказан. Спецпредставительство посылало в Москву в Министерство природных ресурсов запрос насчет «зоны водозабора»: насколько оправданы ограничения на проживание. Но ответа до сих пор не получило.

Что говорить, возвращение беженцев идет нелегко, тормозится осетинским начальством и населением. Российским властям, как всегда, не хватает силы воли. И все же, думается, решающий перелом произошел: рухнул сам миф о «невозможности совместного проживания». Кстати, в 1999 году это пресловутое постановление было без лишнего шума отменено. Правда, настолько тихо, что ни в Осетии, ни в Ингушетии многие по сей день не подозревают о его отмене. Но опыт Куртата красноречив: ингуши и осетины потихоньку возвращаются к совместной жизни.

«Еженедельный журнал», 13.01.2003

БЕЖЕНЦЫ СДАНЫ НА КОМИССИЮ

Президент не узнает правду. Члены комиссии, созданной по его распоряжению, не могут прийти к согласию

Десятого декабря, в День прав человека, Владимир Путин встречался с комиссией по правам человека при президенте РФ, возглавляемой Эллой Памфиловой. Во время встречи член комиссии, председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева заговорила о судьбе беженцев и рассказала Путину про принудительное выселение людей из Ингушетии в Чечню.

В начале декабря минувшего года казалось, что чеченцев-беженцев в самое ближайшее время неизбежно выселят из Ингушетии обратно в Чечню. Люди в камуфляже и в штатском, прохаживаясь по беженским палаткам, так и говорили: «К 20 декабря вашего лагеря не будет». Эти личности в основном представляли Комитет по делам беженцев Чеченской Республики (это республиканская структура, не подчиняющаяся непосредствен-

но соответствующей федеральной), но были среди них и работники Федеральной миграционной службы МВД, и офицеры ФСБ. Высокопоставленные чеченские чиновники тоже не раз заявляли, что к Новому году вынужденные переселенцы вернутся в республику. В первых числах декабря, как и сулили, ликвидировали палаточное поселение в беженском лагере «Иман», находившееся в ингушском поселке Аки-Юрт. Беженцев не выдворяли под конвоем, палатки не сносили бульдозерами, но акция производилась под жесточайшим моральным давлением (см. «Журнал» № 48).

«Те, кто докладывает вам, что люди уезжают из Ингушетии добровольно, — сказала Алексеева на встрече с президентом, — врут». По словам очевидцев, президент начал было говорить о чеченской войне вообще, о том, что она стала ответом на вторжение в Дагестан, об экспансионистских планах Хаттаба и Басаева, но Алексеева вернула его к теме беженцев, и Путин в конечном счете признал, что возвращаться люди должны добровольно. В итоге решили создать «Комиссию по обследованию положения перемещенных внутри страны лиц из Чечни в палаточных лагерях Ингушетии». В комиссию, кроме Алексеевой, вошла Светлана Ганнушкина, глава правозащитной организации «Гражданское содействие», занимающейся проблемами миграции и беженцев, сама Памфилова и ее помощник Максим Лесков. Было решено также, что в работе комиссии примут участие представители власти: министр, ответственный за восстановление социально-экономической сферы Чеченской Республики, Станислав Ильясов и первый заместитель начальника Федеральной миграционной службы МВД РФ Игорь Юнаш. И Юнаш, и Ильясов так или иначе несут ответственность за выселение чеченского лагеря в Аки-Юрте: Ильясов в бытность главой правительства ЧР не раз повторял, что беженцы должны скорее вернуться в Чечню, а Юнаш лично присутствовал в Ингушетии в тот период, когда выселяли лагерь, и уверял, что все уезжали добровольно.

У «Журнала», как и у российских правозащитников, тщетно пытавшихся остановить выселение «Имана», не было сомнений, что намерения убрать беженцев из Ингушетии к концу прошлого года осуществляются. Однако вот уже конец января, а чеченцы по-прежнему живут в палатках в Ингушетии, и лагерь «Иман» на сегодня — единственный выселенный. Мало того, тем, кто не уехал из Аки-Юрта, в последнее время стали выдавать вместо палаток щитовые домики. Школа для беженцев в Аки-Юрте, прекратившая было работу в начале декабря, теперь вновь открыта для тех двухсот детей, чьи родители кое-как разместились в домиках и ларьках, а новый комендант восстановил в правах триста человек, что были принудительно сняты с довольствия. Незваные гости в камуфляже не прекратили вовсе свои визиты в беженские лагеря, но в последнее время, по свидетельству чеченцев, появляются нерегулярно и ведут себя не столь агрессивно. Словом, на сегодняшний день процесс выдворения чеченцев из

Ингушетии приостановлен. Вопрос в том, произошло ли это из-за того, что кто-то влиятельный наверху внял голосу разума, или просто власти выжидают, когда утихнет шум, поднятый по этому поводу правозащитниками, чтобы в тишине спокойно довершить начатое.

Комиссия ездил по Грозному и Ингушетии 26-29 декабря. Ильясов по понятным причинам полноценно участвовать в работе комиссии не мог: 27-го, примерно через час после того как члены комиссии покинули Дом правительства в Чечне, там произошел страшный взрыв, и министру пришлось заниматься ликвидацией последствий. Остальные посетили три пункта временного размещения (ПВР, так называют в Чечне пятиэтажные здания, специально построенные для беженцев) и несколько беженских лагерей. Конечно, местные власти подготовились к приезду комиссии.

«Повсюду, — рассказывает Светлана Ганнушкина, — нас встречали речью о том, как все здесь благодарны чеченскому (в Ингушетии — ингушскому) правительству, как хорошо им, как спокойно у них все и как они ни за что не допустят никаких провокаций». Почему-то всегда эту роль исполняла женщина одного и того же типа — маленькая, плотная, так что Алексеева в шутку предположила, что это одну и ту же все время перевозят с места на место. Было очевидно также, что остальные люди кем-то строго проинструктированы и боятся сказать лишнее. «Те, кто в прошлый мой приезд в конце ноября, — вспоминает Ганнушкина, — охотно шли на контакт, рассказывали о своих страхах и бедах, на сей раз предпочитали отмалчиваться. Приходилось предпринимать специальные усилия, чтобы их разговорить».

К примеру, Роза, комендант одного из ПВР, которая в ноябре рассказывала Светлане Алексеевне, как переживает за своего сына — студента Грозненского университета, как боится, что парня заберут на улице или прямо из университета и он исчезнет, как уже исчезали его однокашники, на сей раз при «высоком начальстве» все твердила, что в городе «совсем спокойно». И только когда Ганнушкина прямо спросила, спокойна ли она, когда сын уходит на занятия, та, глянув с упреком, честно ответила: «Ни одной минуты». Учительница беженской школы в Аки-Юрте, которая в прошлый раз жаловалась, что ее, как и почти всех учителей, сняли с довольствия, теперь отрезала: «Не хочу ничего говорить». И все же, пусть не так охотно и горячо, как в отсутствие чиновника из МВД, люди в общем говорили то же, что и всегда в таких случаях: что всей душой рвутся на родину в Чечню, но не поедут туда до тех пор, пока не будет гарантий безопасности, что боятся терактов, но еще больше «зачисток», в ходе которых людей забирают, иногда навсегда, а иногда они возвращаются покалеченные и почти всегда страшно избитые и униженные. Что главное их желание — чтобы в Чечню пришел мир. Что их пугают те, кто требует скорейшего возвращения. И еще их пугают войска, которые в ноябре разместили

близ беженских лагерей. Чеченцы говорят: «Мы от них убежали, а их нарочно к нам привели». В конце ноября троих беженцев из лагеря «Спутник» избили солдаты расквартированной рядом части. Накануне приезда комиссии в лагере «Белла» произошел инцидент: двое срочников, сбежавших из части, спрятались в лагере. Их задержание на территории «Беллы» сопровождалось перестрелкой. Можете вообразить себе, что чувствуют беженцы, когда у них над ухом звучат автоматные выстрелы.

В Грозном много беженцев, которых принудительно переселили туда из Знаменского. Знаменское — райцентр спокойного северного Надтеречного района, из тамошних пунктов временного размещения людей зачем-то заставили переехать в грозненские. К тому же многим не хватило места. В пункте по улице Маяковского, 119, числятся 1700 человек, а живут там только 800: остальные ютятся по знакомым и незнакомым и ждут места в строящемся доме по адресу: улица Маяковского, 111. Но этот дом, как заявляют местные власти, предназначен для тех, кого переселяют из Ингушетии. То есть на самом деле в Чечне не только опасно — вернувшимся беженцам там просто негде жить.

Обо всем этом Алексеева и Ганнушкина написали в своем отчете буквально через два дня после возвращения. Отчет до сих пор не завизирован ни Ильясовым, ни Юнашем, хотя оба чиновника тотчас получили проект документа. На Ильясова, впрочем, трудно за это обижаться: он не мог видеть и слышать всего, о чем написано в отчете. С Юнашем сложнее: он принципиально не соглашается с правозащитниками. Он, как и все его ведомство, категорически отрицает, что в ходе возвращения беженцев в Чечню имело место принуждение. Надо сказать, у МВД в этом вопросе сильная позиция: «Журнал» рассказывал, как все жители «Имана» плача подписывали заявления о том, что просят поставить их на учет, как временно перемещенных лиц, в Чечне в связи со снятием с учета в Ингушетии. Людей фактически вынуждали подписывать эти заявления, но строго следили за тем, чтобы подписи были. Однако люди, оставшиеся на территории «Имана», те, что живут в ларьках и раздаточных пунктах, рассказывали, как именно происходила ликвидация лагеря. Юнаш не пожелал услышать. Зато при обсуждении отчета он вдруг принялся рассказывать, будто ему жаловались беженцы: дескать, являются всякие «эmissары» и уговаривают не возвращаться в Чечню.

«Интересно, — размышляет Ганнушкина, — почему никто больше из членов комиссии не слышал ничего подобного? И почему Игорь Борисович не подвел собеседника, возмущавшегося «эmissарами», ко мне, Алексеевой или Памфиловой?» Каждый слышит, что хочет: Абдул-Хаким Султыгов, уполномоченный по правам человека в Чечне, тоже уверял в передаче на «Эхе Москвы», что у него нет ни одной жалобы на принудительное выдворение в Чечню.

При желании замруководителя ФМС мог бы выразить солидарность хотя бы с «рекомендательной» частью отчета, дистанцировавшись от описательной. Правозащитники рекомендуют: признать несвоевременным возвращение беженцев в Грозный и другие опасные районы Чечни; обеспечить жизнедеятельность лагерей, постепенно и исключительно добровольно расселяя людей в более приспособленные помещения в безопасной зоне; ускорить сборку щитовых домиков и создать условия тем, кто хочет вернуться из Чечни в Ингушетию; предложить правительству РФ увеличить расходы на проживание беженцев за пределами Чечни и ускорить разработку постановления об адресной компенсации жителям Чечни утраченного жилья и имущества; просить Минобороны изменить дислокацию частей в Ингушетии; просить международные организации помочь с устройством быта и рабочих мест.

Представитель ФМС не сделал даже попытки согласовать позиции. Памфилова из всех сил старается нащупать какие-то точки соприкосновения «своих» правозащитников и государственных чиновников. Ее мотивы понятны: если бы удалось составить общий документ, подписанный одновременно и Ганнушкиной с Алексеевой, и Юнашем, эффект от работы комиссии был бы несоизмеримо большим, нежели теперь. Но трудно соединить несоединимое: МВД и правозащитники существуют словно в разных реальностях, и даже три дня работы бок о бок с одними и теми же людьми не изменили этого положения. «Журналу» стало известно: на заседании правительства Юнаш говорил, что Ганнушкина и Алексеева «отмывают деньги, утверждая, будто беженцев насильно загоняют в Чечню». «Диалога с МВД пока не получается», — с горечью констатирует Ганнушкина.

Вот это и настораживает. Если бы безумный проект принудительного возвращения беженцев в Чечню был окончательно отринут, вряд ли в МВД так упорно отказывались бы признать, что с Аки-Юртом допустили ошибку, и уж во всяком случае могли бы поддержать предложения правозащитников об увеличении средств, предназначенных для беженцев. Но судя по тому, что ничего такого не случилось, в Министерстве внутренних дел по-прежнему вынашивают идею в ближайшее время вернуть всех беженцев в Чечню. Если это так, тогда выселение приостановлено временно, в ожидании президентской реакции. А президент распорядился создать комиссию и на этом, как видно, успокоился: с тех пор ни слова не сказал о беженцах. Получается замкнутый круг: отчета комиссии нет, пока он не завизирован государственными чиновниками, реакции президента нет, пока нет результатов работы комиссии, а МВД замерло в ожидании президентского слова.

«Еженедельный журнал», 28.01.2003

ВСЕ НА ПРИЕМ КОНСТИТУЦИИ!

После референдума чеченцы без малейшего удивления обнаружат, что их опять обманули

На полу груда овечьей шерсти. «Матрас себе делаю. У меня же ничего нету». Моя собеседница — из горного Итум-Калинского района. Здесь, в Грозном, ютится в пустой (хозяева в Ингушетии), чудом уцелевшей квартире разбомбленного многоэтажного дома: ее собственный дом был полностью разрушен, все имущество сгорело. Я спросила про референдум, и она тотчас вся подобралась и заговорила, как в телевизоре: «Обязательно надо идти на референдум. Мы все хотим мира и порядка. Нужно, чтобы был закон...»

Это новое по сравнению с первой войной. Тогда люди боялись бомбежек и зачисток, но совершенно не боялись откровенно разговаривать с приезжими журналистами. Теперь явно опасаются провокаций. Большинство грозненцев, которых я спрашивала о референдуме, начинали говорить неестественными голосами и «телевизорными» словами. Если беседовать с человеком долго и заставить проникнуться к тебе доверием, он, как правило, признается, что никаким затеям Москвы или Кадырова не верит, голосовать не хочет и вообще убежден, что главное для мира и порядка — убрать из Чечни войска. Вот торговка Зура, полная и востроглазая, все отказывалась разговаривать, отворачивалась от камеры к своему лотку: «Некогда мне, я товар выкладываю». Но как услышала, что ее товарка нахваливает референдум, не выдержала: «Да после этого референдума еще хуже станет! Скажут: вы не оправдали доверия, и еще больше солдат нагонят! Не будет от этого добра!» Марет, громкоголосая, общительная мать троих детей, тоже не скрывала, что голосовать не собирается: «Как туда пойдешь? Вот 31 декабря детям елку устраивали, чтобы хоть какой-то праздник у наших детишек был. Так эту елку пришли двое минировать. Ребята их поймали, избили и отпустили. Зачем отпустили? Надо было на месте расстрелять». Идея сдать преступников в правоохранительные органы не приходит ей в голову, как не приходит и подавляющему большинству ее сограждан. «Так если елку минировать, что же с участием для голосования сделают?» — продолжает Марет.

Два адвоката, скучавшие в своем офисе в ожидании клиентов, охотно согласились пообщаться. «Мы за референдум, — завел было первый. — Мы считаем, что нашему народу нужен закон, нужна конституция». — «А вы читали конституцию?» Оказалось, нет, не читали. Пришлось рассказать о некоторых особенностях переходных положений. Дело в том, что согласно этим положениям выборы парламента должны состояться не ранее, чем через три месяца после принятия конституции, а выборы президента не ранее, чем через три месяца после выборов парламента. Верхнего же ограничения срока нет — можно ждать с выборами хоть до скончания века. При

этом исполнять обязанности президента должен глава республики. Таким образом, Кадыров остается у власти на неопределенно долгий срок. «Так не годится!» — сокрушенно сказал адвокат. И тут прорвало его товарища, дотоле молчавшего: «Зачем вообще все это надо? Разве Чечня не часть России? Разве на нас не должно распространяться действие российской Конституции? Так почему, если здесь не действует российская Конституция, будет действовать чеченская? Все это только затем и понадобилось, чтобы сделать Кадырова легитимным главой! Нас это не устраивает!» Надо сказать, как ни стараются чеченцы демонстрировать свою лояльность нынешнему порядку, доброго слова о Кадырове ни от кого не услышишь. Когда я спрашивала об отношении к главе республики, самые боязливые прятали глаза: «Я его не знаю. Люди разное говорят». А большинство все же признавалось: «По правде сказать, не видно, чтобы он что-то хорошее сделал».

Люди и судьбы

На весь подъезд уцелела всего одна комната. В ней кое-как сляпанная печка, все стены покрыты слоем копоти. В комнате живут двое русских мужиков: Александр Матвееч кажется немолодым, Володе на вид нет и тридцати. Матвееч с Володиной не бичи, не бомжи, они нормальные люди, когда-то работали газосварщиками и жили в хороших комфортных квартирах. Теперь от прежней жизни у Матвееча остался только старенький «Москвич». У Матвееча нынче разнесло физиономию — флюс. Вырвать зуб стоит 45 рублей, у него сейчас таких денег нет, вот и мучается, даже на работу не пошел. Работа — добыча конденсата. Они вшестером, трое русских и трое чеченцев, качают из ямы конденсат и продают его тем, кто гонит бензин. «Крышу» им держит ОМОН. «Хороший ОМОН», по словам Матвееча, московский или питерский. Но бывает подлый ОМОН, кажется ханты-мансийский, черт его знает, те омововцы его неделю избивали. У них в подъезде кто-то поставил растяжку, и чеченец из их бригады на той растяжке подорвался. Омововцам поручили расследовать. Ну, они схватили первого попавшегося — Матвееча — и стали бить, чтобы признался. Семь дней держали у себя и каждый день лупили по плечам и руки выкручивали. Потом отпустили. Тот, что сильнее всех бил, на прощание Матвеечу сказал: «Больше, небось, на своей тачке ездить не сможешь!» — думал, что совсем ему руки испортил. Матвееч на них жаловаться не пошел: отпустили, и ладно, хуже бы не было. Почему не уезжают? Некуда и не на что. Родня в Новом Узене — «там еще хуже, чем тут; там такой национализм, от казахов все плачут». Да и жилье не на что купить. Тут хоть эта берлога имеется, и есть надежда, что когда-нибудь заплатят компенсацию за квартиру. Вопросу о референдуме Володя с Матвеечем безмерно удивились: «Какой референдум? Нам работать надо. Заработаем, тогда будет нам и порядок, и все будет нормально. И зуб можно будет вырвать».

О том, что им не до референдума, говорили многие чеченцы, особенно из числа беженцев в Ингушетии — там народ вообще высказывается куда свободнее, чем в Грозном. «Что вы, где нам на референдумы ходить! Надо черемшу собирать. Сейчас черемшу продашь — немножко заработаешь. А потом она сойдет, так и вообще без копейки сидеть будешь».

Поспешно принятое правительством РФ решение о компенсациях чеченцам за ущерб, нанесенный военными действиями, все рассматривают как подачку к референдуму и не верят, что им и в самом деле заплатят. «Сейчас, конечно, будут обещать реставрацию, — мой собеседник упорно называет компенсацию реставрацией. — Они если что-то направят, Кадыров свой живот набьет, второй, третий, десятый. Если мне 70 тысяч полагается, хорошо если мне из них 20 достанется. Нет, пока мне на мой счет реставрацию не перечислят, пока я в своем кармане деньги не увижу, я ни на какой референдум не пойду».

А вот Заурбек искренне верит в референдум и обязательно на него пойдет. Заурбеку 21 год, и он, сколько себя помнит, работает с отцом на стройке. Сосед рассказал потихоньку, что отец заставляет парня вкалывать с малых лет. Заурбек очень огорчается, что не умеет толком читать и писать: «Немножко могу, но так, не быстро». Он хочет, чтобы Чечня была в составе России. «Разве в составе России плохо жили? Магазины были, школы работали, даже мин не было. Можно было пойти в лес и на травке валяться. А теперь корову пасти нигде, барашка пасти нигде — всюду мины». Он сам не больно-то помнит, как оно было в составе России. Слышит рассказы взрослых и рисует себе эдакий рай. Он мечтает, что такая жизнь вернется после референдума: Чечня проголосует за то, что она в составе России, Россия увидит, что воевать с чеченцами больше не надо, и война кончится. Таких наивных, как Заурбек, конечно, немного. Даже его приятель-ровесник, что стоял рядом все время, пока мы беседовали с Заурбеком, категорически не желает идти на референдум: «Не знаю почему. Не пойду, и все».

Бадруди лет сорок. Он беженец, живет в Ингушетии в палаточном лагере. Зарабатывает на жизнь тем, что делает трансформаторы. Бадруди никак не решит, идти ли на референдум. «С одной стороны, надо бы уже определиться, с Россией мы или против. Хотя зачем мне с Россией воевать? Что мне с русскими делить? Я лучше в Россию торговать поеду. Но, сказать по правде, доверия у меня ни к кому нет, ни к российским властям, ни к Кадырову, ни к боевикам. Я от всех сбежал, в палатке сижу». На экране телевизора, пока Бадруди рассуждает, появляется Путин, и наш собеседник прерывает свой монолог о референдуме: «Вот мужик работает! То он туда поехал, то сюда, даже с лица похудел. Еще бы, за этим поросенком Ельциным такие завалы надо выгребать. Очень сильно работает». Бадруди умолкает на минуту, потом добавляет с горечью: «Но я не знаю, чеченцам от его работы лучше станет или хуже». И выносит, наконец,

свой приговор референдуму: «Если прямо к палатке приедут с урной, тогда проголосую, а специально куда-то идти — не пойду».

Все равно придут

Председатель чеченского Избиркома Абдул-Керим Арсаханов сообщил «Журналу»: «Подготовка к референдуму идет в полном соответствии с утвержденным положением. Через пару дней сможем сообщить о полной готовности нашей избирательной системы». Чеченское отделение правозащитного центра «Мемориал» распространило анкету об отношении к референдуму. Распространяли небольшими порциями по селам, по подъездам грозненских домов, по вузам и учреждениям. На сегодняшний день вернулось 175 анкет. Анкета анонимная, так что люди отвечали без опаски. Конечно, результаты не могут претендовать на социологическую репрезентативность, но понять подлинные настроения чеченцев позволяют. Из 175 всего 29 человек сказали, что примут участие в референдуме. 62 еще не решились, 84 определенно заявляют, что не придут.

При этом все как один утверждают, что в нынешней Чечне нет условий для свободного волеизъявления. Из тех, кто собирается голосовать, 12 верят, что после референдума кончится война, несколько человек надеются, что будут выборы и сменится власть, а многие отвечают, что пойдут на референдум, потому что иначе их бюллетень фальсифицируют. На удивление много — 49 человек — заявляют, что не пойдут на референдум, потому что не считают Чечню субъектом РФ. Особенно часто студенты. Что, впрочем, понятно: чеченская молодежь — те, кто был пацаном в первую войну и помнит, как героями вернулись с войны старшие братья, те, кто подрастал в межвоенные годы, лелея идею независимости, — в массе своей настроена антироссийски. Многие выражают в анкете негодование по поводу того, что в референдуме наряду с чеченцами будут принимать участие и военные из тех подразделений, что дислоцированы в республике на постоянной основе. «Почему какой-нибудь Ваня из Тулы должен за меня решать, по какой конституции мне жить?» — доводилось слышать, правда, при условии полной анонимности. На вопрос о том, что ждет Чечню после референдума, большинство, в том числе и среди тех, кто собирается голосовать, отвечает: «Все останется прежним». Но немало и таких, кто считает, что ситуация ухудшится.

Многие выражают сомнение в том, что подсчет голосов будет честным: «А что там идти? Все равно за нас все решат, как надо подсчитают. 99 процентов насчитают, это точно». Все вспоминают выборы главы республики, которые устроил в 1995-м Доку Завгаев. Тогда и участков-то избирательных почти не открывали — так, штуки три в Грозном. А насчитали чуть ли не 80 процентов за Завгаева. «Ну и чем это кончилось?» — вопрошали мои собеседники, намекая на бесславный конец завгаевской карьеры.

Ответы на вопросы анкеты отразили отношение чеченцев к затее референдума — преимущественно настороженное, неприязненное. И все равно, думается, люди на референдум пойдут. Пресса и телевидение нагнетают вокруг него самые настоящие страсти. Кадыровская пропаганда предлагает дилемму: либо ты за референдум, то есть за мир, либо ты сторонник войны. «Вопрос о проведении референдума по принятию конституции ЧР вызывает зубовой скрежет ястребов войны и недобитого отребья, для которых война стала привычным и очень прибыльным делом» (весьма типичная цитата из популярной чеченской газеты «Зама» №13-14). Заместитель полномочного представителя Чеченской Республики при президенте РФ Ваха Байбатыров сказал «Журналу», что, по его оценкам, на референдум придут 95 процентов жителей республики. «Мои прогнозы основаны на том, что чеченскому народу, как и любому другому народу мира, нужна своя государственность, своя конституция. Чеченский народ имеет на это право». Байбатыров уверяет, что «напряженность в республике создают Запад, Ближний Восток, ее создает пятая колонна в России, которая развалила Советский Союз и теперь хочет развалить Россию». Вряд ли многие жители Чечни рискнут расписаться в том, что они «пятая колонна», и проигнорировать референдум. Не дай Бог, решат, что ты сочувствуешь ваххабитам или боевикам. Люди убеждены, что в этом случае они могут просто исчезнуть, как исчезли бесследно их знакомые или родственники. Исчезновение людей — главная, самая острая и больная проблема нынешней Чечни. Об этом говорят все — любой собеседник выходит на эту тему: «У нас похищают людей — это самое страшное».

Самое страшное

Исчезают после задержания на блокпостах или из дома: ночью либо на рассвете врываются люди в камуфляже и уводят в неизвестном направлении. Родственники бегают по комендатурам, отделениям ОВД и ФСБ, и всюду им отвечают, что такой-то у них не содержится, что никакой спецоперации их подразделение не проводило и кто забрал их родича, понятия не имеют. Потом прокуратура заводит дело об исчезновении. Через несколько месяцев закрывает его за отсутствием подозреваемых. Иногда за это время успевают найти труп. К примеру, в середине февраля нашелся обезглавленный и с оторванными руками труп исчезнувшей в конце января Седы Хуриковой, сестры известного покойного полевого командира ваххабита Цагарева. Чаще человек пропадает бесследно. Большинство моих грозненских собеседников ссылались на собственный горький опыт: «У меня двоюродного брата забрали. Уже скоро год, как ничего о нем не знаем», «У меня племянника ночью задержали. Родные с ног сбились, не нашли».

Говорят, в Чечне практически не осталось семьи, где бы кто-то не погиб или не пропал. Масштаб проблемы таков, что Кадыров и все прочее чеченское начальство в своих выступлениях в республике не могут обойти эту те-

му. При этом простые чеченцы, разумеется, убеждены, что люди в масках — сотрудники российских силовых ведомств: приезжают чаще всего на бэтэрах, говорят по-русски без акцента. Хотя стало известно, что в ряде случаев людей уводили «кадыровцы» — люди из подразделения кадыровского сына Рамзана, или «ямодаевцы» из подразделения Сулима Ямодаева, но, как правило, это дело рук федералов. Часто чеченцы говорят, что людей уводят сотрудники ГРУ. Есть ли для этого какие-то основания, проверить, разумеется, невозможно. Чеченское начальство высказывается насчет виновников похищений осторожнее. «Это могут быть бандиты, переодетые в форму российских войск, или такие же бандиты из числа военнослужащих», — говорит в одном из интервью начальник управления Минюста РФ по ЧР Бек Басханов. Шейхмед Абдурахманов, начальник отдела по розыску без вести пропавших лиц Управления законности, правопорядка и по работе с военнослужащими администрации ЧР, рассказал в интервью газете «Вести республики», что число без вести пропавших постоянно растет. В 2000 году официально зарегистрирован 141 такой случай, в 2001 году — 279, а только за 9 месяцев 2002 года (более поздних данных еще нет) — 654. При этом далеко не все пострадавшие обращаются в официальные инстанции, поскольку справедливо не верят в их эффективность. Такого, чтобы прокуратура или отдел по розыску Управления законности кого-нибудь разыскали, не было ни разу.

По данным «Мемориала», похищения людей особенно участились с ноября 2002 года, с тех пор, как потихоньку стали сходить на нет «жесткие зачистки». По всей видимости, это те самые «адресные спецоперации», что пришли на смену зачисткам. Что касается «адресности», разговор особый. Иногда, как в случае с Седой Хуриковой, забирают родственников боевиков. Но чаще проследить связь задержанных с боевиками соседи и односельчане не могут. Известны случаи, когда через некоторое время после исчезновения человека у родственников появлялся посредник, который объяснял, что за известную сумму можно увидеть своего родича дома. Наверняка на самом деле случаев, когда отпускают за выкуп, больше, чем удалось установить тому же «Мемориалу», — обычно родные предпочитают скрывать, что платили за освобождение. Но еще больше эпизодов, в которых не просматривается даже корысти, и именно это повергает чеченцев в ужас — невозможно угадать, кто и почему станет следующей жертвой.

Агитаторы за референдум особенно упирают на то, что после него похищения людей закончатся. К примеру, тот же Бек Басханов в уже цитировавшемся интервью говорит: «Скоро мы проведем референдум, примем конституцию Чеченской Республики и тогда, поверьте мне, сумеем наказать любого, кто нарушит ее законы, будь то военный чин или рядовой гражданин». Во многом на этом построена вся кампания пропаганды. Логика тут, понятное дело, никакой: почему это вдруг после референдума по чеченской конституции федеральные подразделения прекратят «адресные

спецоперации»? Но людям безумно хочется верить, что этому кошмару настанет конец. Поэтому многие в глубине души лелеют надежду: референдум своего рода плата за возможность нормальной жизни, если Чечня проголосует за конституцию «в составе России», людей оставят в покое.

Можно не сомневаться, что референдум состоится. Почти наверняка явку и число голосов «за» насчитают больше, чем будет в реальности. Соответственно, в действие вступит конституция ЧР, которая будет иметь ко всему происходящему в республике такое же отношение, какое сейчас имеет российская. И измученные бесконечной войной чеченцы без малейшего удивления констатируют, что их в очередной раз обманули.

«Еженедельный журнал», 17.03.2003

ПОЛЕВОЙ КОМАНДИР ПО ПРОЗВИЩУ МУФТИЙ

Кадыров не выбирал свой жизненный путь.

Он действовал по обстоятельствам

Кадыров победил. Собственно, он единственный, кто безусловно выиграл от референдума. Конституция, за которую в минувшее воскресенье проголосовали чеченцы, писалась под его руководством и «под него». Пока обсуждался проект, раздавались здравые голоса, что Чечне на сегодняшний день больше подошла бы не президентская, а парламентская форма правления, что необходимость выбирать одно лицо неизбежно обострит межклановые противоречия, тогда как на заседаниях парламента представители разных тейпов, районов и кланов вынуждены будут искать консенсус. Но Кадыров настаивал — только президентская республика. «Полная власть в одних руках, иначе порядка не добиться», — заявлял он. Он думал не об одном президентском сроке, утверждая, что «в республике хотя бы на 10—15 ближайших лет нужен человек, который бы имел полную власть; он должен управлять единолично». И хотя при этом он тотчас добавлял, что вовсе не претендует сам на президентское кресло, сомнений в том, кто именно должен быть этим человеком, не возникало.

Пока все получилось, как он хотел: на референдум вынесли единственный проект, в котором прописаны весьма широкие президентские полномочия. Мало того, переходные положения принятой конституции предусматривают, что нынешний глава республики впредь до выборов президента исполняет его обязанности. А сами выборы теми же положениями отложены на неопределенно долгий срок: парламент избирается не ранее чем через три месяца после принятия конституции, а президент — не ранее чем через три месяца после выборов парламента. При этом верхнего предела «не позднее чем» не существует, так что тянуть с выборами под предлогом «нестабильности» можно сколько угодно. Ясно, что

Кадыров допустит выборы президента лишь тогда, когда сумеет использовать в полной мере административный ресурс — чтобы обеспечить если не голосование, то хотя бы подсчет голосов в свою пользу.

Из Москвы, с любовью

Организация референдума по своему проекту конституции — не первая, но самая серьезная аппаратная победа Кадырова с тех пор как он стал главой администрации Чечни. И на фоне этой победы ему уже не так важно, сдержит ли Кремль свои обещания начать сразу после референдума переговоры о разграничении полномочий между республикой и федеральным центром. Скорее всего, эти обещания будут похоронены вместе с другими «предреферендумными»: выплатить компенсации за потерю жилья и имущества в двух войнах (на эти компенсации у России просто нет денег), существенно сократить число блокпостов и присутствие войск.

Напомним, 28 февраля замруководителя администрации президента Владислав Сурков заявил: «В будущем договор, который заключат между собой федеральный центр и Чеченская Республика, может предусматривать самые гибкие схемы существования Чечни в составе России. Даже для тех, кто до сих пор не хотел видеть Чечню в составе России, можно найти приемлемые формы».

13 марта во время краткосрочного визита в Чечню аналогичные речи произнес глава администрации Александр Волошин, а 17 марта — сам президент в своем обращении к чеченскому народу. Кадыров вроде бы с энтузиазмом комментировал обещанное разграничение полномочий. Он утверждал, что слова Суркова «выбивают почву из-под ног тех, кто говорил о стремлении федерального центра лишить чеченцев своей государственности» и что путинское обращение «будет содействовать достижению мира и согласия на чеченской земле». (Интересно, каким образом? Можно подумать, боевики, растрогавшись от слов президента, перестанут взрывать и обстреливать, а российские войска в ответ пытаться и убивать.) Вместе с тем Кадыров неоднократно подчеркивал, что «Чечне не нужен никакой особый статус», потому что «чеченский народ в полной мере испытал на себе прелести независимости». То есть никакой политической самостоятельности сверх той, что имеет средний российский регион, Чечня добиваться не будет. По мнению главы республики, Чечне подошли бы «широкие полномочия в сфере экономики». Другими словами, Кадыров давал понять, что добиваться будет исключительно налоговых, таможенных и прочих льгот, а никак не суверенитета. Уже ясно, что, получив по конституции политические гарантии, Кадыров сделает все возможное, чтобы добиться личного контроля над дочерними структурами крупнейших федеральных монополий «Грознефтегазом» и «Нурэнерго». Непосредственно перед референдумом ходили слухи, будто в Кремле об-

суждается вопрос о грядущем превращении Чечни в свободную экономическую зону, наподобие той, что существовала в Ингушетии. Разумеется, Кадыров не отказался бы от такой возможности. Однако он не может не понимать, что вероятность этого ничтожна. Ингушский опыт считается в правительстве и в Кремле неудачным, неблагоприятным для российской экономики. А стимулов задабривать чеченцев теперь, после того как референдум подтвердил присутствие Чечни в составе России, больше нет.

Что же до политической самостоятельности, кадыровское нежелание за нее бороться более чем понятно. Глава республики крайне непопулярен. Московская социологическая фирма Validata, проводившая перед референдумом в Чечне социологический опрос и получившая на удивление благоприятные для федерального центра результаты, насчитала ему рейтинг всего в 12 процентов. На глаз, если просто разговаривать в Чечне с людьми, кажется, что и этого нет. Про Кадырова говорят, что он коррумпирован, что бесцеремонно проталкивает на бюджетные должности своих родственников и свойственников, что его охрана (возглавляемая, кстати, его сыном) превратилась в бандитскую структуру, нападающую не столько на боевиков, сколько на авторитетных и вполне лояльных к федеральному центру людей, которые в перспективе могли бы составить Кадырову политическую конкуренцию. Насколько эти слухи обоснованны, судить трудно. Но им, похоже, верит подавляющее большинство чеченцев. Но больше всего, конечно, его обвиняют в том, что он не может покончить с бесчинством федеральных войск в отношении мирных жителей.

При назначении Кадырова на должность главы республики его кандидатуру поддержали лишь трое из 18 глав администраций районов. 12 из 18 обратились к Путину с просьбой его не назначать. Кроме того, 44 сотрудника временной администрации написали петицию, что не могут работать с бывшим лидером джихада. С тех пор Кадыров уже два с половиной года возглавляет республику, но большой любви к нему правящая чеченская элита, похоже, и сегодня не испытывает. Когда в январе нынешнего года разгорелся острейший конфликт главы республики с тогдашним председателем ее правительства Михаилом Бабичем, Кадырова активно поддержала лишь незначительная часть правящей верхушки — в основном те, кто был ему лично чем-то обязан. Большая часть не спешила выступить на стороне главы республики — при том, что Кадыров как-никак чеченец, постоянно живущий в Чечне, а Бабич был пришлый, проработавший к тому моменту всего три месяца. При таком к нему отношении оставаться лидером Ахмат-хаджи Кадыров может лишь с помощью Москвы.

По течению

В жизни Кадырова случались крутые повороты: был муфтием — стал главой республики, был ярым врагом России, объявившим против нее джихад,

— стал пророссийским из пророссийских, почитающим за главное благо «включение чеченского народа в единую семью российских народов». Но Ахмат-хаджи вовсе не мятущийся искатель истины. Все крутые виражи в его жизни не результат самостоятельного решения, они продиктованы обстоятельствами. Он стал духовным лицом, следуя семейной традиции: отец и дяди были священнослужителями. В середине 80-х закончил медресе «Мир-Араб» в Бухаре — единственное медресе в Советском Союзе, а затем единственный Исламский институт в Ташкенте. Был заместителем гудермесского имама. Сегодня в среде боевиков утверждают, что Кадыров уже тогда, когда получил направление в медресе от Гудермесского райисполкома, был связан с КГБ. (Почему-то в первую войну, когда Кадыров был на их стороне, боевиков это не смущало.) Очень может быть: в советские годы КГБ охотно вербовал «своих людей» среди духовных лиц. А если вспомнить, что в 2000 году, когда встал вопрос, кого назначить главой республики, кандидатуру Кадырова усиленно лоббировала ФСБ, это тем более наводит на размышления. Позже Кадыров продолжил образование в Иордании и, вернувшись на родину в 1991-м, вскоре стал заместителем муфтия Чечни.

В 1992 году разразился скандал: в Грозном распространились слухи, что Кадыров присвоил деньги, будто бы собиравшиеся с чеченских паломников на хадж. Согласно базе данных «Лабиринт», составленной информационным центром «Панорама», тогда против Кадырова было возбуждено уголовное дело, которое было закрыто личным распоряжением президента Дудаева, а потом попросту исчезло. Если это соответствует действительности, Кадырову ничего иного не оставалось, кроме как решительно поддержать первого чеченского президента во всех его начинаниях. Союз Дудаева с заместителем муфтия был предопределен. Чеченские муфтии, по крайней мере в советское время, сплошь были из рода Арсанукаевых, традиционно лояльного России. Главный муфтий не поддержал дудаевский курс на независимость. Дудаев, нуждавшийся в одобрении духовенства, естественно, апеллировал к его заму, у которого таким образом появлялась возможность самому стать муфтием. Так Кадыров оказался на стороне Дудаева, а с началом войны стал идеологом антироссийского сопротивления и главным надзирателем за «чистотой шариата» в дудаевской армии. В этот период он был очень близок и с Басаевым, и с Масхадовым.

После Хасавюрта Кадырова выбрали муфтием Чечни, и в силу своей должности он оказался на переднем крае борьбы с ваххабитами: ваххабиты не признавали муфтия, Кадырова и всех, кто считал его муфтием, называли «ненастоящими мусульманами». «Религиозные» противоречия на самом деле прикрывали борьбу за власть между вооруженными группировками. Ваххабиты организовали несколько покушений на Кадырова. Так получилось, что Кадыров оказался центром притяжения антиваххабитских сил. Естественно, в этом качестве он начал поддерживать Масхадова в его крепну-

щем противостоянии Басаеву и прочим проваххабитским политикам. Когда летом 1998-го братья Ямадаевы выгнали ваххабитов из Гудермесского района, он обратился к Масхадову с призывом покончить с засильем ваххабитов в республике, объявить их вне закона и изгнать из Чечни. Масхадов не внял — и был бы рад, но опасался, что начнется гражданская война и от него как от инициатора войны отвернутся многие его сторонники. Кадыров же после этого разочаровался в Масхадове. В июне 1999-го Ахмат-хаджи принял участие в попытке антимасхадовского переворота. На тайном совещании ичкерийских силовиков Кадырова избрали военным амиром, и он должен был, по замыслу заговорщиков, возглавить государство «в соответствии с нормами шариата». Однако переворот не удался, поскольку верность Масхадову сохранили командир Национальной гвардии и министр внутренних дел.

В августе 1999-го Кадыров осудил поход Басаева и Хаттаба на Дагестан — его затеяли и предприняли ваххабиты, стремившиеся освободить Северный Кавказ от российского присутствия. Подавляющее большинство чеченцев эту авантюру не одобрили. Позиция Кадырова тогда сомкнулась с позицией Москвы, и Москва не замедлила завербовать его в союзники. Он охотно примкнул к тому, кто виделся ему сильнейшим, объявил о неподчинении Масхадову и поддержал ввод в республику федеральных войск. В марте 2000 года Кадыров выступил с заявлением: в республике необходимо ввести прямое президентское правление, а главой республики, подчиняющимся непосредственно президенту, должен стать только чеченец, постоянно живущий в Чечне. К этому моменту было ясно, что Москва, выбирая претендента на пост главы республики, колеблется между Кадыровым и «московскими» чеченцами. Кадыров хотел повернуть ситуацию в свою пользу. На прямые вопросы журналистов неизменно отвечал, что «взялся бы за это дело». Кремль, поставив в итоге на Кадырова (в июне 2000 года он был назначен главой республики), намеревался подать сигнал боевикам-неваххабитам, что их не считают непримиримыми врагами, что союз с ними желателен и возможен. В итоге не сильный и вполне дюжинный человек Ахмат Кадыров оказался в должности, которая требует колоссальных сил и безоглядного мужества.

Меж двух стульев

За время пребывания в должности Кадыров показал себя мастером аппаратной интриги. Все конфликты, все споры за влияние — с Бесланом ли Гантамировым, с одним ли, с другим бывшими чеченскими премьерами — неизменно разрешались в пользу Кадырова. Он каждый раз умудрялся мобилизовать на свою сторону кремлевских покровителей. Это при том, что в Кремле уже довольно давно зреет недовольство. Идея нейтрализовать с помощью Кадырова часть боевиков так и не была реализована. Кадыров до середины 2002 года все намекал, а то и прямо говорил в некоторых интервью, что ведет переговоры о сложении оружия с Рус-

ланом Гелаевым. В случае удачи это стало бы крупнейшей дипломатической победой. Однако в сентябре 2002-го Гелаев со своими бойцами перешел из Грузии, где два года отсиживался после разгрома, обратно в Чечню и вновь взялся за оружие.

Силовиков раздражает к тому же, что Кадыров время от времени обрушивается на них с гневными отповедями за насилие над мирным населением. Зачастую его слова дышат искренней болью, так что видно: он произносит их не просто по должности. Ему бесспорно от души жаль своих земляков, но не настолько, чтобы всерьез поссориться из-за них с Москвой.

В декабре прошлого года три руководителя силовых ведомств Чечни написали в администрацию президента письмо, в котором обвиняли Кадырова во всех смертных грехах: в коррупции, связях с боевиками и даже скрытом сепаратизме. Казалось, после такого сильного «наезда» отставка Ахмата-хаджи неотвратима. Однако — и свидетельством тому референдум — он вновь сумел не только сохранить, но и упрочить свои позиции. Во-первых, Кадыровым недовольна лишь часть влиятельных московских политиков — у него по-прежнему остаются в Кремле сильные покровители. Во-вторых, недовольство недовольством, а менять Кадырова в Кремле боятся. Любой сильный и популярный лидер немедленно затеет тяжбу с Москвой за полномочия, опираясь при этом на чеченское население. А Кадыров, сколько бы ни выступал против зачисток или спецопераций, обречен всегда оставаться московским ставленником.

«Еженедельный журнал», 24.03.2003

Майнат АБДУЛЛАЕВА
(«Новая газета», Москва)

УЕЗЖАТЬ ИЗ ГРОЗНОГО НЕ ХОЧЕТСЯ. В ГРОЗНОМ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

**Если продолжать делать вид, что никакой Чечни не существует,
она когда-нибудь придет к вам**

Уезжать из Чечни не хочется. В Чечне хочется жить. И не только в смысле «быть живой». А просто — вставать на рассвете, заниматься домом, иметь этот самый дом. Радоваться или плакать, любить или ненавидеть, растить ребенка — почему-то именно здесь. На земле, где все балансирует на грани жизни и смерти. И грань эта зыбка, как нигде на свете...

Новости от «ТВ Ичкерии»

По разбитой, ухабистой дороге плетется колонна федеральных войск: несколько бэтээров, «Уралы», саперы с миноискателями по обочинам... Пешие солдаты то и дело приседают, занимая боевые позиции. На заднем плане видны крыши домов с курящимися дымоходными трубами.

Вдруг раздаются крики: «Аллах акбар!». Камера слегка вздрагивает. В ту же секунду один из бэтээров взрывается — и несколько бойцов картинно кувыркаются в воздухе. Сначала думаешь, что все это — постановочные кадры из бесчисленных российских боевиков про Чечню. Но — популярная в Ичкерии песня «Рай под сенью сабель» сопровождает документальный видеоряд: убитые и раненные дети, мертвый Хаттаб с подвязанной челюстью, руины Грозного и пикирующие штурмовики.

Время от времени, настраивая свой маленький аккумуляторный телевизор, натываюсь на программы официального телевидения Ичкерии. В первую войну были случаи, когда передачи «ТВ Ичкерии» перекрывали даже мощные сигналы центральных телеканалов, и неожиданно во время какого-нибудь ток-шоу в эфире появлялись видеокартинки с интервью Дудаева.

Теперь, чтобы узнать новости от «ТВ Ичкерии», нужно лишь научить ся настраивать телевизор.

Или вот. Выходишь поутру к подъезду, а там — кипа свежееотпечатанной газеты «Ичкерия», словно из воздуха вдруг появившаяся. Последний номер, к примеру, был посвящен Михаилу Бабичу и, скажем так, не лучшим страницам его биографии, связанным с уголовными делами.

Рай или Ингушетия?

Споры вокруг беженцев, живущих в Ингушетии, все не утихают. Ну никак они не желают вернуться к родным пепелищам. Официальные чеченские власти недвусмысленно намекают, что пребывание беженцев в Ингушетии на руку боевикам и те даже приплачивают им за «невозвращение». А мне кажется, что это вздор. Надписи на стенах домов в Грозном, к примеру, говорят об обратном. «В раю лучше, чем в Ингушетии» — гласит одна. Другая ей вторит: «Лучше конец абсурда, чем абсурд без конца». Или вот еще: «Месть слаще, чем гуманитарка».

В начале декабря из Ингушетии в Грозный вернулся мой знакомый, один из лучших компьютерщиков в городе. Открыл «свое дело» — компьютерные курсы, видеопрокат, ксерокс и ламинирование. Ровно через две недели его «зачистили». То есть не то чтобы совсем. Просто среди бела дня приехали люди на «уазике», в военной форме, вооруженные. Погрузили ксерокс и два компьютера в машину и вежливо уехали. Даже не расстреляли. Компьютерщик спешно собрал семью и уехал дальше, чем в Ингушетию. В Барнаул.

Рынок раздора

Недавно в Грозном произошло событие грандиозной местной важности. Центральный городской рынок, эта притча во языцех, за ночь снесли представители новой городской администрации. Буквально разровняли бульдозерами.

Сделано это было под вполне благовидным предлогом: рынок, мол, портит внешний вид исторического центра города и вообще не соответствует санитарным нормам. Для заметки: так называемый исторический центр — это груда зловонных развалин, разбирать которые вряд ли кто планирует. А санитарным нормам в Чечне не то что рынок — сама жизнь давно уже не соответствует.

Настоящая причина расправы с жалкими караван-сараями, как водится, другая. В Грозном ее все знают. На Театральной площади построен новый торговый комплекс. Аккуратный, соответствующий каким-то нормам, в чем-то даже симпатичный, если не считать нелепого синего цвета, в который он окрашен. Принадлежит он, по устойчивым слухам, бывшему мэру города Беслану Гантамирову.

В сегодняшнем Грозном, где крысы чувствуют себя в чем-то даже полноправнее, чем люди (передвигаются ведь они свободно в любое время суток — в отличие от нас!), по меньшей мере странно предполагать, что перенос рынка порожден заботой о чистоте городских улиц.

Вероятнее, что кому-то (легко догадаться, кому) не давали покоя деньги, которые ввиду полного отсутствия государственной торговой системы крутились здесь в невероятных количествах. И этот кто-то решил подвести их под крышу — в обоих известных смыслах этого слова.

Удобства на улице

Еще немного о санитарных нормах.

Большинство из тех нескольких домов в Грозном, что отремонтированы и сданы «под ключ», не имеют... удобств. Вернее, на привычном месте вместо разбитых унитазов поставили-таки новые, однако пользоваться ими нельзя: канализация не работает. И строители придумали выход. Теперь во дворе каждого восстановленного дома роют яму, водружают на нее деревянную будку — и получается ватерклозет. Теперь и мечту российского президента, ну ту самую — про «мочить в сортире», исполнять будет легче.

Еще нелепее ситуация с отоплением. В квартирах устанавливают радиаторы. Перед этим долго с ними возятся: режут, приваривают, измеряют. А они — бутафорские! Отопления-то в Грозном нет. Стоят себе пустые свежепокрашенные радиаторы — то ли для красоты, то ли для насмешки.

Вообще-то жить в Чечне безумно интересно. А Грозный — и вовсе рай для любителей экстремального образа жизни.

Ложишься ночью спать так, чтобы осколки, если залетят вдруг в окно, хотя бы не всего тебя осыпали. А иногда просыпаешься, прислушиваясь к характерному грохоту передвигающейся по улицам бронетехники, и мысленно гадаешь, к чьему дому она подъезжает. Все это сопровождается таким мощным выбросом адреналина, что никакие американские горки не подарят вам столько острых ощущений.

И потому, друзья, приезжайте жить в Чечню. Или продолжайте молчаливо делать вид, что никакой Чечни не существует. И тогда она, может быть, когда-нибудь придет к вам.

«Новая газета», 27.01.2003

СПРАВКА ФОРМА ДЕСЯТЬ

Так называют взятку в 10 рублей на чеченских блокпостах, которых после принятия Конституции стало еще больше

Пару месяцев назад, выступая на очередном совещании российских силовиков, президент Путин обратил особое внимание на то, что система блокпостов и контрольно-пропускных пунктов в Чечне себя не оправдала и излишние блокпосты необходимо ликвидировать. Тогда многие жители республики восприняли это замечание как пиаровский ход, рассчитанный на предстоящий референдум. Изменилось ли в Чечне что-нибудь после принятия Конституции? Хотя бы на уровне тех же блокпостов?

Все знают, что наштапигованные по всей территории Чечни российские блокпосты с первых дней своего пребывания здесь успешно выполняют лишь одну функцию: взимают дань за проезд автотранспорта.

От райцентра Ачхой-Мартан до ингушской станицы Слепцовская — четверть часа езды. В мирное время. Сегодня этот путь занимает не менее двух часов. На отрезке дороги протяженностью 20 км расположены семь федеральных блокпостов плюс восьмой — ингушский — у въезда в Слепцовскую. На каждом из них водителям приходится выходить и открывать багажник для досмотра. Цена за проезд напрямую зависит от состояния багажника. Если он пустой, такса не превышает 20 рублей (это в будние дни; в праздники цена подскакивает в три-пять раз). Если же багажник оказывается полон, то приходится раскошелиться на дополнительную пару-тройку червонцев — их платят за то, чтобы не выворачивали наизнанку его содержимое в поисках оружия и наркотиков.

Еще один способ повысить цену за проезд — это перекрыть дорогу шлагбаумом, объявив, что проезд временно приостановлен в связи с сбоем в работе компьютера.

Этот компьютер в Чечне — существо (назвать его «предметом» как-то рука не поднимается) давно уже тотемное, на которое разве что пока еще не молятся. Компьютер, через который по несколько раз за день пропускаются все путешествующие по Чечне граждане, нередко выступает в качестве десницы Господней: он карает и милует. Оказался человек в загадочных «списках» компьютера — ему уже ничего не поможет. При этом самих «списков» никто никогда не видел, они строго засекречены, так что если мне, в тысячный раз проходящей проверку на одном и том же блокпосту, в один прекрасный день скажут, что я «в списке», то, так уж и быть, придется поверить военнотружущим на слово.

Многие из служащих на постах омовцев за время пребывания в Чечне успели хорошо выучить чеченский язык. Некоторые так на чеченском и просят: «Тума ло!» («Дай десятку!»).

На знаменитом блокпосту «Кавказ», что расположен на административной границе между Чечней и Ингушетией, есть некий Сашка, которым страшат несговорчивых водителей, отказывающихся платить. Этот Сашка, который на самом деле, возможно, и не Сашка вовсе, наезжает в командировки в Чечню практически с первого дня войны. А почему бы и нет? В боевых операциях служащие блокпостов не участвуют, при этом боевые получают наравне с другими. Опасность нападения боевиков на такой укрепленный пост, как «Кавказ», невелика, а по доходности равных ему нет во всей республике. И по абсолютной неприкрытости и откровенности обирательства — тоже.

Так вот Сашка, этот Василий Теркин второй чеченской, пряча очередную купюру в карман, любит приговаривать: «Да, брат, вот такой я сукин сын!». Шутник.

На стенах бетонных укреплений, возведенных вокруг многих постов, нарисованы буквы «СОМ». Сводный отряд милиции то есть. Но надпись эта имеет еще один смысл: «сом» по-чеченски значит рубль. Нередко милиционеры, пробегая взглядом по документам, недвусмысленно кивают в сторону этой надписи: мол, где документ под названием «сом»? Взятка в 10 рублей называется «справка форма десять», в 20 рублей — соответственно «форма двадцать», ну и далее везде.

Два месяца назад, после заявления Путина о необходимости ликвидировать излишние блокпосты и КПП в Чечне, военный комиссар республики Евгений Абрашин спешно собрал аккредитованных в Чечне журналистов и рассказал, что на территории республики расположены 60 федеральных блокпостов, число которых уже к началу марта сократится на 20%. Слова комманданта, мягко говоря, не подтвердились. Во-первых, на самом деле постов в Чечне как минимум в несколько раз больше. Только в Урус-Мартановском районе я насчитала свыше 30 хорошо укрепленных КПП. С вышками, окопавшейся бронетехникой, бетонными ограждениями. С предупредительны-

ми щитами: «Осторожно, мины!» и «Стой, стреляю!». И с непременным атрибутом всех без исключения блокпостов в Чечне — мздоимством.

Во-вторых, к началу марта количество постов в Чечне не только не снизилось, но стало на порядки больше. В Грозном, конечно же, картинно ликвидировали два КПП, но вместо них уже через пару дней по республике появились несколько новых. К примеру, у выезда из села Ассиновская появился новый КПП. С начала второй войны здесь стоял блокпост омонцев из Ростова-на-Дону, который расположился под огромной растяжкой со словами: «Терроризм — это болезнь. И мы, ДОНцы, ее вылечим». Лекари терроризма настолько замучили местных жителей поборами, что после многочисленных обращений ассиновцев в различные республиканские инстанции год назад донской пост был-таки ликвидирован. Но странным образом вновь материализовался на том же месте сразу после знаменитого выступления Верховного главнокомандующего. Правда, на сей раз уже без своего фирменного слогана о терроризме.

Р.С. Когда-то, накануне своего назначения на пост главы временной администрации Чечни, Ахмат Кадыров тоже обещал вскорости освободить чеченские дороги от соловьев-разбойников в российской военной форме. При этом он ссылаясь на честное слово президента Путина, якобы данное им на сей счет. Однако за прошедшие с того времени два года блокпостов в Чечне становилось все больше и больше.

«Новая газета», 17.04.2003

ХОТЕЛИ КАК ХУЖЕ...

Знаменское. Репортаж с места события

Военный грузовик «Урал», начиненный взрывчаткой, беспрепятственно проехал по улице Шоссейная, ведущей к администрации, протаранил ворота и двинулся по направлению к офису местного ФСБ. По пути врезался в массивный шлагбаум, сбил его и проехал еще несколько метров. Затем раздался мощный взрыв.

За рулем «Урала» находились смертники-камикадзе. По некоторым данным, их было двое — мужчина и женщина. Тип взрывчатки установить пока не удалось, но, судя по размерам воронки, машина была начинена огромным количеством тротила весом свыше одной тонны. Диаметр воронки — около 12 метров, глубина — 5-6. Как будто здесь взорвалась глущинная авиабомба.

В момент взрыва в помещении администрации Надтеречного района проходило плановое совещание. Но чиновникам повезло: все они отделались ранениями различной тяжести.

Основная сила взрыва, как водится, пришлось на примыкавшие к административным объектам жилые дома, подавляющее большинство погибших — мирные жители, находившиеся на улице и в собственных квартирах. Многие из них даже не успели осознать, что произошло. Дома рухнули моментально, как карточные строения.

13 часов по московскому времени, село Знаменское. С момента взрыва прошло 3 часа. Пыль и крики, руины, на которых, кажется, даже не успела осесть пыль. Жарко и невозможно дышать. Воздух переполнен невыносимым, мучительным запахом...

На развалинах работают спасатели МЧС, милиционеры и просто очевидцы, чудом уцелевшие жители соседних домов. Многие в крови.

Кричат женщины, и их крики перекрывают сирены «скорой помощи»; рядом с руинами выкладывают трупы погибших, среди них несколько — в военной форме, мужчины в гражданском и в галстуках, — как выясняется, сотрудники местного ФСБ и охранники. Женские тела, в изодранных одеждах, складывают отдельно.

Очень много любопытных, просто зевак. В первые часы после трагедии никто не додумался перегородить место взрыва, и любопытствующие, прослышав о случившемся, все продолжают прибывать.

С каждым часом трупов становится все больше. Легко раненным медицинская помощь оказывается тут же, на месте. Раны прижигают йодом, на бегу перевязывают, и тут же врачи принимаются за новых раненых. Во второй половине дня трупы, в основном обезображенные и неопознанные, складываются в районной больнице, расположенной неподалеку. Взрывной волной в больнице выбиты стекла и покорежено оборудование. Поэтому принимать раненых больница не может, только — убитых. Местные жители собираются у дверей больницы. В жуткой тишине обходят трупы, многие из которых опознать практически невозможно, — страшное зрелище даже для привыкших жить на войне.

Никаких списков убитых или раненых пока еще нет, и еще больше нарастают паника и суматоха на месте спасательных работ. Между тем под обломками рухнувших домов еще остаются люди. Сколько их — никто не знает. Но похоже, что много. Время от времени из-под руин доносятся сдавленные стоны.

В шесть часов вечера по Москве районные власти проводят экстренное совещание, на котором присутствуют и представители Южного федерального округа.

Но, скорее всего, по давней традиции чеченской войны вслед за громкими заявлениями властей следует всего лишь очередной виток зачисток и ночных похищений людей. Возможно, прокуратура отчитается о задержании причастных к теракту, по телевизору для большей убедительности покажут каких-то сомнительных граждан, замордованных до такой

степени, что они с готовностью признают себя виновными не только в совершении теракта.

Традиционно на грозненских рынках после очередного громкого теракта появляются новые хиты — видеокассеты с документальными съемками, на которых запечатлена подготовка к взрыву, шахиды с заретушированными лицами под звуки нашидов (религиозных песнопений) обвязывают себя проводами и за рулем грузовиков скрываются где-то за горизонтом. Через несколько минут камера с дальнего плана под крики «Аллах акбар!» фиксирует взрыв — очередной камикадзе становится шахидом, а кассета, запечатлевшая последнее мгновение его жизни, — лидером продаж на городском рынке. Может быть, спустя некоторое время и после этого взрыва в Чечне станет популярен видеохит под названием «Взрыв оккупационной администрации в Знаменском».

20.00. Вечереет, спасательные работы продолжают. Хотя и с заметно меньшей активностью. Еще есть надежда найти под обломками живых людей, но с каждым часом шансы уменьшаются. Эмчезсовцы говорят, что работы по поиску живых людей под руинами не прекратятся всю ночь. На месте взрыва остались лишь спасатели и журналисты московских СМИ.

Воронку во дворе администрации уже засыпали землей и гравием.

Р.С. По последним данным, в результате взрыва в селе Знаменское погибли 58 человек, среди них 17 женщин и 7 детей, ранено свыше 300 человек, 62 из которых находятся в тяжелом состоянии.

«Новая газета», 14.05.2003

Тамерлан АЛИЕВ
(«Чеченское общество», Грозный)

ИСКАЛЕЧЕННАЯ РЕСПУБЛИКА

Тысячам чеченцев, ставших за войну инвалидами, приходится прилагать невероятные усилия, чтобы выжить

Беды военного времени — мины, обстрелы, нервные стрессы, которые испытали на себе жители Чечни за девять последних лет, стали причиной возникновения в республике огромного количества инвалидов. Государство даже при поддержке международных гуманитарных организаций не в состоянии справиться с нуждами этой многочисленной социальной группы, фактически ставя инвалидов на грань выживания.

Руслан Нураев — инвалид II группы с ежемесячной пенсией 1700 рублей. Этих денег не хватает даже на лекарства. 50-летнего Руслана кормят дети.

До последней войны Руслан Нураев работал заведующим строительным складом. Хорошая должность — в советские годы практически «золотое дно» — позволяла жить безбедно и ему, и семье.

Осенью 1999 года, в начале боевых действий от очередного авианалета пострадала крыша дома Нураевых в Грозном. Хозяин семьи — Руслан — решил подремонтировать ее, полез наверх и попал под артобстрел. Крохотный осколок, попавший в позвоночник, навсегда приковал его к постели. С того времени Руслан находится на попечении родных.

Высокая стоимость необходимых лекарств и врачебного оборудования, да и просто дороговизна жизни и продуктов трудно преодолеваются инвалидами, не имеющими возможности для заработка. Невысокие государственные дотации при сложностях в трудоустройстве зачастую вынуждают их быть на изживении у родственников.

По данным Министерства труда и социальной защиты Чеченской Республики, из населения в 1,1 миллиона человек более 33 тысяч составляют инвалиды. Очень многие не достигли пенсионного возраста, а семь с половиной тысяч из них — дети.

Полуразрушенная республика, у которой помимо этой еще немало проблем, не в состоянии полностью обеспечить такое количество неработоспособных своих граждан.

«Инвалиды в Чечне в основном получают мизерную пенсию, в среднем 800 рублей. При отсутствии бесплатного медицинского обслуживания и лекарственного обеспечения эти средства, естественно, не могут обеспечить их продуктами, средствами гигиены, одеждой, предметами первой необходимости, лекарственными препаратами», — говорит председатель республиканского общества инвалидов Рабу Аздаева.

Расположенная в квартире полуразрушенного дома в центре Грозного организация насчитывает в своих рядах почти 15 тысяч членов из 12 районов республики. Это крупнейшее объединение инвалидов в Чечне. Кроме того, существуют республиканские общество слепых и общество глухонемых, а также, по данным Минюста ЧР, зарегистрировано еще порядка 10 общественных организаций, спланивающих инвалидов на той или иной основе.

«Как организация самофинансирующаяся, до начала военных действий в республике мы имели производственную базу, которая обеспечивала средствами нашу уставную деятельность. Мы могли организовывать инвалидам рабочие места, привлекать для консультаций грамотных юристов», — рассказывает Рабу Аздаева.

«Сейчас эти небольшие предприятия, мастерские, салоны полностью разрушены. А так как они не являлись государственными объектами и не

обладали как таковой производственной мощностью, то восстановлению не подлежат», — сетует она.

По словам Аздаевой, чеченское правительство еще ни разу не откликнулось на предложения общества об открытии прибыльного в республике производства с целью трудоустройства инвалидов и самостоятельного получения прибыли на свои нужды. В качестве такового Аздаева видит пекарню или линию по производству безалкогольных напитков стоимостью приблизительно в 20 тысяч долларов.

«В 2002 году одновременно нам было выделено 400 тысяч рублей на восстановление материально-технической базы организации, но деньги пока так и не поступили. С трудом удалось принять аналогичное постановление в этом году», — сообщила она.

В обществе слепых по республике насчитывается 1700 человек. Пресловутые 400 тысяч рублей ими также до сих не получены. Разбиты цеха, нуждается в ремонте общежитие на 50 мест, в котором не хватает мебели. «Обрашались по этому поводу к Гидизову, просиливали в приемной Байбатырова (председатели комитетов по делам вынужденных переселенцев при чеченском правительстве), но абсолютно ничего — результата нет», — говорит председатель грозненского общества слепых Сайд-Эмин Бизаев.

«Нас сильно выручает гуманитарная помощь. Получали тушенку и сгущенку от Республики Адыгеи. Красный Крест реализует хлебную программу для инвалидов I и II групп — раздает хлеб», — рассказывает он.

«В Пятигорске существует специальный санаторий для слепых. Но если в 2000–2001 годах мы сами добились через Москву путевок туда, то в этом не едет уже никто, — с обидой в голосе говорит Бизаев, сам инвалид по зрению (он видит только очертания предметов). — В то же время в Дагестан выделено 150 путевок, а нам — самым пострадавшим — ничего».

Инвалидами как одной из социальных групп — они относятся к «малообеспеченным» — занимается в республике Министерство труда и социальной занятости. Причем, финансирование медицинской реабилитации и социальной интеграции инвалидов должно проводиться правительством Чечни. Но выделяемых им средств явно недостаточно, отмечает помощник министра труда Имран Ирисханов.

Из расчета 34 миллиона рублей, выделенных правительством Чеченской Республики в 2002 году в качестве субсидий для инвалидов, получается не более 1 тысячи рублей на человека на год.

«Если в 2002 году было вручено 177 санаторных путевок, то в этом только 8 при дефиците в 270 человек. Спецавтотранспорт (машина «Ока») из 365 инвалидов получили в 2000 году — 40, в этом — 33, и то пополам с другими льготниками — ветеранами Великой Отечественной войны. Кресла-коляски выданы 34 человекам при том, что на учете их состоит 183», — Ирисханов называет только официальные цифры, не учитывая

возможного количества человек, так и не подавших заявления, осознавая его малоперспективность.

Получившееся недофинансирование Ирисханов объясняет тем, что средства выделяются целевым образом. «Если статьи расходов по приобретению угля для негазифицированных районов и по протезированию налажены хорошо, то на выделение колясок и санаторных путевок средств явно не хватает. При этом перенаправить деньги с одной статьи на другую невозможно», — говорит он.

При этом Ирисханов отмечает, что с социальным обслуживанием инвалидов в республике все налажено не так уж плохо. «В районах созданы и работают 18 комплексных центров по обслуживанию населения, охватывающие почти 12 тысяч инвалидов. Занятые в них работники приходят на дом к инвалидам, занимаются уборкой, стиркой», — рассказывает он.

С лекарственной и диагностической помощью, которую должно оказывать инвалидам Министерство здравоохранения Чечни, ситуация и вовсе плачевная. В Минздраве разводят руками: порадовать не можем, по инвалидам не делаем фактически ничего. «Выделенные правительством средства — в 2002 году это 21 миллион рублей, а в 2003 — 31 миллион — пока так и не поступили», — говорит заместитель министра Ваха Яндаров.

«Зачастую лечим за счет обычных бюджетников. Когда ко мне приходят инвалиды просить медицинской помощи, просто не могу им отказать — отдаем лекарства из поступивших в стационары, правда, ассортимент медикаментов ограничен», — рассказывает он.

Весомую поддержку Минздраву и Минтруда в Чечне оказывают международные и местные гуманитарные организации — порядка 10 из них занимаются проблемами чеченских инвалидов. Это Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ), ЮНИСЕФ, Международный Комитет Красного Креста (МККК). Основной упор эти НПО делают на работу с лицами, подвергшимися ампутациям конечностей: протезирование, выделение кресел-колясок, обучение их ходовым профессиям с целью дальнейшего трудоустройства.

«У нас идет разделение: мы совместно с нашими исполнительными партнерами занимаемся взрослыми после 21 года, ЮНИСЕФ — детьми-инвалидами в возрасте до 21 года», — рассказывает консультант ВОЗ по вопросам здравоохранения на Северном Кавказе Ута Эндерлейн.

ВОЗ после первой войны в Чечне была единственной организацией, оставшейся в Грозном мобильный ортопедический центр. По словам Уты Эндерлейн, с 2000 года ставший стационарным, этот центр во Владикавказе обеспечил в основном ножными протезами около 400 жителей Чечни. «Мы понимаем, что эта цифра невелика, а количество нуж-

дающихся огромно, но наши протезы качественные и потому дороги», — говорит она.

Их исполнительный партнер Андикап Энтернасьональ (Handicap International) направляет ампутантов в протезно-ортопедические предприятия Махачкалы и Нальчика. «В месяц протезируем до 10 человек. А всего за время работы охвачено около 300 человек», — сообщает ассистент программы Гистам Сакаева. «Мы распределяем также инвалидные коляски и травматологическое оборудование, сотрудничая напрямую с 10 больницами в Чечне», — говорит она.

В самом Грозном в конце апреля при поддержке МККК был восстановлен ортопедический центр, который в будущем позволит оказывать помощь ежегодно примерно 100 инвалидам. Пока же, по данным Минтруда Чечни, центр не выведен на рабочую мощность по причине отсутствия специалистов-техников высокого класса.

Полной статистики по пострадавшим в Чечне от неразорвавшихся мин и снарядов нет, но некоторые НПО, занимающиеся проблемой инвалидов, имеют свои базы данных. Так, по спискам одной только неправительственной организации «Ламан Аз» таковых — более двух с половиной тысяч.

«Международные организации не хотят поддерживать оригинальные проекты по инвалидам, тратят средства только на социальную реабилитацию, выпуская плакаты и буклеты», — обвиняет ЮНИСЕФ председатель чеченской НПО «Ламан Шовда» Апти Алдамов.

Еще в 1996 году, ухаживая в течение 6 месяцев за раненым в позвоночник братом, сам бывший столяр и краснодеревщик Алдамов разработал специальную конструкцию стола-кровати для инвалидов. Немаловажным преимуществом изобретения стала его невысокая стоимость: от 3 с половиной до 6 тысяч рублей вместо 600—2000 долларов за фирменные. К сожалению, отсутствие финансирования не позволяет, по словам Алдамова, начать массовый выпуск этих дешевых кроватей.

Вообще денежные вопросы для инвалидов самые актуальные. Практически невозможность трудоустроиться делает их зависимыми от начисленной пенсии. Но иногда даже та помощь, что выделяется, не доходит до адресата.

«Из-за безграмотности и слабой ориентированности в обществе инвалиды подвержены чиновничьему произволу», — считает Рабу Аздаева.

«Чтобы доказать свою инвалидность, все обязаны пройти врачебную комиссию (ВТЭК). И начиная с лабораторных анализов, эпикриза и кончая ВТЭКОМ, проверяемым приходится платить — в итоге до 3 тысяч рублей, — рассказывает она. — Для инвалида это солидная сумма».

«Сами инвалиды из-за страха навредить себе не дают письменных заявлений, но устных жалоб на врачей и ВТЭК — огромное количество», — говорит Аздаева.

Из-за ранения в позвоночник Руслан Нураев не может передвигаться самостоятельно. Но дали ему лишь II категорию инвалидности.

В то же время получить инвалидность для совершенно здорового человека не проблема. «До 2 процентов от общего числа инвалидов являются ненастоящими», — осторожно заявляет Аздаева.

Эти люди просто купили себе инвалидность. Самой ходовой считается у них II группа. Еще не лежачий больной, но пенсия уже неплохая, рассуждают они.

«Мне предложили сделать II группу инвалидности за шесть тысяч рублей, — рассказывает бывший штангист Рустам Бахматалиев. — Отдать сразу эти деньги, а потом в течение года из расчета 1700 рублей в месяц получить почти двадцать. Выигрыш — 14 тысяч».

Рустам, которому по закону и так полагается III группа инвалидности (травма колена), не стал заниматься подлогом. «Я представил себя в очереди за пенсией и мне просто стало стыдно», — сказал весящий за 100 килограммов парень.

Люди, делающие себе фиктивные инвалидности, фактически отбирают пенсии у настоящих инвалидов. Но упрекнуть их навряд ли у кого язык повернется. «Сейчас процентов 80 населения республики нуждается в той или иной степени медицинской реабилитации», — считает Рабу Аздаева.

«Голос Чеченской Республики», 08.07.2003

КОРОЛИ И КАПУСТА

«— Давайте же начнем! — сказал Морж, усаживаясь на прибрежном камне. — Пришло время потолковать о многих вещах: башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях.

Но, несмотря на такую большую программу, рассказ Моржа оказался очень коротким — скоро слушатели все до одного были съедены».

О.Генри

Морж так ничего и не сказал ни о башмаках, ни о кораблях, ни о сургучных печатях, ни о королях, ни о капусте. Вместо него это сделаем мы. Но вместо королев у нас будут президенты, а вместо капусты...

Выплата компенсаций за утраченное жилье начнется в Чечне в конце сентября. Об этом 25 августа в Грозном после совещания с членами республиканского правительства и представителями комиссии по компенсационным выплатам заявил журналистам министр РФ по делам Чечни Станислав Ильясов.

За последнее время это уже третий перенос сроков начала компенсационных выплат. Буквально в начале августа председатель правительства Чечни Анатолий Попов, возглавляющий одновременно компенсационную комиссию, заявил, что выплаты начнутся в октябре. Первоначально же анонсировалось, что выдача компенсационных средств будет произведена в начале сентября.

Подобная ситуация сложилась и со сроками приема заявлений от пострадавших. Они переносились с 1 на 15 августа, а затем на 1 сентября.

«Королевский» указ

Между тем сегодня не надо быть аналитиком, чтобы понять, что возникшая неопределенность со сроками вовсе не случайна. Она подразумевает, прежде всего, невысокую жизнеспособность всей кампании по выплатам компенсаций, что означает скорее политическую, чем экономическую ее заявленность. Достаточно вспомнить, что впервые о необходимости выплаты компенсаций было заявлено буквально перед самым началом референдума по Конституции Чечни.

27 февраля председательствовавший на совещании правительства России министр финансов РФ Алексей Кудрин заявил о том, что в ближайший месяц должны начаться выплаты компенсаций по утраченному имуществу и жилью гражданам, проживающим в Чеченской Республике. По словам Кудрина, президент России Владимир Путин дал поручение завершить в ближайшее время подготовку по составлению списков граждан, потерявших жилье и имущество.

Затем последовали подтверждающие заявления председателя правительства РФ Михаила Касьянова и федерального министра по делам Чечни Станислава Ильясова. И уже 22 марта перед самим референдумом по Конституции Чеченской Республики в специальном телеобращении только для жителей Чечни президент России Владимир Путин лично заявил о необходимости выплаты компенсаций.

Оставив в стороне споры о точной цифре проголосовавших на референдуме, можно с уверенностью сказать, что часть электората была привлечена на голосование именно обещаниями спокойствия и экономического благополучия, которые и подразумевали выплаты компенсационных денег.

Но за прошедшие полгода все старания правительств и комиссий привели пока лишь к нулевому результату. Денег не получил никто. Многочисленные заявления политиков федерального и республиканского масштаба, выработка механизма выплат, произведенная специально созданной комиссией по компенсациям, позволили лишь окончательно договориться о размерах выплат. Стартовав с начальной цифры в 136 тысяч рублей и не дотянув планку до предложенных Ахматом Кадыровым 450 тысяч, остановились на 350 тысячах рублей. Из них — 50 ты-

сяч рублей за утраченное имущество и 300 тысяч рублей за полностью разрушенный дом.

Также еще одним итогом полугодовой работы по сбору заявлений и проверкам администраций районов оказалась цифра в 39 тысяч семей, которые в итоге должны получить компенсации. По словам Ильясова, всего на эти цели российское правительство выделяет 14 миллиардов рублей, которые будут выплачены в течение 2003–2004 годов. Данные эти тем более внушают сомнение, что назывались еще в самом начале кампании.

Кстати, на прошедшей 29 августа пресс-конференции в Грозном председатель Комитета правительства ЧР по делам вынужденных переселенцев и выплатам компенсаций Ваха Байбатыров был более осторожен. Он лишь рассказал о подготовке к кампании по выплатам компенсаций. Конкретных сроков начала выплаты компенсаций им названо не было. Однако Байбатыров сообщил, что право на первоочередное получение компенсаций получают инвалиды, дети-сироты и обитатели пунктов временного размещения беженцев (ПВРов).

Фаза пряника

Достаточно внимательно ознакомиться с последним заявлением Байбатырова, чтобы разглядеть классически пиаровский характер этого хода — «помощь малоимущим и обездоленным». Взяв же ситуацию в целом, понимаешь: обещанные жителям Чечни выплаты денежных компенсаций за разрушенное жилье и потерянное имущество — не что иное, как большая пиар-кампания Кремля перед выборами.

Причем, кампания не за какого-то конкретного кандидата, пускай даже назначенного или лоббируемого Москвой. Это кампания за выборы как процесс стабилизации ситуации в Чечне, обеспечиваемый именно Москвой.

Еще ее можно назвать антикампанией, направленной против всех неояльных федеральной власти людей, в том числе против Масхадова и Басаева, против ваххабитов и камикадзе. И не так уж в итоге важно федеральному центру, кто станет в Чечне президентом (естественно, до определенных пределов — в рамках, установленных Кремлем).

Дело в другом. Выборы президента Чечни — не окончательный результат кампании по компенсациям. Это всего лишь промежуточный финиш перед основным — выборами президента Российской Федерации.

Фактически Чечню в который уже раз используют для раскрутки будущих президентских выборов в России. В случае успешных шагов в Чечне Путин будет иметь на них все шансы на победу. А для этого ему необходимо продолжать решать чеченские проблемы. Что означает: прекращение военных действий в Чечне в любой форме, в том числе партизанских действий и минной войны, установление легитимной власти, подконтрольной Кремлю, возвращение беженцев из Ингушетии.

В очередной раз, причем очень грубо и неприкрыто, для влияния на политическую ситуацию в республике используется экономический фактор. Метод «кнута и пряника», трансформированный для нынешней Чечни в метод «зачистки и компенсации», сработал на референдуме и продолжает применяться.

Во всяком случае чеченские беженцы в Ингушетии, привлеченные компенсациями, уже действительно начали возвращаться в родную республику.

Не секрет, что ранее второй причиной своего невозвращения в Чечню беженцы (наряду с отсутствием гарантий безопасности) называли отсутствие собственного жилья в Чечне. Полумеры наподобие расселения в ПВР-ах или по частным квартирам, арендуемым специально для этих целей, фактически не сработали. Жить беженцем в своей республике морально намного сложнее, чем на чужбине. Но перспектива получить деньги и построить свой дом привлекла многих.

Оставшиеся в палаточных лагерях в Ингушетии, а таковых на сегодня по официальным данным, около 10 тысяч, в расчет приниматься не будут. Лагерь ликвидируют, беженцев расселят по местам компактного проживания.

Таким образом, исчезнет одна из наиболее заметных проблем, опираясь на которую, правозащитники и международные наблюдатели могли надавливать на российские власти, упрекая их в несоблюдении демократических методов улучшения ситуации в Чечне.

Теперь виду российского президента на международной сцене будет придана демократическая окраска. Беженцы вернулись на родину, их дома восстановлены, то есть фактически мирная жизнь налажена. Лишь отдельные вылазки теперь уже однозначно «бандитов и террористов» будут тревожить «мирную» Чечню.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих?

Однозначно говорить сегодня о том, что после выборов президента в Чечне все в буквальном смысле забудут о компенсациях, нельзя. И вопрос даже не в том, что уже тем же Ильясовым заранее оговорено: кампания будет длиться два года – с 2003 по 2004 год. И не потому, что деньги получают только свои – «блатные» или давшие взятку. Хотя, конечно, невозможно заранее рассчитать, насколько реальной окажется вероятность выплат для действительно нуждающихся, учитывая невозможность создания в современной Чечне свободного от коррупции органа для контроля за этими выплатами. (Учитывая, что никто даже и не рассчитывает реально задействовать такой орган).

Но, даже допуская, что Кремль решится-таки на выплаты, неизвестно откуда в российском бюджете возьмутся такие деньги. Буквально за три

недели до совещания в правительстве, где впервые был поставлен вопрос о компенсациях, сам же Алексей Кудрин, отвечая на него, говорил, что если выплачивать с учетом инфляции, то на компенсации нужны триллионы рублей. Столько денег на эти цели в бюджете нет и быть не может, заявил он тогда.

Между тем, по расчетам специалистов, на восстановление Чечни необходимо куда больше, чем заявил Ильясов. Так, по данным Руслана Хасбулатова, минимальный ущерб, нанесенный Чечне, исчисляется 100 миллиардами долларов.

От выделения же 14 миллиардов рублей эффект будет минимальный. При этом необходимо учитывать сегодняшние реалии — часть средств в Москве и в Грозном пойдет на «откат».

Кстати, предварительно в российском руководстве попытались обойти вопрос о размере компенсаций или хотя бы занизить сумму выплат. Так, по подсчетам председателя Госстроя России Николая Кошмана выходило, что, если стоимость строительства квадратного метра в Южном Федеральном округе составляет 9-10 тысяч рублей, то в Чечне всего 2,5-3 тысячи. Причину дешевизны чеченского жилья Николай Кошман объяснял низкой стоимостью рабочей силы и наличием местных стройматериалов. В республике переизбыток квалифицированных строителей, и чеченцы будут сами восстанавливать свою республику под руководством Госстроя, заявлял он.

Не исключено, что еще одной уловкой, предпринятой российским руководством, станет восстановление Чечни за счет использования средств из собственного бюджета республики. Такой ход предложила Счетная палата.

В ее отчете по результатам проверки в Чечне было сказано, что процесс выплат компенсаций гражданам, в том числе за утерянное имущество, намеченный на 2003 и 2004 годы, может быть сорван. В Счетной палате считали, что органы и учреждения, обязанные обеспечить адресное доведение пенсий, социальных пособий и других выплат населению Чечни, исполняют свои функции не в полном объеме. Несмотря на проведенную перепись населения, отсутствует достоверный учет граждан, нуждающихся в помощи, что создает дополнительные предпосылки для нецелевого использования ресурсов. Органы федерального казначейства, Минэкономразвития, Госстрой России, Пенсионный фонд, Правительство Чеченской Республики не смогли создать действенную систему контроля за этими средствами.

Тут же была приведена и рекомендация по выходу из возможной тревожной ситуации. «При формировании и реализации ФЦП недооценивается значение собственных ресурсов Чеченской Республики, ее инвестиционный потенциал», сказано в документе. Так, по данным Счетной палаты, объем добычи нефти на территории республики в 2002 году соста-

вил примерно 1,5 миллиона тонн. В то же время из выручки от ее реализации — более 7 миллиардов рублей, на восстановление нефтегазового комплекса и социальной сферы через Минэнерго перечислено всего 150 миллионов рублей.

А в целом собственные доходы республиканского бюджета составили 1,4 миллиарда рублей, втрое превысив показатель 2001 года. То есть, тенденция эта нарастающая и не исключено, что доходы республики будут продолжать расти. Таким образом, будет возможность изыскать средства на компенсации жителям республики из бюджета самой Чечни.

Существует и еще один механизм привлечения денег в республику. На этот раз «политико-экономический». По некоторым данным, чеченцам из числа имеющих крупный бизнес в России предложено, если они хотят и в дальнейшем продолжать свою деятельность, спонсировать предвыборную кампанию Путина. Впрочем, это предложение поступило и всем собственно российским олигархам. Но чеченским бизнесменам выделен свой отдельный фронт работ. Это, естественно, не прямая взятка власти. Просто они должны поработать на родную республику. Вначале им было предложено помочь в проведении референдума, агитируя за него. Теперь они должны поработать над выплатами компенсаций — попросту «отстегнуть денег» в республиканский бюджет. Хотя бы посредством инвестиций в ее экономику. А в качестве некой компенсации (уже для бизнесменов) им предложено пробаллотироваться на пост президента республики.

Чему нас учит история?

Если же взглянуть на вопрос компенсаций в историческом аспекте, то Россия никогда еще за время противостояния с Чечней не восстановила ни одного ее населенного пункта. Это и разрушенный в 1819 году Дадия-Юрт, и села Аккинского района. Всего же, по данным историка Мурада Нашхоева, за период с 1819 по 1859 годы все села Чечни подвергались разрушению не менее 50 раз. И все они потом восстанавливались собственными силами.

Здесь можно вспомнить совсем новую историю — 1995 год. Восстановлено было лишь около 30 процентов Грозного, из которых практически 80 процентов составил частный сектор, отстроенный силами самих хозяев. Центр города, включая президентский дворец, который брались реконструировать некоторые турецкие и шведские строительные фирмы, так и не был восстановлен, потому что деньги на счета компаний так и не поступили.

«Чеченское общество», 01.09.2003

Наталья ЧЕРНОВА
(«Новая газета», Москва)

ГОСТЬ СТОЛИЦЫ

**Дневник москвички, в доме которой
почти два месяца прожил маленький чеченец**

В марте мы опубликовали заметку Натальи Шевелевой «Спросить Алихана» — про Алихана Ахильгова. Уже много лет он возит детей из лагерей беженцев в Ингушетию в Москву и находит в столице семьи, готовые их принять на месяц, два, три — кто сколько сможет: отогреть, подкормить, вылечить. Одной из таких семей была семья Черновых. Два месяца Наташа Чернова вела дневник життя-бытья с одиннадцатилетним Асланом. Дневник — вещь личная, и писала его Наталья для себя. Но мы все-таки убедили автора, что если уж делиться, то всем: в том числе и опытом.

День первый

Всю дорогу с вокзала молчал. Спрошу что-нибудь, кивнет молча — и все. Спрашиваю: «А ты по-русски хорошо понимаешь?». Опять кивнул молча.

Дома сел на стул на кухне. Глаза не поднимает. Мыться отказался, есть — тоже.

Выход, получается, один — жить по законам военного времени. Приказы не обсуждаются. Интонацию уловил сразу, в дверях ванной обернулся, пробурчал: «Я шапку снимать не буду». «Хорошо, мойся в шапке»... Через некоторое время слышу, как заводит моторчик игрушечного кораблика в ванной. Ничто, значит, детское нам не чуждо — уже легче.

Одиннадцатилетнему Аслану на вид — не больше восьми. Маленький, спина прямая, живого веса — тридцать с небольшим килограммов. Первым делом — немножко откормить. Дальше разберемся.

За весь день — несколько фраз.

— Я у тебя сегодня переночую, а завтра отправь меня обратно. Завтра не можешь? Тогда через неделю... И в школу меня не отдавай...

Спрашиваю, почему. Долго молчит. «А там чеченцы есть?». Я не знаю. «В школу меня не води. Нас русские не любят...»

Вечером того же дня смотрим сюжет в «Новостях». Показывают показательные учения спецназовцев перед отправкой в Чечню. Четырехлетний Дима спрашивает: «А это наши?». Аслан молчит. Маловразуми-

тельный ответ, что «это федеральные войска», Диму не удовлетворяет: «А они хорошие или плохие?». Говорю, что все, кто стреляет в людей, — плохие.

День второй

Утром, выходя из дому, рассказываю, как открывать двери, как пользоваться лифтом...

— А зачем мне — все равно выходить один не буду.

— Боишься?

— Не боюсь, а выходить не буду.

Вместе идем на рынок. Зрелище снежной пыли вызывает восторг. Остатанавливается около рябины, спрашивает, почему эти ягоды никто не собрал и не съел. Предлагаю попробовать, но не достаю до ветки.

Вдруг интересуется, почему русские женщины курят. Ну, говорю, у женщин тоже есть вредные привычки. Некоторые даже пьют. Он подтверждает: точно, пьют. «У нас в доме одна русская жила — у нее мать умерла, так она купила ящик водки и гостей созвала праздновать...» Сдерживая, прости Господи, смех, объясняю, что у христиан обычай такой, поминки называется, — не празднуют смерть, а вместе скорбят.

Планируем в выходной сходить на Красную площадь.

— Мавзолей — это там? А ты Ленина видела?

— Видела — так себе зрелище.

— Зря они его не похоронят...

Должны вечером пойти в спортивную секцию. Вдруг напрягается и говорит, что «ночью никуда не пойдет». Раз двадцать пытаюсь объяснить, что это не ночь. Привык, что жизнь заканчивается в шесть вечера, с комендантским часом.

Когда садится есть, отрезает три здоровенных ломтя хлеба и густо мажет их кетчупом.

«Я тебя раньше видел?» — «Нет, Аслан, не видел». — «А ты меня?» — «Я тебя тоже...»

День третий

Сорок минут сидит у стиральной машины и не отрываясь смотрит, как крутится барабан. У них в Грозном тоже была стиральная машина. Когда в очередной раз началась война и нечего было есть, ее разобрали и продали медь из мотора. Двадцать рублей за килограмм. Целую тыщу получили... «Когда вырасту, куплю маме все, что она захочет...»

У магазинной двери на фотоэлементах замирает на полчаса: «тренирует» дверь — открываться и закрываться. Спрашивает, как устроен светофор и на какой свет можно ходить. Предлагает пойти на красный. Однажды дома перебежал дорогу и, чтобы не попасть под колеса, лег в

колею. Автобус проехал над ним, не задев. После этого каждый вечер приходил ко времени и ложился в колею ждать автобуса. Никакого инстинкта самосохранения. Опасность не представляется катастрофой и трагедией.

Ночью заглянула в детскую. Вскинулся сонный на диване: «Я чеченец? Русский?..». «Чеченец ты, чеченец. Спи уже».

День четвертый

Загвоздка — в магазинах не отыскать колбасы без свинины.

Проблема посерьезнее: внезапно признался, что иногда сплевывает кровь. Пошли в поликлинику — реакция Манту, зараза, оказалась положительной. Во вторник отправимся в тубдиспансер.

Сегодня первый раз решился выйти один на улицу. Катался с горки на санках с дворовой малышкой. С воодушевлением осваивал все детские качели на площадке.

Смотрим телевизор. Спрашивает, глядя на Путина Владимира Владимировича: «А он президент во всем мире?». Бог миловал... Объясняю, что у каждого государства свой президент. Уточняет: «А в Нальчике он тоже президент?». Вопреки моему ответу все же заключает, что в Чечне ВВП не президент, потому что «нашего президента убили».

Когда никто не видит, Аслан то и дело подбегает к телефону и куда-то звонит. Наконец выясняю, что ему самому никогда не доводилось этого делать. Учимся звонить и разговаривать по телефону.

Полдвенадцатого ночи. На кухне муж объясняет, почему Россия воюет с Чечней. Аслан попросил.

День седьмой

Аслан пришел к выводу, что чеченцам с русскими надо объединяться для войны с Америкой. Незатейливую мысль, что США — враг номер один, он почерпнул из выпуска «Вестей».

Борьба с телевизором обретает масштабы кампании. От «ящика» Аслана можно оторвать только физически. Смотрит все, за что создателей «продукта» надо судить судом Линча, — «Окна», «Девичьи слезы», криминальные сериалы. Самое безобидное его пристрастие — футбол. Если ничего из вышеупомянутого опиума для народа нет, снисходит до мультфильмов.

День восьмой

Были в тубдиспансере. Заявил, что до пояса разденется, а штаны ни за что не снимет.

В ожидании результатов раз двадцать спросил, что такое «рентген» и отдадут ли ему эту «фотографию» домой. Пока в кабинете у врача не рас-

смотрел свои ребра, не успокоился. Отбой боевой тревоги! Рентген показал, что в легких — только рубцы от старых пневмоний.

Специально ни о чем его не расспрашиваю. Иногда сам совершенно обыденно рассказывает о доме.

«Папа вез на «тачке» медь продавать. Его солдаты остановили и прикладами били по спине. Они ему позвоночник сломали... К нам домой солдаты приходили, чтобы с нашего балкона к соседям перелезть. Думали, они доллары прячут. Ничего не нашли и гранату бросили. Нам все стекла повыбивало... Я бутылки сдавал. Когда собрал двести рублей, папе бензина купил. Он мне дал два круга вокруг дома проехать». (Папа получает пенсию по инвалидности из-за травмы позвоночника. Занимается случайным извозом на «шестерке».)

За неделю Аслан только однажды раскис. Даша в очередной раз вступила в неравный бой с телевизором, Аслан внезапно вылетел из комнаты, заперся у себя и расплакался. Оказалось, что обиделся на Дашин (отлично ее понимаю) повышенный тон. Аслан такое (отлично его понимаю) в силах перенести только от матери, с поправкой на ситуацию — от меня.

Попросил сводить его в цирк. Что такое — не знает, но убежден, что «это красиво» (это прилагательное заменяет ему практически весь описательный потенциал русского языка).

Интересуется, почему я так часто мою руки и ем так мало хлеба.

День девятый

Первый раз отправила в школу. Ждала как на иголках.

Вечерняя сводка: наотрез отказался идти в свой класс. Даша привела его к себе, в 9-й «В», попросила преподавателя вникнуть в ситуацию. Преподаватель не подкачал и вник. Один урок, закрыв лицо руками, все же вытерпел в своем 6-м «Г». На перемене к нему подошли два пацана-чеченца из 11-го — ежели чего, чтобы сказал, с кем разобраться.

...Пытался убедить меня, что ходить в школу, где так мало чеченцев, невозможно. Мой контрдовод, что так бояться трудностей имеют право только девчонки, его подкосил. Завтра совершим вторую попытку.

День десятый

23 февраля.

Вечером был салют. Смотрели со своего 18-го этажа. Аслан просто потерял дар речи. Все пытался уяснить, какими это снарядами стреляют. Для него непостижимо, что снаряды могут быть для красоты.

На глаза попалась реклама «Норд-Оста». Внимательно рассмотрел и сказал: «Этот Бараев совсем дурак. Он, что, хотел, чтобы нас всех (чеченцев) расстреляли?».

День одиннадцатый

Несколько школьных дней прошли спокойно. Контакт с одноклассниками Аслан установил — дают списывать. Уйма провалов: практически нулевой английский, запущена математика. Даша два часа вбивала в него дробь. Честно старался вникнуть.

Приволок из школы дурацкую листовку с описанием рекламного курса. Стал мне объяснять, что если «написать красиво, как ты справляешься с проблемами, будет приз». Спросила, какие у него проблемы. Помолчал, подумал... Потом попросил помочь ему придумать. В смысле проблемы...

Ходили в Битцевский парк, катались с горок. Пришел в щенячий возраст, который изо всех сил старался не выказать. Очень понравилась «ледянка» — пластмассовая штукавина, на которой катаются, усевшись пятой точкой.

Опять конфликтовал с Дашей, которая на этот раз решительно запретила ему есть сосульку. В итоге дочь хлопнула дверью, заявив, что ее в доме в грош не ставят. Аслан возражать не стал.

Нарушенный мир был восстановлен, когда Дарья вручила ему персональную пену для ванны.

С Димкой отношения более гармоничные. Иногда допускает немножко «дедовщины» по отношению к младшему товарищу. Тот берет реванш истощенным ревом. Финал стандартный — дружественная ничья.

Машинально начинаю называть пацанов «средним» и «младшим»...

День двенадцатый

Сидели на кухне, пили чай. Опять завел волынку про школу: мало чеченцев. С неиссякаемой выдумкой и, я бы сказала, задором находит доводы и способы не учиться. Сам признался, что в школу ходить и дома не любит. «А ты раньше с русскими общался?» — «Не... А вообще-то есть у меня знакомые русские. Солдаты. Они за наш дом приходили, на костре шашлыки жарили. Меня позвали и один шашлык дали. И сказали: если кто обидит, чтоб я им сказал. Они иногда за дом приходят, и я с пацанами им хворост собираю для костра. Они нам за это во такие банки кильки дают! Я с ними даже фотографировался. Фотографии дома спрятал, а то мама ругать будет...»

Фантазер, каких поискать. «А вот я знаю дядьку, у него на пятках росли волосы... А у одной тетки во время взрыва глаз выбило, она им в футбол играла... А то еще у мальчика одного были специальные очки. С виду обыкновенные, а когда их надеваешь, то внутри устройство — можно каналы в телевизоре переключать...» Думаю, что это колоссальная потребность в другой, не военной жизни, которой никогда не видел, вот и придумывает себе волшебную. Иногда ложится на пол у магнитофона и часа-

ми слушает детские кассеты со сказками, из которых «младший» давно уже вырос.

День четырнадцатый

В метро наткнулись на ужасную сцену — на полу станции тело пожилого человека. Вокруг милиция, «скорая». Аслан свернул шею, чтобы рассмотреть. Я, нервничая, тяну его за рукав: маленький еще смотреть на эти ужасы. Выказалась! Мне ужасы, на которые он и бровью не поведет, в страшном сне не снились... Вдруг его прорвало. Минут сорок, сбивая дыхание, рассказывал, как «пришли солдаты, и моего друга, ему четырнадцать лет, убили... Моего двоюродного брата — он из университета шел — на улице остановили, прикладом ударили и все деньги забрали... Пацану из соседнего дома — он ночью пошел гулять — очередью по ногам дали. Потом в масках пришли, убили...». Друг, согласно рассказу, отстреливался до последней пули...

Вечером сообщил дома: «А мы в метро видели человека, которого убили». Мертвый — значит, убили. Автоматическая логика...

День пятнадцатый

Аслан заскучал. Поговорил по телефону с Грозным и засобирался домой. «Тебе здесь плохо?» — «Нет, хорошо. Я просто к маме хочу».

...Пришел из школы и первым делом с гордостью поведал, как ухитрился бесплатно пообедать в школьной столовой. Оказывается, детям из малообеспеченных семей в младших классах положен бесплатный обед. Сказал, что он из третьего. При его 32 килограммах живого веса вполне мог бы назваться первоклассником. За соответствие образу и абсолютную искренность исполнения получил две сосиски с картофельным пюре.

Опять в мое отсутствие конфликтовал с Дашей. Органически не может подчиняться женщине. А Даша категорически не может церемониться с 11-летним пацаном, чтобы помыл руки после улицы и не пил сырую воду. Конфликт на бытовой почве закончился возмущенным заявлением Аслана: «Конечно, все чеченцы плохие, а русские хорошие!». Даша в долгу не осталась: «Да. Все чеченцы, которые не моют руки, — плохие».

День шестнадцатый

О войне я его не спрашиваю: с детьми говорить об этом как-то противоестественно. А тут вдруг сам начал.

«У нас хорошая квартира. Трехкомнатная. Когда вторая война была, ее даже не задело. Нет, мы в войну из Грозного уезжали. К бабушке в деревню. А у нас дома остались жить мамыны сестры и брат. В нашем районе безопаснее было. А потом и у нас стрелять стали, и они тогда к себе ушли. Совсем ненадолго пришли, чтобы обстрел пересидеть и документы за-

брать. А в это время в окно снаряд залетел. Дядю стеной придавило, а поток осколками побило. Все в крови были. Они потом на тачку какие-то вещи собрали и пешком в деревню к бабушке пошли. 70 километров надо было идти. Два блокпоста прошли — и ничего, а на третьем их остановили и спросили документы. Тогда тетя осталась на блокпосту и пообещала, что родственники принесут документы. Мой папа из деревни пошел в ту квартиру и пять дней среди обломков искал сумку с документами. Весь мусор руками разгреб, но нашел...»

День семнадцатый

Сегодня ездили на Красную площадь. На Васильевском спуске — масленичные гулянья. Всяческая упоительная дребедень — блины, чай, аттракционы, воздушные шарiki... Втроем — Аслан, Даша и я — предались уличному обжорству и праздному шатанию. День был какой-то невероятной весенней яркости, а он шел, уткнувшись носом в мостовую. «Аслан, — говорю, — голову подними, посмотри вокруг». — «А чего, я уже это все смотрел».

В Кремле Царь-пушка и Царь-колокол Аслана удивили, так сказать, исключительно практически: «Ух ты, вот бы на металл сдать, это сколько б я денег заработал!». В соборе минуты три шептала ему на ухо, чтобы шапку снял. Едва не поругались.

Про иконы и росписи: «Это кто?». «Это, Аслан, лики святых. Православные им молятся». — «А это кто?» — «Это Иисус Христос». — «Он у вас самый главный?» — «В некотором роде да». — «А почему его всегда одинаково рисуют? Никто же не видел его и не может знать, какое у него лицо?»

...Остановился у старой, потемневшей от времени иконы с изображением святого явно неславянской наружности: «А это Пушкин?»

День восемнадцатый

Шли из школы. Опять уткнулся носом в землю. Машинально одернула, — и тут до меня дошло. «А ты мины видел?» — «Угу». Полчаса слушала про растяжки, мины, тротил. «Вот смотри, чтобы этот дом взорвать, надо килограмм тротила, а на эту машину хватит и спичечного коробка. Я однажды чуть на растяжку не попал. Ну они вообще-то не очень страшные: если дернуть не сильно — не взрываются. Но тогда я бы точно подорвался — споткнулся о проволоку и стал падать. Чуть взрыватель не сорвал. Друг успел в сторону оттолкнуть. У меня дома есть граната, я ее на свой день рождения взорву. В прошлый раз я уже так делал. У нас в конце улицы есть старый дом, там не живет никто, мы в него гранату бросили, красиво было... А еще у меня с друзьями есть лента с патронами, две сигнальные ракеты, три мины и «узи». Когда они в Дагестан жить уедут, то мне все ос-

тавят. «Узи» спрячу, а мины солдатам продам. Они мне за одну гранату 250 рублей дали».

Разговаривал со мной с чувством собственного превосходства. У рынка резко окликнул. Я дернулась в его сторону, а он мне: «Под ноги смотри» — и смеется...

День девятнадцатый

Мир, который делится на государства и континенты, Аслан представляет смутно. Знает, что есть Россия, Америка, Чечня. Глубина провалов в системных знаниях порой обескураживает. Не ориентируется даже в ближайшей действительности. «Кто-нибудь из твоих друзей жил в лагерях беженцев?» — «А это что такое?» — «Ты не знаешь, кто такие беженцы?» — «Нет...»

Интерес к внешнему миру сконцентрирован в желании увидеть «живого негра».

Сели вместе разглядывать «Атлас чудес света». По-моему, не вполне осознал, что речь — о реальной истории. Особенно укрепила его сомнение в достоверности изложенного Великая китайская стена.

Заветная мечта — стать банкиром.

День двадцать первый

Решили проехаться по музеям. Аслан собирался нехотя: «Ничего интересного в ваших музеях нет». Пушкинский отверг на корню: «Не люблю я картины. Особенно — Пушкина...» Отправились в Политехнический. Опоздали. Полное фиаско в области просвещения заедали мороженым в «Детском мире». Справился у продавщицы что почем и достоверительно, в лучших манерах грозненского базара, спросил: «А подешевле нельзя?».

Весь вечер бубнил, что учиться совсем необязательно. Поводом для очередного демарша против ликбеза послужила двойка по биологии. Почти силой усадила за учебник. По ходу пьесы завелась и выступила с сокрушительным монологом о влиянии знаний на судьбу человека. Ну как втолковать, что без образования ему не переломить то будущее, которое запрограммировано его настоящим!..

День двадцать второй

Ура! Пятерка по биологии. С упадничеством покончено! От излюбленного монолога, что «жить можно только в Грозном», неожиданно перешел к рассуждениям о том, как везет тем, кто живет в Москве. Олады со сгущенкой, которые он в момент откровений поглощал, не останавливаясь, усугубили позитивный настрой. Поинтересовался, сможет ли купить в Москве квартиру, когда вырастет.

Ходил в магазин самостоятельно. Что-то не так сделал, и кассирша, как водится, взбеленилась: «Что, первый раз пришел?!». Аслан ответил, что он и в Москву первый раз приехал. «Откуда?» — «Из Грозного». Тетка ответила на «пятерку»: «Так ты заходи почаще».

День двадцать третий

Все-таки не избежал Аслан Пушкинского музея. Мировую сокровищницу одолели минут за сорок. Впечатления и вопросы были следующими: «Почему эти люди все раздеты?» (античность); «Вот эти картины красивые, не то что у тебя дома» (фламандцы); «Этот человек совсем рисовать не научился» (Матисс). Опять проявлял нездоровый интерес к железу, в частности к фигуре средневекового рыцаря в доспехах.

Тему прекрасного продолжили у храма Христа Спасителя. Среагировал скептически: «Мы это уже в Кремле видели...». Едва упросила заглянуть внутрь. Больше всего заинтересовал прозрачный ящик для «пожертвований на храм», доверху набитый купюрами. Усомнился в том, что финансовые потоки доходят до благой цели. Я не очень убедительно пыталась возражать.

Потом сидели на скамейке, болтали и ели мороженое.

— Знаешь, я по-чеченски забывать стал. Даже сам с собой говорю по-русски.

— Не переживай, дома все вспомнишь.

— А у тебя есть песня любимая?

— Много...

— А у меня одна. Ты «Брат», кино, видела? Вот я песню оттуда больше всего люблю.

В метро, в длинном переходе, Аслан резко вывернулся из-под руки и побежал. Я дернулась вслед, едва успела схватить за шиворот. Подняла глаза — навстречу шли человек пять в камуфляже. Аслан съехал и замолчал надолго.

День двадцать пятый

На несколько часов пришлось оставить мальчиков вместе с няней. Валя, добрейшей души тетка, обожает всех попавшихся под руку детей. Вдруг, выяснив, откуда Аслан, забубнила, что «человек должен жить в своем городе...». На любом московском рынке эта мысль идет в ход в менее толерантной форме, но от Вали не ожидала. Еще больше я расстроилась, когда Аслан заметил: «А знаешь, твоя Валя права. Человек должен жить в своем городе...».

Заперся с Димкой в комнате. Прислушалась, Аслан поет: «Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом...». Спасибо товарищу Газманову за высокий образец интернационального искусства.

День двадцать седьмой

Отметились на праздновании русского народного праздника — Дня святого Патрика. По Арбату с песнями, улюлюканьем, танцами катилась кавалькада ряженных ирландцев и примкнувших к ним. Аслан застыл как вкопанный и простоял так до последнего аккорда. Тут, кстати, сбывлась мечта. Лицом к лицу столкнулись с живым негром.

«А как шарики-то в небо выпускали — что же о них птицы подумали?!»

День тридцатый

Вечером опять возник вялотекущий спор у телевизора — о необходимости полноценного сна для растущего детского организма. Аслан решительно сопротивлялся: дома он раньше часа ночи спать не ложится — все равно заснуть не может. «А вот папа мой умеет так спать, что иногда даже не просыпается, когда солдаты ночью приходят». — «Какие солдаты ночью, Аслан?» — «Русские. Они каждую неделю дом проверяют. Часа в три ночи. Во всех комнатах свет включают и смотрят, кто дома. В последний раз видик у нас забрали и мои кассеты к игровой приставке... Нет, папу ни разу не забирали, уже знают, что он инвалид. Сестра только каждый раз пугается сильно и плачет».

День тридцать третий

Не каждый день рука «тянется к перу». Пожалуй, это верный признак адаптации к нашей жизни. Мои личные достижения в этом деле следующие: Аслан говорит «спасибо», моет руки, не пьет сырую воду (почти), стирает ежевечерне свои носки.

Правда, неразрешимой остается гендерная проблема. Категорически не воспринимает Дарью как «старшую по званию», поэтому абсолютно все ее, в том числе и разумные, требования игнорирует, не рассматривая.

Вечером конфликт достиг апогея. Я легла спать, Аслан остался у телевизора смотреть футбол, а Даша у себя — делать уроки. Часов в двенадцать ночи конфликтующие стороны ворвались в спальню с требованиями о защите конституционных прав. Один требовал обеспечить свободу доступа к информации, другая — право на отдых. В итоге мне пришлось реализовать право голоса. Вернее, крика. Подействовало. Через десять минут я с отчетливыми признаками надвигающейся бессонницы сидела в кухне, слушая синхронные всхлипывания обоих.

День тридцать четвертый

Утром из школы позвонила Даша: «Срочно приезжай. Кажется, Аслан сломал ногу».

Подходя к школе, увидела, как будущий Роналдо, поджав ногу, играет в снежки.

В травмопункте сказали, что перелома нет и надо делать ножные ванны с морской солью. Аслан — в восторге. Так трепетно ухаживать за своей ногой ему еще не доводилось.

Вечером по всем «Новостям» поочередно смотрели про начавшуюся войну в Ираке. Аслан спросил: «А там раньше была война?» — «Была». Немного помолчал. «А мне сказали, что в Чечне эта война последняя. Правда?» — «Конечно, Аслан». — «Когда война закончится, у нас в Грозном новые дома построят. Красиво будет... Ты тогда приедешь?» Я молча кивнула. Потом пацаны сели рисовать. Димка нарисовал пещеру злодея. Аслан — чеченский флаг.

День тридцать шестой

Пришел из школы и долго пытался, что-то доставая из портфеля. Оказалось, сделал из тетрадного листка для меня цветок. Поставила его в вазу на холодильнике.

Опять в «Новостях» война в Ираке. Аслан, оценив масштаб военных действий, делится соображением: «Им бы надо воевать в пустыне, где нет людей. Только войска друг против друга. А то видишь: они город бомбят и в обычных людей попадают».

«Если бы меня заставляли воевать, а я не хотел, я бы стал стрелять в своих командиров». — «Аслан, военные только выполняют приказ. Они не могут решать, справедлив он или нет». — «А я бы все равно стрелял».

Вообще отношение к жизни и смерти у Аслана специфическое. С одной стороны, искренне жалеет сломанную ветку дерева: «Это все равно что дереву руку оторвать!». А с другой — абсолютно холоден, во всяком случае внешне, к смерти или увечьям людей, которых сам знал. Защищается?

День тридцать седьмой

Очередное погружение в цивилизацию. На этот раз жертвой пал Политехнический музей. Умудрился потрогать все, до чего можно дотянуться. Увещевания о правилах поведения в музее игнорировал. Дошел лишь окрик внезапно очнувшейся ото сна старушки-смотрительницы, когда уже собирался влезть в аппарат космической станции «Мир». Слава Богу, тубики с едой для космонавтов лежали под стеклом.

Все, что требует отдельной мыслительной работы, вызывает у Аслана тоску. Абсолютно равнодушным его оставили экспонаты, в действии которых надо было разбираться дольше тридцати секунд. Больше всего привлекают зрелища. Причем самого разного свойства. В музее не мог оторваться от микроскопа. Минут двадцать разглядывал какую-то шевелящуюся под стеклом бактерию.

...Проходила вечером мимо комнаты мальчиков. Вижу — стоят, прижавшись носами к стеклу, смотрят в окно.

— Дим, а тебе нравится в Москве жить?

— Нравится. А тебе?

— Немножко нравится, но Чечня красивее...

Поди после этого разберись в природе патриотизма.

День тридцать восьмой

От цирка пришел в тихий, задумчивый экстаз. Был настолько потрясен, что даже прекратил спорить с Дашей. Правда, робко попытался убедить ее, что удавы надувные, а медведь, который жонглирует перекладной, не медведь вовсе, а переодетый человек: надо было, очевидно, снизить градус эмоций. Про дрессировщика тигров сказал, что он «очень добрый человек, потому что держит у себя в квартире тигров. Это же неудобно». А еще посчастливилось погладить живого верблюда. Хозяин верблюда гладить не разрешал, пришлось тайком почесать астеничному «кораблю пустыни» коленку. «Воняет!» — удовлетворенно заметил Аслан.

День тридцать девятый

Позвонила из Грозного тетя Аслана. После разговора радостно сообщил, что недели через две поедет домой. «Я бы у тебя дольше остался, но я маму хочу увидеть... Если б можно было съездить ненадолго, а потом вернуться... Я тебе письма писать буду. Сто штук. Ты сто штук прочитаешь? И фотографии своей сестры пришлю. А пазл для Димки в конверт влезет?»

Ну вот зачем ему ехать, прости Господи, в этот чертов Грозный! Что он там не видел?

Пошли в парикмахерскую. Сам выбирал себе стрижку. Вышел из зала гордый, сияющий и смешной. Вообще у Аслана отношение к собственной внешности критическое — очень его раздражают легкая кудрявость шевелюры и изредка проскальзывающее косоглазие. Рассказал, что раньше «глаза были красивые, а потом, когда война была, в квартиру снаряд попал. Я напугался очень: маленький был — четыре года, — и глаза неправильные сделались». Теперь вот, когда волнуется, начинает косить. И еще во сне кричит. Надо бы подавать ему на ночь что-нибудь успокоительное. Хотя какое ж это надо успокоительное, чтобы не реагировать на ночные перестрелки...

День сороковой

Мы были в зоопарке!!! Из трех часов, которые провели там, половину просидел у вольера с орангутаном. Орангутан, озверев от людского любопытства, обхватил голову руками и прижался носом к стеклу. Аслан прижался носом к стеклу с другой стороны. Он что-то шептал орангутану, тот прикрывал грустно глаза и бубнил в ответ. Оттаскивать человеческого детеныша пришлось силой, схватив сзади за куртку.

На обратном пути в вагон зашла профессиональная попрошайка — молодая баба с ребенком и текстом: «Простите, что к вам обращаюсь, муж

пропал без вести, детей нечем кормить...». Аслан вскинулся весь, смотрит на меня — дам денег или нет. Когда вышли, объяснила ему про ее промысел. «А зачем ты тогда денег дедушке даешь, который на нашем рынке на баяне играет?» — «Он старый, но все равно не попрошайничает, а работает».

Аслан любит проводить со мной время на кухне. Выпросит что-нибудь почистить или порезать, обязательно сунет нос в кастрюльку — узнать, что и как. Рассказал о своем способе борьбы с голодом: «Я когда сильно есть хочу, покупаю макароны в пакетике. «Ролтон» называются, знаешь такие? Я их сухими грызу. Ты попробуй — это вкусно».

На кухонном столе стоит свеча. Иногда вечерами зажигаю ее. Аслан спросил: «Ты такой огонь любишь? А я нет. У нас такой свет два года был. Надоело».

День сорок третий

Вечером пришли гости с детьми. Пацан — ровесник Аслана. Вся детская компания сбилась в детскую комнату. Аслан молча вышел и сел смотреть телевизор. К столу идти отказался. Когда гости ушли, спросила: «Ты чего так упирался? Ужасно неприлично себя вел. Гостей принято развлекать». — «Я с ними быть не хотел, потому что они бы на меня смотрели». — «Конечно, смотрели бы. А как еще общаться?» — «Ты не понимаешь! Я не такой, как они. Вот они бы и смотрели...»

Перед сном заглянула к пацанам. Они, обнявшись, лежат на диване. Почти не надеясь на согласие — уже поздно, — Аслан просит: «Можно я ему сказку про принцессу на горошине расскажу? Я быстро»...

День сорок шестой

Бунт на корабле. Первый учебный день после каникул хотел закосить: «А я не могу идти. Я все тетрадки выкинул».

Одно мне оправдание — гнев был праведным. Наутро встал первым и пошел в ненавистную школу.

Вошло в привычку смотреть по телевизору «Новости». Удивительно, но к событиям в Чечне не проявляет никакого интереса. Теракт со взрывом рейсового автобуса прокомментировал так: «Это как раз по дороге мимо нашего дома». События же в Ираке, напротив, вызывают самые живые чувства. «Представляешь, им (мирным жителям) 200 тысяч тонн мук с самолетов сбросили. Они себе лепешек сделают»...

Парадоксально, но Аслан все больше симпатизирует американцам. Причем степень солидарности с войсками Буша прямо пропорциональна успешности военной операции. «Аслан, но ведь американцы напали на Ирак и погибают мирные люди?» — «Ну и что? Я за американцев, потому что они побеждают».

Черт знает что! Правда, и воевать мне не приходилось.

День сорок восьмой

...Был бы моим сыном, честное слово, отлупила бы.

Даша заболела, поэтому сегодня утром отправился в школу один. Через два часа пришел: тошнит. Долго сидел в туалете, вроде как рвало. Лег на диван и, провалявшись пару часов с книжкой, попросил поесть. Не дала. К вечеру застала у холодильника с куском (свиной!) колбасы в руках. Вырвала кошмарную пищу из рук еретика и наложила эмбарго на все, кроме сухеш.

Наутро выздоровел и без будильника пошел в школу.

День пятидесятый

Позвонили из Грозного. Сказали, что на днях можно будет отправить Аслана обратно с челноками. Он сначала загорелся, побежал сумку собирать. Потом пришел ко мне на кухню. «Я бы не уехал. Я по маме соскучился...»

Погуляли у Большого театра. «Он что, самый большой в мире?» — «Нет. Просто у нас — самый главный». — «Тогда неинтересно». У служебного входа стояла Волочкова. «Смотри, Аслан, это очень известная балерина». — «Какая некрасивая». Грустное у нас обоих настроение. Даже мороженое в ГУМе не помогло. «А я когда-нибудь смогу здесь жить?» — «Сможешь. Только учиться надо». — «Я буду. Ты мне скажешь, что надо делать, я все-все буду. Я в Грозном больше жить не хочу. Я здесь хочу».

Я — тоже.

День пятьдесят второй

Сегодня у нас прощальный выходной. Спросили Аслана, куда хотел бы пойти. «На Красную площадь можно?». На месте Аслан решил ввести Димку в курс дела. Показал на Кремль: «Здесь Путин сидит». Дима категорически возразил: «Он не может быть в Кремле. Он в «Новостях».

Вечером, отсутившись с последними сборами, позвала Аслана. Встали у окна вдвоем, помолчали. «Ты больше не собирай гранаты. Ладно? И в старый дом стрелять не ходи... и под ноги смотри, чтобы не зацепить чего... сам знаешь... И воду сырую больше не пей...»

Глажу его по стриженной башке, слезы на макушку роняю. Он повернулся и говорит: «А помнишь, как я шапку снимать не хотел? Правда смешно?»

* * *

Заканчивали бы вы с этой войной. Сил нет.

«Новая газета», 19.05.2003

«ПРОЧИЕ РАСХОДЫ»

Последний день работы начальника 124-й лаборатории по идентификации погибших в Чечне полковника Щербакова

СПРАВКА «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

124-я Центральная лаборатория медико-криминалистической идентификации Министерства обороны единственная в России занимается идентификацией погибших в Чечне. Использует все технологии, известные в мировой практике. Имеет международный сертификат соответствия, позволяющий сотрудничать с Интерполом. Здесь был разработан и опробован уникальный метод «трехуровневой штрихкодовой идентификации», позволяющий в считанные минуты опознать человека, информация о котором была предварительно (при жизни) систематизирована. Скрупулезная научная работа позволила идентифицировать 84,8% погибших в первой чеченской войне и уже 98,6% — во второй.

В июне из Ростова пришло известие — начальника 124-й лаборатории полковника Владимира Щербакова увольняют в запас. О том, как он работал и сколько сделал для погибших и их родственников, наша газета писала неоднократно. Последний раз — в сентябре прошлого года, когда поводом для поездки в Ростов нашего корреспондента Вячеслава Измайлова стала гибель 119 пассажиров вертолета «Ми-26», идентификацией которых в те дни занимались в 124-й. Что тучи над ним сгущаются, стало понятно еще тогда. Чтобы избавиться от неудобного Щербакова, нужен был повод. Повод нашелся — 50-летие полковника, позволившее тут же уволить его в запас.

О причинах своего увольнения полковник Щербаков выразился предельно ясно: «Напишите: уволен за неудобный характер».

Самая страшная тайна войны — ее жертвы. Это в России уже проходили. Их число за последние две чеченские называть нет смысла, поэтому Щербаков эту статистику не озвучивает, коротко бросив на ходу: «Пусть Ястржембский отчитывается — его компетенция». Сам Щербаков последние десять лет положил на то, чтобы всех погибших можно было назвать поименно. Даже того, кто сгорел в бэтэре дотла и в «списках не значился», и того, от которого «фрагмент левого предплечья и обрывок форменных брюк».

Лаборатория, которую он создавал последние годы, уникальна. Работа самого Щербакова и его людей — редкий пример исключительно честного отношения к делу, которое в армии в дефиците. В ближайшие месяцы 124-я станет одним из подразделений Центра судебных экспертиз Северо-Кавказского военного округа. Лично у Щербакова нет сомнений в том, что это намеренный шаг по декации «неудобной» лаборатории.

Мы встретились 3 июля, в последний его рабочий день. Он открыл дверь кабинета еще своим ключом, сел и замолчал. Не до корреспондента было ему, не клеился разговор. Но тут в кабинет влетела какая-то тетка с бумажками: «Ой, Владимир Владимирович, вы меня простите, я тут опись вашего кабинета делаю. Мне батареи посчитать надо». Щербаков расхохотался: «Да не сперя я ни одной!»

Стало легче. Пили зеленый чай, что-то он рассказывал не слишком значимое. И как-то незаметно перешел на монолог. Возникло ощущение, что он его выстраивал годами. Вернее, формулировал. Свой взгляд на профессиональный долг, а по сути, на жизнь через призму смерти. Честнее не придумаешь. Я не перебивала, потому что, уходя, настоящие люди случайных слов не говорят.

«...Я начинал в Ростове в 92-м. Знаете, как тогда акты опознания погибших составлялись?! Позовет сержант к убитому двух солдатиков. Спросит: «Это Иванов?» А те — пацаны еще. Их от шока трясет, потому что на месте этого Иванова сами могли бы быть. Распишутся, где сержант показал. Вот и вся идентификация. Глупости было много. С погибшими тогда еще патологоанатомы работали, акты составляли о причине смерти. А матери зачем этот акт?! Ее мальчик от войны погиб, а не от проникающего в живот. У нас в первую чеченскую ошибочных опознаний было до 7%. Это чудовищно много. Вот вы спрашиваете: а надо ли матери знать, что ошибка произошла и похоронила она не своего сына, а чужого? Она уже и оплакала, и успокоилась... Я сам долго не мог на этот вопрос ответ найти. К священникам ходил. Мне отец Георгий сказал: «Ты о душах погибших не беспокойся. Они под присмотром. Эта правда живым нужна, тебе самому». И раввин мне то же ответил, и американский пастор.

...Солдат в нашей армии от перспективы стать неизвестным защищен только жетоном и отпечатками пальцев. Для экспертов эти данные — самые бесполезные. Жетонами солдаты меняются, а дактилоскопию (я специально считал) мы за всю нашу практику применили всего 14 раз. Самый эффективный путь — создание банка данных крови. Храниться образцы могут десятилетиями. Затраты на хранение минимальны. Но государству не нужен такой банк. Значительно выгоднее снять у всего населения отпечатки пальцев, чтобы при случае манипулировать этим самым населением. Дела фабриковать, если понадобится. Это же хамское, ужасное нарушение прав человека.

...Я над вопросом, праведная или нет эта война, думал много. Но окончательного ответа не нашел. У каждого свой маневр. Мой — отстоять принцип: «Мы своих не сдаем. Даже мертвых».

...Судьбой пропавших без вести занимаются в штабе тыла. Двадцать штук полковников сидят, средства осваивают. В 2000 году, чтобы стыд

свой прикрыть, строку бюджета «Расходы по розыску граждан, пропавших без вести на территории Чеченской Республики, опознанию, идентификации погибших и захоронению» закрыли. Открыли новую — «Прочие расходы». Прочие расходы — это обустройство новых «стиральных машинок» для отмыwania денег — центров судмедэкспертизы, которые, объединяя уже существующие лаборатории, ничего не меняют в системе и меньше всего стремятся заниматься погибшими на войне.

...У нас во дворе лаборатории дерево старое спилить понадобилось. Специальную службу вызывать дорого. Я электропилу завхозу купил за две с половиной тысячи. Потом отчитывался за нецелевое расходование средств.

...В нашей армии солдат — «одноразовый шприц». Использовали — и забыли. Чем быстрее забыли, тем лучше. «Отряд не заметил потери бойца...» Песню такую помните? У нас в Великую Отечественную положили миллионы, кости до сих пор на поверхности лежат. И ничего, памятников Неизвестному солдату по стране наваяли и, считай, долги отдали. В Штатах на 97-й год пропавшими без вести во Вьетнаме числилось 2147 человек. За пять лет они идентифицировали 200 тел. Американцы этот результат считают очень неплохим и работу прекращать не собираются. А что у нас?! По первой чеченской у нас 202 тела не идентифицированы. Их на Богородское кладбище под Ногинск отвезли и захоронили. Ну чтоб начальству было поближе ездить, слезу фарисейскую пролить... Я был в Хорватии, видел, как такую же ситуацию решили. Они построили мемориал на кладбище, а под землей в большом зале установили капсулы с останками. После идентификации — а эта работа идет постоянно — погибшего с почестями хоронят. Идеальное решение проблемы с точки зрения и нравственной, и процедурной.

...Я не пацифист. Я оружие раньше очень любил. Пострелять, в руках подержать, особенно какой-нибудь редкий экземпляр. А за эти годы я здесь такого насмотрелся... таких смертей. Я оружие возненавидел.

...Стенд со списком погибших «Им возвращены имена», который висит в лаборатории, не я придумал. Я такой увидел на острове Оаху, на базе ВВС США. Для меня это, с одной стороны, мемориал, с другой — манифестация нашего труда. Мне важно, чтобы люди видели в своей работе смысл. Чтобы он рутинной не заслонялся. В декларации британских экспертов первым пунктом знаете какой принцип значится? «Наш самый ценный вклад — люди».

...Я, пока тут работал, понял, что сыновья погибшие только матерям нужны. Только им. Жены приезжают реже. Но был один случай. У нас в лаборатории есть метод: череп совмещают с фотографией погибшего. Жена лейтенанта — а парень был красавец, хорошо помню — приехала на опознание. Когда подтвердили, что это ее муж, она на колени перед шта-

тивом с черепом встала. Плачет, гладит его, по имени называет... Я многое видел, а от этого душа наизнанку.

...Что от меня хотят избавиться, было понятно. Планировали раньше — не получилось. Несколько матерей написали жалобу в Министерство обороны. Якобы мы тут занимаемся чистой наукой. Над телами глумимся... Несчастные женщины. Тут же приехала комиссия из Москвы, 13 человек. Специалисты-эксперты ни одного нарушения не нашли, а министерские чиновники еще полгода пытались по этой жалобе меня уволить.

Я много чего еще должен. Должен добиться, чтобы в армии был организован сбор базы данных на каждого солдата, — это закреплять надо законодательно. И чтобы прописано было, что использование этих данных возможно, только если человек погиб. Чтобы государство могло отдать последний долг этому бойцу. Буду пробивать это теперь уже как депутат — меня три месяца назад избрали в Ростовскую думу. Должен, но вот не успел подготовить специалиста по трехмерной реконструкции облика...

Что во мне изменилось за эти годы? Я в церковь ходить стал...»

Последняя запись стенда «Им возвращены имена» датирована десятым мая этого года. Неизвестным солдатом рядовой Дмитрий Вахрушев числился восемь лет. Чем расплачивалась Родина с мамой солдата все эти годы, не знаю, но вряд ли слишком щедро платила по счетам... В лаборатории Щербакова ее сыну вернули имя. Теперь за Родину не так стыдно.

«Новая газета», 14.07.2003

Зоя СВЕТОВА
(«Русский курьер», Москва)

КИНОЦЕНТР ИСПУГАЛСЯ ЧЕЧНИ

Вчера Музей и общественный Центр имени Андрея Сахарова в очередной раз оказался в центре скандала. А Москве не удалось подтвердить статус столицы цивилизованного государства.

9 августа 2003 года Киноцентр и Оргкомитет Международного кинофестиваля «Чечня», в состав которого вошли несколько правозащитных организаций и Фонд гражданских свобод, подписали договор. Киноцентр предоставлял зал на 120 мест, в котором со 2 по 4 октября должны были

демонстрироваться российские и зарубежные фильмы, рассказывающие о войне в Чечне.

Во вторник вечером дирекция Киноцентра сообщила организаторам фестиваля, что она разрывает с ними контракт и готова вернуть деньги за билеты. Это заявление прозвучало, как гром среди ясного неба. Московскому фестивалю предшествовали аналогичные кинопоказы в Лондоне, Вашингтоне, Нью-Йорке и Токио. И там никаких проблем не возникало. В программу московского кинофорума были включены несколько российских фильмов, которые не показывались ранее. По городу были расклеены афиши, организаторы объявили, что вход в Киноцентр для желающих посмотреть фильмы будет бесплатным. Была объявлена пресс-конференция и пресс-показ для журналистов. Все получалось красиво и солидно. На мгновение устроителям фестиваля почудилось, что они живут в свободной стране, где в кинотеатрах показывают такие же фильмы, как в Лондоне и Вашингтоне, где не существует табу и цензуры. Но «заблуждение» правозащитников длилось недолго.

Когда руководители Киноцентра связались с директором Музея имени Андрея Сахарова Юрием Самодуровым и спросили, советовался ли он о проведении фестиваля с заместителем главы администрации президента Владиславом Сурковым, он удивился. А когда оказалось, что Самодуров всего лишь послал приглашение на Старую площадь и не подумал советоваться, в Киноцентре заволновались. А потом предложили исключить из программы несколько фильмов: «Террор в Москве» английского режиссера Дэна Рида, рассказывающего о событиях на Дубровке, фильм француза Жан-Шарля Денье «Покушение на Россию» и английский фильм «Правдивые рассказы: война Бабицкого». Члены Оргкомитета обещали подумать.

Но уже через полчаса раздался еще один звонок из Киноцентра: руководство окончательно передумало показывать в своих стенах фильмы «антироссийской направленности, связанные с политикой и с президентом».

В официальном письме, направленном на имя Самодурова, управляющий — художественный руководитель АНО «Киноцентр» Владимир Медведев честно признался, что «ряд зарубежных фильмов неприемлем для показа в Киноцентре».

Оказалось, что в Киноцентре подробные аннотации на фильмы получили только 30 сентября. А когда прочитали, то ужаснулись и испугались. Чего? Не захотели «портить отношения с высшими органами», как выразился Владимир Медведев. Объясняя позицию Киноцентра, президент фонда «Холокост» и кинокритик Алла Гербер пояснила, что само решение о проведении фестиваля было «смелым шагом». Но по-

сколько идет постоянная тяжба за собственность Киноцентра между его нынешним руководством и Никитой Михалковым, то, чтобы лишний раз не ставить себя под удар, Медведев был вынужден отказаться от проведения фестиваля.

Вот и приехали! Все еще помнят те времена, когда для того, чтобы то или иное произведение было напечатано, писатели вымарывали из него крамольные мысли, а поэты снимали эпитафии, если друзья, которым посвящались стихи, находились в местах не столь отдаленных. Многие помнят, что фильмы Феллини и Бертолуччи можно было увидеть только в НИИ, куда вход был строго по пропускам, а Солженицына читали на папиросной бумаге. Казалось, что подобные ситуации стали анахронизмом и о них можно прочесть только в мемуарах. Увы...

История с фестивалем «Чечня» вызвала к жизни тени из прошлого. Хорошо еще, что у организаторов фестиваля оказался «запасной аэродром» и неприемлемые для Киноцентра фильмы можно будет увидеть в Музее имени Андрея Сахарова. Кстати, зал там не намного меньше, чем в Киноцентре. Но статус у фестиваля будет совершенно другой. Ведь одно дело — фестиваль «Чечня» в центре Москвы в раскрученном кинозале, а другое дело — в «логове» правозащитников.

И уже не так важно, стало ли решение руководства Киноцентра результатом давления со стороны ФСБ или чиновников президентской администрации или было продиктовано самоцензурой. Важно другое: ситуация с фестивалем показала: в общество вернулся страх. Испугались те, кто, быть может, давил на руководство Киноцентра, но испугались и в самом Киноцентре. И не только они. Организаторы послали приглашение лидерам всех депутатских фракций. Никто из них не откликнулся и не пришел на открытие фестиваля.

«А зачем вообще был нужен этот фестиваль?» — вправе спросить читатель. На этот вопрос ответила сотрудница Комитета солдатских матерей Ирина Доброхотова: «Многие считают, что война в Чечне давно закончилась. К нам стали обращаться матери, которые, будучи в этом абсолютно уверенными, отдали в армию своих сыновей. А когда начали приходить письма из Чечни, спохватились и теперь спрашивают у нас, как им спасти своих детей от гибели». Скандал вокруг проведения фестиваля подтвердил и еще одну простую вещь: кому-то очень не хочется, чтобы, напоминая о Чечне, опять и опять наступали на больную мозоль. А раз нет фильмов, значит, и войны нет.

«Русский курьер», 01.10.2003

Марк РОЗОВСКИЙ
(режиссер и драматург, Москва)

НАША «ПОБЕДА» — НА ДВЕ ТРЕТИ «БЕДА»

23 октября 2002 года. В Театре «У Никитских ворот» только что закончился спектакль «История лошади». Не успел я дойти до кабинета, кто-то подбежал ко мне со словами:

— Марк Григорьевич, включите телевизор!

Через минуту мы с Таней, моей женой, надевали пальто.

Захват заложников в Театральном Центре на Дубровке, о котором известило весь мир телевидение, означал для меня самое страшное — возможную потерю дочери. В течение года она играла в «Норд-Осте» и, значит, сейчас могла находиться там...

Из машины я набрал сотовый своей бывшей жены Ланы:

— Где Саша?!

В ответ жуткий шепот:

— В зале.

— А ты?.. Где ты сейчас?

— Не могу говорить.

И — отключение.

Так начался круглосуточный кошмар этих дней.

* * *

Снова и снова пытаюсь дозвониться до Ланы. Никакого результата. Наконец, нахожу Сашкин сотовый, набираю ее номер раз тридцать — все бесполезно, связь отрублена. Нет, не только я набираю, Таня тоже постоянно набирает, я за рулем.

Подъезжаем к повороту на Дубровку — первый кордон милиции, и ГАИ отсылает нас к улице Мельникова, но и там дальше — нельзя, оцепление.

Ставлю машину, пытаюсь пройти, автоматчики в бронежилетах и касках стоят живой стеной.

— У меня там дочь. Разрешите пройти.

— Нужен пропуск.

— Кто дает пропуск?

— Штаб.

— Как пройти в штаб.

— Нужен пропуск.

Нормальная ситуация. Абсурд. И самое интересное — всем понятно, что абсурд. Но против него в России — не попрешь. К нему, к абсурду, мы давно уж привыкли. Но одно дело, когда ты наблюдаешь абсурд со стороны, и совсем иное — когда ты внутри, когда абсурд давит на тебя со всех сторон и ты чувствуешь свое бессилие, свое ничтожество перед глобальным житейским идиотизмом. И все же я пытаюсь воздействовать логикой:

— Как же я могу получить пропуск в штаб, если вы не пускаете меня в штаб, который дает пропуск?

— А это вопрос не к нам, — следует не менее логичный ответ. — Нам сказано: только по пропускам — мы и выполняем.

Итак, проникнуть нахрапом не удалось. Надо искать обходные пути...

Моросит мерзкий дождь. Темень. Толпа около оцепления растет — прибывают родственники заложников. Каждый делает бесполезную попытку пробраться поближе к зданию, где терпят бедствие их родные.

Никто из официальных лиц к нам не выходит. Информации о происходящем — ноль. Отсюда истерики, паника и... слухи, слухи. Кто-то говорит, что там сто чеченцев, из них — сорок женщин, все — смертники. Начинили здание взрывчаткой и ждут только приказа Бен Ладена.

Звучит не слишком правдоподобно, но после 11 сентября можно поверить в любую жуть.

Кто-то пускает «мульку»: на крышах близстоящих домов — чеченские снайперы...

— Зачем?

— Чтобы расстреливать нас одновременно с заложниками.

Другая версия в толпе:

— Сейчас сюда приедет Путин. Тогда и начнут стрелять.

— Как же, как же!.. Приедет тебе сюда Путин!.. Он из Кремля будет всем руководить.

— Не руководить, а на переговоры.

— Какие переговоры?.. С бандитами?.. Он на это не пойдет.

— Тогда все наши погибнут.

— Вместе с не нашими!

— Значит, будет штурм.

— Тогда тем более все погибнут.

— Значит, не будет штурма.

Началось. Всенародное обсуждение вопроса «будет — не будет штурм» началось в первые часы террористического акта. И сразу обозначился тупик. Оба варианта чреватые трагедией. Следовательно, из двух зол будут выбирать наименьшее.

Но где гарантии того, что...

Нет никаких гарантий!

Это мне стало ясно уже около оцепления — в первую же ночь.

Дождь продолжает сыпать из черноты небесной. Под ногами лужи, рассекаемые колесами бронетранспортеров и машин «скорой помощи», которые то и дело подъезжают к зданию. Доченька моя, где ты, что с тобой сейчас?!

Я затерян в толпе. Но какая-то девушка узнает меня:

— Я из «Эха Москвы»... Марк Григорьевич, поговорите, пожалуйста, в прямом эфире с Сергеем Бунтманом.

— А что я ему скажу?.. Я же ничего не знаю.

— Скажите, что считаете нужным. Я вас соединяю. — И протягивает мне телефон.

Я говорю Сергею лишь одно: что моя дочь там. И что я в шоке. Боюсь, как и все, взрыва. Боюсь гибели всех заложников, сидящих на пороховой бочке...

— Что, по-вашему, нужно делать? — спрашивает меня ведущий «Эха Москвы».

— Не знаю, — растерянно говорю я. — Главное, надо спасти людей.

Что другое я мог сказать?..

* * *

Война в Чечне?..

Нет, война в Москве. Теперь она приблизилась к каждому из нас и дышит нам в нос мерзким дыханием смерти.

Мы все, стоящие здесь, только что были разъединены и не знакомы и вдруг в общей беде оказались абсолютно близкими и отныне зовемся общим именем. Мы теперь не толпа, не случайная компания очень нервных людей, мы — «родственники заложников».

— У террористов одно требование: остановить войну в Чечне.

— И ничего больше?

— Ничего.

Странно, я не террорист, но мне хотелось бы точно того же: чтобы война в Чечне закончилась.

Однако я не собираюсь ради этого кого-то взрывать.

— Сволочи!.. Они играют жизнями невинных людей!

Да, но и в Чечне гибнут отнюдь не только боевики. Самашки, Старые Атаги, Первомайск и Буденновск, Басаев, Буданов, отрезанные уши и головы, беженцы и слезы матерей с обеих сторон... Сразу и не скажешь, кто тут — в каждой смерти — больше прав, а кто больше виноват.

Война — зло. Террор — злодеяние. Нет оправдания ни тому, ни другому.

В моей голове сумбур — от дикого волнения и самого неприятного чувства, которое только и может быть у мужика в момент беды, от чувства бессилия.

Что бы ты сейчас ни сказал, тебя не услышат.

Что бы ты ни сделал, это сейчас никого не спасет.

Меня охватывает бешенство от невозможности повлиять, лично повлиять на ситуацию.

* * *

Предпринимаю еще одну попытку проникнуть в штаб. Нахожу офицера, которому вроде бы подчинено оцепление. Стараюсь говорить спокойно. Мол, я отец девочки и могу предложить себя в заложники вместо дочери. Чеченцы на это пойдут, я для них стою дороже, чем жизнь ребенка. При этом я могу выполнить любое тайное задание штаба.

Офицер смотрит на меня, как на идиота, потом чуть насмешливо (а может, мне показалось, что насмешливо) говорит:

— Отойдите в сторонку, гражданин.

Мысленно выругавшись, отхожу в сторонку.

Все правильно. Так и есть. Нас всех отсылают «в сторонку» от этой чеченской войны. До нас она «доходит» лишь, когда наши дети оказываются в гробах — цинковых или обыкновенных.

И при этом нас бесстыдно называют «гражданами».

Кто мы?..

«Граждане России!»...

— Отойдите в сторонку, граждане России!..

Снова решительно подхожу к офицеру.

— Может быть, пустите?.. Может быть, доложите начальству?.. Поймите, я должен... извините, я Марк Розовский, я должен во всем этом участвовать...

И снова офицер с той же тихой твердостью объясняет:

— Ничего не надо, господин Розовский. Там «профи», там специалисты... Они знают, как действовать. Они знают, что и как. Без вас обойдутся и примут правильное решение. Вы не волнуйтесь.

Эти последние слова я запомнил, и они мне тоже показались символическими. Но — потом, уже после штурма.

* * *

Дождь настучал по асфальту целые моря. Мы с Таней продрогли, забежали на заправку, где я купил бутылку коньяка «для сугреву» и вместе со стайкой молодых журналистов заковыляли «огородами-огородами» поближе к зданию с другой стороны, но и там наткнулись на не менее жесткое оцепление и... на помощника президента Ястржембского, подскочив к которому, услышал:

— Все дети освобождены и находятся в автобусе. Ваша жена освобождена (имелась в виду моя бывшая жена Лана) и находится в штабе с Нечаевым (имелся в виду ее нынешний муж, бывший министр экономики

России, ныне — президент финансовой корпорации, так что у него, к счастью, имелось больше возможностей проникнуть в штаб).

Я возликовал, но ненадолго. Набрал телефон Андрея Нечаева и, наконец, услышал сообщения, так сказать, из первых уст: да, Лана освобождена спецназом (больше никаких подробностей), а Сашка ни в каком автобусе, а продолжает быть «там».

Захлебываясь в словах, я прошу:

— Лана, я в ста метрах от вас, попроси Андрея, чтоб он вышел и провел меня в штаб. Я могу быть полезным, скажи, кому нужно... от кого зависит...

— Не надо, нет. Ничего этого не надо.

И — гудки. Связь прервана.

Конечно, Лана не в себе: она на свободе, а дочь под угрозой смерти. Но она физически — географически — ближе сейчас к Сашке, чем я!

Моя же отдаленность, бездарное и бессмысленное стояние у оцепления, мое все возраставшее чувство бессилия перед надвигающейся и каждую секунду могущей произойти бедой — все это топтало мне душу, все приводило в состояние тяжеловесной депрессии. Где выход? Нет выхода.

Наверное, эти подонки и стремились вызвать в нас ощущение полнейшей раздавленности.

...Неожиданно со стороны захваченного здания послышались автоматные очереди, что-то ухнуло... Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!..

Затем все смолкло. Снова тишина — зловещая, невыносимая.

Значит, штурм, слава Богу, не начался. Значит, гибель людей пока не неотвратима.

Остаток бессонной ночи мы с Таней провели дома у телевизора — вместе со всей страной, прыгающей с канала на канал в поисках другой картинки и другой информации о произошедшем. Этот психоз только начался — одно и то же бесчисленное количество раз. Но — не оторваться... А закрою глаза — и передо мной Сашка, Сашенька, Сашулька — ее глаза, ее улыбка и — слышу явственно, до умопомрачения — ее голос:

— Па-аа-апа, когда у тебя следующий «Пир во время чумы»? Мы всем классом решили пойти...

* * *

...В Чечне я никогда не был. И, наверное, не буду. Как-то не тянет.

Но если все же приеду, обязательно вскину голову и постараюсь разглядеть тамошнее небо поподробней. Неужели оно другое?.. Неужели не такое, как наше, — вместо облаков камни, вместо голубизны — чернота, вместо круглого солнца — квадратное?

Не верится.

И люди там вроде бы такие же, как мы: двуногие, двурукие, голова на плечах, сердце слева...

Это внешне. Внутри не сходимся. То, что в их головах, нам не подходит. То, что в сердцах, нам не понятно.

Сколько христианину ни объясняй слово «джихад», он, неверный, будет твердить свое: «не убий» да «не убий».

Сколько иудею ни доказывай, что все пути ведут в Мекку, он все равно будет целовать Стену Плача в Иерусалиме.

Мы — разные. И потому нелепо требовать, чтобы весь мир жил «по законам шариата». Я, например, не хочу и не буду.

Хоть убейте.

И не я один.

* * *

Семьсот с лишним человек пришли на мюзикл «Норд-Ост». Плюс шестьдесят актеров. Плюс обслуживающий персонал. Плюс полсотни террористов. Итого — восемьсот с гаком. Человек двести будут штурмовать. Значит, тысяча...

И все должны в один миг погибнуть в результате взрыва: дети и взрослые, женщины и старики, вооруженные и безоружные, единственные и неповторимые...

Читаю в послании Бен Ладена телекомпании «Аль-Джазира»:

«Задачей первоочередной важности на данном этапе этой войны должна быть борьба с неверными, американцами и евреями».

Саддам Хусейн туда же: осуждаю, мол, террористическую акцию против России, но главные наши враги — это сионизм и американский образ жизни.

Раньше были на карте мира так называемые «горячие точки» — Ближний Восток, Афган, Чечня... Теперь «горячей точкой» становится весь земной шар. Уже и в Австралию, тихую и далекую, поступают цинковые гробы...

В чем же причина?.. Или причины?.. Нет, первопричина террора как главного бедствия человечества, шагнувшего в третье тысячелетие?..

Нам надо понять, распознать и предъявить миру эту жуткую тайну, эту, если хотите, философию террора как явления. Иначе не спасти нам ни мою дочку, ни тысячу других жизней в «Норд-Осте», ни миллионы заложников, которые хоть и не находятся в зале, а все равно сегодня таковыми являются, несмотря на то, что им кажется, будто они на свободе.

* * *

...Вторые сутки пошли и прошли. Добавили бессонницы, но не убавили тревоги.

Телевизор перегрелся, а телефон раскалился от нескончаемых звонков. Друзья и незнакомые люди... Сочувствие, поддержка, проникновенная теплота... Слова, слова, слова...

А изменений в лучшую сторону — кот наплакал. Освобождены считанные единицы. Но все вокруг пылает оптимизмом: штурма не будет; говорят, и ясновидящая какая-то пообещала, что все будет хорошо.

А может, действительно?..

Время от времени, наугад набираю Сашкин мобильный — вдруг ответит?.. Мало ли что там может быть?.. Вдруг произойдет чудо, и дочка ответит?..

Чуда нет. Есть реальность — восемнадцать смертниц, которых уже кто-то назвал «ходячими бомбами». В любой миг взрывные устройства на их поясах — по 2 кг пластида, начиненного гвоздями и шариками, — сработают, и тогда... Сорок детей, сидящих на балконе, и взрослые, что находятся вместе с ними, взлетят на воздух первыми жертвами и рухнут на головы тех, кто внизу. В братской могиле будет месиво рук, ног, голов и окровавленных камней...

* * *

В пять утра раздался звонок...

Трубку схватила Таня.

Звонок был оттуда:

— Таня, это Саша. Ты, наверное, знаешь, что мы в заложниках. Передай папе, чтобы он собрал друзей и знакомых сегодня утром на Красной площади на митинг против войны в Чечне, иначе нас перебьют. А если митинг будет, нас после 2-х часов отпустят... может быть... Нас — это детей из «Норд-Оста».

И гудки. Таня не успела ни о чем спросить. Но было ясно — по тону девочки, по скороговорке — Саша говорит по их указке, не своим голосом и не своими словами... Представился автомат над головой моей дочки...

Впоследствии Саша расскажет:

— Все дети были на балконе. Спали на полу, между креслами... Со свободных кресел сняли сиденья, — они служили нам подушками... И вот мы спим, вдруг выстрел... Это он нас так разбудил сразу всех...

— Кто «он»?

— Ну, один... У них один такой красивый был... На Рикки Мартина похож.

— На кого?!

— На Рикки Мартина... Певец такой есть, папа, Рикки Мартин!..

— И зачем он вас разбудил посреди ночи?

— Там еще... тетя была. Их.

Я заметил: Саша после освобождения не называла «их» террористами, как мы. «Один», «тетя»... Нет, это не «стокгольмский синдром»... Это чисто детское избегание «недетских» слов, интуитивное отторжение от политики, от жути жизни.

— И что эта «тетя»?

— Она сказала: вы сейчас должны позвонить домой и сказать то, что я вам сейчас скажу. И раздала несколько мобильных.

...«Ты, наверное, знаешь, что мы в заложниках» прозвучало совершенно неестественно, а вот «иначе нас перебьют» — слишком убедительно.

Что я должен был сделать? Не идти на митинг?.. Пренебречь ночным звонком оттуда, лечь спать и дожидаться, когда «профи» всех освободят, а «переговорщики» до чего-нибудь допереговорятся?..

Еле дождавшись утра, я бросился на Красную площадь. Я летел туда по зову дочери, находившейся на балконе, под которым была взрывчатка, и мне было глубоко наплевать, санкционирован этот митинг или не санкционирован. Мне казалось: раз есть хотя бы один шанс помочь детям, надо использовать этот шанс. «Главное — спасти заложников»? Так давайте спасать не словами, а делом! Митинг — так митинг. Да хоть бы что — лишь бы что-то. Тут любое действие — в помощь «главному».

Поэтому я очень удивился, увидев «ментов», перегородивших проход на Красную площадь со стороны Васильевского спуска.

— Будет санкция — пропустим. Не будет — останетесь здесь.

Вместе со мной у подножия Василия Блаженного оказались верные друзья и коллеги — Саша Гельман, Юра Ряшенцев, Миша Козаков, Володя Долинский, множество знакомых и незнакомых продолжали стекаться сюда, но было видно — народу недостаточно, чтобы акция выглядела весомой.

Масса журналистов, несколько телевизионных камер... Все крайне возбуждены...

Через живой эфир «Эха Москвы» я позвал москвичей прийти на этот митинг.

— Сейчас... сейчас прибудет автобус с Дубровки — там родственники заложников...

— В настоящий момент Ястржембский решает с московскими властями вопрос о санкционировании митинга. Подождите начинать. Минут через 15 будет известно решение.

Ждем. Хотя чего ждать-то... Народу уже собралось достаточно. Кто-то из молодых людей расстелил на асфальте ватманы, на которых оказались начертаны фломастерами импровизированные лозунги.

Наконец новость:

— Ястржембский сказал: для того чтобы получить официальную санкцию на митинг, необходимо собрать не меньше тысячи человек.

Кому сказал? И сказал ли именно так — за это не ручаюсь, но выяснять нет времени.

Плакаты подняты. Начинаю говорить первым:

— Проклятие войне!.. Проклятие террору!.. Не хочу, чтобы моя дочь умерла в 14 лет!..

Срываюсь на крик, а как, простите, тут не сорваться...

Мудрый Александр Гельман выступает не по-митинговому рассудительно: его речь обращена не столько к присутствующим, сколько к телезрителям — и это очень хорошо, если его слушают, если его услышат...

Следует еще несколько замечательных выступлений — и вдруг, откуда ни возьмись, какой-то провокатор вылезает с заявлением:

— Кавказ — Кавказу!.. Долой русских из Чечни!.. Это ваш Ельцин начал войну... Всех демократов к суду!

— Ты кто? — спрашиваю я. — Ну-ка, назови себя.

— Я азербайджанский журналист.

Врет. Я много раз бывал в Баку, знаю азербайджанский акцент.

— Вали отсюда!.. Мы здесь не за тем, чтобы ты тешил свою ксенофобию.

Похоже, именно этого господина я видел со спины во время штурма, когда обнаружили «связного» — информатора террористов.

Запомнился также улыбчивый милиционер, ходивший в толпе с блокнотиком, в который аккуратно переписывал с плакатов все тексты и лозунги.

Несанкционированный митинг (если это можно назвать митингом) закончился.

Теперь будем ждать: освободят детей после 2-х, или не освободят...

* * *

Не освободили.

Радуйтесь, те, кто считал, что не нужно «потакать» террористам. Радуйтесь, «патриотисты», чьи дети сейчас и всегда вне опасности: война в Чечне — чужими руками, чужими жизнями — будет продолжаться до бесконечности, и до бесконечности можно будет трепаться о том, как «черные» не дают нам житья, заволокли всю Россию... Прав был товарищ Сталин, учинивший геноцид чеченскому народу! Бей их! Дави!

Будем «чечнить» Чечню и дальше. А они будут «чечнить» нас. Кавказ для Кавказа! Бей русских!.. Бей сионистов!.. Бей! Бей! Бей!

...Не освободили. Как, однако же, кое-кому хорошо!.. Как, однако, это выгодно всем — и тем, кто организовал теракт, и тем, кто должен теперь применить силу для освобождения заложников. Руки развязаны, ибо есть веский аргумент в пользу кровопролития: с бандитами нельзя договориться.

К вечеру 25 октября я пришел к самому неутешительному выводу: штурм будет, вокруг врут.

Подтверждения тому прямо-таки посыпались на мою голову.

Во-первых, само «несанкционирование» антивоенного митинга есть не что иное, как нежелание «профи», чтобы им кто-то мешал. Общество следует готовить к применению силы, и все, что этому противоречит, должно этой «силой» быть отменено. Необходимо совсем иное: внушить

обществу в канун штурма, что все «мирные» инициативы провалены, много средства, нежели «удар по террористам», не осталось.

Вот и Жириновский (а в критические минуты к нему полезно прислушиваться, ведь он специально «проговаривается» в таких случаях, готовит нас к самым безумным действиям) в интервью по радио из Ирана кричал в своем обычном стиле: надо пустить газ, затем атаковать. Кто выживет — тот выживет, а кто не выживет... Таких будет меньшинство!.. Значит, по этому сценарию, Сашке моей уготовано или — или: оказаться либо в большинстве, либо в меньшинстве... Других вариантов нет!.. Это в лучшем случае. В худшем погибнут все.

И этот худший вариант наиболее реален.

Второй признак надвигающегося штурма — отмена прямой телетрансляции с места события. Было объявлено, что с утра 26 октября репортажи будут иметь лишь выборочный информационный характер.

Третий признак сродни второму: нам сообщили, что террористы намерены начать расстрел заложников с 6-ти утра. Но кто сообщил?.. Столь важное, а бы сказал, самое важное в ходе террористического акта сообщение по логике злодеев должны были взять на себя сами злодеи — тот же Бараев был просто обязан лично сказать об этом по телевидению — дабы еще больше устрашить нас и весь мир, не так ли?.. Но он почему-то этого не сделал. Самую страшную информацию мы получили из косвенного источника, без каких-либо подтверждений со стороны террористов. Значит, можно предположить, что искомый повод для штурма готовился вместе со штурмом.

Оцепление отодвигали от здания «Норд-Оста» все дальше и дальше. На 50 м. Еще на 50... Еще на 100...

Значит, бой, взрыв, осколки.

Чем ближе к утру 26-го, тем громче нам твердили: штурма не будет. А приметы близкой беды множились. То, что штурма не избежать, я ощущал уже просто физически. Освободили помещения для госпиталя, где можно разместить раненых... Где-то промелькнуло сообщение, что спецназ тренируется на точно таком же здании (я знал, что это дворец культуры «Меридиан», где мы не раз выступали). Последним пришло здоровое, если не циничное, осознание, что штурм «выгоден», он станет «звеном в общей мировой справедливой борьбе с международным терроризмом».

Все складывается чудесно, за исключением того, что в «Норд-Осте» Саша и еще восемьсот потенциальных жертв...

* * *

Днем 25-го октября позвонили от Савика Шустера:

— Приглашаем вас принять участие в сегодняшнем прямом эфире «Свободы слова».

Я понял, что это выступление — мой долг.

В «предбаннике» студии мы встретили Анпилова с группой товарищей. Они рвались в живой эфир, но встретили отказ: «Мы вас не приглашали». К моему удивлению, анпиловцы не стали возражать и исчезли так же тихо, как появились. Остались приглашенные.

Я подошел к Шустеру и попросил:

— Нельзя ли не акцентировать, что я отец Саши Розовской?.. Ведь если они там смотрят вашу передачу, это может отразиться на судьбе моей дочери...

— Да, может, — сказал Савик, внимательно посмотрев мне в глаза.

— Извините. Я хотел бы быть предельно осторожным сегодня.

— Понимаю, — сказал Савик.

Конечно, мы дули на воду. Я в тот момент и не знал, что в «Известиях» уже опубликован полный список заложников, и Саша, конечно, была в том списке...

За десять минут до эфира всех участников передачи предупредили: вытирайте выражения — вас смотрят не только телезрители, но и террористы. Так что «не навреди», «не вспугни», «не раззадорь зверя»... Я воспринял этот совет как чрезвычайно ответственное поручение. Слава Богу, нарастающую опасность штурма в тот вечер чувствовал не я один. Все выступавшие были единодушны: нельзя допустить бессмысленных жертв, войну в Чечне следует прекращать — и вовсе не потому, что того требуют террористы, а потому, что любому народу любая война — поперек горла.

Мое выступление в «Свободе слова» 25 октября было и сумбурным и косноязычным, но я страшно волновался, к тому же не спал уже двое суток.

Пришла пора, говорил я, не на словах, а на деле заканчивать то, чего не следовало и начинать. Те, кто держит в заложниках наших детей, совершают насилие. Они сильно заблуждаются, полагая, что насилие можно победить только насилием. Но и мы, к сожалению, разделяем то же самое заблуждение и тем самым загоняем ситуацию в тупик. Одно насилие рождает другое насилие, другое насилие — третье, потом будет четвертое, пятое, сотое... И эта цепочка бесконечна, конец чувствуют только мертвые. Я говорил, что Родина ответственна перед своими детьми. И если она посылала их на бессмысленную смерть в Афганистан и Чечню, то это должно, наконец, прекратиться.

«Сегодня, — говорил я, — единственный, мне кажется, способ — прямо, честно, без лишних слов, без демагогии, без разговоров о том, что «главное для нас — человек» (а при этом ничего не делать), — руководству страны принять ответственное политическое решение и вывести «избыточные войска». Я не специалист, я не понимаю, что такое «избыточные войска». Может быть, вывести все войска... Но Президент должен выйти к людям, — мне так кажется как просто обыкновенному рядовому гражданину, — и сказать:

— Дорогие мои! Сегодня во имя людских жизней, во имя освобождения заложников — детей, женщин и мужчин, я вынужден... подчеркиваю, вынужден!.. сделать то, что требуют от меня эти люди»...

Я говорил, что, как это ни тяжело, но сегодня другого пути к спасению всех и каждого лично я, к сожалению, не вижу. Мне скажут, говорил я, ну, что же ты такой «не патриот», как ты можешь такое советовать? Но когда сегодня еврей Рошаль и еврей Кобзон выводят оттуда русских людей — почему-то я не вижу русских «патриотистов» там! Почему я не вижу их?! Да, говорил я, у бандитов, у преступников нет национальности. Но нет национальности и у горя...

Последних моих слов никто не услышал — Савик Шустер начал читать душераздирающий список детей-заложников. Но последние свои слова я считаю наиважнейшими. Я сказал, что вся русская культура, вся русская история свидетельствуют о том, что насилием нельзя отвечать на насилие, и если бы за одним столом с нами сидел Федор Михайлович Достоевский, он бы рассказал нам, что такое терроризм и каковы его истоки. Я говорил, что жертвы никогда не приведут нас к главной цели — к концу войны.

...Нельзя одной рукой держать свечку в церкви, а другой голосовать за смертную казнь, как нельзя считать себя христианином и одновременно кровавить себя невинными жертвами.

* * *

И вот то, чего все боялись больше всего, началось.

Сердце застучало чаще, дыхание сбилось: замирая от ужаса, мы ждали взрыва.

К счастью, этого не произошло. И это была победа. Понеслись — строго дозированно, малыми порциями — информативные сводки, которым жадно внимал весь мир.

А между ними — хроника апокалипсиса: солдаты спецназа, выносящие отравленных людей. Их руки болтаются, многие без сознания... Их «складируют» прямо у входа. Мертвые?.. Да, несомненно, есть и мертвые.

Вглядываемся в ужасающие кадры: перед нами — ад. Нельзя смотреть на эту правду без содрогания. Правду жизни и смерти.

А глаза мои ищут в этой кишащей движением толпе Сашу — вдруг увижу?! Вдруг узнаю?!

Утро и вся первая половина дня — в психозе: где она? Обзвон больниц бесполезен — оба объявленных телефона заняты напрочь.

— Позвони Рошалью, — говорит Таня. — Вы же с ним знакомы.

Да, знакомы. Но...

— Неудобно, — говорю я.

— Удобно. Твоя дочь была в заложниках. Очень даже удобно.

Через полчаса выясняется, что Саша в Русаковской больнице.

Прилетаем туда. На часах — час дня.

Входим в палату.

Сашка под капельницей, лицо бледное, опухшее, но глаза — смеются...

Жива моя дочка!.. Осталась жива!

* * *

129 погибших... Много это или мало?

Сама постановка подобного вопроса — неприемлема.

Попробуйте объяснить актрисе нашего театра Виктории Заславской, которая сутки после штурма моталась по моргам Москвы и, наконец, обнаружила своего Арсения мертвым, что ее тринадцатилетний сын входит в это «мало» или «много» — как она это воспримет?

К матерям и близким погибших невозможно подступиться с утешительными речами — не только потому, что им тяжелее всех, но потому, прежде всего, что они знают — жертв можно было избежать, штурм могло не быть. Могло бы, если иметь в душе незыблемый постулат: жизнь каждого человека на земле единственна и неповторима. И потому бесценна...

А я сегодня — счастливый отец, счастливый безмерно. И безмерно благодарный тому неизвестному солдату, который вынес мою Сашу из здания.

Я поинтересовался у Пал Палыча, главврача Русаковской детской больницы, когда точно мою дочь привезли к ним.

— «Скорая помощь» с восемью детьми прибыла к нам в 7.15 утра. Троих сразу поместили в реанимацию. Ваша дочь шла сама и даже назвала себя — Саша Розовская. Мы ее спросили, где она прописана — на этот вопрос она не сумела ответить, сознание у нее в тот момент было мутное, рассеянное...

Значит, подвергшись отравлению «как все», Саша выжила потому, что ей страшно повезло — спецназовец вынес ее одной из первых. Задержись она там на полчаса — час, исход мог бы быть столь же трагическим, как у Арсения и Кристины. Ведь они там были и сидели рядом!

— Кристина много плакала! — рассказывала мне Саша потом. — Она вообще была очень возбуждена.

— А ты?..

— А я ее держала за руку. Крепко так держала и шептала: «Перестань».

Через несколько дней, стоя у могил Арсения и Кристины на Ваганьковом, я с горечью и болью представлял себе этих детей на балконе «Норд-Оста». Почему такое выпало на их долю? Почему именно они, наши дети, должны были рассчитываться жизнью за войну в Чечне? За эту проклятую войну, в миг террористического акта сделавшуюся из виртуальной абсолютно реальной... Как же нам должно быть стыдно, неловко жить после них! Всем, всем — и русским, и чеченцам...

Арсения я знал с пеленок.

Он в нашем театре был такой же, можно сказать, «сын полка», что и Сашка... Вместе все «новогодья», вместе летом на даче, вместе пошли и в «Норд-Ост»... 5-го октября Арсений сыграл главную роль — Саню Григорьева в детстве, а жить ему оставалось ровным счетом 20 дней...

И вот они лежат в своих гробах в церкви Ваганьково — Арсений Куриленко и Кристина Курбатова. Ранняя смерть сделала их похожими друг на друга, почти близнецами... Их не вернуть уже ни на сцену, ни в жизнь...

Слезы льются из глаз людей. И в то же самое время из глаз нелюдей проливаются «крокодиловы слезы».

Почему я, счастливейший из счастливейших, говорю сейчас так резко?.. Потому, что до гибели людской, до гибели детской говорил «осторожно», боясь «навредить». Однако нынче следует быть честным и высказаться до конца.

Давайте все же попытаемся проанализировать, что все-таки произошло на Дубровке, и сделаем кое-какие выводы.

* * *

Никто так и не доказал необходимость штурма как единственного способа сохранения жизни заложников. А факты говорят: план ответить насилием на насилие был принят с самого начала. Убийственный план, в основе которого всевечная позиция безбожников «цель оправдывает средства».

«Вечером в пятницу около Дубровки началась передислокация сил, — пишут «Известия» 26 октября. — Наш источник в ФСБ, дежуривший возле захваченного здания, подтвердил эту информацию. — Смотрите ночью телевизор. Через несколько часов все это закончится, — пообещал он». Как совместить все это с объяснением, что штурм начали из-за расстрела (гибели) двух заложников? Или эта «гибель» планировалась? — спецслужбам необходим был повод для начала штурма: если такого повода нет, его надо было выдумать.

«Штурм был вынужденной мерой», поскольку террористы пообещали расстреливать заложников. Это не так. Правда состоит в том, что никакого расстрела не было. А если он был, почему мы не узнали имена расстрелянных? Их надо было бы хоронить со всеми почестями, как героев, павших в борьбе с проклятым терроризмом. Всего этого не произошло. Ибо был не расстрел, а информация о расстреле, имитация расстрела, после которой можно было начинать пускать газ. Нужно было показать злодеев в виде злодеев — вот и показали. Для пользы дела.

Той же цели послужила смерть Ольги Романовой — той самой девушки, которая ринулась лично «освободить заложников». Святая простота!.. Однако каким-то чудом она прорвалась в здание, где ее, пьяненькую, и кокнули... Однако вопрос: кто все-таки виновен в ее смерти?.. Террористы, несомненно. И все же у этого убийства не расследованная тайна: кто из

наших пропустил девушку к зданию?.. Я был на Дубровке в первую ночь и свидетельствую: через стоявшие там оцепления муха бы не пролетела. Значит, подстава?.. Значит, решили: пусть дурочка пойдет, пусть... — нам это на руку, для нас это очень кстати. В подготовку штурма должна входить не только боевая часть работы, но и пропагандистская. Так в угоду главной цели можно принести в жертву чью-то жизнь. Для пользы дела.

Хорошо, если эта версия не имеет оснований. Но тогда почему никто и пальцем не пошевелил, чтобы найти и привлечь к ответственности то оцепление, через которое прошла невидимкой Ольга Романова?.. Молчок. Всплеснули ручками и — забыли!

В цивилизованном государстве, где власть ответственна перед своим народом, следовало бы провести не общее расследование, а расследование по каждому погибшему — и не в результате собственно террористического акта, а в результате нашей борьбы с террористическим актом. Но Дума недаром отказалась создать парламентскую комиссию, способную честно выявить обстоятельства трагедии на Дубровке. И это покрывает ее, Думу, несмыслаемым позором.

Селезнев что-то такое успел произнести: мол, Савик Шустер в канун штурма устроил «истеричку» на канале НТВ. И невдомек Селезневу, что это все мы, участники передачи «Свободы слова», делали в тот вечер все возможное, чтобы спасти людей, а он, Селезнев, сидя у телевизора, дулся от собственного «патриотизма» и «железной воли». Об «истеричных пораженцах» патриотически заявил в «Известиях» от 30 октября Олег Осетинский.

Куда всякий раз ведут нас эти самые «патриотизм» и «железная воля», мы знаем. Проходили: «Мы за ценой не постоим»... И верно: вот только цену назначают одни, а расплачиваются другие.

Неясно вот только, почему после победы на Дубровке, где свои перебили столько своих, в Чечне опять новые трупы да трупы? Чего добились те, кто «без истерики» провозгласили себя победителями?

Хороша победа!.. Их сорок, наших 129!..

— Но ведь могло же быть больше! Если бы не газы, погибли бы все.

Нет, дорогие. Никто бы не погиб — если бы не газы.

А ну как вообще никто бы не погиб — вот куда надо, и ни на миллиметр в сторону! Одно обещание переговоров, даже не сами переговоры, могло бы спасти людей. Одно только обещание переговоров спасло бы всех до единого. Может, стоило бы вспомнить Кутузова, которого отдельные дураки так же упрекали в свое время и в пораженчестве, и в антипатриотизме...

Но мы-то «Москвы не отдали». Мы решились на штурм. И что же?

* * *

«Нас не поставить на колени», — сказал президент... Сказано хорошо. А еще сказано: «Мы не смогли спасти всех»...

Да ведь и не пытались!

Как теперь жить-то будем — с чувством вины или без?.. Со стыдом или без стыда?..

Да, ситуация была трудная — из сложнейших. Но именно в таких ситуациях проверяется «наше все» — дух, культура, патриотизм, совесть, ответственность...

Хаос, возникший после штурма, — не выдумка «истеричных пораженцев», а классический пример преступной халатности и безответственности лиц, готовивших контртеррористическую операцию. По точному выражению Жванецкого: у нас «силовики», а нужны «мозговики». В самом деле, чем можно объяснить, почему спасательные работы не были просчитаны нашими «профи». Конечно, они ожидали, что будут жертвы, но не ожидали их в таком количестве.

Вслед за «Альфой», успевшей на входе надеть противогазы, должен был идти санитарный батальон со шприцами в руках. Укол антидота должны были получить все до единого, кто находился в здании. Но даже носилок не было — считанные единицы. Работало всего 80 карет «скорой помощи» — маловато на восемьсот отравленных газом. В 5 «автобусов» загрузили 100 человек, многие из которых живыми до больницы не доехали. Эти автобусы сразу же прозвали «автобусами смерти». Что творилось в них по дороге — известно одному дьяволу, ранее побывавшему в душегубках Освенцима.

Теперь можно все валить на террористов. Все, мол, из-за них.

Но террористы-убийцы не идут ни в какое сравнение с убийцами, действовавшими с нашей, так сказать, стороны. Все боятся назвать вещи своими именами! Но, повторяю, массового убийства своих своими же — можно было попытаться избежать. Попытаться избежать штурма.

Впрочем, собственно штурма и не было. Была стремительная газовая атака, сделавшая бой ненужным. Газа, конечно, подпустили больше, чем надо было. Тому оправдание — вдруг кто-то из «смертников» успеет рвануть взрывчатку. Не рванули.

Почему?

Это очень серьезный вопрос. Ведь многие заложники, даже большинство из них, заверяли, что слышали выстрелы поначалу, а отключились — потом. У террористов, несомненно, было 15–20–30 секунд, чтобы понять, что наступают их последние минуты. К тому же, находящиеся в разных концах зала, они не могли заснуть все одновременно, секунда в секунду. Ждали команды, которая не поступила?.. Вряд ли, скорее в кульминационный момент смертникам предписывалось самим «проявить инициативу»: каждому фанатику-шахиду предлагалось идти в рай счастливым героем-мстителем. За этим они сюда и ехали!.. И миг смерти для них был бы мигом счастья...

Так почему же они не взорвали зал? В конце концов, за эти 15–20–30 секунд они могли уничтожить ползала, поливая по нему из автоматов Ка-

лашников или бросив пяток гранат. Они не сделали этого. Почему? Потому, что предпочли смерть, по их понятиям, мученическую, то есть за идею. Простой суицид им был не нужен, о чем они, между прочим, сразу заявили заложникам: «Мы не хотим вас убивать. Мы хотим, чтобы вы не убивали нас». Странные какие-то террористы!.. С одной стороны, негодяи, подонки, бандиты, захватившие семь сотен ни в чем не повинных людей. С другой — кроме «подсунутой» Ольги Романовой, они, правду говоря, убили — кого?.. Ну, назовите еще имена!..

Была ли у них настоящая взрывчатка? Это вопрос вопросов. Если была, террористы, сознательно отказавшиеся ее применить, заслуживают и получают право именоваться скорее смертниками. Если же взрывчатка была фальшивая, знали ли об этом спецслужбы?

Знали? Значит, штурм — преступление.

Но ведь если не знали, если думали, что взрыв здания возможен, штурм делался начисто неприемлемым.

Неужели газ давал такую твердую уверенность в успехе операции?

* * *

Газообразное вещество, которым через вентиляционные трубы дурманили всех подряд — и заложников и террористов, — назвали фентанилом и сразу стали доказывать, что это не боевое отравляющее вещество, относимое к химическому оружию, а некое наркотическое усыпляющее средство, применяемое в медицине (кстати, почему-то никому из медиков неизвестное). Фентанил, пушенный в зал, сделал свое дело — террористы разделили смертную участь с теми заложниками, кто задохнулся отравой. Первыми ушли из жизни люди, чья сердечно-сосудистая система оказалась не готова к испытанию на прочность. Фентанил выполнил боевую задачу на «отлично» — теперь за дело могли взяться «отличники» стрельбы по спящим.

Да здравствует фентанил!

Он опробован на людях и показал себя с самой лучшей стороны. Результаты — налицо. Никто не ожидал такого блеска, иначе кто-то должен был подумать, что за несколько минут надо будет вытащить из этого ада восемь сотен человек. Никто не подумал. Опыта подобного не было.

Теперь есть. В следующий раз после применения фентанила на штурм пойдет дивизия со шприцами и носилками.

А тринадцатилетнего Арсения уже нет и не будет с нами...

* * *

Представляется диким праздничек в арабских кварталах после 11 сентября. Однако было бы большой глупостью считать, что эти песни, пляски и вздымание рук чем-то отличаются от нашего «чувства удовлетворения» при виде заснувших вечным сном в картинных позах девушек-шахи-

док. Смерть — любая, даже смерть врага — не может радовать. А если радует — значит, мы такие же, как и наши убийцы.

Наступает эпоха контртеррористических операций, опасных для человеческой жизни ничуть не меньше, чем операции террористические. События на Дубровке учат нас: не дай Бог, случись дальше что-то подобное, заложники будут опасаться своих спасателей не меньше, чем террористов.

Возмездие злу — необходимо, спорить тут нечего. Но наше зло должно при этом убывать, а не увеличиваться. Иначе чем мы лучше Бен Ладана?! И как бы в борьбе с терроризмом нам самим не вступить — вольно или невольно — на сомнительную дорожку «кровавой мести». Наказывая терроризм, мы хотим утверждать братство людей, а не человеконенавистничество. В том есть и будет главное отличие людей от нелюдей. Но если нами правит асимметричный «ответ», если «акция возмездия» — на уровне Буданова и ему подобных, — лично мне становится стыдно за христиан, за Россию, за себя как гражданина своей страны. Чувство сострадания сегодня во многом растеряно в нашем народе. Жажда крови поразительно легко побеждает души опустошенных людей. И это толкает нас на фронт — в мирное, по существу, время.

Отечество в опасности... Да, в опасности — потому что злобе и злобствованию не ставятся пределы. К примеру, закрытие Комиссии по помилованию — это маленькая частность, но очень уж показательная. Мораль не подключается к исполнению закона, потому-то на законы можно плевать, можно «договариваться» с властью, как законы обходить.

Приведу одну цитату:

«Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы... Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие... Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?»

Это слова, сказанные Иваном Буниным аж в 1924-м году и адресованные товарищу Ленину. Тому самому, кто, пытаясь сохранить себя у власти, первым делом после октябрьского переворота уничтожил оппозицию во всех видах, утопил в крови Родину — от Крыма до Владивостока, санкционировал концлагеря для политических противников (в том числе для детей-за-

ложников) и — внимание! — применение удушливых газов против тамбовских крестьян, восставших и не склонившихся перед советской властью.

Так что газы — это нам не впервой вдыхать. Фентанил — не фентанил, но... Вся наша история, можно сказать, это вдыхание миазмов полной грудью. Мы просто десятилетиями наслаждались трупными запахами — «лес рубят — щепки летят!», «убить человека — трагедия, убить миллион — статистика».

Террор всегда был удобен властям — в ответ развязывалось насилие гораздо большего масштаба, государство чувало «полезность» террора для себя лично и всегда радовалось возможности учинить новое насилие в борьбе со старым. Режим укреплял себя постоянным кровопролитием, и народ — куда ему деться? — шел на закляние.

* * *

В середине ноября в «Известиях» появилась статья диакона Андрея Кураева, главная мысль которой: есть люди «равнинные» — это мирные землепашцы, трудяги и нравственно чистые (читай: русские), а есть «горцы» — это те, кто кочует, ворует скот и людей, совершает набеги на «равнинных». Простое разделение, ничего не скажешь. И главное, удобно: «мы» — хорошие, «они» — плохие. Вся Чечня — разбойники и убийцы. Вся Чечня — негодяи и воры. Вся Чечня — криминал и рабовладельческое «племя». Народ-подлец. Народ-боевик. Народ-враг. Ну, как тут не сделать вывод о неизбежной, объективно оправданной войне с «разбойниками». Оказывается, не ваххабизм, не терроризм исламских радикалов, не денежно-нефтяные интересы — первопричина войны и террора, а родовой строй Чечни, психология и менталитет «горцев». И читатели в большинстве своем (что и ужасает) немедленно поддерживали ретивого церковника. Вот так диакон провозглашает право на насилие «без спецназа», вручает своим «овцам-прихожанам» оружие обороны от чеченцев. Проповедь на проповедь. Фанатизм на фанатизм.

Можно ли с таких позиций хотя бы помечтать о конце войны?

Да никогда!.. Да и если Чечня нам столь чужая, что ж мы так упорно боремся за объединение с нею, за целостность России?

* * *

Мы живем в мире, который не живет в мире. Выражение ненависти сделалось повсеместным. Противостояние — стандартная поза. Все имеет своего любимого врага, которого готовы изничтожить круглосуточно и любыми средствами. Каждый борется с кем-нибудь. И каждому от кого-нибудь есть своя угроза.

Современный мир погряз в терроре. Человек звереет. Гуманизм сделался посмешищем. Слыть добрым — значит слыть слабым. Даже в Изра-

иле сегодня многие не понимают тех евреев, которые, видите ли, «дали себя сжечь в печах Освенцима». Слабость не вызывает к жалости, как прежде. Теперь слабых бьют — и это нормально. Жестокость — это нормально. Но мало убить врага. Его еще надо испепелить, превратить в ничто. А перед этим хорошо бы унижить, хорошенько оскорбить.

Враг тоже хорош. Зная, что я его не пожалею, он в долгу не останется, ответит тем же, но втридорога.

Ужас схватки перестал ужасать. Бьются друг с другом группы, кланы, каналы, команды, партии, фирмы, классы, альянсы, мафии, армии, администрации, демонстрации и др.

Бьются друг с другом одиночки. И — что, может быть, самое страшное — бьются друг с другом семьи. Дом на дом, улица на улицу, поселок на поселок. Очень хорошо натравливают нацию на нацию. Ксенофобия — на любой вкус. «Наши» враждуют с «не нашими», и попробуй не присоединиться к тем или другим.

Кастет, нож — это вчера. Сегодня — танк, автомат Калашникова, пистолет Макарова.

Число так называемых немотивированных убийств в нашей стране возросло до такой степени, что общество даже радо этой немотивированности: уж лучше так, чем сознательный кровавый разбой. Между тем, это число — показатель нравственной деградации.

Даже верующие способны пустить кровь: «Наша вера — лучше вашей, а ваша — хуже нашей. Бей неверных». Бывает: Церковь вовсе не проклинает кровопролитие, а наоборот: кропит оружие святой водой, освещает идущих в атаку. Именем Бога устраивают резню. Именем Бога превращают человека в волка. Именем Бога учат убийству — науке вlepплать пулю с любого расстояния или подплывать с миной с любой глубины. Очень любят цитировать Христа: «Я принес вам не мир, но меч» — и пытаются нам внушить при этом, что заповедь любви к ближнему отменена.

Пора осознать, что у народа цель — жить, а у тех, кто хочет воевать, — наживаться.

Около чеченской трубы, игорного бизнеса, московских гостиниц — ни для кого не секрет — круговерть «зеленых», каждодневно подпитывающих войну: покупка оружия, покупка тех, кто готов убивать за деньги. Многократно приходилось слышать от авторитетнейших людей: «Если б мы действительно хотели кончить войну, мы б ее давно уже закончили». Удивительный цинизм. Но никого он не удивляет. Вроде бы всем все ясно. Однако все остается по-прежнему: риторика риторикой, война войной.

* * *

Терроризму нет оправданий. Но нет оправданий и неумелой непрофессиональной борьбе с терроризмом. Наш «антитеррор» обернулся ги-

белью 129 живых душ. Их решено списать, вывести из списков недавней переписи населения по причине «смерть от удущья».

То гексоген, то фентанил... Что за напасти нового типа?! То своя же торпеда на «Курске»... Не много ли этих «своих», приносящих беду?... Как что-то жуткое случается, тотчас находятся молодцы, рьяно желающие прикрыть правду — о Чернобыле, о «Курске» ли, теперь вот — о «Норд-Осте»... Для начала путают карты, выпускают множество версий, — какая из них «липовая», а какая правда, поди, разберись!..

Обыватель и не разбирается.

Разбирается гражданин.

«Отойдите в сторонку, граждане России»!..

Многие погибшие на Дубровке получили фальшивый диагноз: «умерла от воспаления легких», «скончался от стресса»... А через год, через три, через десять лет отравленные заложники, сейчас выглядящие здоровыми, не дай Бог, получают осложнения в организме — будут ли они считаться жертвами теракта? Или все забудется и останется шито-крыто?

У национальной безопасности есть все — доктрина, деньги, люди, здания, оружие, свой президент... Не хватает маленько морали для осуществления своей деятельности, да ведь этой мелочи и раньше не всегда было в избытке.

Ох, уж эта «мораль»... Надоело слушать.

То им не так, это им не так. Прослушивание телефонных разговоров, говорят, надо запретить. Тыкать ядовитым зонтиком в нужного прохожего, считают, нехорошо. Доносительство в массах осуждают. Секретность рассекретили. Как работать в таких условиях?.. Как обеспечивать?

Жаль, в теракте на Дубровке участие мировой террористической мафии не доказано — Мовсар Бараев очень бы нам услужил, если бы немного потрепался по телефону не с каким-то чеченцем в Турции, а с этими Усамой или Омаром, — это был бы от него большой подарок и ФСБ, и ЦРУ.

Спецслужбы нашей страны... Здесь главное слово «нашей». Чьей — нашей?.. Той, которая была, или той, какой надлежит быть? Если мы так и будем делать жизнь «с товарища Дзержинского» — значит, вседозволенность по-прежнему окажется подлейшей реальностью нашей истории. Нам всегда будут предлагать безопасность, от которой в недавнее время гибли миллионы.

Наши спецслужбы справляются!.. Ждите!.. Сохраняйте спокойствие!

Между тем, главная деятельность спецслужб состоит в рутинном внедрении в ряды бесчеловечного врага. Много ли среди чеченских боевиков наших тайных офицеров?.. Возможно ли постоянное предупреждение о готовящихся терактах? Насколько серьезны те или иные планы бандитов?.. Если разведка в силах отвечать на эти вопросы, наша безопасность обеспечена.

У нас же безо всякой разведки всем известно, что военные в Чечне продают оружие противнику. И это абсурд. Но это и правда, от которой наши слепоглухонемые спецслужбы отмахнулись. Абсурд в том, что этот «бизнес» на крови своих же солдат по сути то же явление позорного аморализма, что газовая атака с непросчитанными последствиями. Пройдет немного времени — кто-то получит ордена, кто-то понесет ответственность за «ошибки». Однако важно другое: для борьбы против терроризма необходима система, не имеющая ничего общего со старой Лубянкой.

Признаемся честно, на протяжении десятков лет мы более чем плодотворно сотрудничали с международным экстремизмом — многие лидеры и известные своей агрессивностью организации пухли от наших тайных и открытых вкладов в их сомнительные режимы и дела. Сегодня на щеках Арафата следы поцелуев множества советских коллег, а в его слабеющих руках бухгалтерские отчеты с росписями, свидетельствующими о нашем давнишнем «присутствии» — зримом и незримом — в партии «ФАТХ», боевом ядре фанатиков ислама. Такие террористические организации, как «Хамас» и «Хезбалла», провозглашающие и реализующие «джихад», от нас не получили до сих пор не то что отпора, но даже формального официального осуждения.

Мы по-прежнему политиканствуем, играя «во все лузы». Мы или выжидаем, когда ждать не стоит, или молчим, когда надо бы иметь мужество сказать правду...

Все это вдохновляет террористов на новые подвиги. Когда же дело касается нас, мы, забыв о своих «друзьях», найденных среди волков, начинаем ахать и охать...

Тут-то и бывает поздно.

Ибо нельзя одним местом сидеть на двух стульях, нельзя целоваться с кем ни попадя. Нельзя врать себе и своему народу.

* * *

Последствия отравлений непредсказуемы. Но можно было предсказать, что у отравлений будут последствия.

Да кто ж их считает, эти «последствия»?

Те, у кого сила и кому, по поговорке, «ума не надо», о них и не задумываются. К счастью, объявлено, что пересмотра военной доктрины для допуска применения ядерного оружия в ответ на террористическую угрозу не будет. Уже хорошо.

Из двухсот спецназовцев, атаковавших театральный центр, никто не пострадал. Это большое достижение тех, кто выполнял свой долг и приказ. К «Альфе» и «Вымпелу» нет никаких претензий. Есть одна благодарность, и преогромная: они сделали все, что смогли.

Вот только...

«Тридцать процентов потерь — хороший показатель».

Ну да. А если бы пообещали переговоры? Если бы не погиб никто?

Но тогда «показатель» не был бы таким «хорошим». Тогда «показателем» было бы «унижение России». Таково главное заблуждение, от которого веет смертью и только смертью.

«Честь государства российского спасена» — это как смотреть и что считать «честью». Если в честном бою наших полегло в три раза больше, чем противника, извините, кто тогда из нас «пораженец»?..

Доводы, что сколько-то там процентов погибших с нашей стороны — «это нормально», совершенно неприемлемы. Вот это и есть «пораженчество». Профессионализм — в том, чтобы попытаться полностью избежать потерь. Это не идеализм. Так и только так следует практиковать.

«Государство не должно поддаваться терроризму». Конечно, не должно. Но если Вас шантажируют, ответьте тем же — сумейте обмануть террористов. Пообещайте им все, чего они требуют. Взамен в первую очередь освободите своих граждан. Мстить можно потом. Сначала — освободите. Спаси своих — главная задача государства и военных. Дело чести.

И как может идти речь о цене: допустим или не допустим какой-то процент погибших?! Никакой процент недопустим. Ни один наш человек не должен погибнуть. Только так. Все остальное — или плохая работа, или безнравственность.

Потери могут быть лишь в том случае, когда все другие способы и методы провалились.

Отравление всех подряд предполагало неминуемые жертвы — значит, его надо было отвергнуть.

Но другой «сценарий» на Дубровке всерьез не игрался.

Повторюсь: предупредить опасность взрыва можно было, пообещав сесть за стол переговоров, даже пообещав вывести войска. Да, это было бы компромиссом, но никак не «унижением России», ибо главная ценность для страны — жизнь ее граждан.

Штурм могло бы не быть — так я считал тогда.

Теперь, по прошествии времени, убедился: штурм не должно было быть!

* * *

Не прошло и сорока дней с момента гибели первых заложников, а некоторые родственники при поддержке и наущению знающих законы адвокатов потребовали от московских властей сколько-то миллионов долларов (по миллиону за каждого погибшего). Московскую мэрию попытались объявить ответчиком за случившееся. Вроде бы мы можем следовать цивилизованным нормам — во Франции, говорят, именно по миллиону платят за каждый труп, давайте, мол, и у нас это дело провернем... Вдруг «халява» отвалится?..

Началась большая шумиха в прессе — имеют ли право они что-то требовать, или такого права у них нет.

Власти, конечно, испугались — кому захочется отдавать в перспективе 129 миллионов долларов. С другой стороны, дело шепетильное: не захочешь отдавать — прослынешь черствым, равнодушным к горю людскому чиновничеством.

Сразу сделалось как-то противно на душе. Конечно, можно понять нуждающихся. Но на «Норд-Ост» ходили не нищие, не «бомжи». Да и московская мэрия — тоже пострадавшая сторона.

Что-то тут в этой затее есть аморальное. Желание погреть руки на холодном трупе?..

* * *

Жизнь человеческая не может быть картой в игре.

Нельзя бороться с террором лоб в лоб. Надо быть хитрым и изворотливым, надо находить в себе силы и для притворства, и для кажущегося отступления.

Война — подлость. И на войне как на войне — побеждает тот, кто бьет по чужим. А не по своим. А у нас те же прекрасно знакомые подходы: неважно, сколько мы положили наших, важно, что мы положили «не наших» Только относительно «не наших» приходится сомневаться: ну в самом деле, по столь «ответственному» за этот теракт Масхадову что-то никто так до сих пор и не ударил! А сколько было разговоров!.. Сколько праведного гнева! Сколько пропаганды!..

И ничего. Как была война, так войной и осталась. Трупы множатся, несмотря на то, что «восстановление Чечни идет полным ходом».

Значит, выгодна война тем, кто не хочет ее кончать, кто хочет ее бесконечного (от выборов до выборов!) продолжения.

По трубе течет кровавая нефть. И пусть себе течет — в чьи-то карманы война спускает денежки, и большие, между прочим.

А в заложниках у этой войны кто?.. Не мы ли все?

Чечня есть прорва. Но за наш счет. Федеральное финансирование устроено таким образом, что половина денег на так называемое восстановление остается в Москве: заказчики и подрядчики производят дележку и лишь затем другую половину отдают по месту назначения, а здесь начинается новый раздел. Выгода от этого процесса очевидна как боевикам, так и центру. Бюджетные деньги для того и планируются в бюджет, чтобы их разворовывать. Вы взрываете, а мы будем чинить. Ремонт — одно из самых сверхприбыльных, а потому и сверхдлительных ассигнований — тут каждая волна имеет «откат», и этот прилив — отлив бесконечен. Одни «бандиты» кормят других «бандитов», и всем от этого только хорошо.

Так что надеяться на окончание этого чудесного со всех точек зрения процесса под названием «война» просто глупо. Все предусмотрено. Гробы заложены в бюджет. Трупы инвестированы...

* * *

Каждый день знакомые и незнакомые люди спрашивают:

— Как дочка?... Как Саша?

И ждут, что я отвечу: «Все хорошо. Она вполне здорова».

И я примерно так и говорю. Иногда добавляю:

— Все в прошлом.

Но это не так. Ибо правда в том, что результаты анализов крови скачут — то норма, то плохо... И так может продолжаться еще долго... Последствия сильного отравления непредсказуемы. Они могут проявиться и через год, и через три... И даже позже. Конечно, вся надежда на силу молодого организма...

— Это как Чернобыль, — сказал мне один знающий врач. — Никто не знает, как оно может обернуться.

Конечно, для Саши самыми тяжелыми — может быть, еще тяжелее, чем дни и ночи на Дубровке, — оказались те три больничных дня, когда, лежа под капельницей, она узнала о смерти Арсения и Кристины.

Саша проявила волю, удивившую даже врача-психолога, сказавшего буквально так:

— У вашей дочери огромный психофизический ресурс.

Не знаю, действительно ли это так, но Саша нашла в себе силы, можно сказать, прямо из больницы поехать в канун похорон в храм Ваганьково на отпевание. Я думаю, четырнадцатилетняя девочка пережила в это время столько, сколько иным взрослым хватило бы на всю жизнь.

Сегодня Саша вполне адекватна, ее раненая душа взрослеет и крепнет.

Мы не расспрашиваем дочь о том, «что там произошло», — довольствуемся тем, что она сама рассказывает... А она больше молчит. Рассказывать подробно ее не тянет. По крайней мере сейчас...

Но, конечно, и забыть она явно не может... Это проявляется в каких-то мелочах, деталях.

Вот, к примеру, мы стоим у лифта. А из него — открываются двери — выходит сосед, чудный парень по имени Игнат, студент юридического факультета МГУ. Он отрастил короткую черную бородку и, надо ж такому случиться — надел камуфляжную куртку... Саша сталкивается с Игнатом нос к носу...

Отпрянула, будто обожглась!

Другой случай. Вместе с новой подругой своей Алисой Саша смотрит в Театре «У Никитских ворот» премьерный спектакль. По ходу представления в один прекрасный момент на сцене появляется женщина-милиционер, которая при встрече с хулиганом стреляет холостым в воздух.

Зрители в этот миг смеются, как по команде. Саша же в момент выстрела — нагнулась и спрятала голову за спинку впереди стоящего кресла. Единственная!.. Никто так больше не прореагировал.

Значит, Страх сидит в ребенке-подростке где-то в подкорке и долго, вероятно, еще будет сидеть.

И еще:

— Саша, а не хочешь, — спрашиваю я ее недавно, — сыграть девушку в моем мюзикле «Парфюмер»?..

— Нет, папа, — твердый ответ.

— Почему?

— Не хочу играть жертву!

Я ахнул. Но спорить не стал. Пройдет какое-то время, и я, конечно, попытаюсь ей объяснить, что при таком решении нельзя быть актрисой. Что это значит заранее отказаться от множества ролей мирового репертуара, потому что героини самых великих пьес сплошь и рядом именно «жертвы»...

Но сейчас...

Да, время лечит. Жизнь продолжается. Новые чувства, новые переживания неизбежны, и на них вся надежда...

Однако, можно понять мою Сашку: «жертвами» быть невыносимо. И в театре, и в жизни...

«Континент», № 116, 2003

«С ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ!...»

Галина КОВАЛЬСКАЯ
(«Еженедельный журнал», Москва)

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

**Армянские мужья русских жен, украинские жены русских мужей
в одночасье стали в России нелегалами и подлежат депортации**

Когда Александр Васильевич Нистрян, далеко уже не мальчик, бывший чернобыльский ликвидатор, много чего в этой жизни повидавший, произносит: «И вдруг я Ее встретил», — он молодеет лет на двадцать. Ему вроде бы и неловко так откровенно выплескивать свои чувства и вместе с тем так приятно говорить о своей Татьяне, что он не может удержаться и снова, и снова, рассказывая о чем-то совсем другом, заводит речь о ней. И предлагает мне, человеку вполне постороннему: «Вы бы заехали как-нибудь в гости, полюбовались на нашу куклу», — это об их двухлетней Настеньке. Так и хочется написать: «Вот оно, семейное счастье», — но как раз счастья-то и нет. Потому что с 2002 года в России действуют новый закон «О гражданстве Российской Федерации» и закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые ни много ни мало ставят под сомнение самую возможность Александра и Татьяны быть вместе и вместе растить свою дочь.

У Александра российский паспорт, у Татьяны — украинский, она «иностранная гражданка». Они расписались в 2000 году и вскоре попытались подать прошение о получении Татьяной российского гражданства, но как раз в 2000-м прежний порядок, при котором бывшему гражданину СССР, чтобы стать россиянином, достаточно было изъявить такое желание, перестал действовать. Вернее, формально он действовал до принятия весной 2002 года нового закона о гражданстве, но фактически в ожидании этого нового закона заявления перестали рассматривать уже с 2000-го и даже с конца 1999-го. Новый порядок получения гражданства предполагает, что соискатель сначала получает вид на жительство и потом, прожив с видом не менее пяти лет, может просить о гражданстве. Для супругов российских граждан, впрочем, этот испытательный срок всего год. Но вид на жительство дают лишь тем, кто может представить доказательства наличия у него жилплощади, а у Тани своего жилья в России нет. В квартире Александра живет его первая жена с его сыном и своей матерью, и она категорически не дает согласия на то, чтобы Татьяну туда прописали. Татьяна с Александром квартиру снимают и никак не могут взять в толк, почему это обстоятельство не позволяет обменять украинский паспорт на российский: «Мы же снимаем на свои деньги, ни у кого не просим».

Выехать и снова въехать

После того как 1 ноября минувшего года вступил в действие закон о правовом положении иностранных граждан, процедура еще более усложнилась. Теперь вид на жительство дают только тем, кто год прожил в России со статусом «временного проживания». А для того чтобы законным образом испросить статус «временного проживания» иностранцу, живущему в России, необходимо вначале получить разрешение на «временное пребывание». Не путать! Разрешение на временное проживание выдается на три года в пределах квоты на численность иностранных граждан. Эта квота определяется властями каждого региона в отдельности, потом сводится воедино и утверждается правительством. Слава Богу, супругам российских граждан, а также нетрудоспособным родителям и детям нетрудоспособных родителей российских граждан разрешение дается вне квоты. А «временное пребывание» — это та же регистрация, только теперь, по закону о правовом положении, она для тех, кто имеет визу, определяется сроком действия визы, а для тех, кто въехал из ближнего зарубежья «в порядке, не требующем получения визы», «не может превышать девяносто суток». Закон о правовом положении требует от иностранцев, пересекающих границу, заполнить миграционную карточку на границе (это анкета вроде тех, что мы заполняем в самолете, направляясь в некоторые страны), а от тех, кто, как Татьяна, уже жил здесь на момент вступления в действие закона, в двухмесячный срок взять карточку в своем ОВИРе. Заполнил карточку — получил на три месяца статус «временного проживания». Если не заполнил и не получил, ты нелегальный мигрант и тебя в любой момент могут задержать и депортировать.

Казалось бы, путь «легализации» сложный, но понятный: получаешь «временное пребывание», подаешь на «временное проживание». Не тут-то было! Срок рассмотрения заявлений о «временном проживании» по закону — шесть месяцев. Плюс еще месяц дается ОВИРа́м на то, чтобы проинформировать соискателей о принятом решении. А «временное пребывание» заканчивается через три месяца, повторно зарегистрироваться нельзя! И дальше ты опять нелегальный мигрант. Живущие в России иностранцы вроде Татьяны и лица без гражданства — то есть обладатели советских паспортов, до сих пор не удосужившиеся или не сумевшие поменять их на какой-либо национальный, как прослышали про такой порядок, бросились кто в милицию, кто в ОВИР с вопросами: как быть? Как сохранить легальный статус? Милиционеры всюду пожимали плечами: дескать, сами не знаем. Потом додумались: в большинстве случаев дают совет через три месяца выехать из России и снова въехать, снова получить карточку и опять, как свежеприбывший, оформлять «временное пребывание». Интересно, авторы закона на это и рассчитывали? Если да, то зачем?

На самом деле, конечно, разработчики закона об этом не думали. Они, как, видимо, и законодатели, дружно проголосовавшие за эту нелепость, во-

обще не думали о тех, чей правовой статус закон регулирует. Совершенно очевидно, что ездить за границу и обратно люди не будут. А будут либо прятаться от милиции и откупаться в случае, если их застукают с просроченной регистрацией, либо быстро найдут какую-нибудь «фирму», которая поставит им повторную регистрацию за сравнительно небольшую мзду. Такие «фирмы» и сейчас существуют, и наши бывшие соотечественники, а ныне иностранные граждане, порой прибегают к их услугам в ситуации, когда легально зарегистрироваться почему-либо не получается. Законы вроде закона о гражданстве и особенно о правовом положении иностранных граждан принято называть «взяткоемкими».

Сразу после вступления в силу закона о правовом положении в ОВИРах карточек не было. Прибывавшим за ними испуганным украинцам и узбекам иронически советовали: «А вы больше телевизор смотрите, там и не такое расскажут». Однако перед самым новым годом карточки появились. Естественно, российские чиновники первым делом попытались на этом деле нажиться. Недавно пересекавший русско-украинскую границу уроженец Днепрпетровска рассказывал, что пограничники хотели за каждую карточку по 20 долларов: «Сказали: без этих карточек вы в России теперь никто». А другой анонимный собеседник жаловался, что в одном из ОВИРов заломили и вовсе безумную цену: три тысячи рублей за штуку. Это, конечно, возможно, только пока миграционная карточка — вещь новая и непривычная: скоро все будут знать, что ее обязаны выдавать бесплатно.

По свидетельствам очевидцев, почти по всем ОВИРах развешаны объявления, что документы на временное и постоянное проживание (вид на жительство) до поры не принимаются. Конечно, никто пока не понимает, как этот статус оформлять, по каким реальным критериям предоставлять или нет, как обращаться с данными о квотах и прочее. Чиновников понять можно, но каково несчастным иностранцам и лицам без гражданства, у которых вскорости заканчивается «временное пребывание». Впрочем, нашей Татьяне не станет легче, даже когда ОВИРы начнут принимать документы. Потому что среди оснований для отказа в выдаче разрешения на временное проживание значится такое: «По истечении трех лет со дня въезда не имеет жилого помещения». Так что у нее на сегодняшний день нет шансов получить не то что вид на жительство, но даже и разрешение на временное проживание. К счастью, Татьяну с ее славянской внешностью и двухлетним ребенком не останавливают на улице милиционеры. Но, скажем, пособие на ребенка она, как негражданка, не получает, и, если вдруг соберется пойти работать, ее на законных основаниях на работу не возьмут.

Ни работать, ни отдыхать, ни лечиться

Иностранцев со статусом «временного пребывания» теперь имеют право взять на работу только те работодатели, у которых есть на то специальное

разрешение. «Иностранный гражданин, — говорится в пункте 4 статьи 13 закона о правовом положении, — имеет право осуществлять трудовую деятельность только при наличии разрешения на работу». При этом в законе ни слова о том, кто и при каких условиях должен выдавать такие разрешения. И никаких оговорок насчет того, что женам, детям и родителям российских граждан можно работать на тех же основаниях, что и россиянам. Получается, что люди, живущие и работающие в России годами, но не имеющие гражданства, в ближайшее время все должны быть уволены.

Бывшая бакинка Ольга Кацоева живет в Подмоскowie с 90-го года. Ей повезло: она вскоре после приезда устроилась на работу на Краснохолмский камвольный комбинат, там и работала 12 лет, и жила в комбинатском общежитии. Поначалу о гражданстве не задумывалась, но в 99-м поняла, что со временем придется и пенсию выправлять, да и вообще нужно как-то определиться со статусом: подала документы на гражданство. Ответили ей только в 2001-м: мол, старый порядок больше не действует. После принятия закона о правовом положении Ольгу уволили с комбината (там шло сокращение, вот администрация и решила заодно избавиться от «незаконных» работников) и требуют, чтобы она выселилась из общежития. Выселяться ей некуда, уезжать из России тоже некуда: азербайджанского гражданства у нее никогда не было, а получить российское она не может, поскольку у нее теперь нет жилья.

Кроме отсутствия жилья, предусмотрено и такое основание для отказа в получении статуса «временно проживающего»: «Не может представить доказательств возможности содержать себя и членов своей семьи в Российской Федерации в пределах прожиточного минимума, не прибегая к помощи государства...» (пункт 8 статьи 7). Вроде бы правильная идея: не плодить иждивенцев и нищих. Но правильно, если бы эта норма распространялась только на вновь въезжающих. А как быть тем, кто живет и работает здесь, женам и мужьям россиян, чьи зарплаты часто не позволяют содержать членов семьи в пределах прожиточного минимума? Минимум у нас сейчас около двух тысяч рублей (в разных регионах по-разному, но в среднем под две), если в семье четыре человека, соискатель должен предоставить справку о доходе в восемь тысяч рублей. Много ли рабочих мест с такими зарплатами? Еще один замечательный мотив для отказа: «...страдает одним из инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих» (пункт 13 статьи 7). Что имеется в виду: туберкулез? сифилис? чесотка? Есть ли хоть одно инфекционное заболевание, которое не представляло бы опасности для окружающих? В законе говорится, что «перечень таких заболеваний и порядок подтверждения их наличия или отсутствия утверждаются правительством РФ». Пока такого перечня и порядка подтверждения нет.

Юрист Ольга Зименкова, президент Центра защиты прав человека имени Э.М. Аметистова, справедливо пишет в своем заключении на закон о

правовом положении, что иностранцы, опасаясь отказа, просто не станут обращаться к врачу, заподозрив у себя любое инфекционное заболевание. И это-то и создаст эпидемиологически опасную ситуацию. Не говоря уже о том, что такой порядок, распространяясь на супругов российских граждан, прямо нарушает права семьи: если, не дай Бог, муж-армянин или жена-молдаванка заболели туберкулезом, их, что, вышлют из России?

Пункт 2 статьи 11 закона о правовом положении гласит: «Временно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин не вправе по собственному желанию изменять место своего проживания в пределах субъекта Российской Федерации, на территории которого ему разрешено временное проживание, или избирать место своего проживания вне пределов указанного субъекта Российской Федерации». В пункте 5 статьи 13 говорится, что временно проживающий не может также работать за пределами определенного ему субъекта Федерации. И опять эта норма распространяется и на вновь прибывших, и на уже живущих, включая жен и мужей. Выходит, даже если бы Татьяне удалось получить статус «временно проживающей», она не смела бы поехать с мужем в отпуск в Сочи или устроиться на работу в Подмоскowie. А взять нероссийского гражданина на работу, связанную с командировками, и вовсе нельзя: ему запрещено перемещаться по территории России.

Депортация

На момент принятия новых законов в России проживало множество наших бывших соотечественников, не имевших никакого гражданства или имевших гражданство какой-либо страны СНГ. В миграционной службе МВД их численность оценивают примерно в 400 тысяч. Правозащитники из программы «Миграция и право» правозащитного центра «Мемориал» считают, что их больше в разы. Эти «иностранцы» в свое время приехали сюда без визы и, поскольку не существовало никаких норм, ограничивавших их пребывание в России, жили вполне легально, продлевали регулярно регистрацию, работали, ощущая себя вполне законопослушными людьми. В одночасье все они превратились в потенциальных нелегалов. Вскоре закончится срок их трехмесячной регистрации — и что тогда? Новый административный кодекс позволяет судам с легкостью выносить постановления о заключении под стражу для дальнейшей депортации.

У братьев Кобалия, Кахи и Цезаря, регистрация была просрочена всего на три дня. Их задержали и посадили «до депортации». Оба они жили в Москве с 1991 года, приехали из Абхазии еще до начала тамошней войны. Оба работали, Цезарь состоял в незарегистрированном браке с москвичкой, у них есть трехлетний ребенок, и Цезарь указан в его свидетельстве о рождении. Когда суд принимал решение о депортации, адвокат из «Мемориала» Наталья Дорина сказала о ребенке, которого обрекают расти без отца. Судья отреагировала:

«А что, русских мужей нету?» — и отправила Цезаря в заключение. Месяц братья находились под стражей. Вообще практика такова: людей держат под стражей, пока те не найдут деньги, чтобы оплатить собственную высылку, — у государства денег на депортацию нет. По данным «Мемориала», нищие таджики сидят под стражей уже более двух лет. Эти люди не совершили уголовных преступлений — вся их вина в том, что вовремя не оформили регистрацию. Цезарь и Каха не выдержали. Своих денег у них не было, но билеты согласился оплатить работодатель одного из братьев — просто из дружеского расположения. Высылать братьев в принципе было некуда: из Абхазии все грузины, как известно, уехали, а в Грузии они никогда не жили, у них в Грузии ни угла, ни родни. Да они и по-грузински-то едва говорят: учились в русской школе, в семье говорили по-русски. Не случайно же уехали именно в Россию. И гражданства грузинского у них нет. Тем не менее их посадили в самолет и отправили в Грузию. Братьев приютили пока родственники Натальи Дориной, что делать дальше, они не представляют. При этом безвизовый въезд никто не отменял. Если у человека есть деньги, он может сесть на поезд и вернуться. Правда, зарегистрироваться на прежнем месте, наверное, будет сложно, но, во-первых, Россия — большая и даже в Москве можно затеряться в другом округе, а во-вторых, за деньги у нас и не такие проблемы решаются.

Рамзана Закаева взяли под стражу после того, как он вызвал милицию к своим соседям: сын-алкоголик издевался над старой матерью, та кричала: «Убивают!» Милиция соседями не заинтересовалась, а вот на Рамзана, гражданина Казахстана, немедленно отреагировала. Рамзан — чеченец, родители его живут в Казахстане, он в 92-м году жил с ними, тогда и принял казахское гражданство. Вскоре уехал в Чечню, а в Москву перебрался вместе с женой и тремя детьми от войны и бескормицы. Жена Рамзана, Имани, российская гражданка, носит ему передачи и ломает голову, как быть. Самое интересное, что Рамзан и так собирался уезжать в Казахстан: не мог найти работу в Москве. Думал, уедет, устроится, перевезет туда семью. Медлили с его отъездом, потому что никак не могли наскрести денег на билет. Это на железнодорожный, а наша миграционная служба требует, чтобы высланные покупали только авиабилет — на это у Имани с Рамзаном никак не хватит.

Валерий Горбунов приехал, как и братья Кобаля, из Абхазии. Вернее, его привезли оттуда десятилетним мальчиком. Почему ни его мама, ни сам он, когда вырос, не приняли российского гражданства? Почему вообще остались без гражданства многие наши соотечественники, живущие в России? Да по небрежности: вовремя не успели, а в 2000-м, когда хватились, было уже поздно. Кто-то пытался получить статус беженца (в этом случае нельзя просить одновременно о гражданстве), а пока хлопотал, наступил все тот же 2000-й год. Но многие рассказывают, что у них отказывались принимать документы — велели ехать выписываться по месту прежнего проживания. А куда ехать? В Абхазию, где война? Да и денег на лишние поездки не было. У

Валерия как-то в метро украли все документы. По закону о правовом положении лицо, утерьявшее документы, подлежит депортации в течение десяти дней. (Раньше в таких случаях выдавали справку об утере документов, которой можно было пользоваться вместо паспорта.) Интересно, куда можно депортировать русского переселенца из Абхазии?

Новые законы пока привели к тому, что люди вроде Валерия или Татьяны должны обходить стороной каждого милиционера, не могут законно работать и вообще спокойно жить. Вряд ли Россия как государство в этом заинтересована. Во многих странах параллельно с ужесточением иммиграционных правил принимают порядок, облегчающий легализацию тех, кто уже живет на нелегальном положении. Именно потому, что цель таких кампаний — предельно сократить число нелегалов. У нас все наоборот: наши вчерашние соотечественники в один миг стали нелегалами. И живут в ожидании депортации.

«Еженедельный журнал», 10.02.2003

Миясат МУСЛИМОВА
(преподаватель русской литературы, Махачкала)

КАК УЗУНАЕВ СТАЛ ПОЛИТИКОМ

Лингвистическое исследование

Статьи Б.Узунаева всегда привлекали мое внимание тем, что в них остро и с позиций правдоискательства анализировались актуальные вопросы жизни республики. Но последняя статья, шокировавшая воинствующим национализмом, заставила взяться за перо и внимательно вчитаться в текст в поисках ответа на вопрос, что произошло с автором. Поставив перед собой цель защитить доброе имя М.Магомедова и обличить А.Хинштейна, автор решил не останавливаться ни перед какими средствами. Рецепт экспресс-блюда под названием «Хинштейн, Франкенштейн и «кумыкские» места» незатейлив: наспех смешаны в кучу несколько серьезных тем, приправлены сомнительного качества комментариями, и вот уже вместо аромата, когда «дым отечества нам сладок и приятен», идет душок откровенного и постыдного национализма, под флагом защиты маленькой родины идет презентация личного патриотизма и неподкупности.

Без чувства стыда и горечи невозможно читать опус под заголовком «Хинштейн-Франкенштейн!» Этот восклицательный знак допускает два прочтения: либо это радость ребенка, впервые сумевшего что-то срифмовать (простим ему эту идиотическую радость), либо это скандирование лозунга, но это

худший вариант его смыслового наполнения. Увы, и смысл, и тон последующего текста не оставляют сомнений: под пером автора сама фамилия является обличающей: «Хинштейн — чужеземец даже в Москве, не говоря уже про Дагестан. Что он тут забыл, в стране, которую наверняка презирает всей душой...» Перевод не требуется: всем чужеземцам указано на дверь, обвиняемые оказались и все предки библейского народа: «Предки Хинштейна всегда служили золотому тельцу...» Предрекая страшную участь носителям некоторых фамилий, Узунаев добирается и до москвичей: «Впрочем, продажность — это общая черта двуногих, гордо называющих себя москвичами». Вычислив чистоту крови русского Павла Горелова и проследив кривую его взаимоотношений с евреями, автор негодует на то, что эволюция отношений привела русского к диалогу с евреем: «а теперь, поди ж ты, сидит нос к носу — и ничего, даже не морщится». Особенно умиляют тон и лексика уровня обывательской сплетни: «поди ж ты», «вы его, конечно, запомнили», «цепной пес», «двуногие москвичи», «говорят, что ему за эту акцию отвалили 250 тысяч долларов». От прямых словесных оскорблений — до обвинения в уголовном преступлении — и при этом никаких попыток привести факты — вот так стиль работы! А как же журналистская этика и просто человеческая? А как же цитируемые в начале статьи слова министра М.-С.Гусаева о необходимости с позиций государства освещать вопросы политики и национального вопроса ввиду их совпадения в условиях Дагестана? Или автор решил, что цель оправдывает средства? Но парадокс: упрекая именно в этом собрата по перу, Узунаев демонстрирует такую же технологию, но еще более недопустимую.

В поисках ответа на вопрос, в каком же состоянии надо было находиться, чтобы не за стойкой бара, а в прессе так ораторствовать, перечитываю первый заголовок: «Как сон в руку». Сравнения для автора имеют прямое значение — предупредил же он о том, что допустить к нам всех хинштейнов мира — «все равно что пустить козла в огород», — можем смело избавляться от слова «как», да еще автор не раз подчеркивает особость пережитых состояний, в реальность которых ему трудно верить: «...мы с министром М.-С.Гусаевым оказались бок о бок в кабинете Председателя Госсовета РД, «впервые в жизни я попал на прием к М.Магомедову», автор статьи оказался политическим ходатаем, подписался под обращением, где «тысяча и одна (моя!) подпись». Особенно примечателен этот захмелевший бог весть от чего восклицательный знак у слова «моя». А некоторые речевые обороты («осмелился вставить свое мнение» Шихсаидову) в непривычном свете рисуют состояние независимого и смелого трибуна-журналиста. Это особое состояние связано с тем, что журналист Узунаев почувствовал себя практическим политиком.

Отчего, дорогой читатель, когда оказываешься рядом с великими мира сего, так перехватывает дыхание, что хочется стать святее папы римского? И ведь заметьте, что великие мира сего скромнее оказываются и особенно не ощущают свою избранность. И вот мы, представляясь себе такими ма-

ленькими, так рьяно начинаем исполнять, как нам кажется, ожидаемое от нас, что забываем о превратностях того самого шага от великого до смешного. Не думаю, что председатель Госсовета нуждался в такой защите. Аргументированно и достойно он изложил свои позиции, ни прямых, ни подтекстовых угроз в его выступлениях нет, потому что есть позиция: «Я уважаю Конституцию и закон». На этом фоне статья Узунаева лишь компрометирует отсутствием логики и фактов, разнужданностью «обличений» как интеллектуальные, так и нравственные качества того народа, от имени которого он выступает. Причину сгущения эмоций автор оправдывает уподоблением своих чувств пушкинским: «я знаю недостатки своего отечества и имею смелость открыто говорить о них, но я ни за что не позволю делать то же самое чужеземцу.» И далее следуют град и гром на голову чужеземца. Ларчик открылся: лавры Хинштейна, посягнувшего на узурпированное Узунаевым право обвинять, не дают покоя. От запрета «чужеземцам» критиковать нас можно далеко пойти. А чужеземец-то в плане профессионализма лучше сделал свое дело. Я не говорю о содержании статьи, повторяю, а о методах журналистской работы. Статья Хинштейна не содержит никаких оскорблений в адрес национальностей, он не оперирует слухами, называет имена, факты, он проделал со своей стороны какую-то работу: беседовал с людьми, объездил несколько городов. А национальным героем Дагестана в понимании автора статьи может стать у нас любой, кто посмеет критиковать. Как пишет Г.Абашилов, «мало кого из дагестанцев волновали бы интеллектуально-творческие упражнения Хинштейна, если бы хоть раз кто-то из официальных или приближенных к ним лиц в республике решился публично полемизировать с тем, кто думает и действует несколько иначе, чем в Госсовете, НС и Правительстве».

Но меня, как человека далекого от политики, интересует нравственный аспект проблемы: отчего любое критическое выступление в адрес высокопоставленных лиц рождает столько агрессии даже у представителей интеллигенции? А если высокопоставленные лица покритикуют кого-либо, мгновенно начинается акция общественного возмущения, от которой легко перейти к травле. В этом смысле особенно ретивые блюстители единомыслия могут оказать дурную услугу. В том же номере газеты «Новое дело» опубликована статья С. Амирова с критикой в адрес профсоюзов. Это не плохо. Плохо то, что мгновенно найдутся ранее молчавшие, которые воспримут критику как призыв к кампании. Вот не завидую теперь С.Гаджиеву. Что ж нам делать с такой нашей ментальностью?

М.Магомедов ответил: «Я стараюсь действовать методами убеждения, а не принуждения».

Что происходит с нашей нравственностью — вот актуальный вопрос сегодня. Хорошо еще, что в заключение Б.Узунаев догадался попросить прощения, да не за то ведь просит. «За чрезмерную эмоциональность», — скром-

ничает автор. От такой эмоциональности, представляя, какие чувства могут испытывать носители неугодных Узунаеву фамилий, приходится краснеть и бледнеть дагестанскому народу, именем которого манипулирует журналист, не замечая свое идейное уподобление тому же А. Проханову, столь ему ненавистному, как оказалось, всего лишь из-за украденной строчки.

Для особого «блеску» журналист в начале статьи напустил туману пугающе новыми словами: глоссарий, франкенштейн, а дальше по рифме догадаться, какое слово. Такое простое русское слово «словарь» зашифровал, а вот с франкенштейном («неблагодарное существо, покусившееся на создателя») не разобрался: и вот уже не только Хинштейн, и мы, дагестанцы, «превращаемся во франкенштейнов и нападаем на нашу маленькую родину». А кто здесь создатель, и где нападение? Ах, это все сон, тот самый сон, навеянный вхождением в большую политику маленького журналиста. Но когда проснетесь, господин журналист, перечитайте, перечитайте слова человека, близкого по духу Пушкину, чьи чувства, как вы находите, идентичны вашим (льстите Пушкину, однако), П.А. Чаадаева, который знал толк в истинном патриотизме: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее».

О резонах, политике и морали

Большая часть статьи посвящена политическим и неполитическим резонам распределения власти. Ударная сила этого материала будет нарастать со временем, если мы своевременно не договоримся об одинаковом понимании принципиальных вопросов для спокойной жизни республики.

Статья Узунаева раскрыла неискушенным в принципах национальной политики особую реальность в умах определяющих политику лиц, то положение вещей, какое мне всегда казалось следствием либо ошибок, либо теневой составляющей политики. Из статьи очевидно вытекает, что политика распределения мест по национальному признаку стала официально признанной, политика толпы, а не народа стала политикой власти, а искусство разграничения позиций толпы и народа политикам уже не нужно: отпадает необходимость в том, чтобы работать с людьми, разъясняя абсолютно очевидные вещи. Понимаю, что мои многолетние педагогические изыскания увели меня от пульса политической жизни, и заранее допускаю ошибочность моих некоторых положений, но если обратиться к истории с обращением группы кумыков, то очевидно, что национальная политика формируется митинговым образом: то ли политики пришли с улицы, то ли улица пошла в политику. И в этом явлении есть свои резоны, хуже другое: торжествует логика улицы, она признается единственно решающим принципом распределения власти. Разубедите меня скорей, но вот примеры из статьи.

Кумыки (на их месте гипотетически может быть любая другая нация) обращаются к главе республики, обеспокоенные слухами о возможной смене премьера, но больше обеспокоенные тем, что место премьера — кумыкское (что-то в Конституции об этом ничего не было), оно может быть занято представителем другой национальности. Это по-человечески понятно: практика порой показывает, что приход к власти человека одной национальности в наших условиях означает преимущественное внимание к проблемам своих соплеменников, о чем простодушно и говорит один из ходяков: «Мы видим в Хизри Исаевиче лидера кумыкской нации». Налицо ошибочное отождествление представителя власти с национальным лидером, и это можно было бы извинить наивностью неискушенных в политике людей, но как проигнорировать скрытую угрозу: «Мы его в обиду не дадим», «мы не допустим, чтобы он был снят», «мы хотим, чтобы эту позицию хорошенько освоили те, кто вынашивает такие планы».

От скрытой до открытой угрозы здесь расстояние минимальное. Не как политик, а как обычный гуманитарий, думаю, что надо разъяснять людям истину о том, что у власти должен быть человек, болеющий за интересы всех дагестанских народов, человек нравственный и компетентный. На практике люди должны увидеть, что именно таким людям даются приоритет в деятельности и доверие. Об этом и говорил премьер: «Я убежден, что приоритет надо отдавать только профессионализму, знаниям, умению руководить людьми», — объяснив, что единственным оправданием такой позиции может служить сложившаяся практика. Теперь внимательнее: вот здесь, как мне кажется, и происходит ошибка в рассуждениях, которая будет вести к тупику. Далее следует вывод: «По-видимому, это веление самой жизни». Ход рассуждений как у истинного гегельянца: «Что действительно, то закономерно». Обратите внимание на механизм рождения такой практики: начинается с ошибок, наличие которых все-таки признается, как в данном случае, нарастает их количество, и вот уже норма, идеал вытесняются и благодаря неумолимой диалектике количество превращается в новое качество: ошибка признается нормой. Так возникает позиция отказа от устранения ошибок, и смирение, которого человек разумный допустить не должен. А премьеру обреченно вторит журналист: «А веления жизни — вещь упрямая»

Материал «На приеме у М.М. Магомедова» посвящен перипетиям приема делегации. Раз читателю показали ведение политических переговоров, то позвольте высказать мнение: и здесь мы увидели, как легко сда ны позиции по проблеме распределения власти, признание о перекосах в кадровой политике сменяется обещанием: «Отнять это место у кумыков мы не позволим». Дальше следует разговор о необходимости дать кумыкские места в силовых структурах, в управлении администрациями. При таком способе решения проблемы волна утечки рук и мозгов из Дагестана поднимется вновь.

Уважая все национальности мира, никогда не соглашусь с тем, что национальный признак должен стать решающим при распределении полномочий. Владея разными языками, мы все понимаем друг друга, когда говорим на языке единых ценностей: взаимного уважения, справедливости, добра, закона. Зачем же нам идти к нецивилизованным подходам, неудачно сложившуюся практику возводя в теоретический догмат? Если призыв активно бороться за права своей национальности будет пониматься в смысле дележа власти — давайте думать о логических последствиях таких подходов. Не зря слово «дележ» дано в газете без кавычек. Переносный смысл утерян. К чему эта игра на инстинктах? Все мы должны прежде всего осознавать, убеждать, разъяснять, утверждать на практике истину о том, что критерий претендента на власть — поступки, нравственные качества, идеалы и стремления, направленные на благо всего дагестанского народа.

Казалось, что политика — тонкое дело. Но уж очень топорно она делается, если судить по материалам статьи, и если это так (а я с удивлением услышала, что кумыков обижают, так же, как и другие национальности) я предлагаю сначала договориться о том, что главный критерий нашей способности нести бремя власти — это не национальная принадлежность. Она должна учитываться, чтобы, как справедливо заметил М.-С. Гусаев, и освещать эти вопросы с позиций государственности, и решать их, но не должна становиться определяющей.

Приводя политические резоны в обоснование права трех национальностей олицетворять ветви власти, автор статьи называет территорию, финансы, численность. Но от практики непризнания меньшинства мы отказались после падения коммунистического режима, территория для народа — не животный ареал обитания, финансы — не критерий предоставления власти. Все это вторичные признаки государственности, а главный — общность интересов народов. В том, что у нас один идеал — единый и цветущий Дагестан, братство народов — нет сомнений. Пренебрежительно процитированные неполитические резоны лакского народа о патриотизме, резоны лезгин («мы, мол, тоже люди») — напоминающие о единстве нашей человеческой сущности, признаны в силу их неполитичности недолговечными. А история не научила, что политическое — чаще всего временное, а вечны лишь нравственные резоны? Пока политические резоны не будут опираться на нравственные, мы будем жертвами своего невежества, либо равнодушия, либо недалекости. А когда мы поймем это, тогда с успехом сможем решить главную задачу — четко осмыслить общие цели, стратегию и тактику их осуществления в тесном единстве всех ветвей власти, народа и власти, отдельного человека и власти, уметь слышать друг друга, чтобы сон разума не рождал прозрачных и реальных монстров.

«Новое дело», 24.01.2003

Геннадий ГОДЛЕВСКИЙ
(«Орловский меридиан», Орел)

СТЫДЛИВЫЙ АЛЬХЕН, или БРИТОГОЛОВЫЕ ИДУТ
Взрастит ли национальная буржуазия своего могильщика?

«Мертвый жид», «Давай на рынок», «Мертвый хачик» — лишь некоторые названия песен из альбома под названием «Бритоголовые идут-7», появившегося в продаже в г. Орле. Как написано в аннотации, альбом посвящается всем русским патриотам — скинам, героям Ясеневого и Царицынского рынков, которые «очищают... от черных гостей». Несложно догадаться, о чем поют бритоголовые... На бумажном вкладыше — адреса и телефоны тех, кто выпустил эту кассету, где ее можно приобрести и куда принимаются заявки для составления очередного профашистского альбома.

Националисты не скрываются. А зачем? Они уверены: за это их к ответственности не привлекут. И, наверное, правы. Судя по тому, что это уже седьмой по счету альбом, выпуск предыдущих шести сошел с рук.

А что же наши правоохранительные органы? Милиция разводит руками: «Мы не можем изъять кассеты, пока не будет возбуждено уголовное дело». Областная же прокуратура и УФСБ по Орловской области свято уверены в том, что такое явление, как национализм, на Орловщине не существует, дело возбуждать не торопятся, хотя местные правозащитники еще две недели назад обратились по этому поводу с заявлением.

А может, прокуроры и эфэсбэшники правы? Подумаешь, какая-то кассета. Что шум-то поднимать? Да ее в том изобилии, которое предлагают сегодня торговцы музыкой, и не увидишь! И кто ее купит, если у нас никаких бритоголовых нет, понимаете, не-ту. Так, отдельные группы с бритыми затылками и в камуфляжной форме. Но они не структурированы, ими никто не руководит, а значит, побесятся и перестанут. У нас есть лишь футбольные фанаты. Но не надо шуметь: они не скинхеды.

Что правда, то правда, скинхеды в списках зарегистрированных организаций в местном управлении юстиции не значатся. Значится клуб футбольных фанатов, называющих себя «OREL BUTCHERS» — орловские мясники. Но что это за клуб?

По оперативным данным орловской милиции, он появился в 1999 году благодаря усилиям некоего Василия Ипатова. К Орлу Василий никакого отношения не имел, здесь не родился, не крестился, не учился, не работал. Просто однажды появился из столицы с огромной суммой

денег неизвестного происхождения и... зарегистрировал клуб. Такой вот был благодетель и альтруист. Когда милиция стала его «доставать» по поводу бесконечного пьянства, снялся с места и уехал на родину — в Нижний Новгород. Но фанаты сиротами не остались. Их опекают, по меньшей мере, трое взрослых мужчин, имеющих серьезный капитал, один из них работает на крупном предприятии области и, замечу, в солидной должности.

«Опекуны» утверждают, что занимаются патриотическим воспитанием молодежи. Ко мне в руки попали два номера журнала под названием «Тестостерон», выпущенный общим тиражом в 1499 экземпляров, который издают «Орловские мясники». Приведу из него лишь несколько цитат, позволяющих понять, что такое патриотизм по футболо-фанатски:

«Бродя по столице, мы воочию убедились, что работы московским скинам хватает. Выместить свою злость мы решили на оставшем от своей тур-группы гуже (китайце — сленг). Через пару минут вокруг нас бежало множество представителей Китая... Подошедший «русский» гид начал втирать о том, что все мы граждане одной планеты и т. п...»

«Наше движение, бесспорно, прогрессирует... Значительная часть выездов (на футбольные матчи) была пробита без организационного руководства BUTCHERS, в этом большая заслуга объединения бритоголовых... В этом году значительно увеличилось количество и качество инцидентов с нашим участием. Против двух махачей (драк — ред.) в прошлом году (1998)... — погромы и махачи в Киеве (3), акция против негроидной команды тульского «Арсенала», махач с ментами в Брянске... погром и махач с хачами во время выезда на автобусе на матч Спартак — Аякс.

... Также к плюсам этого сезона нужно отнести появление подразделения «MAD EAGLES» (скинхедовская группировка Северного района г. Орла — ред.)... Радует появление большой группы бритоголовых с Трансмаша, они и выглядят весьма прилично и, судя по первым акциям, настроены весьма решительно. В этом году... они занимались чисткой нашего исконно русского города достаточно активно... Надеемся, следующий сезон будет еще круче. Мы будем сильнее».

Следующие сезоны действительно были круче: только в прошлом году возбуждено порядка десяти уголовных дел по фактам избивания людей по национальному признаку. Обвиняемые не отрицали свою причастность к скинхедам. Не знаю, читали ли они журнал, но призывам издателей «Тестостерона» вняли. А они просты, как дубина в руках обезьяны:

*Режь американских беременных женщин,
Чтобы недоносков становилось меньше.*

Или такие:

*С бензопилой иду гулять,
Иду ублюдков убивать...
И будет мясо на столбах,
В высоковольтных проводах...*

Не очень складно, зато с националистической пургой. И вот характерная деталь: автор этих строк — не какой-нибудь дебил, не пацан-недоучка, а солист довольно известной в Орле группы «Водозабор» и... преподаватель педагогического колледжа в одном лице. Это на днях подтвердили орловские оперативники, поднявшие проблему распространения националистических взглядов в г. Орле на заседании городской комиссии по делам несовершеннолетних.

Есть и более тревожные вопросы: зачем авторам сборника понадобилось рядом с отчетом о проделанной «работе» помещать фотографию... губернатора? Почему, если верить выходным данным, националистический журнал с призывами убивать нерусских отпечатан в типографии «Труд»?

Не знаю, видели ли в орловской прокуратуре и в УФСБ по Орловской области «Тестостерон», читали ли его, рассматривали ли многочисленные фотографии бритоголовых, размещенные в нем, но уголовного дела по факту выпуска и продажи профашистского издания, насколько мне известно, тоже не возбуждено. А посему издание продолжает «гулять» по городу и умножать число сторонников националистической дубинки. Что характерно, стоит недорого, и если хорошо попросить, вам даже товарный чек выпишут...

Впрочем, я не могу сказать, что наши правоохранительные органы и органы власти совсем ничего не знают о профашистских устремлениях фанатов и ничего не делают. Знают и кое-что предпринимают. Но делают это уж как-то стыдливо, напоминая завхоза Альхена из известного произведения. Совершая поступки, он страшно краснел и конфузился, но не исправлялся. Например, уже не один год фэнов пытаются «приручить». Говорят, Управление по делам молодежи обл администрации даже выделило им в свое время помещение в клубе «Полет». Но дружба не получилось. Регулярное пьянство и хулиганские выходы фанатов привели к расторжению «договора о сотрудничестве». В результате клуб, как говорят, ушел в подполье.

Состоятельных опекунов периодически вызывают на профилактические беседы, но толку от этого, как утверждают в УВД, никакого. В последнее время руководство клуба и вовсе стало игнорировать предложения о партнерстве, особенно после того, как им выдвинули требование пополнить состав клуба педагогами и сделать работу открытой, в том числе и для милиции. Видно, цели и задачи у руководителей фанатов все же иные, чем декларируются. Что же касается преподавателей,

то их, по оперативной информации правоохранительных органов, среди националистов не один, а двое. Правда, одного еще не вычислили, а другой преподает будущим воспитателям и учителям, призывая насильствовать американок.

Как сообщил редакции старший инспектор отделения обеспечения деятельности ПДН УВД В.Блохин, в управление образования администрации Орловской области в августе направлена об этом информация для принятия мер. Однако, когда я поинтересовался, что же сделано, зам. начальника УНО Гладышев ответил, что первый раз об этом слышит. Вот и думай, чего здесь больше: бюрократизма, пофигизма или тайной симпатии?

Возбуждать уголовные дела, похоже, никому не хочется. Единственный выход, как сказали мне люди в погонах, — дожидаться, когда бритоголовые совершат преступление, за которое их и отправят за решетку. И поневоле вспомнишь орловское отделение «Русской партии» и ее небезызвестного лидера Игоря Семенова. Тогда, в начале 90-х годов, в Орле на националистов тоже не могли найти управу. И тоже пытались «приручить» — даже наградили Семенова какой-то медалью за воспитание молодежи. Власть отмежевалась от них только после того, как националисты совершили несколько кровавых преступлений.

Теперь о «Русской партии» орловское сообщество не вспоминает, разве что родственники убитых. Значит, цена решения скинхедовско-фанатской проблемы — тоже чья-то жизнь? А надежнее, если несколько жизней и если убивать будут толпой?

Знакомый метод решения проблемы. Кажется, самый главный патриот Адольф Гитлер, подпалив Рейхстаг, расправился со своими врагами. Но тогда чем же мы отличаемся от бритоголовых? И сколько еще молодежи надо отдать «на откуп» скинам и фанатам, чтобы правоохранительные органы наконец поняли, что эти люди представляют реальную угрозу жизни и здоровью окружающих?

А ведь требуется не так уж много. Вот признание одного из авторов «Тестостерона»: «Дома нас всех знают в лицо, город маленький... Причем, наличие в провинции хоть какого-то движения определяется присутствием сильных идеологов. Если, к примеру, в Орле три-четыре человека перестанут тащить на себе все организационные проблемы и идеологию, то это все заглохнет, так как молодежь при всех плюсах... не способна к лидерству даже в своей возрастной группе».

Вот вам и мирный вариант решения проблемы. Но почему-то он не привлекает ни прокуратуру, ни ФСБ, ни власть. Или бритоголовые еще могут пригодиться?

«Орловский меридиан»

МОСКВА ТРАВИТ РОССИЮ

Националистическую стряпню для Орла

и других провинциальных городов готовят в столице

Поскольку представители правоохранительных органов заявили, что справиться с орловскими националистами не могут и, дескать, есть только один вариант — «дождаться, когда бритоголовые совершат преступление, за которое их отправят за решетку», «ОМ» в материале «Стыдливый Альхен, или Бритоголовые идут» писал: «Получается, что цена решения скинхедовско-фанатской проблемы на Орловщине — чья-то жизнь, а надежнее — несколько жизней, и желательно, чтобы убивали толпой. Ведь только в этом случае наказание за преступление будет серьезным и орловских идеологов фашизма можно будет надолго оторвать от подростков». Было трудно даже предположить, что это саркастическое замечание через месяц станет реальностью.

Фанаты пойдут под суд

Преступление состоялось, и по иронии судьбы жертвами стали сотрудники правоохранительных органов. 18 октября возле одного кафе, что на улице Ливенской, футбольные фанаты напали на наряд вневедомственной охраны.

«Могло быть минимум три трупа — по числу милиционеров, пытавшихся утихомирить разгоряченную толпу, — считает прокурор Железнодорожного района В.Сорокин, — потому что лидеры призвали бить милиционеров и отбирать оружие. Это чудо, что все обошлось черепно-мозговой травмой старшины В.Ледовского и искореженной машиной управления вневедомственной охраны».

Автомат фанатам не достался. В.Ледовский, отдав себя на растерзание, накрыл телом оружие. Служивцы, видя, что перед ними, по сути, дети, стреляли в воздух, потом в асфальт.

Может быть, это и кошунственно, но слава Богу, что пули, срикошетив, попали в ноги фанатов — боль отрезвила толпу и ее лидера А.Коршунова, «по совместительству» работающего начальником финансово-экономического отдела хлебной базы № 36. Сегодня двое «активистов» той драки арестованы. Ведутся допросы, обыски. В частности, фигурируют в деле и ксерокопии скандально известных страниц журнала «орловских мясников» (так называют себя наши фанаты) «Тестостерон», где и про драки, и про бритоголовых друзей, и про идеологию фандвижения, которая больше похожа на нацистскую, чем на футбольную. А еще в деле имеются рукописи. Чьи они, пока не установлено, но в углу запись от руки: «Вести Коршунова», а на обратной стороне листов всевозможные отчеты и расчеты хлебной базы № 36. О чем вести? Да все о том же. В частности, о нападении на милиционера в Туле в 1999 году.

По-видимому, тогда все только начиналось, и тульский милиционер остался без дубинки да пилотки, в 2002-м — уже с черепно-мозговой травмой. Так что журнал издавали не напрасно. Прониклись, подучились. Не хватало оружия.

Есть одно утешение: наиболее активные, похоже, пойдут под суд. Может, это — действительно отрезвит орловских фанатов?

Похоже, понесут ответственность и издатели «Тестостерона». Во всяком случае, прокуратурой Советского района после полуторамесячных раздумий возбуждено уголовное дело, и специалисты уверяют, что оно имеет судебную перспективу.

Что же касается продажи в Орле аудиокассет «Бритоголовые идут» с песнями националистического содержания, о которых писал «ОМ», то в возбуждении дела отказано. Причины отказа — это отдельная песня с фальшивым юридическим мотивом.

Левый самоубийца

Напомню, что внимание общественных и правоохранительных органов на эту проблему обратил директор регионального отделения Института «Единая Европа» Д.Краюхин. Его заявления о возбуждении уголовного дела по поводу продажи аудиокассет рассматривали сразу две прокуратуры — Железнодорожного и Заводского районов, тех, где продавались «Бритоголовые идут».

Следователь В.Таразанов из Заводской прокуратуры сразу же принял постановление об отказе, смысл которого сводился к тому, что следователь не смог разыскать Д.Краюхина. Получилось оригинально: проявления национализма в Орле нет, потому что нет Краюхина.

Естественно, это постановление отменили. Тогда в очередном отказе В.Таразанов выдвинул новый аргумент. Начинаясь он так: «Следователь прокуратуры Заводского района города Орла, юрист второго класса Таразанов В.Ю., рассмотрев материал проверки № 216 КП-2 по факту самоубийства гражданина... установил: в прокуратуру 27 сентября поступило заявление гражданина Краюхина Д.А., в котором последний указал, что приобрел в киоске аудиокассету «Бритоголовые идут-7»... В ходе проверки по данному факту выяснено, что... умысла на разжигание национальной розни не было». И вывод: в возбуждении уголовного дела отказать за отсутствием состава преступления.

Несмотря на абсурдность ответа, логику найти все же можно. Действительно, распространение профашистских взглядов — самоубийство для любого народа, но какую роль в распространении аудиокассет националистического содержания играл конкретный человек, покончивший с собой? Судя по всему, просто торопился человек с отказом, так торопился, что спутал две проверки. А районный прокурор подписал, не глядя. Бывает... При-

шлось обращаться в суд уже с жалобой на следователя. А последнему искать внятные формулировки.

Плевать на орловцев

Впрочем, театр абсурда только начинается. Оказывается, главная беда, мешающая привлечь к ответственности продавца кассет, — действующее законодательство, в частности статья 282 УК РФ. Хотя в статье прописано четко и определенно про национальную, расовую и религиозную вражду, про публичность и про наказание, но в комментариях к новому УК уголовная ответственность по ст. 282 исключена, если распространитель преследует коммерческие или научные цели.

Это значит, что в распространении кассет националистического содержания надо доказать умысел, преднамеренность. Вот если бы «Брито-головые» «распространялись бесплатно, уголовное дело было бы обязательно возбуждено и «щедрый» человек сел бы на скамью подсудимых, а раз националистическую дурь гонят за деньги — никакого преступления, оказывается, нет, есть лишь коммерческий интерес. Кстати, предприниматель А. Новиков, продающий «Бритоголовых», так и пояснил: ни он, ни его продавцы в организациях националистического толка не состоят, но кассеты пользовались спросом и приносили прибыль, потому, дескать, и распространялись.

При таком правовом раскладе непонятно, почему киллера считают преступником. Согласитесь, выполняя заказ, он действует не из любви к искусству, а из коммерческого интереса.

А те, что устанавливают плакаты националистического содержания на обочинах дорог при условии, что получили за свой труд хотя бы рубль, тоже уйдут от ответственности.

В эпоху застоя в ходу была байка о слесаре, который решил подарить жене швейную машинку. А поскольку он работал на заводе, где их производили, стал носить домой детали. Когда прошелся по всей технологической цепочке, начал сборку. Получилась не швейная машинка, а пулемет. Он снова натаскал деталей, и — опять пулемет. Кончилось тем, что слесаря обвинили в подготовке вооруженного восстания, а ведь человек хотел как лучше.

Ну чем мы лучше того слесаря! Вот ведь приняли нормальную 282-ю статью в УК, так нет, в комментариях надо было все поставить с ног на голову. Планида, что ли, у нас такая?! Хотя планида, конечно, ни при чем! Есть конкретный заместитель председателя Верховного суда В. Радченко, под редакцией которого вышел комментарий. Есть авторы разделов. Кто и из каких соображений надул им в уши подобные идеи? Кто пролоббировал их в Думе? Сколько за это было заплачено? Увы, ответы на подобные вопросы в России получать немодно. Даже и объяснение есть, дескать, хотели как лучше.

А теперь обратим внимание на другую деталь: в последний раз С. Новиков закупал подобную продукцию в начале августа 2002 года. После этого с закупками ничего не получилось. В столице, оказывается... прекратили реализацию кассет профашистского толка в связи с массовыми беспорядками. Бродя бы можно вздохнуть с облегчением, но, по утверждению сотрудников прокуратуры Железнодорожного района, недавно кассеты, подобные «Бритоголовым», вновь появились на московских складах... с пометкой: «Не для продажи в Москве и Московской области». Значит, власть, законодатель прекрасно понимают и степень опасности, и возможность плачевных последствий националистической пропаганды. Но почему же и кем решено сохранить только столичные животы? Потому что они пожирнее? А провинция, значит, пусть дуреет, стреляет, убивает? Что за странный компромисс и с кем? Неужто влияние националистов так велико? За 400 километров от Москвы об этом трудно судить, но похоже, что последний вопрос носит утвердительный характер.

Замечу, в середине 90-х Орловщина справилась с «Русской партией» и с РНЕ местного разлива. Сегодня, похоже, удастся нейтрализовать больных фанатов, но боюсь, жертв вскоре прибавится, так как, судя по всему, национальной буржуазии очень нужны бритоголовые, а деньги в России, к сожалению, решают многое.

Будем собирать пулемет?

Орловские правозащитники намерены обжаловать отказы в возбуждении уголовного дела по продаже аудиокассет «Бритоголовые идут» в двух направлениях: по линии прокурорского надзора и в суде. А также выйти с проблемой в Комиссию по правам человека при Президенте РФ, к уполномоченному по правам человека и с заявлением в Конституционный суд о признании практики применения статьи 282 УК РФ не соответствующей Конституции России и нормам международного права.

«ОМ» поддерживает инициативу и обращается к администрации Орловской области, мэрии, депутатам городского и областного Советов. Пока не поздно, необходимо запретить на Орловщине реализацию литературы и аудио-, видеопроductии, содержащих тексты националистического толка. Мы считаем, что жизнь орловцев не дешевле жизни москвичей, и надеемся, что у нашего руководства достанет воли и политической мудрости, чтобы уберечь молодежь от дурного влияния профашистских идей. Давайте помнить, что за 1941–1945 годы фашизм унес жизни почти 30 миллионов соотечественников. Или опять из швейной машинки будем собирать пулемет?!

«Орловский меридиан»

ВСЕ ЛУЧШЕЕ – ДЕТЯМ

Миясат МУСЛИМОВА
(преподаватель русской литературы, Махачкала)

ОТЦЫ И ДЕТИ ПО-ДАГЕСТАНСКИ
Педагогическое исследование

Когда на скамье подсудимых оказывается человек, обвиняемый в убийстве, всегда пытаешься понять нечеловеческую логику его поведения. А если преступление совершает, как следует из всей предыдущей биографии, законопослушный гражданин, человек искусства, скромный, мягкий, терпеливый и незлобивый, — перед нами исключительная ситуация. Но Ф. Достоевский некогда писал: «То, что большинство называет фантастическим и исключительным, то иногда для меня составляет самую сущность действительности».

Все могло бы быть так: Саша Степанов по-прежнему работал бы в театре кукол, где сила искусства возвращает родителей в детство, а детей приобщает к мудрости взрослых, где детские руки учатся не сжиматься в кулаки, а доверчиво хлопать в ладошки. И вместе со всеми туда приходил бы Шамиль, бывший однокурсник по факультету культуры, с ним вместе, держась за папину сильную руку, впервые шагнула бы в театр маленькая дочка Шамиля, чтобы увидеть, как добро обязательно победит зло. Но жизнь все повернула по-другому: разделила Силу и Доброту и столкнула непоправимо, жестоко, буднично.

Вот как об этой истории рассказывается на языке документа — обвинительного заключения по обвинению Степанова А.С. в совершении преступления: «В конце сентября 2002 г. Абдулабеков Ш.З. с целью реализации наркотических средств, а именно марихуаны, привез данное средство в дом, который принадлежал его однокурснику Степанову А.С., и стал склонять Степанова к тому, чтобы он содействовал продаже наркотиков, но последний отказался, хотя согласился оставить у себя марихуану, за которой Абдулабеков пообещал заехать на следующий день. На следующий день Абдулабеков приехал и стал требовать деньги за оставленную марихуану и вновь стал требовать, чтобы Степанов продавал ее. Степанов, не желая продавать, отдал свои личные сбережения в размере 1000 рублей, после чего Абдулабеков систематически стал приезжать с Сайдиевым М.З. и требовать от Степанова деньги за реализованные наркотические средства. 15 октября 2002 года в 12-м часу Абдулабеков приехал к Степанову на работу и стал требовать уже 30 000 рублей, за которыми должен был заехать вечером к Степанову домой, когда тот согласился отдать указанную сумму. В 16-м часу того же дня Абду-

лабеков приехал на своей автомашине БМВ к дому Степанова вместе с Сайдиевым, где встретил возвращавшегося домой Степанова, с которого стал требовать деньги. Степанов под предлогом, что необходимо зайти за деньгами домой, взял незаконно хранившийся у него дома пистолет с целью убийства Абдулабекова и Сайдиева. Абдулабеков потребовал, чтобы Степанов сел в машину... Посадив Степанова на заднее сиденье, Абдулабеков, находившийся за рулем, и Сайдиев приехали в конец улицы Кутузова к дому 36. Здесь они стали угрожать Степанову расправой, требовать деньги за марихуану, после чего Абдулабеков нанес несколько пощечин Степанову. Степанов на почве ссоры, из возникших неприязненных отношений с целью умышленного убийства Абдулабекова и Сайдиева произвел выстрелы... От полученных ранений Абдулабеков скончался на месте». Сайдиев был ранен.

Можно ли было предотвратить эту трагедию? Кто виноват? Что делать, чтобы наши дети не оказывались в роли охотников и добычи, волков и овец, палачей и жертв?

Кто виноват, суду не надо выяснять, — Саша пришел на явку с повинной. Но как родители и педагоги, мы должны разобраться во всех причинах происшедшего — не для того, чтобы назначить приговор, есть на то суд, — для того, чтобы извлечь уроки.

Главная педагогика — в родительском доме. Из протокола судебного разбирательства, допрос брата потерпевшего Абдулабекова З.: Судья: «Чем в последнее время занимался брат?» — А.З.: «Работал в ОМОНе-2». — Судья: «Вы знали, почему он ушел из ОМОНа?» — А.З.: «Не знаю» — Судья: «Тогда вам не все известно. Он был уволен из органов». — А.З.: «Что хочешь про него могут сказать». — Судья: «Здесь официальные документы. Он работал где-нибудь до случившегося?» — А.З.: «Нет». — Судья: «Когда, уезжая в Махачкалу из родительского дома, он оставался ночевать в городе, вам было известно, где он останавливается?» — А.З.: «Нет». — Судья: «Машина БМВ его?» — А.З.: «Да».

Судья не спросил лишь то, о чем подумали все: на какие деньги куплена машина? Интересовало ли это семью, которая не знает, чем занимается сын, где он живет, уезжая из родительского дома? Допустим, она была в неведении, как это могло быть во многих семьях, где проблемы материального выживания отвлекают от внимания к воспитанию чувств, к внутреннему миру становящегося человека, но не слишком ли легко мы подменили воспитание сытостью и успехом приобретательства? Когда на процессе стали разворачиваться подробности этой истории и даже свидетели обвинения давали показания не в пользу потерпевшего, почему на вопрос прокурора: «Кто виноват, по-вашему, в том, что случилось?» — последовал мгновенный ответ: «Причина в том, кто убил моего брата. Он виноват»? В зале напряженное молчание, две стороны как по разные стороны баррикад, хотя по сути они уравнены тем горем, которое обруши-

лось на них. Судья предостерегает сторону потерпевших от проявления эмоций, но угрозы звучат, приглушенные, гневные.

В самом начале судебного заседания Степанов попросил прощения у сидящих в зале родственников убитого, это вызвало всплеск боли и ярости у убитых горем родственников. Он все-таки снова повторяет свои слова. За все дни судебного разбирательства Саша не смог ни разу поднять потупленную голову хотя бы для того, чтобы бросить взгляд на родных. Их у него мало: мать была трагически убита несколько лет назад, не выдержав горя, покончил с собой отец. Он знает, что такое боль утраты и тем более не может себе простить, что не смог найти другого выхода из тупика, куда его загоняли преследователи.

Тяжело говорить о мертвых, но так как мертвые сраму не имут, то высказывать о них правду не только возможно, но и необходимо, потому что каждый умерший есть поучение для живых. Убийство — самое страшное преступление именно потому, что оно зверское, потому что в нем исчезает образ человеческого. А между тем, как это ни чудовищно звучит, Степанов убил, потому что был человеком, потому что не вынес предельного уничтожения человеческого «я». К сожалению, Шамиль никогда уже не сможет объяснить земному суду, почему это случилось, но мы обязаны понять. И если после всего, что открылось на суде, только слепая ненависть застилает разум и кроме чувства своей боли нет сострадания к тем, кто был жертвами Шамиля, — не повторится ли зло опять? Разве отцы и все те, кто стоит за спиной у нас, маленькая семья или большой род, не несут в себе то, что определяет наше поведение? «Каждый из вас — пастырь, и на каждом из вас — ответственность за благосостояние вверенной вам паствы», — сказано в Коране. И еще сказано: «Кто немилосерден, тот не из людей».

На какой почве смогли развиться пороки Шамиля, частично понятно. Но есть еще причина. Агрессивность, озлобление, горячность — плохие советчики. Говорят, по корням дерева узнают плоды его. Похоже, что от корней дерева нетерпимости и горячности могут вырасти два плода — либо отчаянный героизм, либо деспотизм. Во время военных событий осенью 1999 года Шамиль проявил мужество, был поощрен за участие в боевых действиях. Но обычная жизнь — не бранное поле: достоинства, незаменимые на войне, опасны в мирной жизни. Воспринимаемые субъективно как прямота, решительность, смелость, в реальности эти качества нередко оборачиваются дерзостью, и от героизма до хулиганства в условиях некритического мышления, однообразия эмоциональной палитры — один шаг, все многообразие человеческих отношений при этом сводится к примитивному противостоянию. Показательный пример: когда одна из свидетельниц стала давать показания, отрицательно характеризующие Шамиля, и не смогла продолжать из-за охватившего ее волнения, судья поставил на рассмотрение вопрос о допустимости продолжения ее допро-

са. Прокурор, откровенно злоупотреблявший ролью обвинителя, перейдя тем самым из государственного в частного обвинителя, предложил отказаться от выслушивания показаний невыгодной свидетельницы, неосторожно включенной им в сторону обвинения. Когда вопрос был задан Абдулабекову З., он ответил согласием как человек с чистым, неискушенным в интригах сознанием. Но как быстро прямота превращается в упрямство, решительность оборачивается грубостью — и вот уже на требование судьи Абдулабекову покинуть зал демонстративно встает вся сторона. Так сплоченно и решительно могли бы остановить Шамиля от падения, когда он стал на опасный путь распространения наркотиков.

«Сделаться человеком нельзя разом»

«Повышать уровень образования в нашем Отечестве — значит, повышать уровень сострадания», — писал Достоевский. Образование — это обогащение общечеловеческими ценностями и духовным наследием предков. Изменение требованиям здравого смысла и заветам предков, мы извратили сегодня идею родового единства, заменив ее примитивной клановостью. Идолопоклонники, заменившие содержание мертвой формой, вместо знаний мы поклоняемся дипломам, и чем больше демонстрируем неуважение к знаниям и тщеславие дремучестью, тем более рьяно устремляемся в вузы. Хорошо учиться, особенно юношам, непрестижно — на каких мужей отечества нам рассчитывать с такими ценностями? Мы развратили наших детей культом золотого тельца и власти, понимаемой как сила, залгались настолько, что лжем открыто, сбивая с толку тех, кто еще не хочет и не может играть в двойные стандарты. Мы создали фантастическую реальность из лжи и внушили детям, что она настоящая. Мы отправляем детей за порог дома со страхом, словно на тропу войны, потому что не знаем, с какими оборотнями им суждено столкнуться. Мы превзошли чудеса буддийской философии, не 12 жизней проживая в разных обличьях, а умудряясь за одну жизнь прожить все, непредсказуемо для окружающих превращаясь то в льва, то в шакала, то в волка, то в овцу. У нас все можно. И тот же Шамиль, о котором педагоги говорят, что он был очень добр, красив и наделен необычайной физической силой — он жертва нашего культа грубой силы, алчности, тот же Саша, признать которого убийцей немыслимо для его наставников, — тоже жертва нашего поспешия духовности. А еще они — жертвы нашего равнодушия. Саша ни к кому не обратился за помощью, не веря, что правоохранительные органы могут помочь, тем более, что потерпевший демонстрировал свои связи в системе, в которой некогда работал. Это была роковая ошибка Саши, но кто сегодня верит безусловно в то, что «моя милиция меня бережет»?

Так случилось, что в тот момент никто не смог помочь уйти от трагедии, логика провоцирующего поведения Шамиля стремительно набирала безумный ход, но был один человек, о котором все молчат, единственный, кто мог

это предотвратить, — это друг (или сообщник) Шамиля Сайдиев, который пока проходит по делу как потерпевший. Шамиль и Саша потерпели и от его равнодушия. Не остановил, не вмешался, подыгрывал Шамилю, таков стайный лик нашей дружбы. Кстати, работает в службе безопасности. Почему с такими рефлексами они выбирают святое место защитников? Потому что мы посеяли норму, при которой беззаконие научилось прятаться в маску закона, а сегодня уже и маски отброшены, и цинично плоть покоряет дух, пытаясь вернуть его к истокам варварства. Мы наказаны за пренебрежение к уму и знаниям, к профессионализму, к совести. У нас от рыночного окрика «нашелся умный» до одиозного журналиста — все готовы излить желчь на тех, кто не стыдится своего ума и потрудился, чтобы им обладать. Если мы будем сплачиваться только для взаимной поруки, а не ответственности, для деления на своих и чужих, для мести и преследования, — чем мы не варвары? Своей ложью мы подвели детей к опасной черте. Выстраивая высокие каменные заборы в своем доме, мы разрушили общий дом, мы прикрыли своих детей за отцовскими спинами, атрофировав их душу и уязвив несправедливостью сердца сирот и не умеющих лгать, строя одной рукой и разрушая другой, мы предали отцовство, а значит, и отечество, ибо отцовство — это учительство, и тот, кто не сеет — тот разрушает, кто не пропаляет — тот теряет, мы забыли, что воспитание — это бесконечный труд, терпение, внимание и пример. Растаскав и воспитание по свои домам, мы забыли договориться, что у нас одни ценности, завещанные культурой. И мы запутали друг друга, став заложниками ложной реальности: воспитаешь человека с тягой к искусству, к культуре — обречешь на одиночество, вытолкнешь из среды, и устремятся наши дети туда, где дышит просвещение. Эмигранты поневоле. Хулиганы поневоле. (О тех, кто по воле — особый разговор.) А других сектантствующие крысоловы уведут под гипнотические молитвы, играя на тоске юношества по высоким и чистым идеалам — такова уж душа, в ней неистребим заложенный Богом свет, и под маской внешнего цинизма — достучитесь — найдете то сокровенное, ради чего и наша жизнь обретает смысл. А потом мы объявим этих заблудших по нашей воле преступниками, объявим войну своим детям. Потому что нас внешний терроризм пугает больше, чем внутренний. Потому что мы любим искать виноватых либо в стороне, либо вверху, но не в себе.

И пусть в журналистском кураже слепое неразумие зовет в союзники Гитлера и заряжает пистолет, мы спокойны, потому что у этого пистолета холостые патроны, потому что пока тоскующие по баррикадам пытаются втянуть нас в прокрустово ложе мышления борцов за власть, в это время Ш.Матаев учит детей танцевать, И.Казиев ставит со студентами спектакли, Ш.Чалаев сочиняет музыку, Р.Гамзатов пишет стихи, учитель идет в классы сеять разумное, доброе, вечное, М.Алиев размышляет над категорией согласия, А.Муртузалиев готовит конференцию о формировании гражданского

общества, М.Билалов думает, как превратить знания и веру в убеждения — и значит, мы можем быть спокойны за наследие для детей. И выпуская их за порог дома, мы будем знать: если наш ребенок поскользнется в лабиринте случайных и закономерных дорог, чья-то отцовская рука бережно подхватит его, потому что отец и отечество одного корня, потому что, укрепляя свой дом, нельзя разрушать чужой, только тогда отцовский дом станет отеческим, а родина — матерью, а не мачехой.

Отцовство — призвание мужчин, ответственных за наследие детям.

«Новое дело», 21.02.2003

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Психологическое расследование

Дело Степанова пополняет статистику процессов по факту убийства жертвой преследователя. Эти знаменитые дела Кашина, Андреева и др. рассматривали суды присяжных, и народная совесть выносила оправдательный приговор. Справедливые решения по таким делам выносятся, если суд уделяет внимание психологии преступления. Разные дела рассматривают суды. Бывают дела, полные туманных показаний, умолчаний. Но порой показания дышат таким здравым смыслом и искренностью, что суду остается сгруппировать их, и они сами составят ясное и правдивое представление о деле. Таково дело Степанова.

Показания сторон раскрывают обстоятельства дела, отвечая на главный вопрос: **было ли убийство умышленным?** Каково было состояние Степанова в течение всего конфликта и во время совершения преступления? Как характеризуется личность обвиняемого?

Из отзывов с работы: «Очень спокойный, уважительный, громкого слова никогда не сказал. На Новый год родители всегда спрашивали его, для детей лучший Дед Мороз», «Ответственный, даровитый актер, приносил детям радость, красоту, трудолюбивый, старательный». Магомедов М., квартирант Саши: «Мягкий, спокойный, не способен на агрессию». Жена Ротова Ж.: «Когда был взрыв 9 мая в Каспийске, он побежал сдавать кровь, хотя у него плохое здоровье, он готовился к операции на легких». Мать жены Ротова А.: «Он был мне сын. У меня другая дочь — инвалид детства. Он так бережно за ней ухаживал, он никогда не мог отказать людям в помощи».

Долгое время Степанов был в психотравмирующей ситуации: рана от гибели отца и матери не заживала, этим и объясняли близкие его подавленность, порой слезы в глазах. А он молчал о преследовании, жалея больное сердце жены, лишь чаще просил у нее и сотрудников для себя валокордин. Потерпевший преследовал Сашу, разыскивая на работе и дома по несколько раз в день, и с каждым разом поведение его становилось нетерпимее,

вплоть до драк с квартирантами обвиняемого, угроз вахтеру театра, грубого ночного вторжения в дом накануне убийства. **Длительная психотравмирующая ситуация — итог системы противоправных действий потерпевшего. Неправомерное длительное действие создает невыносимые для лица условия жизни, постоянное нервное напряжение, ожидание очередной циничной выходки и является основой для психологического взрыва.** Агрессивность потерпевшего ко всем, с кем сталкивался в поисках Саши, говорила о реальной опасности угроз физической расправой. Угрожал продажей в рабство, требуя 70 000 рублей. В день убийства потерпевший приезжал два раза в театр. На вахте открыто угрожал: «*Мы его по-любому достанем*», вступил в конфликт с завхозом театра, с квартирантами Степанова. При всей опасности угроз Саша думал не о сопротивлении. В логике его характера, не способного к отпору и склонного к самопожертвованию, был один выход: собственная смерть как финал, уготованный преследователями, либо как свой выбор.

Ротова Ж.: «Он нервничал, молчал, постоянно спрашивал, что буду делать, если он умрет. Хотел переписать дом на меня. Я связывала это с тем, что он готовится к операции. Ранее общительный, стал молчалив. Молчал даже на худсоветах — это не свойственно ему, он всегда активно участвовал в творческих дискуссиях. Бросал курить, вдруг стал выкуривать 2 пачки в день. Стал пить сердечные препараты». Ротова А.: «Я однажды зашла в комнату, застала врасплох, у него в глазах слезы. Он очень был издерган последнее время, чего-то боялся, просил постоянно закрыть ворота. Домовую книгу отдал тете, сказал: «На всякий случай». Вахтер театра: «Когда я сообщила, что его вызывают, он побледнел. Просил говорить, что его нет. Часто принимал лекарства, был испуган, старался никуда не выходить». Ротова А.: «У машины ждет громадный парень. Саша побледнел».

Саша не сказал никому, но со дня угрозы расправой с женой неизменно сопровождал ее. Когда речь шла о защите других, страха для него не было. О чувстве обреченности и страха можно судить по попыткам избежать встреч с преследователями, непроизвольной реакции, наблюдаемой всеми, — внезапно бледневшему лицу.

Налицо признаки психотравмы: подавленное настроение, расстроенность, страх. Настроение — ситуативно обусловленное устойчивое эмоциональное состояние, усиливающее или ослабляющее психическую деятельность. Расстроенность — дезорганизация психической деятельности, вызванная отрицательными воздействиями. В течение месяца Степанов находился в ситуации подавленного глубокого страха за себя и близких. Страх — аффективное состояние, выражающееся в резком изменении жизнедеятельности организма, биологически защитный механизм. Подавленность настроения, расстроенность, страх приводят к нервно-психическому напряжению — стрессу. Застойные стрессовые состояния возникают при длительном пребывании в жизненно-опасной обстановке. В преодолении стресса проявляются

два типа личности — интерналы, рассчитывающие только на себя, и экстерналы — личности, рассчитывающие на помощь других людей. Стресс может оказать как мобилизирующее влияние (австресс), так и угнетающее (дистресс, от англ. «горе, истощение»). Психотравма у Степанова вызвала ослабление и подавление психической деятельности.

В роковой день 15 октября он как раз сопровождал жену с рынка. У своего дома, расположенного напротив Академии наук, издалека увидел поджидавшую его знакомую машину. Отправив жену, стараясь не показать тревоги, Степанов подошел к работающему в Академии знакомому Азимову: *«Лицо у него было не такое, как обычно, настроения не было. Сказал, что его забирают, попросил проехать за машиной, чтобы забрать его оттуда, или сказать близким, если с ним что-то случится»*. Обратим внимание, Саша готовился к худшей участи для себя, беспокоился лишь, чтобы не пропасть бесследно для семьи. Страх Саши подтверждает и Сайдиев, с Шамилем поджидавший его: *«Увидев меня, он отдернулся»*. Прокурор, спросив о причине такой реакции, дал подсказку Сайдиеву и выдал свою позицию не государственного, а частного обвинения, стараясь бросить тень на обвиняемого: *«Он мог удивиться, что про марихуану и вы знаете»*. Не поняв подсказку, Сайдиев настоял на ответе, с которым трудно не согласиться: *«Он не ожидал, что нас будет двое»*. Эта неожиданность усилила чувство страха. Сайдиев подтверждает показания Саши словами: *«Он подошел со стороны научного центра»*. Мы знаем, что там был разговор с Азимовым, оборвавший надежду Саши: Азимов отказал, так как находился на работе.

Итак, Саша оказался один на один с «охотниками». Сайдиев: *«Шамиль спросил, решил ли вопрос, нашел ли того человека, что-то вроде этого. Саша ответил, что не видел этого человека»*. Далее, по версии Сайдиева, Саша сел добровольно в машину, тот говорит о вынужденности действий. Его правоту подтверждает оговорка Сайдиева: *«Мы его назад посадили»*, но, спохватившись, добавляет: *«Я вышел из машины, так получилось, что он назад сел. Специально мы его не сажали»*. Его сажают назад, машина с нарушением правил разворачивается и едет по маршруту, выбранному Шамилем — по версии Саши, Сашей — по версии Сайдиева. Проехав до Казбекова, она свернула на Кутузова, доехала до конца и, повернув, тут же остановилась — дальше тупик, въехать можно только во двор дома.

Выгодно ли жертве заводить преследователей в глухой тупик, а не искать открытое место, надеясь на нечаянное спасение? Кто обычно ищет закуток потемней, где нет свидетелей? Но это не по логике Сайдиева, навязывающего Саше образ вдовы, которая сама себя высекла. Его слова, что Саша выбрал дорогу, разрушают версию о сговоре с Азимовым ждать Степанова в машине после убийства. Тогда Азимов, зная маршрут, без труда нашел бы его. Но Азимов неожиданно был отпущен шефом. Спустившись во двор, он увидел, как поехала машина с Сашей. *«Я поехал за ними, думаю, человеку плохо»*.

Доехал вниз по Казбекова, потом они свернули в проезд, но, пока я пропускал машины, потерял их из виду. Дальше я поехал медленно, искал глазами утерянную из виду машину». Версия о договоренности опровергается и утверждением Сайдиева: «Волга» за нами ехать никак не могла», что согласуется с показаниями Азимова об утере из виду машины и доказывает, что сообщники контролировали ситуацию, следили за дорогой, свернув с оживленной улицы. Не потеряй из виду Азимов машину, может, события развивались бы по-другому. Вернемся к Саше.

В машине Степанов спросил, куда его везут. В ответ — зловещее молчание, в том, что на расправу, было все меньше сомнений, а приезд в глухой тупик усилил тревогу. Если Саша хотел убить, он мог в пути застрелить Сайдиева и, приставив дуло к затылку другого, взять инициативу. Сайдиев подтвердил эту возможность. Неожиданность, близость расстояния, положение сзади — все было на руку Степанову, но умысла как раз и не было.

Но зачем он взял пистолет? Из обвинения: «Степанов, под предлогом, что необходимо зайти за деньгами, взял незаконно хранившийся у него дома пистолет с целью убийства». Поведение Саши противоречит этому предположению. Но еще логичнее по обстоятельствам дела и психологии поведения Саши, предположить цель возможной самообороны, либо напугать, как объясняет обвиняемый: угроза на угрозу — один из психологических способов отрезвления опасного противника. Предположение — не доказательство умысла.

Немалая доля наказания угрожает за сознательное хотение. Закон ополчается против главного — желания отнять жизнь. Он прав. Но не право обвинение, пытаясь вывернуть логическую посылку закона наизнанку: убил — стало быть, хотел убить. При такой постановке вопроса налицо величайшая несправедливость к природе человека, тем более, безответного, для него убить — ужас и мука. Только потому, что перед нами убийство, нельзя влагать в него разум и волю его совершителя. Это юридически слепорожденная фикция для совестливого прокурора и судьи. Закон четко разграничивает виды убийств, сходные по объективным признакам, и долг правосудия — не формально исследовать обстоятельства дела, чтобы правоприменительная практика не противоречила теории закона и не игнорировала ее.

(К сведению читателей, пистолет законно принадлежал отцу Саши, после смерти которого до решения вопроса о наследовании имущества и получения лицензии оно, в соответствии с законодательством, должно было незамедлительно быть изъятым для хранения органами, его зарегистрировавшими. Может ли быть халатность соответствующих органов основанием для привлечения Саши к ответственности по ст. 222, ч. 1?)

Вернемся к событиям того дня. Степанов: *«Когда машина остановилась, Шамиль спросил, когда я сказал, что у меня нет денег и я не могу продавать махину: «Что, ты меня за дурака держишь?» Ударил. Я ответил: «Где я возь-*

му такие деньги?» Он говорит: «Я тебя самого за эти деньги продам. У тебя есть дом, на тебя оформленный». Ударил меня по щеке несколько раз». В салоне с затемненными окнами звучала музыка. Для бурного веселья или заглушения возможного шума? Далее следует неясный момент в показаниях. Сайдиев говорит, что вышел по нужде, сделал пару шагов, вдруг «что-то в голову пришло». Попытки суда уточнить, что именно и почему пришло, ничего не дали. С его слов, вернулся, чтобы Сашу выпустить, но выпустить мог и Шамиль — оговорка указывает, что Степанова удерживали силой, вспомним, что в машине было холодное оружие — нож Шамиля, о котором хозяин говорил, что им он зарезал двоих в чеченских событиях. Неизвестно, правда ли это, но у Степанова были все основания верить, да и человек, переступивший через кровь, легко может это сделать вновь. Мы не знаем, собирався Шамиль убивать Сашу, увозить для продажи в рабство, или просто запугивал, переступая грань чудовищной игры и доводя жертву до ощущения безысходности. Ясно одно: у Саши были основания верить в реальность угроз. Шамиль начал избивание. Нож Шамиля мог в любое время быть пущен в ход. И только здесь Саша вытащил пистолет, не применил, а попросил не трогать его, предупредив, что иначе будет стрелять. Верил ли он сам, что сможет применить оружие? Скорее, надеялся, что угроза оружием остановит преследователей, которые, по словам самого Сайдиева, чувствовали себя уверенно и спокойно.

Итак, оружие было извлечено в целях необходимой обороны, ибо дальше оставалось либо смиренно положить голову под нож, либо стреляться самому. Чего бы мы хотели при таком ужасном выборе? Естественно предположение, что он мог желать убить обидчика, но столь же естественно мог он желать только ранить его, только напугать, оградить себя от дальнейшего истязания. Не только Саша не верил, что может стрелять. Сайдиев: «У нас музыка приподнятая, мы с Абдулабековым общались. Мы шутили, в мыслях ни у кого не было, что будут кого-то обижать». Степанов, поставленный на грань жизни и смерти, не входил в число «кого-то». На угрозу Степанова и предупреждение последовала неожиданная реакция. Он был готов к их отступлению либо, наоборот, к более яростной агрессии, но реакций был... смех. И здесь произошло то, что не вписывалось не только в представления сообщников даже под дулом пистолета, в представления самого Саши, но и в строгие нормы статей Уголовного Кодекса, предусматривающего состояние аффекта и состояние необходимой обороны. По теории уголовного права одна статья исключает другую. Но может ли ограниченный перечень статей закона вместить разнообразие человеческих характеров, непредсказуемость человеческой природы? Предполагая обороняться, Саша впал из-за последующих событий в состояние аффекта, и здесь необходимая оборона перешла в оборонительные действия, ибо уникальность натуры Степанова в том, что активно обороняться он мог только в состоянии аффекта.

Для аффекта не хватало той капли — у каждого своей, когда переполняется чаша терпения и наступает тем более глубокий взрыв, чем более подавлялась душевная травма. Каплей, затуманившей сознание обвиняемого, были не угрозы, не удар — а смех. Этой степени презрения человеческого «я» он не вынес. От невыразимого потрясения изнутри поднялась могучая волна, захлестнула разум, и сердце, и память о грозящем законе и саму веру в Бога. Здесь ужас и отчаяние ломали все непригодное без прокурора и суда. Это душевное умоисступление тем сильнее носит вулканический характер, чем безответнее была жертва, чем глубже загонялись тяжесть и ужас переживаемого длительного времени состояния.

Длительно убивая душу в Степанове, они добились своего: пробудили те рефлексы, которые человек как биологическое существо не контролирует, от которых Саша ушел далеко в силу воспитания и самовоспитания. Насилие над человеком должно иметь пределы, если вызываются темные стороны первобытной психики человека, нужно знать: зло порождает зло даже у самых смиренных. **Аффект — крайняя степень выражения эмоции страха, вызванной опасным насилием, длительным пребыванием в жизненно опасной обстановке, в условиях неопределенности, затяжного ценностного противоборства.**

Судья: *«За какие слова вы стреляли в Сайдиева?»* Степанов: *«Я считал, что он соучастник. Он ухмылялся, вставлял реплики. Он не случайный пассажир. Я не знал, чего ожидать не только от Шамиля, но и от него. Я был напуган до крайней степени, плохо соображал».*

Аффект — (от лат. «душевное волнение, страсть») — эмоциональный взрыв в условиях дефицита поведенческой информации, необходимой для адекватного поведения. Поведение при аффекте регулируется не заранее обдуманной целью, а чувством, которое полностью захватывает личность и вызывает импульсивные, подсознательные действия. При аффекте нарушается важнейший механизм деятельности — избирательность в выборе поведенческого акта, резко изменяется привычное поведение человека, деформируются его установки, жизненные позиции.

При хладнокровном умысле обидчиков можно было уложить с двух выстрелов, целясь в жизненно важные органы, но попадания — в Сайдиева — в правой стороне корпуса тела и смертельное ранение Абдулабекова — результат не одного выстрела: потерпевший пытался отнять оружие, страх обусловил рефлекторность последующих действий. Множественность нецелевых попаданий говорит о хаотичной дезорганизации психики, нарушении ясности сознания: *«Я очнулся только от боли, когда затвором прищемило палец».* Это состояние сопровождается частичной амнезией — многое Саша не мог вспомнить, это не попытка умолчания, а объективные признаки аффекта. Пули, летевшие в разные стороны, свидетельствуют о том, что несчастный стрелял с той рефлекторностью, с той животной логикой, с которой мы кри-

чим и неистовствуем, когда уже не в силах ни скрыть, ни побороть невыносимой боли.

Нейрофизиология объясняет сужение сознания нарушением взаимодействия возбуждения и торможения. При аффекте страдает тормозной процесс, возбуждение беспорядочно распространяется в подкорковые зоны мозга, эмоции теряют контроль. В действиях в состоянии аффекта не бывает ни осознаваемых конкретных целей, ни осознанных способов действий.

Саша в истерике бросился бежать прочь от места происшествия. Сайдиев утверждает, что пробежал 50 метров и упал у дома № 36, а обвиняемый догонял его, чтобы добить. Но от места происшествия до порога дома — не больше 5 метров, к тому же с ранениями невозможно со спринтерской скоростью пробежать 50 метров. При умысле Степанов мог бы лыжником добить раненого упавшего Сайдиева, но Саша бежал в полуобморочном состоянии. По словам Сайдиева, вокруг было много людей. Почему тогда никто не остановил Степанова? Почему от обвинения нет свидетеля этой ситуации? Свидетельница Кадиева подтверждает лишь, что нашла раненого у своего дома, узнала от детей, что он вышел пошатываясь из машины, почему дети и решили, что он пьян. Сайдиев подтверждает эти слова детей, не замечая, что противоречит себе. Парадокс: обвинение в отсутствие доказательств выставило свидетелей, объективно свидетельствующих в пользу обвиняемого. Бывшая сотрудница Абдулабекова свидетельствовала о нанесении им ей побоев (поломаны ребро и папец.) Еще одна жертва потерпевшего. Первые слова ее: «Напрасно вы его судите». Какая она сторона обвинения?

Другая свидетельница обвинения, жительница улицы, расположенной перпендикулярно Кутузова, видела Сашу доли минуты, когда он бежал к городу, догоняя медленно едущую машину: *«Я увидела спину человек, бегущего сверху вниз, одновременно «Волга» проезжала и человек почти наравне бежал. Я думала, как он не боится обрызгаться, так близко бежит»*. В этой детали все дышит безыскусной правдой. В ясные дни на Чапаева, по которой проходит обширная канава, невозможно пройти, представим, что было в тот слякотный день. Если машина ждала поговору, надо ли было ехать, не стоять, теряя драгоценные секунды, тем более включать музыку, из-за чего Азимов не сразу услышал Сашу? От дома свидетеля обзор возможен на 30–50 метров, точно схвачен миг: медленно, в поисках, едущая машина, истерично догоняющий человек. *«Я видела, что он близко бежал»*, — эти слова подтверждают и верность показаний Азимова: *«Я ехал медленно, искал глазами. Там кругом ямки. Думал, найду его, потом вернусь за сыном шефа. В это время подбежал Саша. Я его не видел, он по капоту стучал, я остановился. Испуганный, бледный. Дрожал весь. Я спросил, что с ним, он ничего не говорил»*. Показания свидетелей обвинения раскрывают правоту версии защиты. Так малые величины составляют одну непрерывную цепь отдельных звеньев.

Обвинение призывает совершить ошибку, закрыв глаза на явные признаки аффекта. Суд может квалифицировать действия Степанова и как необходимую оборону. Налицо самозащита человека, потрясенного ударом, неизвестно еще чем угрожающим. Удар, за которым вы не знаете, не последует ли еще более сильный, и со стороны человека, обладающего незаурядной силой, имеющего сообщника, демонстрирующего нож, — такой удар — не просто насилие, а явная угроза чести, телесной неприкосновенности, жизни. Душе жертвы оставалось погибнуть или воспрянуть хотя бы ценой преступления. Страшной ценой преступления и своей судьбы поднял он поруганное достоинство, чтобы решить: «тварь ли я дрожащая или право имею?» Страшно это право, но меньше всего обвиняемый его хотел. Всякое преступление искупается страданиями, которые влечет за собой. Степанов выстрадал много, воля его была так подавлена, душевная природа его так чужда зла, что меньше всего он убийца. **Не забудем — он ценой своей судьбы остановил щупальца наркобизнеса, отказавшись стать пособником зла.** Обвинение ему предъявлено и в хранении и распространении наркотиков. Но разве не протест против этого привел его на скамью подсудимых? Он не имел в своей натуре ни одного из качеств убийцы: ни злобы, ни страсти, ни порока, ни корысти, ни мстительности.

Несправедливый приговор — общественное бедствие. Накопление таких приговоров в общественной памяти — зло. Если перед судом человек, цинично престапующий закон и мораль, пользуется положением, поддержкой для обмана правосудия, — надо явить силу суда, согнув ему голову под железное ярмо закона, но когда перед ним склоняет свою усталую голову слабый, истерзанный человек, много и несправедливо перенесший, еще молодой, — общество вправе ждать справедливого и милосердного суда.

«Молодежь Дагестана», 21.03.2003

ВОЙНА И МИР ДИАЛЕКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

Сегодня образование в республике, как и в стране в целом, явно зашло в тупик. Чем завершится кризис образования — это зависит и от нашего умения рано или поздно ответить на вечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». Если народ утратил способность ставить и решать вечные и проклятые вопросы бытия, это верный признак духовного оскудения. Общество, не способное использовать трибуну, которой является газета, не решит своих проблем. «Хорошая газета — это нация, которая ведет беседу сама с собой», — говорил драматург А.Миллер. А кулуарное обсуждение проблем создает видимость умственного брожения и позволяет со спокойной совестью лгать или играть в странные игры по своим и чуждым нам правилам.

Искать конкретных виновников — затея бессмысленная и нереальная. Тысячи нитей соединяют нас с другими людьми. Через эти нити наши действия становятся причинами каких-то событий и возвращаются к нам как следствия. Так мы вносим свою лепту в ту ситуацию, которую создаем, а потом оказываемся ее же заложниками.

Опасное это дело — говорить о проблемах образования: в нем все проблемы так взаимосвязаны, так неделимы процесс и результат, что попытки найти первопричину превращаются в поиски ответа на вопрос, что первично, яйцо или курица, а рассмотрение одной проблемы выводит к необходимости изучить все звенья этой цепи.

Если молчание — способ существования лжи, его должно прервать. Но чаще молчание — уход от проблемы, а у нас на фоне роста армии кандидатов и докторов от науки и образования сложился стихийный заговор молчания на профессиональные, а значит, и личностные темы (в образовании профессиональное и личностное едины). Интеллигенция уже давно должна бы прервать молчание для беседы, ибо, как говорил Ж.Верн, «всякий человек, превосходящий других по интеллекту и нравственным качествам, помимо своей воли и желания отвечает за других».

В профессии педагога изначально заложено требование союза интеллекта и нравственности, потому-то нам и нести первыми ответственность за видимый мир на полях просвещения и не объявленную ему войну.

Парадоксы образования

Уже второе десятилетие школа движется курсом на гуманитаризацию образования. Это направление предполагает перенос внимания в обучении на формирование личности, углубленное изучение гуманитарных дисциплин. Но «движение» не приблизило нас к цели, и вместо оглядки, вспять ли мы движемся или в сторону, реформаторы решили прищипорить коня, чтобы сделать скачок через пропасть, отделяющую реальность от начертанных целей. Но конь равно падает как от застоя, так и от излишней езды.

Благородными целями нас не удивишь как во всеобщей истории, так и в истории образования. Вот и нынешняя реформа подняла на щит безукоризненные лозунги: разгрузка детей, улучшение их здоровья, повышение качества образования. Но вместо ожидаемого триумфального шествия благородных начинаний мы сталкиваемся с очередными провалами и парадоксами.

Первый парадокс образовательной реальности. В республике существует масса образовательных структур: Министерство образования, вузы, ГУНО, институт педагогики, Институт повышения квалификации педагогических кадров и т.д. Каждая из этих структур проводит немалую работу, но согласованности в их действиях, глубинной связи между собой и стремления к связям для проведения единой образовательной политики нет, за исключением редких начинаний.

Второй парадокс. При обилии различных образовательных структур с громкими названиями — налицо лишь активность отдельных лиц-инициаторов маскарадного шоу с переодеванием и сменой вывесок, контрастирующая с безликостью внутренней жизни младенцев от образования. Нет творческих коллективов — лишь отдельные яркие личности, не определяющие лицо образовательного учреждения ввиду своей единичности, изобилие средних, а нередко и более чем посредственных педагогических кадров.

Третий парадокс. Искусственно нагнетаемый реформаторский зуд сверху — и полная апатия учителей снизу.

Четвертый парадокс. Вузы предвкушают девятый вал образовательно-го бума — образование в цене, а престиж образованности — пустой звук не только для обывателя, но и для уполномоченных государством лиц, тех, кто должен принять выпускников вуза в свои мохнатые и не очень руки. Коммерциализация образования — факт очевидный и тревожный.

Пятый парадокс. Образование должно способствовать очищению нравов и формировать Личность или Специалиста, а еще лучше — то и другое вместе, но мы наблюдаем деградацию нравов и убеждаемся в правоте Б.Шоу: «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, болваном».

Цели или интересы?

Есть самые общие причины проблем как в образовании, так и в любой сфере общества. Они стоят того, чтобы посвятить им лирико-философское отступление.

Какой веселый и добрый жанр — пародия! А весь фокус в том, что намеренно утрируются какие-то черты пародируемого, и вот уже смех объединяет всех в радости узнавания и различения. В этом смысле смех — уникальное орудие познания, вот только жаль, что мы мало используем его в познании. Не бойтесь пародий, вот уж что не дает остановиться жизни, принять застывшие формы за жизнь! Это тем более важно, поскольку у жизни есть коварный враг, искусно маскирующийся под жизнь, — имитация — безжизненный фантом обмана и самообмана. И удастся ей обман только потому, что она очень серьезная и важная дама.

Наше мышление страдает склонностью к догматичности, а мы его сделали нормой в обучении. Ведь жизнь — как река, она изменчива и текуча. Схватывая содержание жизни в определенный момент, мы воспринимаем ее как статичную данность, и вот уже не замечаем, что у нас в руках осталась голая форма, внешний отпечаток от мгновения жизни, а сама она движется и в каждый момент уже не та, что раньше. Мы принимаем внешний отпечаток за нее самое и уже имеем дело с фантомом жизни, в то время как живая жизнь ушла далеко вперед, а мы либо еще не осознаем потребность в знаме-

нитой фразе ребенка, либо боимся закричать: «А король-то гол!» И дело здесь не только в лукавстве обманывающих и простодушии обманутых, а и в особенностях познания. Пока мы оставшуюся форму приняли за содержание, в это время текущее содержание приняло иные формы, и неужели мы так и обречены вращаться в мире все множасьих форм, теряя все больше связь с уходящей за маски наслоений жизнью? Догматичность нашего мышления порождает догматизм образования и порождается им.

Есть иные причины противоречий в образовании. Мы знаем, что первые отрасли науки были частью философии. Из нее отпочковались другие отрасли знания, все более специализированные. Сегодня специализация в науке и в образовании дошла до кризиса: мы у черты, когда детальное изучение отдельных органов отучает понимать жизнь всего организма. Внешней формой специализации и разделения труда стало создание различных необходимых и избыточных ведомств. Увлечшись идеей разъединения и выполнения своих функций, мы потеряли главную цель — все во имя человека, и решили, что отдельные функции важнее организма. Вот такая перевернутая диалектика: объективно разъединившись, чтобы успешней решать задачи объединения, в итоге субъективно объединились в разрушении и подменили цель. Смыслом деятельности любое из ведомств считает отдельное функционирование, а первоначальное содержание этих ведомств стало казаться помехой и угрозой их деятельности. Сейчас принято это называть знаменем времени и требовать такую практику возвести на трон. Представляете, если практику работы правоохранительных органов возвести в идеал, выкинув теорию о презумпции невиновности? А ведь такие призывы в нашей прессе от имени авторитетных деятелей были высказаны. («Кому служит новый УПК» — «Новое дело», № 23—24, 2002 г.) Это пример забвения диалектики теории и практики. Не всегда это результат злого умысла, чаще — добросовестное заблуждение. Путаем причины, следствия, условия, цели и средства, туманим ясный мир и приписываем ему качества нашего интеллекта. Этого греха и образования — так учим мыслить и мыслим сами...

Вот и мы, деятели образования, поделили благодатную ниву образования на наделы, прочертили между ними границы, выстроили заборы в меру своих амбиций, чтобы труднее чужим было заглядывать. Это только говорится, что для препятствия утечке информации, соблюдения технологий «посева и сбора урожая». Вот и строим барьеры, чтобы самолично если не сеять, то собирать. И вот одни сеют, другие собирают, а бывает и по пословице: что посеяли, то и пожали, да вот одни жнут в свой амбар, а другие собирают плоды чужой жатвы — попадают в руки недоученных «семян» и пожинают уже другие плоды. И жатва разная, и плоды разные, а последствия не замедлили себя ждать. Ведь мы все равно живой организм, река жизни смешивает все части в целое — и вот уже болезнь одной части тела стала общей болезнью.

Вот такая история с неладным датским королевством. И творится эта история не выдающимися, а рядовыми людьми, только примитивная простота одних блекнет в сиянии их служебных полномочий, понимаемых как полномочия прав, а не ответственности, а святая простота других подобна той старушке, бросившей ветку в костер для Коперника — простота неведающих. А когда речь идет о ведающих, надо остановиться и спросить с тех, на ком держится государство: с юристов, врачей и учителей. Но поскольку до врачей и юристов были педагоги — начнем с нас.

Вот так и слышу сакраментальный вопрос: «А зачем тебе это надо?» А есть еще интересная фраза: «Тебе что, больше всех надо?» А за ними полчища тех, кто думает: «А кто за тобой стоит?» Понимаете, кто и когда может задавать такой вопрос? Конечно, тот, чьи интересы задеты вопрошающими. Это любимые вопросы нечестных, или равнодушных, или авторитарных людей. Задающие такой вопрос точно попадают в цель: случайно задумавшийся человек быстро возвращается в привычное безвопросное состояние, а совестливый человек, нравственно щепетильный, раненный сомнением в чистоте своих помыслов, в лучшем случае уйдет в молчание, как во внутреннюю эмиграцию. В худшем — пополнит ряды большинства живущих как все, даже если верит в правоту слов Л.Толстого: «Один из самых обычных и ведущих к самым большим бедствиям соблазнов есть соблазн словами: «Все так делают». Правда, есть еще один вариант, но кому же он понравится? — упорствующему в желании получить ответы на вопросы можно повесить ярлык скандалиста — пусть пожинает плоды настойчивых вопрошаний! Всегда есть люди, которым приятно думать, что пчелы жалят, чем о том, что они дают мед.

Примеров таких ситуаций разной степени масштабности во всех областях жизни хоть отбавляй. Вот последний пример из моего опыта. Обратилась студентка, проходившая практику в школе, с просьбой позволить ей специализироваться по педагогике вместо специализации, которая была ранее. Поскольку за мою многолетнюю практику это уникальный случай, когда студент изъявляет желание заняться школой, и к тому же исходя из представлений, что научная работа по интересу студента более эффективна, чем обязательно-принудительная, я обратилась к профессору другой кафедры за дозволением отпустить ее. Решение профессора было «не пущать», но даже не это прискорбно, а степень профессорского негодования по поводу моей инициативы: «Зачем она вам нужна?» Вообще-то вопрос саморазоблачающий. Как объяснить отсутствие цели утилитарного применения человека? Вот уж поистине — каждый из нас понимает у других только те чувства, на которые способен. И подозревающих так много развелось, что там в уголовном праве — в образовательном пространстве презумпция невиновности не в чести! (Закономерность такая — чем больше нарушений, тем больше подозрений, особенно у нарушающих, и вот уже все друг у друга под вопросом.) Что ж делать тем, кто пока еще чист? Все равно он потенциальный «нечис-

тый». В следующий раз и побоишься бескорыстно в простоте душевной что-то сделать. Возьмем на вооружение совет Талейрана: «Не доверяйтесь первому побуждению — оно почти всегда благородно». Но вот студентку, которой больше всего досталось за инициативу, жаль. И за профессора, как за державу, обидно. Хоть он и остался победителем. А хотелось, чтобы победила педагогика. И как выбор студентки, и как принцип этики.

Человек — не средство, а цель — это уже общее место. Общие места обречены стать инвалидами истины от повторения все и забвения в конкретных действиях. И вот уже потеря доверия в образовании ведет к потере доверия образованию.

Разделительная линия того, что хорошо, что дурно, сегодня как никогда проходит по черте нравственности. Только это естественно породит личную ответственность за происходящее и выведет общество на путь выздоровления. Сегодня ощущается как никогда потребность в профессионализме, пронизанном этическими началами. И тогда не надо будет переводить стрелку ответственности на государство, потому что государство — это мы. И народ — тоже мы. А чиновники, политики и депутаты — всего лишь слуги народа. Не от слова «служба», а от слова «служение». И потому и у них велика ответственность, и у нас не меньше. Прав у нас более чем достаточно, но они не будут работать до тех пор, пока обязанности для нас будут менее ценны, чем права. Это диалектика жизни здорового общества. А вот чтобы слуги народа не путали свои интересы с общественными, на то есть граждане, до которых нам надо подняться, а высокому слову «гражданин» вернуть величие греческой демократии. Может, тогда мы начнем уважать в себе и других личность, поймем, что вне зависимости от того, «один ты в поле» или нет, ты — воин, потому что ты — личность, и ты — гражданин. Общество деградирует, если не получает импульса от отдельных личностей, импульс деградирует, если не получает сочувствия от всего общества.

«Молодежь Дагестана», 06.06.2003

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Литература в контексте реформы

Осознаем ли мы, что имеем благодаря литературе и какою ценою платим за пренебрежение к ней? Кто не был ранен русской литературой, тому должно стыдиться такого «здоровья». Но сегодня ее судьба внушает серьезную тревогу. Вот где у семи нянек дитя без глазу. Институт педагогики разрабатывает вопросы преподавания языков и дагестанской литературы в национальной школе, ИПКПК занят повышением квалификации учителей, в министерстве образования так и не удалось найти конкретно ответственное лицо. Нижестоящие структуры убеждены, что оно есть. Недавно в городе прошла

школьная конференция на тему «Природа в творчестве Р.Гамзатова». Хотелось узнать, кем предложена эта тема, а нельзя ли дать ее шире, на что был общий ответ: «Сверху рекомендовали». Так и не удалось найти таинственного и неизвестного исполнителя автор рекомендация. В настоящее время болевым для словесников является вопрос стандартов по литературе, от которых зависит концепция предмета, но проект совершенно незнаком учителям. Можно, конечно, обвинить учителей в том, что они устранились от влияния на образовательную политику, но если ответственные ведомства не думают о формах участия учителей и сами не участвуют в образовательной политике — то это более чем странная ситуация. К пассивности регионов центр привык, уже и без участия регионов решаются вопросы, напрямую их касающиеся. Так, например, пока еще на уровне проекта, но в центре идет работа по созданию единого стандарта для профильных классов национальной и русской школы. Чиновники от образования торопятся создать единое образовательное пространство, чтобы быстрее вписаться в европейский стандарт. Но готова ли национальная школа к конкурентированию с выпускниками городских школ при введении единого стандарта? Почему по такому важнейшему вопросу не изучена позиция региона? Ответ прост — центр привык к пассивности регионов. Заложниками этой ситуации станут сельские школьники, которые на сегодняшний день не могут на равных конкурировать с выпускниками городских школ — ведь реформаторы, предполагая соединить стандарты двух типов школ в профильных классах, ничего не говорят о введении двух типов ЕГЭ, что было бы необходимо в таком случае.

Еще один любопытный факт. Вот уже более десяти лет у учителей есть право выбора программ по литературе и комплекта учебников к ним. Однако во многих школах даже Махачкалы мало кто из учителей смог ответить на вопрос, по какой программе он работает. Казалось бы, наконец-то учитель получил возможность самостоятельно распределять количество часов по темам и выбирать программы, но, оказывается, воспользоваться дарованной свободой он не спешит, предпочитая работать, как выяснилось, без программ — по учебнику. При этом нередко происходит стихийный переход от учебников одной программы к учебникам другой в зависимости от того, какими учебниками располагает библиотека. Это преемственность? Стихийность и отсутствие четкой концепции литературного образования — следствие не только пассивности многих учителей, но отсутствия четкой системы управления школой в области литературного образования. Школа не получает реальной помощи от существующих ведомственных структур, предпочитающих осуществлять лишь функции контроля.

Медальная лихорадка, или обратная сторона медали

В последнее время в образовании недоверие стало нормой. Само создание полиции качества при Министерстве образования говорит о ско-

ром нашем братании с правоохранительными структурами. Братание — жест не военный, но возникающий на фоне баталий. И подозрительность, которая к лицу органам, породила в образовании такие явления, о которых давно следует сказать, чтобы защитить страдающих от нее не только честных учителей, но и детей, и родителей. Самый яркий пример тому — ситуация вокруг медальной лихорадки.

Каждый год вокруг медалистов разыгрываются самые разные сценарии действий ответственных органов, которые озабочены вроде одним: как обеспечить объективность оценок работ, отсеять мнимых медалистов. Но вот способы достижения такой цели напоминают театр абсурда. Вот уже несколько лет повелось собирать всех претендентов в отдельную школу, при этом год от года военизируются условия их охраны: привлекаются сотрудники из органов вместо прежних учителей — чтобы неповадно было передавать шпаргалку. Что меняется? Вместо одних в роли передатчиков выступают другие, растет мзда за услугу вместо прежнего сердобольного бескорыстия учителей, а вот страдают из-за мании подозрительности прежде всего те дети, которые честно шли на медаль. Не зря в последние годы многие претенденты отказываются от медали, зная, что им предстоит испытать. Экзамен — сам по себе стресс для медалиста, осознающего, сколь высока степень платы за ошибку. А «сгон» на сочинение в другой школе, в новом коллективе, в напряженной полицейской атмосфере как может располагать к творчеству? Это психическое насилие над ребенком, это непонимание природы творчества, каким является экзамен по литературе. Известный учитель математики мне доказывал, что написание в новой среде полезно тем, что учит, не обращая внимание на обстановку, мобилизовываться и демонстрировать свои знания. По математике-то оно, может, и так. Но по литературе создание такой атмосферы свидетельствует о полном пренебрежении к психологии творчества, к требованиям педагогики. Администрирование стало выше принципов педагогической целесообразности.

Процесс проверки медальных сочинений заслуживает особого внимания. Работы проверялись в школах, где выставлялись соответствующие оценки, подкрепленные рецензиями. Затем из школ работы посылались в городскую комиссию, где над ними, как пчелки, трудились учителя, перепроверя и очень часто изменяя оценки. Эпопея серебряных медалей здесь завершалась, работы претендентов на золото шли в республиканскую комиссию, где в третий раз подвергались перепроверке. Я вовсе не иронизирую над этими комиссиями, где не раз работала сама. Они проделывали большую и низкооплачиваемую работу из любви «к искусству», и делали все, чтобы обеспечить объективную оценку работе и не допустить падения престижа медали. В этом году решили сократить число проходных этапов, и все работы были направлены сразу в республиканскую комиссию. Не лучшее решение, прежде всего, потому, что те учителя, которые вели своих пи-

томцев много лет, оказываются отстраненными от возможности оценить их и свой итоговый труд, это также выражение недоверия учителю. Кроме того, даже при наличии нескольких комиссий всегда выявлялись ошибки в оценивании — почему надо предполагать, что нынешняя комиссия семи пядей во лбу? Все эти годы проверка медальных сочинений была лишь кампанией, озабоченной лишь функцией контроля, но что было сделано, чтобы извлечь уроки из материалов проверки и повысить качество образования хотя бы в сфере преподавания литературы? Во-первых, организаторы работы комиссий располагали уникальным материалом не только для проверки знания учеников, но и для проверки уровня профессионализма учителя литературы. Я не говорю о ситуации с проверкой грамотности, где напряженный ритм работы, ограниченность во времени порой приводят к пропуску ошибки: речь идет об оценке за содержание. Если на школьном этапе за работу весьма посредственную выставляется высокая оценка, она не может быть объяснена невнимательностью, тем более на работу пишется рецензия, аргументирующая выведение оценки. Сколько педагогов проверяют друг друга, какой материал, чтобы адресно выявить уровень профессионализма и спросить с учителей, а в случае необходимости дать сведения и работу Институту повышения квалификации педагогических кадров! Вот здесь учитель хорошо подумал бы, прежде чем выдвигать на медаль заведомо слабые работы, и члены республиканской комиссии не выглядели бы перед плачущими там нередко детьми предвзятыми монстрами. Разве ребенку легко поверить, что оцененная в школе и вышестоящей комиссии на «отлично» работа оказалась не соответствующей оценке? Кому ему доверять, квалификации каких педагогов? Если бы действовала такая система контроля не только за оценками детей, но и учителей, не пришлось бы сегодня вообще лишать учителя права на проверку. Попытка избежать ошибки заставляет впадать в другую только потому, что никто не работает над анализом ошибок.

Еще один показательный пример отсутствия работы над ошибками со стороны органов управления образованием. Вы никогда не задумывались, какова судьба медальных сочинений после их проверки? Это же бесценный материал во многих отношениях. Во-первых, это работы наиболее одаренных детей, почему бы с лучшими из них не знакомить школы, общество? Это и поощрение к творчеству, и здоровая мотивация к успеху и к обучению. Во-вторых, почему не обобщены типичные ошибки, не проанализированы для учеников, родителей, для учителей? Увидеть свои ошибки могут лишь подающие на апелляцию, да и они не всегда получают вразумительные ответы на вопросы. Ни учителя, ни методисты, ни ученые не получают этот материал для обобщения. На ошибках мы не учимся, а в этом и корень проблем. Поинтересовавшись судьбой этих работ, я узнала, что они по истечении года уничтожаются. Блестящий способ повторять ошибки. Правда, бывали и интересные казусы, свидетельствующие о том, что есть среди сотруд-

ников некто, кто старается сохранить для потомков отдельные экземпляры. В свое время мне пришлось в составе комиссии проверять яркую, оригинальную работу по творчеству В. Гроссмана ученицы г. Махачкалы, а на следующий год эта же работа слово в слово оказалась в моих руках при проверке, на этот раз она прибыла из Хунзахского района.

Очень жаль, что о существовании такого важного органа, как Министерство образования, широкая общественность узнает во дни медальной лихорадки, где заранее уже объявляется почти военное положение, где, прежде чем войти не к министру, а в рядовую канцелярию, у вас будут долго допытываться, зачем вы пришли, ибо идет борьба с попытками страждущих найти чиновничью благосклонность во время проверки медальных сочинений. Негодные злопыхатели клеветают, называя сумму в зелененьких, востребованную якобы некоторыми чиновниками от министерства, для зеленой дороги «медалисту», а министерство выражает свое тотальное недоверие учителям и родителям. И для всего есть основания, но чтобы из-за паршивых овец стадо не губить, не на стадии итоговых работ надо подключаться к отсеву случайных медалистов, а гораздо раньше. Помимо тех мер, которые выше указаны, следовало бы в течение года сотрудникам органов управления образованием посещать уроки в школах и наблюдать с какой-то степенью периодичности и школьную документацию, и ответы на уроках, и знакомиться с текущими школьными сочинениями, чтобы суметь отличить заказное сочинение от авторского. А вот когда некоторым детям, пришедшим в этом году на написание медального сочинения, вдруг объявляют, что они не допускаются к написанию медальных работ, так как в классных журналах найдены некие огрехи, хочется спросить, кто ответит за варварский способ объявления в последний и ответственный момент такого решения, что мешало разобраться с документацией раньше, чтобы избежать психотравмирующей ситуации для школьника? Почему крайним за головотяпство взрослых должен стать ученик? Контрольные функции порой так любя некоторым, что они избавляют от необходимости иметь дарования и ум.

Блеск и нищета сочинений

Сегодня на черном рынке образовательных услуг существует услуга написания медального сочинения. Как бы ни пытались с этим злом бороться, оно не исчезнет до тех пор, пока не будут искоренены причины этого явления.

Самая главная причина — школа не учит писать сочинение. Вуз не обучает будущего специалиста написанию сочинений и не требует от него этого умения. Заставьте учителя писать вместе с учениками все текущие классные и домашние сочинения. Это должно стать нормой, так как творчество постижимо только творчеством. Только созданием творческой атмосферы, включением в него и учеников, и учителя при системной ра-

боте, при постоянном анализе и обсуждении работ можно учить свободно излагать свои аргументированные письменные рассуждения, чем по сути и являются сочинения.

Вторая причина распространения заказных сочинений — чрезмерное повышение планки медальных сочинений. Мой опыт участия в работе комиссий по проверке медальных сочинений и опыт защиты работ учащихся в апелляционных комиссиях позволяет это утверждать со всей очевидностью. Требования к стилистике ученических работ порой превышают планку требований к академическим учебникам. Ни индивидуально-авторский стиль, ни метафоричность языка не приветствуются, к языку сочинения порой подходят как к языку учебника по логике или по синтаксису языка. На моей памяти примеры, когда под речевую ошибку подпадали высказывания Толстого и Гоголя — вот кому точно не видать бы нашей медали! Как речевая была выведена фраза «реальная действительность», противоречащая в учебниках для студентов филологических факультетов. Прекратим ловить детей на перегибах своей борьбы за чистоту языка. Ведь при такой практике самостоятельно пишущие дети оказываются заведомо в худшей ситуации и вынуждены нанимать, чтобы не конкурировать с учителями. Так, некоторые родители, даже имея грамотное чадо, при поступлении, напуганные разговорами о том, что без взяток не поступить, ищут кого-либо для передачи денег из соображений, «чтоб не завалили». Мифы вокруг поступления пугают подготовленных детей, родители которых ищут коммерсантов от образования, бросающих тень на всю эту сферу. Но диалектика такова, что те деньги, которые народ или малая его часть отдают, чтобы поддерживать свою свободу, становятся орудием его же порабощения, и то, что платит он сегодня по доброй воле, используется для того, чтобы заставить его платить завтра по принуждению

В апелляционных комиссиях последних лет практически невозможно добиться пересмотра оценки по литературе при наличии оснований, так как повышенная подозрительность ориентировала председателя комиссии не на оценку работы по существу, а на поиск истинного автора работы — вот вам и результат братания органов образования с духом правоохранительной системы. Оставьте право ловить за руки органам — они на то и существуют, а обязанность комиссии — оценивать предъявленную им работу, а не подозревать каждого, приходящего на апелляцию в особой заинтересованности, следуя завету Робеспьера: «Основная добродетель гражданина есть недоверие». По русской литературе нет экспертной комиссии, не всегда привлекаются сильные специалисты, неясен критерий их отбора. Как-то мне пришлось защищать работы трех учеников: не всегда сельские учителя приезжают на апелляции. Так я услышала обвинение в том, что автором всех работ я и являюсь. Одновременно написать три разные работы ученикам сельских школ, находясь на работе в Махачкале, —

при всем желании такой талант за собой признать я не могу. А обвиняющий пафос можно было бы проигнорировать, если бы не тот факт, что поворачивался он против учеников. Против тех учеников, чьи работы были безупречны, а квалификация проверяющего не соответствовала норме. Это редкие случаи, но они есть. Мы в ответе перед детьми за их и тем более за наши ошибки. И других соображений здесь быть не может. Во время одного из обращений в апелляционную комиссию мне в шутку было сказано: «Вы опять по ту сторону баррикады?» Мы не на баррикадах, не друг против друга, мы — за общее дело обучения и воспитания. И наш долг объяснить ошибку ребенка и исправить нашу, если она есть. И никакой корпоративной этики здесь быть не может. Некогда Перикл, афинский стратег, отказываясь от участия в ложной клятве, сказал: «У алтаря кончатся права дружбы». Вот и мы — не на баррикадах, а у алтаря.

Да, надо бороться с амбициями родителей, со всеми, кто хочет нагреть руки и обойти законы, кто профанирует понятие школьной медали, но надо думать, как бороться, не впадая в новые ошибки и как работать над ошибками.

Разрушим или сохраним?

В стране идет процесс разрушения литературного образования. Удар нанесли вузы, которые отказались от сочинений как формы проверки знаний выпускников. В МГУ при его контингенте поступающих сохранено сочинение как вступительный экзамен, а мы даже на филологическом факультете ДГУ отказались от него. Тесты лишь одна из побочных форм проверки знаний. Второй удар наносит реформа образования, пойдя по пути отказа от обязательности сочинения. Третий удар наносят те учителя, которые не умеют учить творчеству, те, о которых афористично сказано: «Преподавание — последнее прибежище слабых умов с классическим образованием».

Литература — предмет стратегической важности, ослабление позиций которого уже сегодня привело к своим последствиям. Это единственный предмет, целенаправленно формирующий нравственность личности и мышление в органическом единстве. Сегодня без гуманитарного мышления, формируемого прежде всего литературой, общество стало на опасный путь. Как говорил И.Бродский, мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно. Литература борется за каждого человека. И так она может вытащить человечество. Значит, что делать в условиях разрушения литературного образования? Учить читать, учить писать сочинения, несмотря на конъюнктуру времени. Учить верить в силу слова и овладевать его могуществом.

«Молодежь Дагестана», 27.06.2003

ОБЩЕСТВО И ШКОЛА: В ПОИСКАХ СМЫСЛА РЕФОРМЫ ИЛИ БЕГ НА МЕСТЕ?

Сегодня школа вновь стала испытательным полигоном для приложения реформаторского зуда чиновников от просвещения. Оптимизм министра просвещения Филиппова очень контрастирует с пассивностью и безмолвием школы, привыкшей выживать, преодолевая валы реформаций, заканчивающихся еще большей унификацией школы и ее подавлением.

Есть какой-то удивительный парадокс в том, что общество всегда недовольно своей системой образования, всегда подвергает ее резкой критике, но по большому счету все остается по-прежнему. Во все времена в качестве новых высказываются по существу одни и те же педагогические идеи: необходимость поддержки активности ребенка, его творческого потенциала, необходимость учета его особенностей, ориентированность на развитие личности, необходимость готовить его к жизни и т.д. Всего 15 лет назад в «Учительской газете» был опубликован проект концепции общего среднего образования, разработанный временным научно-исследовательским коллективом «Базовая школа». Идеи гуманизации и гуманитаризации образования, развивающей и развивающейся школы, перестройки воспитания и многие другие идеи, провозглашенные в нем, окрыляли, увлекали, обещали рождение новой школы. Это была эпоха Возрождения в педагогике, сотворенная командой В.Матвеева, редактора «Учительской газеты», вызванная к жизни пробуждением общества. Благословенное время нравственного здоровья общества, когда оно рукоплескало Учителю.

За эти годы изменилось многое: созданы различные типы школ, учителю предоставлено право выбирать программы, учебники, деидеологизация образования раскрепостила школу, но свидетельствуют ли внешние перемены о глубинном преобразовании духа школы, ее роли в формировании Личности? Дух догматики из школ не изгнан, качество образования существенно не повысилось, несмотря на внешнюю мишуру, уровень воспитания не изменился в лучшую сторону. И все попытки нынешнего реформирования вряд ли могут сулить лучший результат, и причин тому много.

Во-первых, общество не осмыслило итогов и уроков предыдущего реформирования, точнее, его пробуксовки в главном: в качестве образования. Только в нашей республике функционирует огромное количество инновационных школ и классов, но общество не имеет представления об их реальных успехах и проблемах, а общий уровень образования падает пропорционально росту количества спецшкол и экстерната. Смена вывесок и переименований статусов школ налицо, а реальный вклад инновационных образовательных структур в повышение статуса образования и воспитания личности осмыслен ли?

Во-вторых, всеобщий дух коммерциализации глубоко проник в сферу образования и не мог не отразиться на состоянии школы. Нет у школы иммунитета от тех болезней, которыми болеет общество.

В-третьих, неизбежное следствие коммерциализации высшего образования и переоценки моральных ценностей в обществе привело к резкому снижению уровня профессионализма.

В-четвертых, обюрокращивание педагогики и школы, раздробленность системы образования в целом, отсутствие реального сотрудничества между всеми структурами образовательного процесса, и как следствие — устранение школы от диалоговых отношений с государством и обществом.

Стандарты: общественный договор или короткий поводок?

Нередко происходит так, что благой замысел, обжившись в чиновничьих кабинетах, преобразуется до неузнаваемости. Такой путь и проделали стандарты, которые по замыслу их автора Б.Н. Науменко должны были стать гарантом безопасности творческих учителей, а стали удобным оружием в руках любого проверяющего. Тогда, в 1991 году, — редкий случай — министерство предусматривало ограничение собственной власти, создавая стандарты как систему противовесов чиновничьей власти. Сегодняшнее понимание стандартов как минимизации содержания образования и перечня требований к выпускнику ведет к возрождению планово-советской структуры управления школой. Школа воспроизводит завтрашний тип отношений граждан и государства. Сегодня таким типом становится бюрократическая диктатура. Стандарты должны выступать как общественный договор между гражданами и школой — и тогда мы на пути к правовому гражданскому обществу, но реально он строится как договор между ведомством и государством — и это профанация идеи договора и путь в застой.

Если стандарт — это определенный уровень требований, долженствующих обеспечить качество продукции, то это понимание оборачивается фикцией по двум причинам: во-первых, стандартизируются только формальные вещи, закладывание в стандарты ценностных параметров вплоть до гражданственности и патриотизма может привести к абсурду саму идею, особенно когда речь идет в частности о таком предмете, как литература... В такой ситуации неизбежен формально-оценочный подход к деятельности учителя и ученика, что лишает содержание образования личностного смысла, а реформы потому и назревают, чтобы преодолеть эту ситуацию — вот нам и порочный круг. Либо следует вообще отказаться от стандартов (живет сегодня школа без стандартов уже 10 лет, обходится без них и даже уверена, что они есть), либо они должны строиться совершенно иначе.

Во-вторых, пока проблема стандартов решается на уровне ведомства и государства, школы и ведомства, принятие стандартов мало что изменит. Уровень товаров определяют потребители товаров и услуг, роль государства

сводится к защите их интересов и поощрению производителей качественных товаров. Высшая школа — потребитель услуг общеобразовательных учебных заведений, она реально диктует свои условия. А вот требования государства должны быть приняты всеми участниками процесса. Следовательно, создавать стандарты должно как договор между вузами и школами при участии государства как гаранта.

В последнее время понятие о стандарте в мире изменилось. На Западе давно поняли, что предъявлять требования к товару как конечному продукту бессмысленно, потому что при равнодушии к процессу производства брак неизбежен. Только при соблюдении всей технологии высококвалифицированными специалистами товар (в нашем случае образовательный) всегда будет качественным. Таким образом, стандарт в образовании — это разработка условий педагогического труда, организации учебного процесса, соблюдение которых гарантирует качественное образование. Квалификация кадров, педагогические технологии, оплата труда, школьная гигиена, расписание, обеспечение учебниками, материальное положение школ — эти вопросы и должны гарантироваться стандартами. Стандарт — это правовая норма, регулирующая отношения граждан и государства по поводу образовательных потребностей граждан, фиксирующая ответственность государства перед гражданином в области образования. Это понимание стандарта предполагало бы поворот к школе. Но законопроект о стандартах направлен на то, чтобы законодательно закрепить ответственность учителя, ученика и школы перед государством, обеспечить чиновникам от педагогики полноту их властного существования.

Десять лет идет процесс составления требований к школе, разбазаривание средств будет идти и дальше, если, предъявляя требования ученикам, общество не задумается над вопросами: соответствует ли оно требованиям выпускников школы? Каков наш стандарт, который мы предъявляем вступающим в жизнь юношам? Впавшие в эйфорию от введения тестов, которыми удобно манипулировать и сложнее выявить истинный уровень знаний по ряду предметов, смогут ли вузы пройти тест на принципиальность и справедливость? Готовая мгновенно взять выпускника под ружье армия — соответствует ли она его ожиданиям? Тотальная коррупция, незащищенность и бесправие, наш двойной стандарт в обмен на их стандарт «приверженности к гуманистическим и демократическим ценностям, гражданственности, правосознания, социальной ответственности»?..

Национальная школа: быть или не быть?

В рамках Министерства образования РФ создан Временный научный коллектив «Образовательный стандарт». Им, в свою очередь, созданы предметные группы, включающие три группы специалистов: ученые, эксперты, представляющие данную область науки, культуры или сферу человеческой

деятельности, авторы учебников, специалисты в области методики преподавания данного предмета, — учителя, преподающие данный предмет в школе.

В декабре 2002 года третий проект стандартов был предложен на рассмотрение Государственной Думе, и вновь школа осталась без стандарта.

Противники стандартов считают, что отбор содержания образования должен регулироваться программами, в стандарте должны быть зафиксированы лишь общие цели, принципы и задачи, цели образования. Учительство обеспокоено тем, что единственным критерием профессионализма учителя будет исполнение им и учеником образовательного стандарта, труднее будет учителю, работающему со слабыми учениками или в авторских школах. Демократические школы настаивают на принципиальных поправках. Участники I Всероссийского форума демократических школ обратились к депутатам Государственной Думы: «Мы убеждены, что принятие единого для всех учеников обязательного минимума образования, единого для всех набора учебных предметов неизбежно приведет к оттоку из школ многих детей, наиболее творческих учителей и к дальнейшему обюрокчиванию школы. Согласно проекту закона, государство устанавливает жесткий контроль за исполнением стандарта, но устраняется от гарантий по созданию в каждой школе материальных и финансовых условий существования».

По официальной статистике, Министерством образования получено 91 экспертное заключение на проект стандартов из 64 регионов, а также от вузов, отделений РАН, Московской патриархии и 150 отзывов от школ. В нашей республике проект стандарта по литературе педагогической общественностью, учителями не обсуждается, большинство учителей стандарта в глаза не видели и не вникают, понимая, что от их мнения ничего не изменится. Что делается в этом направлении Министерством просвещения и другими ответственными ведомствами — трудно судить. По словам сотрудника Министерства, курирующего гуманитарные предметы, экспертное заключение от региона не было отправлено, не организовано широкое обсуждение стандартов, более того, сами сотрудники образовательных ведомств не знакомы со стандартами, не говоря о рядовых учителях. Пассивность и безынициативность сверху и снизу приводит к тому, что регионы отказываются от права влиять на образовательную политику. Право вершить образовательную политику монополизировано с нашего согласия и по сути это ведомственная политика.

В республике проблемами образования занимаются Министерство образования, вузы, Институт педагогики, управление образованием при администрации города. Какая огромная армия специалистов! Однако в поисках ответа на вопрос, как координируется работа этих органов для решения проблем, в частности, литературного образования школьников,

выявилась полная разобщенность этих структур и отсутствие единой концепции деятельности в этом направлении. И к чему тогда такая избыточность структур?

Итак, реально наш регион не влияет на составление стандартов, отсутствует механизм этого влияния. При такой нашей пассивности мы можем оказаться в ситуации, когда центр легко научится обходиться без нашего участия при составлении федерального компонента, так же, как Институт педагогики в ряде случаев научился обходиться без учета и выявления мнения педагогической общественности при составлении регионального компонента содержания образования.

Пассивность регионов, отсутствие глубинной взаимосвязи всех образовательных структур может приводить к тому, что важные решения в области образовательной политики могут приниматься кулуарно, спешно, без учета позиции заинтересованных сторон...

Как известно, национальная школа имеет свои программы для школ с русским неродным языком обучения, существуют отдельные программы для школ с русским родным языком обучения. Наличие разных программ для национальной и русской школы связано со спецификой усвоения русской литературы нерусскими учащимися: неодинаковым уровнем языковой подготовки учащихся регионов, своеобразием социальных, этнографических, историко-культурных особенностей, национально-художественной спецификой родной для жителей данного региона литературы, своеобразием восприятия русской литературы нерусскими учащимися. Учет этих факторов находит отражение в отборе программных литературных произведений, в расширении межпредметных связей с дисциплинами гуманитарного цикла.

Поскольку предложенный в декабре проект стандартов не был принят, прежде всего, из-за перегруженности, под эгидой Министерства образования готовится новый стандарт. До недавнего времени над составлением стандартов по русской литературе для русских школ и соответственно по русской литературе для национальных школ работали две комиссии. Первая комиссия осуществляла свою работу под руководством учителя литературы и сотрудника МО Зининой Е.А., вторая — под руководством проф. Черкезовой М.В. В итоге на последнем этапе работы возникла идея объединить стандарты. По официальной логике инициаторов сближения принятие единого стандарта для старшей профильной школы оправдывается существованием единого образовательного пространства. (Неофициальная причина связана с тем, что проект стандартов для национальной школы оказался настолько более подготовленным и значимым, что первая комиссия вместо того, чтобы доработать стандарты для русской школы, решила просто использовать лучший проект, объединив их. Какая порой мелочь может лежать в основе принятия исторических решений! А что касается ропота вто-

рой группы разработчиков, на них механизмы давления находятся легко, такие, например, как перекрытие кислорода для издания их учебников и др.)

При всей привлекательности идеи единого образовательного пространства возникает много вопросов:

1. Допустимо ли принятие такого решения без информирования и учета позиции регионов?

2. Какими достоверными и обоснованными доводами подтверждается целесообразность решения?

3. Есть ли декларация желаемой цели — единого образовательного пространства — реальность? Реально ли закрывать глаза на существующую в нашем регионе значимую разницу в уровне подготовки выпускника городской и сельской школы, если мы будем иметь в виду не идеал, а реальность?

4. Не станет ли в этом случае ЕГЭ барьером для выпускников национальной школы к получению и доступности высшего образования, не будет ли это скрытой формой дискриминации по отношению к национальной школе?

5. Не чревата ли будет такая ситуация социальным, национальным и последующим напряжением в регионах? Возможно, в идеале мы придем к единому образовательному пространству, но кому выгодно форсирование событий?

6. Если начало положено, и пока движением фокусника стерта национальная школа в профильных классах, не следует ли ожидать столь же быстрых и анонимных движений для упразднения ее в обычных старших классах, затем и до основной школы недалог путь?

7. Не противоречит ли кулуарное решение статье 2 ч. 3 закона РФ «Об образовании» («О соответствии государственной политики в области образования принципу общедоступности образования, ее адаптивности к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся»)?

8. Какую позицию займет наше Министерство образования, если узнает о предполагаемых изменениях? Информация о планах комиссии по каким-то каналам просачивается в регионы, вот и министерства образования Татарии и Башкирии уже отреагировали: на имя министра образования РФ от 21.02.03 направлено письмо за подписью министра образования Татарии Харисова Х.Х., где излагаются условия, не позволяющие сегодня обеспечить единый уровень владения русским языком и литературой учащимися разных типов школ: «Для таких школ нормативы стандарта должны строиться на принципе адекватности полиэтническому пространству России, а не монокультурности. Исходя из изложенного выше, считаем необходимым:

1. разработку двух стандартов по русскому языку и литературе для русской и национальной школы,

2. введение двух вариантов ЕГЭ для названных типов школ».

Это лишь маленькая часть вопросов по проблемам образования, возникающих, если они даются на откуп ведомственным, бюрократическим под-

ходам, когда широкая общественность устраняется от внимания к ним, когда не развит механизм вовлечения самой школы в управление образованием... Нет у нас опыта формирования гражданского общества, а есть опыт понимания политики (в любой сфере) как искусства удерживать людей от участия в делах, которые их прямо касаются. Инициатива снизу и сверху, интегрирование целей и возможностей всех образовательных структур и всего общества — неизбежная задача, если мы ждем конкретных результатов в реформировании образования.

Управление образованием: восхождение к Учителю или марш-бросок?

Подлинное содержание нынешних реформ внятно не объяснено ни педагогической общественности, ни педагогической элите. Случайное ли совпадение, что на всем протяжении развития Министерства образования ни в центре, ни на местах практически никогда не встречаются яркие, самостоятельно мыслящие личности? Какие серые личности управляют нашим образованием? А если они играют другими цветами радуги, почему бы не явить обществу свои скрываемые таланты, почему мы не видим и не слышим их ни в прессе, ни в живой школе, ни в каком бы то ни было публичном диалоге, не видим ни в какой деятельности? Почему из числа творческих учителей не привлекаются люди к управлению образованием? Наверное, потому, что ими трудно управлять, вряд ли они согласятся на роль беспрекословных исполнителей приказа сверху. Чиновникам от образования не требуется проявить свои недюжинные педагогические способности, знание и интерес к педагогическим технологиям, нет необходимости проходить все ступени роста от рядового учителя к руководителю определенной структуры образования, само это прохождение не ставится в зависимость от творческих способностей личности и педагогического дара. Беда управления образованием в нашей стране в том, что управленец от образования очень редко способен к восхождению до истинного учителя, а учитель милостью божьей не верит в возможность творчества в чиновничьих кабинетах, а если и поверит, то кто же ему даст влиять на образовательную политику? Потому так и необходимо нынешним реформаторам единое образовательное пространство, что тотальная унификация упростит процесс управления и администрирования школы, контроля и надзора за ней. Неужели это так утопично — иметь талантливых педагогов, творчески и государственно мыслящих, в управлении образованием? Где брать творческих чиновников, обеспокоенных поиском истинных смыслов образования, а не хватающих на лету, чтобы сделать под козырек, технократический набор словотворчества реформаторов: ЕГЭ, «компетенции», «стандарт», «модули», ГИФО, «профили» и т.д.

Реформирование образования не имеет ни экономического, ни социального, ни научного обоснования. Трата денег на создание сомни-

тельных центров стратегических исследований, на экспериментирование, переписывание стандартов, издание «новых» учебников при слабом бюджетном финансировании вместо концентрации средств для переезда школ, увеличения зарплаты, увеличения финансирования на отдельного ученика за счет снижения количества обучаемых на одного учителя, повышения уровня подготовки специалистов, расширения сети авторских школ и др. приведет к кризису образования. Практически все аргументы авторов концепции реформирования построены на спекулятивных и заведомо ложных посылах. Так, в качестве одной из целей реформы указывается тезис о сохранении и обеспечении здоровья учащихся, страдающих от перегруженности школьных программ. Однако по данным академика Российской академии медицинских наук С.И. Колесникова, ухудшение здоровья учащихся связано с неправильной организацией учебного процесса, его усредненностью, отсутствием индивидуального психофизиологического и анатомического подхода, плохим использованием мотивации в обучении и др. Реализация одного из тезисов Минобразования о переходе на самообеспечение не только высшего, но постепенно и среднего образования ляжет бременем на самую необеспеченную часть населения.

Образование — процесс духовный. Поиски смысла образования вне опоры на Личность и Профессионализм разведут страну и школу по разные стороны. Сегодня от этого выиграет армия посредственностей, а завтра?

«Дагестан», № 3, 2003

Екатерина КОЛЕСОВА
(*«Terra Incognita», Санкт-Петербург*)

КАК БИТЬЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

«Папа, папа, не надо меня шлепать!»
Но папа-комиссар достал маузер и шлепнул сынишку.

Вы слышали про аттракцион «Адская палатка»? Ну, тот, который выручал самого Остапа Бендера в трудные дни? Стоит большая очередь. Клиент заходит в красивый восточный шатер. В полной темноте получает по голове пыльным мешком. Выходит. Думает... Еще думает... И начинает расписывать стоящим в очереди, как это круто и вообще, такого они еще не видели.

Скажите, всем известный психологический феномен? Да еще и вспомните, как бывший забитый солдат-первогодок после дембеля начинает раздвигать щеки: «Армия меня жизни научила! Каждый должен отслужить свое!»

Не смешно, господа.

В СПбТУ, а, по-русски говоря, в Политехе, уже 5 лет проводятся соцопросы. На всякие пикантные темы, на которые нормальный гражданин не то что социологу — и батюшке на исповеди слова не скажет, зато студент студенту — легко. И вот кандидат наук Н.В. Шеляпин с группой начал разрабатывать совсем уж интимную проблему: жестокость при воспитании. А по-простому говоря, — кого и как в детстве родители били. И если били, то чем. А если не били, то почему?

...И я даже догадываюсь, с какой это стати мы дожили до таких вот опросов. Это раньше, при историческом материализме, считалось, что у нас детей не бьют. При дяде Степе, когда деньги еще были деньгами. Теперь не то. Правда, учителя в школах пока стесняются, но в детской больнице (им. Раухфуса, в самом центре Петербурга) — уже запросто. А у родного очага... чего там говорить.

Подошли к проблеме серьезно — чтобы охват социальных слоев был шире, выбрали 3 очень разных вуза: РГПУ им. Герцена, БГТУ (Военмех) и сам Политех. Составили анкету с множеством пунктов и вариантов. При этом, конечно же, исходили из общепринятого постулата — чаще всего колотят детей в семьях... ну, вы понимаете, каких. Убогих всяких, очень бедных, очень многодетных, живущих вдалеке от центров культуры или там на рабочих окраинах; а бьющие родители — сплошь темнота и отбросы общества. То есть, где-нибудь в Металлострое, в семье стрелочника, где 5 детей, рукоприкладство вероятнее, чем на Малой Итальянской — в семье, где 1 ребенок, а родители — оба с высшим образованием и реальными доходами.

На данную Всемирную Педагогическую Аксиому никто сначала не посягал, цель была — лишь выяснить, насколько часто подвергаются насилию наши дети и какой из перечисленных факторов риска сильнее толкает к нарушению 21, 22 и 38 статей Конституции родной страны. Все эти (и на всякий случай еще многие параметры) и отражала анкета, а вот результат вышел — мама, не горюй! От аксиомы, короче, не осталось и следа.

При обработке первой же сотни анкет в глаза стало лезть одно и то же: ответ «да» на самый главный вопрос у большинства сочетался отнюдь не с вышеописанными характеристиками семьи, а... с одинаковыми ответами в графах «профессия родителей». И кем же оказались домашние тираны и кухонные боксеры? Бродягами? Отщепенцами? Подзаборными алкашами? Из множества других «битые» студенты раз за разом отмечали только 2 варианта: «военные» или «правоохранительные органы».

Оказалось, что физическим наказаниям подвергались аж 73% (1826 человек из 2502), а из них 26% (474 телесно воспитуемых) — были детьми работников силовых структур!

При виде такой навязчивой закономерности сердце либерального интеллигента Николая Шеляпина дрогнуло... Вместо того, чтобы тихо залечить на полочку, политически несвоевременное, бестактное исследование было, наоборот, расширено. На следующих этапах в анкету внесли много уточнений типа:

- *До скольких лет вас наказывали физически?*
- *Использовались ли для наказания какие-либо предметы? (укажите, какие именно)*
- *Превращалось ли иногда наказание в ритуальную церемонию? (например, заставляли просить прощения, заставляли самих принести орудия наказания, наносили удары по обнаженному телу и др.)*
- *Помогало ли вам физическое наказание, по вашему мнению, улучшить свое поведение? (да, определенно помогало; да, чаще помогало; скорее, не имело никакого результата; нет, давало лишь отрицательный результат)*
- *Справедливо ли вас наказывали, по вашему мнению? (да, всегда; да, чаще справедливо; скорее несправедливо; почти всегда несправедливо; затрудняюсь ответить)*
- *Допустимы ли, на ваш взгляд, физические наказания при обучении и воспитании детей? (укажите, почему)*

Внимательный анализ показал еще одну «стрannую» закономерность: количество семей сотрудников МВД, в которых brave охранники правопорядка не прочь применить силовые меры к своим несовершеннолетним (а иногда и совершеннолетним!) отпрыскам — явно превосходит количество семей военных, в которых родители тоже завоевывают авторитет и поддерживают дисциплину аналогичными методами — 53% против 47%!

С чего бы это?

Может, дело в вековых традициях, и, несмотря на то, что репутация нашей армии в последние годы «стремительным домкратом» падала вниз (пока было куда), все же память о гусарском джентльменстве где-то еще там у них затаилась? Чего не скажешь о культурном наследии жандармского ведомства.

Но как же тогда дядя Степа? Выходит, его и не было вовсе? А ведь идешь поздним вечером по темной улице — и хочется, черт побери, чтоб был... Забодливый такой, справедливый — скинхеда на скаку остановит, к бандитам в блатхату войдет... Но кругом одни разбитые фонари, и ни одного убийно-сильного защитника на горизонте.

Еще кусочек прикола ждал социологов при изучении возрастных параметров физвоспитуемого контингента в семьях силовиков. Когда анкету составляли, варианты были — до 7 лет, 7–11 лет, и «старше». Хорошо, что кто-то додумался разделить это «старше» на промежутки. Вот тут-то все и упали: оказалось, что педагоги в погонах не столько несмышленных дошкольников шлепают, сколько 15-ти и даже 16-летних юношей, а чаще — девушек, подвергают реальным истязаниям. Да еще и нередко с ритуальной окраской (по 7% как у МВД, так и у Минобороны) — может, «Ожог» Аксеновского начитались?*

Далее дотошными учеными был составлен своеобразный рейтинг орудий наказания, которыми поддерживается правопорядок среди домочадцев.

Первое место в этом хит-параде занял, конечно, форменный ремень. Его силу ощутили на себе 75% исправляемого контингента.

Второе заняла, казалось бы, вполне мирная скакалка, которая скакала по телам 13% опрошенных, преимущественно женского пола.

Третье — проверенный веками дедовский прут, кстати, набравший всего около 5%. То ли это объясняется стремлением наших силовиков сохранить окружающую среду, то ли, наоборот, таким снижением количества зеленых насаждений, что и розгу негде выломать стало.

Нельзя не упомянуть и такие выявленные экзотические орудия для порки, как: *рулон фольги, выбивалка, тапочки, кипятильник, труба от пылесоса, молоток, и даже... живая курица!*

Кстати, поскольку очевидно, что детишки, которых били **молотками и кипятильниками**, остались после этого живы (иначе как бы они заполняли анкеты?) и даже поступили в высшие учебные заведения, то заметим — били (да не убили) их настоящие виртуозы своего дела, глаз — как алмаз!

«Несмотря на элементы трагикомизма и абсурда, пришлось задуматься: каков социально-психологический портрет современного «ратника отечества»? Каков, в конце концов, его нравственный облик? Защищают ли нас настоящие профессионалы с достаточным набором моральных установок или, увы, многие наши офицеры — сами слабые люди, срывающие агрессию и личные неудачи на собственных детях? — пишет в комментариях к своему исследованию к. н. Н.В. Шеляпин. — Кто-то может сказать, что, дескать, служивые люди, которые привыкли к строгой дисциплине, переносят в семье армейские устои, да и на пользу. Но я боюсь их огорчить. Дело в том, что, согласно выводам современной психологии, подобное отношение к де-

* Примечание: Тем, кому совсем непонятно, о чем речь (и в данном вопросе анкеты, и у Аксенова), придется открыть сексологическую энциклопедию на статье «Флагелляция — пассивная и активная» — здесь мы ее приводить не будем. А тех, кто, прочитав, подумает, что сие извращение — штука редкая и не заслуживающая внимания современных социологов, придется отослать к «Всемирной истории розги» д-ра мед. наук В.Купера.

тям — отголосок так называемого амбивалентного стиля воспитания, господствовавшего в Европе в IV–XVII вв., когда неуверенность родителей в завтрашнем дне и бессилие перед житейскими невзгодами не считалось позорным вымещать на детях. В то время ребенка сравнивали с мягким воском или глиной, из которой родители, якобы, могли слепить что угодно. Жестокость и подавление личности тогда рассматривались как естественные педагогические мероприятия, хотя в действительности в скрытой форме родители выражали свой страх перед окружающим миром, в том числе и перед собственными детьми.

Можно также сказать, что в семьях людей, так или иначе связанных с военной службой, сохраняются древние традиции воспитания, записанные еще в «Домострое», плюс к тому в таких семьях детей с колыбели ориентируют на военную службу, приучая их к боли и лишениям.

На это можно возразить, что сегодняшние силовые ведомства — это уже не конские лавы и боевые ватаги, где все решали неукротимость в бою и ярость беспощадного броска. Прежде всего, их сотрудники должны быть специалистами во многих областях. В противном случае наша армия и милиция будут небоеспособны, ведь реальная сила прежде всего определяется подготовкой, психологической зрелостью и моральными качествами личного состава.

Все это говорит о необходимости серьезного тестирования сотрудников силовых структур на профпригодность, психологического обследования всего личного состава. Такая экспертиза должна быть гласной и подконтрольной общественности. И все разговоры о низкой зарплате в данном случае не являются оправданием, поскольку жертвой этой психологической неустойчивости может стать каждый россиянин. Если все останется по-прежнему, то мечта о правовом государстве, реальной демократии и цивилизованном обществе так и останется научной фантастикой».

С надеждами на психологические обследования мы позволим себе не согласиться. Дело в том, что и сейчас при поступлении в доблестные дядишеские ряды каждый стажер тратит целый день именно на такое обследование. Вопросник с сотнями пунктов, по мнению психиатров, должен досконально выявить возможность того, что «кто-то кое-где у нас порой...» И что же? По словам одного из стажеров, впечатление такое, что тест составляли тяжело больные. Вопросы разделены на блоки по 4–5 штук, и от уже сдавших экзамен заранее известно — в каждом из этих блоков надо на все вопросы отвечать одинаково. Но при попытке отвечать именно таким, «правильным» образом, кой у кого начинает ехать крыша. Например: как отвечать на рядом стоящие вопросы «Часто ли у Вас бывает понос?» и «Часто ли у Вас бывает запор?» Представьте себе, тому, кто ответит на один из них — да, а на второй — нет, не место в рядах МВД! Уж если на первый ляпнул — да, изволь и на второй соглашаться. (Хорошо, что хоть на деле доказать не требуют.)

Но этого мало: в блоке, где речь идет о цветах, коли проболтался сдуру, что *любишь цветы*, должен дальше, как попка-дурак, соглашаться, что *любишь нюхать цветы*, любишь *беседовать с садовниками*, и, до кучи, — сам *мечтаешь быть садовником!* А если, зараза такая, мечтаешь быть не садовником, а, с какого-то перепугу, ментом — на вопрос «Любишь ли цветы» должен твердо ответить «Никак нет!»

Кроме того, есть особые вопросы — о вещах, заведомо неизвестных нормальному человеку. «Сколько врачей в Чехословакии?» — «Не знаю», — честно ответил один кандидат в менты — и не был принят. Ибо не фиг. Какая-то еще честность в реконструктивный период? С этой профессией она не сочетается. Настоящий убойный силовик должен, даже сам ничего не понимая, уметь виртуозно запарить мозги гражданам, — для их же спокойствия и безопасности. Так что правильный ответ был: «Много».

Не эти ли вопросы засели в голове у отца одной 19-летней студентки, признавшей, что она до сих пор подвергается физическим наказаниям. Мало того, отец — офицер милиции — часто прибегает к изощренным способам психологического давления и издевательств. Например, он любит «проверять» ее, спрашивая: «Сколько жителей в Рио-де-Жанейро?» Или: «Какова глубина Атлантического океана?» Когда дочь не может правильно ответить (надо заметить, что подобные знания не имеют никакого отношения к изучаемым ею наукам), отец физически наказывает либо запирает ее и не выпускает из дома, — не скрывая получаемого при этом садистского удовольствия. Может ли человек, терроризирующий собственную взрослую дочь, быть защитником остальных граждан?

А вот судимый ныне за убийство ст. сержант питерской милиции А.А. Николев на пятерку прошел все эти тесты и испытания — будучи подучетным психопатом с большим стажем пребывания в дурдомах. После чего вскоре и разрядил обойму табельного оружия в спину не понравившимся ему студентам. В воспитательных целях. Интересно, какими методами будет он прививать дисциплину своему собственному отпрыску? Кстати, продолжение рода, по мнению суда, резко смягчило его вину (правда, мать убитого почему-то не согласна с таким поворотом правосудия).

Каким педагогом станет так и не вылеченный от психопатии сержант и как долго будет он продолжать свои воспитательные мероприятия, можно только догадываться: если незнакомых студентов, по его мнению, можно приучать к порядку любыми средствами, вплоть до смертной казни, то почему из-за поступления в вуз надо прерывать воспитание своего родного? Кстати, вот и в нескольких анкетах было отмечено, что физические наказания остались атрибутом повседневной жизни этих питерских студентов до 22 лет!

А вот теперь, наконец, — о самом грустном. Скажете — а до сих пор, что, не о нем было? Да ладно. По-настоящему страшно даже не вышеизложенное, а вот что:

82% студентов на данный момент считают, что применявшиеся к ним методы телесного воздействия — вполне справедливы;

61% — что эти методы помогли им исправить свое поведение — и полностью одобряют подобный способ воспитания.

Теперь мы можем догадаться, что данная традиция еще долго не угаснет в семьях питерских силовиков... Напомним, что часть опрошенных — будущие ПЕДАГОГИ. Быть может, детишек и вправду заставили всей душой поверить, что с такими прирожденными правонарушителями, как они, без палки было не справиться? И лупить своих будущих потомков они собираются скрепя сердце, прямо-таки через силу?

Может, да, а, может, и нет. Конечно, наш гибкий разум часто склонен искренне находить пользу во всякой пакости, какую пришлось перетерпеть. Но, увы, «Адская палатка» — это не анекдот, а реальный психологический закон. И самые жестокие рабовладельцы — это бывшие рабы. Как сказано в «Дхаммападе»: «Ненависть не прекращается ненавистью, а только отсутствием ненависти прекращается она».

И никакой курс педагогических наук, как выясняется, не может вытравить заряд жлобства и дикости, вколотенный в детстве папой в погонах.

«Terra Incognita», № 1, 2003

Михаил БАШКОВ
(«АиФ в Удмуртии», Ижевск)

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МАМА

Звонят — откройте дверь

Мелкое большеглазое и кареглазое создание с любопытством смотрит на меня. При этом не забывая заниматься другими своими делами. Восточная внешность круглощечной довольной девчущки вызывает непроизвольное любопытство.

«Кто это создание?» — спрашиваю у Валентины Константиновны.

«Это Роза. «Наш подкидыш». Ее привел в травматологию какой-то мужчина. Сказал, что сняли с поезда. Пытались потом искать этого мужчину, но оказалось, что по оставленному им адресу никто не проживает. Полгода она в «инфекционке» пробыла, а затем к нам из службы опеки обратились. Сказали: «Возьмите на лето к себе в деревню». Вот так еще полгода прошло, и теперь по документам она оформлена уже как Шапошникова».

Я в гостях у приемной семьи Шапошниковых. То и дело раздается звонок в дверь. Кто-то из детей возвращается домой или, наоборот, собирается куда-то уходить. Дом Шапошниковых похож на улей, где каждый занят своим, но важным и нужным делом.

Время от времени дети обращаются к Валентине Константиновне, с которой мы беседуем, сидя на диване в гостиной, или мама сама напоминает им о чем-то. Размеренная и хлопотная жизнь улья продолжается.

В шести комнатах двух объединенных друг с другом квартир живет 18 человек. Впрочем, отец семейства Николай Александрович и один из детей, Костя, живут по большей части в деревне. Там у Шапошниковых очень большой дом, который они построили самостоятельно и на свои средства. В деревню семья выезжает на все праздники. Туда же иногда в гости к ним приезжают и другие приемные семьи.

Попробуй сосчитать

А начиналось все четырнадцать лет назад, когда Валентина Константиновна и Николай Александрович стали одними их первых, кто решился организовать, как это тогда называлось, семейный детский дом.

К тому времени единственному ребенку Шапошниковых, Павлу, исполнилось 12 лет. Он тоже активно поддерживал идею появления большой семьи. К слову сказать, никогда потом, какие бы сложные моменты ни возникали, Павел ни разу не высказал сожаления об этом.

Валентина Константиновна и Николай Александрович выросли в семьях, где было много детей. И сами мечтали иметь большую семью, но что делать, если Бог не дал больше одного ребенка. Валентина Константиновна — педагог. Когда-то работала в интернатной группе детского сада. Видела, какими дети приходят после выходных и расстраивалась, что результат всех ее педагогических усилий сводится на нет. Потом была и другая работа, но настоящего удовлетворения и она не приносила. А Николай Александрович раньше работал водителем на автобазе Минздрава.

Первыми в их доме появились Костя, Наташа, Катя и Оля. Через два года — старшая Лена и Андрей. Еще через восемь лет — Лена и Алеша. А через два года после этого — Аля и Геля. И наконец, еще через два года — та самая маленькая Роза. Всего вместе с Пашей у Шапошниковых тринадцать детей.

Паше 26 лет. Он женат, его сыну Саше 6 лет. Живут вместе с родительской семьей.

Старшей Лене 25 лет. Она получила квартиру. Работает воспитателем в детском саду. Вышла замуж. Дочке Ульяне 4 года.

Оле 21 год. Работает штукатуром-маляром. Замужем. Квартиру до сих пор не выделили. С мужем и дочерью Юлей живут вместе с Шапошниковыми.

Андрею 19 лет. Закончил радиотехнический лицей. Готовится в скором времени отправиться в армию.

Костя учится в 10 классе. Имеет много различных увлечений. Любит читать.

Наташе 16 лет. Учится на повара-кондитера.

Катя и Аля учатся в 9 классе. Катя занимается спортом и ходит в музыкальную школу, собирается стать швеей. Аля — прирожденный воспитатель.

Алена — в восьмом классе. Геля — в седьмом. Обе ходят в спортивную школу, а Алена — еще и в музыкальную.

Младшая Лена и Алеша — в 5 классе. Лена занимается карате. Алеша ходит в музыкальную школу и в кружок резьбы по дереву.

Малютке Розе, поскольку попала она в семью без каких-либо документов, возраст определили примерно — 2 года. Приемные родители будут водить девочку в логопедическую группу детского сада. Уже сейчас в речевых навыках Роза заметно прогрессирует — в прошлом году она практически не говорила. У девочки выявили целый букет заболеваний. Одно из них — хронический бронхит. Сейчас Розу успешно лечат походами в деревенскую баню, от которой малышка просто в восторге.

В тесноте, да не в обиде

Каждый из детей Шапошниковых пришел к ним с массой серьезных заболеваний. Ведь в приемную семью как правило определяются дети, обычное усыновление которых этим затруднено.

Конечно, можно не верить в чудеса, но в психологически здоровой семейной среде у болезни нет почвы для рецидивов. Но все хорошее, что получается, безусловно, требует колоссальных родительских усилий. Порой последствия патологий и тяжелого прошлого ребенка оказывались настолько сложны, что приходилось разрешать ситуацию самым неожиданным образом. Но никогда Шапошниковы не отказались от своих приемных детей.

За каждым ребенком, который пришел в их семью, стоит своя история, своя судьба, свои проблемы. Кто-то из них оказался здесь сразу после трагедии, которая произошла в его кровной семье. Кто-то после приюта. А кто-то успел поскитаться или пожить в интернате и узнать, что это такое.

Детям, побывавшим в интернате, как рассказывает Валентина Константиновна, как никаким другим, есть с чем сравнивать жизнь в семье, и больше, чем кому-либо, дано ее ценить. Может быть, поэтому, когда в их доме впервые, пока в качестве гостей, стали появляться дети из интерната, уже живущие в семье Шапошниковых дети усиленно стали упрашивать родителей забрать этих приглянувшихся им «интернатовцев» к себе.

Вообще не однажды инициатива по приглашению в семью новых детей оставалась за самими детьми. Наверно, дети, хлебнувшие горя, намного отзывчивее на чужую беду, чем другие.

Да, сегодня у Шапошниковых тесновато. Но тут уж точно — в тесноте, да не в обиде. Кстати, было время, когда их семья из трех взрослых (с ни-

ми живет бабушка — мать Валентины Константиновны) и восьми детей жила в трехкомнатной квартире.

На сегодня одна из основных забот Валентины Константиновны — решить проблему старших детей с жилплощадью. Формально она к этому отношения, казалось бы, уже не имеет: воспитан до совершеннолетия в приемной семье, а дальше государство выполнял свои обязательства по обеспечению сирот жильем, ты за это как приемный родитель уже не отвечаешь. «Но какая же настоящая мать вот так выставит своего ребенка на улицу?» — говорит Валентина Константиновна.

Так и остаются сегодня наедине с этой проблемой не только семья Шапошниковых, но и другие приемные семьи Ижевска. Хотя закон однозначно гарантирует сиротам жилплощадь.

Что такое «приемная семья»?

Удивительное дело, но статус «приемной семьи» вводит многих чиновников в заблуждение. Поди объясни им, что приемный родитель выполняет такую же работу как любой воспитатель интерната, только круглосуточно, и что ребенок при этом должен находиться на полном государственном обеспечении.

Вот и не платят приемным детям Шапошниковых социальных стипендий в училищах. Да и в училища-то сиротских детей берут с бо-ольшой неохотой.

Пытается Валентина Константиновна выбивать и алименты с преуспевающих порой кровных родителей, и пенсии по потере кормильца, если документы удастся разыскать. Все это на сберегательные книжки детей идет. Приходя куда-то, Шапошниковы по-прежнему представляются семейным детским домом, так как не все правильно понимают, что такое приемная семья.

Но на жизнь Валентина Константиновна не жалуется, несмотря на все сложности. «Мы хорошо живем», — говорит она. Хорошо — это значит, что деньги на еду и одежду детей выделяют вовремя и зарплату воспитательскую выплачивать не забывают.

На все, включая еду, обувь, одежду, белье, лекарства, учебники, книги, канцтовары, игрушки, моющие средства и так далее, на каждого ребенка выделяется в год порядка 20 тысяч рублей (две тысячи в месяц). Зная сегодняшние цены и возраст большинства детей Шапошниковых, можно смело утверждать, что это не так много. Хорошо спасает свое хозяйство в деревне: оттуда — овощи, молоко, мясо, яйца.

Заработная плата Шапошниковых, согласно закону, принятому в Удмуртской Республике, — 0,25 ставки 11 разряда тарифной сетки за каждого ребенка. На обоих в общей сложности получают в среднем около 6 тысяч рублей. Много это или мало?

Контролировать — значит помогать

Больше всего их беспокоит, что уже лет пять как совсем не выделяют деньги на так называемый «твердый инвентарь». Газовая плита в их квартире в аварийном состоянии еще с момента заселения. Стиральной машине — 12 лет. От угогов уже ничего не осталось. Кроватей не хватает. Малышку Розу при мне укладывали спать на два кресла. А еще мама мечтает хотя бы о стареньком компьютере для детей.

Валентина Константиновна считает, что отдел опеки и попечительства администрации Устиновского района помогает им по мере своих возможностей. Вот и ремонт квартиры, и замену газовой плиты в этом году администрация планирует организовать, если получится. Еще отмечает Валентина Константиновна помощь общественной организации — удмуртского отделения российского Детского фонда.

А государственным структурам выражает странное на первый взгляд пожелание — контролировать больше надо. Тогда, может быть, и помощи тому же отделу по опеке и попечительству со стороны высокого начальства было бы больше. Пока же приходят к Шапошниковым только из школы, того же отдела опеки, да из СЭС иногда.

Любая работа требует отдыха

Отдельный разговор о семейном отдыхе. На сегодня, не будь у Шапошниковых дома в деревне, который Николай Александрович и Валентина Константиновна строили на свои средства в течение тринадцати лет, не было бы у них с детьми возможности выехать куда-нибудь.

В 1999 году произошло событие: Шапошниковым единственный раз удалось выхлопотать льготные путевки на юг для всей семьи. Впрочем, оплачивать их тридцатипроцентную стоимость пришлось все же Шапошниковым самим.

Три сказочных недели у моря и после приезда, как говорит Валентина Константиновна, два месяца ощущения новой жизни!

Повезло, можно сказать. Когда еще такая возможность для семейного отдыха им или другим приемным семьям представится?

Но трудности, по всей видимости, не кажутся Валентине Константиновне такими уж беспросветными и драматичными, раз мечтает она о том, чтобы кто-то из ее детей продолжил начатое ими с Николаем Александровичем дело и создал свои приемные семьи. Ведь так много еще «интернатовских» детей, которые приходят сегодня к Шапошниковым и мечтают, что им тоже посчастливится обрести семью.

«АиФ в Удмуртии», 03.04.2003

«У НАС ПРОСЯТ АБСОЛЮТНО ЗДОРОВЫХ ДЕТЕЙ»

— У нас требуют практически здоровых детей. Я считаю, это неправильно. Нельзя искать здоровых — ведь сейчас и своего кровного ребенка родить и вырастить абсолютно здоровым почти невозможно, — говорит заведующая септическим отделением больницы, где находятся «отказные» новорожденные дети, Маргарита Константиновна. — Тем более, — продолжает она, — что некоторые болезни вполне поддаются лечению. Кардиты (воспаление сердечной мышцы), например, мы успешно лечим.

В тот момент, когда мы побывали в больнице, в отделении находилось четырнадцать «отказных» детей. Из них четверых, по мнению Маргариты Константиновны, смело можно было бы предложить на усыновление. Но поскольку сотрудники больницы уже успели изучить, на каких детей есть спрос и на каких нет, то теперь они и предлагают на усыновление очень ограниченный круг детей.

Но даже абсолютно здоровый ребенок может оказаться ненужным для тех, кто приходит усыновлять. Такую категорию «усыновителей» в больнице называют «копающимися» и к их родительским намерениям относятся очень скептически.

Вообще в отделении не принято предлагать и показывать с этой целью потенциальным усыновителям более двух кандидатур детей. «Это не магазин», — говорят. Два раза отказались — до свидания! Со слов Маргариты Константиновны, показ нескольких детей подряд не разрешают судебные органы. Недаром, когда на суде решается вопрос о возможности усыновления именно этой семьей, усыновителям задается вопрос: «Как вам подбিরали ребенка?» Получается: «Как вы выбирали ребенка?» Интересы ребенка представляет доверенный врач из больницы. Она невропатолог. Она же консультирует и желающих усыновить ребенка, поскольку основные проблемы для передачи ребенка в семью касаются неврологии.

Как выяснилось, сотрудники отделения стараются предложить усыновителям ребенка, который хотя бы отдаленно чем-то мог быть похожим на будущих родителей.

В интересах усыновителей готовы изменить и возраст ребенка. Если ему не исполнилось еще трех месяцев, законодательно возможно сдвинуть дату его рождения.

Если ребенок усыновляется в возрасте до трех месяцев, то усыновившая его мать имеет право и на декретный отпуск и денежное пособие. Но это начало уже другого разговора, разговора о юридической стороне усыновления, которую мы намерены продолжить в одном из следующих номеров.

А пока вернемся к разговору об «отказных» детях, которые находятся в отделении четвертой городской детской больницы.

По существу, они должны поступать сюда совсем крохотными по возрасту и находиться здесь совсем недолго. Но бывает, лежат по 100–150 дней. Отделение фактически не рассчитано на детей старше трехмесячного возраста, и, конечно, пребывая тут, они испытывают самые разные неудобства, несмотря на заботливое отношение медперсонала. Причины задержек могут быть разные. Это и требования отдела опеки недостающих документов от усыновителей. Или это может быть длительное отсутствие на рабочем месте из-за отпуска или болезни единственного судьи в Ленинском районном суде, который ведет дела «отказников». Вот и «квасятся», по образному выражению сотрудников, летом здоровые дети в больнице.

Положение «отказных» детей в больнице проверяется опекуном советом. Как утверждают в больнице, за последние десятилетия не было ни одного случая возврата ребенка и каких-либо претензий к работе отделения.

Неусыновленные дети, достигшие трехмесячного возраста, направляются в Дома ребенка в Ижевске, в Воткинске и в Глазове. Очень серьезно больные дети иногда сразу передаются в хоспис при детской больнице № 5.

Все вопросы по возможному усыновлению «отказных» детей и подкидышей (есть и такие) из четвертой городской больницы сотрудники больницы беспартийно советуют адресовать отделу опеки и попечительства администрации Ленинского района. «Таков порядок», — сказали.

«АиФ в Удмуртии», 10.04.2003

«ХОРОШАЯ СЕМЬЯ – ЭТО ГДЕ УРОКИ ЗАСТАВЛЯЮТ УЧИТЬ»

Порсева Ксения, 16 лет:

— Мать моя пьянствует. У отца другая семья. Я жила то у бабушки, то у отца. Но его жене я не нужна.

В школу последние два года я не ходила. Мы жили с бабушкой около птицефабрики, а в школу надо было ездить в пос. Машиностроитель, да еще во вторую смену. Я и перестала туда ездить. Хотели меня в другую школу перевести, да там одни бандиты и токсикоманы учатся. Я, правда, тоже раньше «дышала», но потом бросила, когда компанию себе другую нашла — хорошую.

Новые друзья меня только на хорошее настраивали. Говорили: иди учись, а то что потом делать будешь. Но я к этим советам тогда серьезно не относилась. Да и как я могла в школу вернуться, если столько пропустила.

Меня искали несколько месяцев, чтобы в приют отправить. Но я то у отца, то у бабушки жила. Вот меня и не нашли. Те, кто вез, говорили, что домой сразу можно будет позвонить или уходить домой. А это неправдой оказалось. Зачем обманывали?

Я тогда сильно расстроилась. И некоторые воспитатели мне сначала очень не понравились. А потом самые строгие самыми хорошими оказались.

Я в ноябре даже заявление написала, что не хочу и не буду в приюте жить. А сейчас даже не представляю, как я могла такое написать. Тогда со мной несколько социальных педагогов и воспитатель разговаривали. Говорили: «Подумай, куда ты пойдешь?» Я поплакала, подумала и осталась.

Я стараюсь теперь не думать, что у меня было раньше. Тем из ребят, у кого дела обстоят так же, как у меня, я бы сказала, чтобы они шли в приют сами. Здесь хорошие, понимающие воспитатели, добрые и приветливые. И дети здесь нормальные, нет таких «оторванных», как в интернате. Потому что здесь «держат», а в интернате, говорят, что попало делать можно.

Еще я сказала бы тем, у кого такие же дела, как у меня, чтобы они смотрели за младшими братьями и сестрами, нормально относились к ним и помогали.

Я считаю, что сейчас здесь, в приюте, мой дом. Хочу закончить 9 классов и пойти учиться в училище, а не в интернат. Хочу, когда устроюсь на работу, забрать к себе Илюшку, брата моего младшего. Ему 13 лет. Он тоже здесь в приюте живет. Уже 2 года.

Вообще, я хотела бы в военное училище пойти учиться на сапера. Мне эта профессия своей опасностью нравится. Но как уж получится.

Недавно у меня был день рождения. Никто из родных ко мне не пришел. Я позвонила отцу, а он сказал, что не придет, что его кошка укусила и у него рука опухла. Он говорит: «Ты расстроилась?». Я говорю: «Нет». А сама плачу, только стараюсь, чтобы он не услышал.

Я уже ничему не верю, что отец говорит. Но все равно хотела бы посмотреть, как они там живут.

Руслан Красильников, 12 лет:

— У меня отец наркоман. После приема наркотика злой становится. Как примет наркотик, так меня бить принимается. Почти каждый день бил. Мама пыталась заступаться, но боялась его. Когда я был маленьким, видел, как отец пырнул маму ножом.

У меня еще бабушка есть — мама отца. Я у нее хотел когда-то жить остаться, но меня от бабушки милиция домой отвезла. Бабушка все равно меня домой отправит, потому что она отца тоже боится. Поэтому, когда он меня избил, я убежал и в «Тимирязевском» магазине остался. Там много дней сидел. Мне люди говорили: «Иди в приют».

Милиция потом в магазине меня подобрала. Я сказал, что не хочу домой и к бабушке не хочу, а хочу в приют. Они в тот же день отвезли меня в приют.

Мне здесь сразу понравилось. Сейчас учусь в третьем классе. Один год у меня пропал, пока я бегал.

Мама приходит часто. Говорит: «Иди домой». Но я не хочу. Я бы хотел видиться с мамой, но отца видеть не хочу.

Я бы пошел жить в другую семью, только чтобы с мамой видиться можно было.

В приюте я хожу в кружок резьбы по дереву, в швейный кружок. Здесь у меня появились друзья среди ребят.

Хочу на адвоката выучиться. Очень умные они: знают математику и разные страны.

Ирина Ковалева, 13 лет:

— Мама моя умерла. Отец женился. Его жена меня не любит. У нее самой есть сын, но он живет у бабушки, потому что бабушка ей его не отдает. Папа ко мне хорошо относится. Я папе сказала: «Отправь меня в интернат». А он говорит: «Вот увезут тебя далеко».

А здесь в приюте раньше у меня был старший брат. Сейчас он в интернате. Он мне сказал: «Иди в приют». А до этого я о приюте не знала. В школу тогда не ходила.

В какую-нибудь семью я бы не хотела попасть, потому что там люди мне не родные. Меня уже брала к себе жить сестра отца, но потом по пьянке выгнала. Она со своим сыном, моей бабушкой и братом живут в общежитии.

Я бы сама пошла жить к другой сестре отца, но у нее тоже плохие материальные условия.

Больше всего я бы хотела к старшему брату в интернат. Он ко мне в приют приходит чаще, чем отец.

Анна Смолина, 12 лет:

— Мама моя пьет, не работает. Папа тоже пьет, но работает. Нас в семье три сестры. Мы в селе около Ижевска жили.

Потом Наташу забрала тетя Света. Меня взяла тетя Нина, а Зою никто не взял. Зоя в школу так и не пошла, ее папа с мамой не отвели. Мы с Наташей, когда домой приезжали, сами учили ее. Когда Зое исполнилось 11 лет, тетя Нина все-таки позвонила ей и сказала: «Пойдешь в приют». Мне ее стало жалко, и тогда тетя сказала, что я тоже могу вместе с ней в приюте жить. И я поехала в приют. У тети с дядей мне жилось нормально, но они живут в однокомнатной квартире с бабушкой. Тетя ко мне сюда приезжает. Один раз мама приезжала.

Здесь мне нравится заниматься шитьем и рисовать портреты. Я хочу стать модельером. Мне даже показывали, когда мы ездили в театр, где находится такое училище, куда я поступить могу.

Домом своим я считаю мамин дом — там животных много. А здесь их совсем нет.

В хорошую семью пошла бы, если бы взяли со мной Зою. Хорошая семья — это та, где уроки заставляют учить.

Саша Пушкин, 17 лет:

— У нас была квартира в городе. Мама ее продала, когда ее брат из заключения пришел и долю свою потребовал. Мама купила в деревне дом и хотела, чтобы я в деревенской школе учился. А я уже в одиннадцатом классе учусь. Я не захотел в деревенской школе учиться и воспротивился. Один месяц мама мне в городе комнату снимала за тысячу рублей. Еще месяц возила из деревни в город, когда из комнаты за неуплату выселили. Но потом сказала, что она больше этого делать не будет.

Я разговаривал с директором школы, в которой учусь, и сказал, что не хочу учиться в деревенской школе. Директор спросил, хочу ли я жить в детском приюте в городе. Я сказал, что хочу.

В школе все учителя сначала удивились этому. Почему-то слово «приют» всех так пугает. Не понимаю почему. Сейчас езжу отсюда на занятия в свою школу.

Я больше всего хочу поступить после школы учиться в ИжГТУ. Но там я готовиться не могу — денег нет. Социальный педагог в приюте говорит, что у меня есть шансы попасть на летние подготовительные курсы.

Здесь в приюте мне все нравится. Ребята хорошие. Можно на компьютере рефераты, доклады печатать. Подоконники здесь большие, есть где растения разводить. Мне нравится растения выращивать. Еще на экскурсии, где с профессиями знакомят, ездили. Тоже интересно.

С мамой хочу общий язык найти. Для нее, думаю, серьезный урок то, что ее лишили родительских прав. Она хочет, чтобы я поселился вместе с ними в деревенском доме, в комнатке. А сама сейчас все равно живет в городе, снимает частный дом. Там в деревне их ограбили уже однажды.

С мамой два моих брата и сестра остались. Им двенадцать, восемь лет и четыре года. В детский сад, в школу не ходят. Уже целый год пропал. Меня это беспокоит. Получается, что брат в армию сразу после окончания школы должен будет уйти.

Постоянной работы у мамы нет. Есть временная работа на рынке. Маме надо хотя бы временную прописку оформить, но я ей еще не говорил — не успел. Сам о том, что это возможно, недавно узнал.

Хорошая семья в моем представлении та, где есть и мать, и отец. И ребенок у них не один, а два-три. У моего сына, например, будут и мать, и отец, и сестра.

«АиФ в Удмуртии», 17.04.2003

ЗАКАЛКА ПО-ЧИНОВНИЧЬИ, или ПОЧЕМУ В САНАТОРНОЙ ГРУППЕ +2°С

Мы разговариваем с ним в санаторной школе-интернате поселка Кизнер, в кабинете заведующей.

— Как тебя зовут?

— Петя. — Большинство звуков странным образом пропадает где-то у него во рту.

— А фамилия у тебя какая?

— Не знаю.

— Сколько тебе лет.

— Не знаю.

— А мама у тебя есть?

— Есть.

— Как ее зовут?

— Не знаю.

— И папа у тебя есть?

— Нет.

— Ты здесь учишься?

— Да.

— В каком классе?

— В первом.

Дальше выясняется, что Петя до того, как попал сюда, ходил в школу, но там ему было неинтересно — машинок нет, одни мячики. Поэтому ходить в школу перестал, и его отчислили. Еще у него есть старший брат Сашка. Он, когда был маленьким, баловался в первом классе, и его тоже тогда отчислили.

Сейчас они вместе с Сашкой здесь. Когда Сашка домой отсюда уходит, то он на самом деле к бабушке все время идет.

— Мама выпивает? — спрашиваю.

— Выпивает, но уже бросила.

В процессе разговора вдруг выясняется, что у Пети, оказывается, и папа есть:

— Когда прихожу домой с прогулки, мама с папой все еще спят. Потом упоминание о папе прозвучало так — «в доме есть вешалки, которые папа сделал». И, наконец, Петя о папе вспомнил еще: «Идем мы один раз с бабушкой, а папа с мамой пьяные».

Мама с работы уволилась уже, а где работает папа, не говорит. Когда мама еще работала на ферме, она принесла Пете с работы курточку. А еще у него есть шуба, валенки и кроссовки. Кроссовки, видно, это те тапочки, в которых он сейчас усердно доделывает большую дыру.

Когда Петя жил дома, кушать он ходил к бабушке. Если есть у нее было нечего, она давала ему конфетку.

Здесь в санаторной школе-интернате ему больше всего нравится печенье. Но хочется пока одного — домой. Скушает по друзьям, Темке и Валеричу, собаке Ваньке. Оттого и не по душе ему тут.

Следующий посетитель кабинета заведующей — Саша Болотов, ему четырнадцать лет. В отличие от первоклассника Пети, разговаривая со мной и отвечая на мои вопросы, он не рвет на себе тапочки, но его вопрошающий и недоумевающий взгляд часто прячется куда-то в сторону, подальше от моих вопросов.

Первая испуганная реакция, когда спрашиваю, сколько он еще хотел бы здесь оставаться. Чувствую тревогу — уж не собираются ли его сейчас забирать. Выдержав паузу, Саша говорит, что хотел бы остаться здесь до конца учебного года. Позднее он скажет, что и в девятый класс хотел бы пойти здесь. Сейчас он в восьмом.

В Кизнерской санаторной школе-интернате он живет уже несколько лет. Саша из деревни, которая находится в двух десятках километров от Кизнера. У него есть и мама, и папа. Спрашиваю, выпивают ли они. Сашин взгляд блуждает по потолку: «Выпивают немножко».

Потом от сотрудников школы узнаю, что родители Саши в беспробудном пьянстве. Несколько раз составлялись акты обследования его проживания в семье, но до лишения родительских прав дело не дошло. Те, от кого это зависит, говорят: «Взрослый уже, самостоятельный парень».

Парень, видимо, действительно самостоятельный. Слывет основным помощником у воспитателей, мастером на все руки. Когда спрашиваю его: «Что ты умеешь делать?», — снова, смущаясь, говорит: «Все умею делать. Я же деревенский, не городской».

И как же ему, такому взрослому и самостоятельному, отвечать заезжему корреспонденту, что у него дома что-то не так. Вот и оказывается, что в их семейном хозяйстве полный двор всякой живности, за которой он вместе с мамой смотрит и ухаживает: и корова с телятами, и овцы, и гуси, и курицы. Откуда же Саше знать, что корреспонденту расскажут, как родители его могут неделями отсутствовать дома и скотины при этом в доме, конечно, никакой нет.

Спрашиваю у Саши, какой он по характеру человек. Говорит, не поднимая головы: «Так добрый. Только когда мешают уроки делать, злюсь». Выясняется, что для подготовки домашних заданий какой-то подходящей комнаты в интернате действительно нет. Выполнять их Саше приходится в общеобразовательной Кизнерской школе, куда он ходит учиться.

Думаю, пришла пора рассказать о самой санаторной школе-интернате, где сейчас живут Петья и Саша, хотя бы для того, чтобы избежать путаницы, где о какой школе идет речь.

Дело в том, что на уроки ребята старше пятого класса ходят в обычные образовательные школы Кизнера. Всего в интернате в тот момент, когда мы

его посетили, было 37 детей. Из них двадцать четыре — ученики начальной школы. Они объединены в два класса.

По уставу учреждения, здесь и должны находиться дети только такого возраста. Однако, поскольку других интернатных учреждений для школьников в Кизнере нет, здесь живут и старшие школьники из деревень, которые учатся в кизнерских школах. Это, по мнению директора санаторной школы-интерната Эльвиры Васениной, создает основное затруднение в работе. Штат школы никак не укомплектован для работы с разновозрастными детьми. Одномоментно на всех детей приходится лишь один воспитатель, дети поэтому не поделены на возрастные группы и добиться учета возрастных особенностей детей в таких условиях практически невозможно.

О штатном расписании разговор отдельный. В школе нет ни ставки ночного воспитателя, ни даже ставки сторожа. На ночь с детьми остается лишь помощник воспитателя, или попросту — няня. Благо еще не все дети здесь ночуют. Часть из них, те, что живут в поселке и кого рекомендовано на время изолировать от семьи, ходят ночевать домой.

Уставом санаторной школы предопределено, что здесь должны лечить детей, на то и название «санаторная». Но за последние годы деньги на медикаменты в размере двух тысяч рублей были получены лишь в январе. До этого писали записки родителям, чтобы приобрели и передали такие-то лекарства. Если учесть, что по уставу в школу должны направляться дети из малообеспеченных семей, то можно представить, каков был результат такой переписки. Известно, что многие неблагополучные в социальном отношении семьи в деревнях голодают. Опять же многим это не мешает пропивать детские пособия.

Как говорит заведующая школой Эльвира Васенина, они пытались решить вопрос об использовании детских пособий для ребенка в своем учреждении. Но, как и сказали, законодательство на сегодняшний день этого не позволяет сделать. Так и ходят дети в старье и рванье.

Но самое главное, санаторий должен предусматривать, по крайней мере, здоровые условия пребывания. Об этом, однако, приходится только мечтать. Здание интерната, построенное в 1994 году, может считаться пригодным, пожалуй, лишь для российского юга — недаром строили его южане. Кладка стен дома такова, что этой зимой, например, целых две недели в нем держалась температура от 0 до +2 градусов. При этом дети никуда не эвакуировались, жили и спали здесь же, разумеется, одевшись. Число заболевших гриппом в этом году не случайно было выше, чем в прошлые годы. Температура +15 градусов зимой для интернатовцев все равно что курорт. Во всяком случае, ходят они, сняв верхнюю одежду.

Предусмотренная статусом учреждения лечебная физкультура здесь понятие сезонное, с перерывом на зиму. Никакого физкультурного инвентаря, правда, в интернате нет.

Что говорить о физкультурном инвентаре, если здесь нет даже обычных обеденных столов. Взрослые и дети едят за приземистыми столешницами, попавшими сюда, видимо, из детского сада.

С питанием, по мнению администрации школы, больших проблем нет. В рационе заправка только с рыбой и фруктами. Да еще с тем, что ходить за продуктами завхозу приходится пешком. Вот и бывает, что директор, стремясь как-то облегчить участь завхоза, берет вместе с ним мешки и идет в магазин. А нести иногда приходится немало — детей-то в интернате почти четыре десятка. Два-три раза в месяц сразу по несколько ходок в магазин с мешками сделаешь, да еще и не в один магазин.

Какие-либо игры для детей удастся купить только во время соцстраховских летних лагерей, размещающихся в здании интерната. Но порой от тех игр после лета уже ничего не остается.

Я не знаю, проблемна ли жизнь в интернате для Пети и Саши, с которыми я там познакомился. Они об этом готовы не многое были говорить. Наверное, они давно привыкли к лишениям, и даже просто возможность поест для них уже благо. Вопрос в другом. Может ли интернатная система, в том виде, в котором она существует сейчас, сделать для них что-то большее.

«АиФ в Удмуртии», 24.04.2003

РЕБЕНОК – НЕ ИГРУШКА

На этот раз наш собеседник — невролог, заведующая отделением реабилитации 4-й городской детской больницы Елена Николаевна Зайцева.

— Елена Николаевна, насколько серьезно с медицинской точки зрения обследуются у вас дети, которых принято называть «отказными» и которых могут усыновить?

— Каждый новорожденный ребенок, от которого отказалась мать, проходит у нас исследование на внутриутробные заболевания. Скажем, лет десять назад не проводились исследования на специфические внутриутробные инфекции. Теперь это делается. Ребенка осматривает кардиолог, проводится эхография сердца. Используемые методы: нейросонография, УЗИ головного мозга, внутренних органов и другие позволяют определить грубые пороки развития, органические поражения. Медицинское заключение о состоянии здоровья усыновляемых детей дает комиссия в составе педиатра, неонатолога, ортопеда, хирурга и генетика.

— Можете ли вы при этом сказать что-либо о наследственности ребенка?

— Мы не всегда знаем истинную информацию о наследственности, поскольку сведения о ней записываются со слов самой роженицы. Серьезную помощь нам оказывают районные администрации. После отказа матери от ребенка их представители, как правило, выясняют, состояла ли женщина на

учете в наркологическом и психоневрологическом диспансерах, в милиции. В выписке из родильного дома мы получаем информацию, как там вела себя женщина.

Кроме того, прояснить ситуацию с наследственностью помогает и существующий с недавнего времени порядок, по которому «отказная» на ребенка берется не только от матери, но и ближайших родственников: отца, бабушки, дедушки. Наконец, по набору поведенческих и внешних признаков мы можем сами отличить детей, родители которых алкоголики, например. Но есть такие наследственные заболевания, которые не проявляются в каждом поколении — это сложность для нас.

— Что служит для вас основанием, чтобы не предлагать ребенка на усыновление в этом возрасте? Есть ли та грань, которая является для вас ориентиром в решении вопроса: предлагать, не предлагать?

— Детей, рожденных от алкоголиков, с эпилепсией, с наследственными психическими заболеваниями мы никогда не предлагаем. Не предлагаем ребенка, если знаем, что мать перенесла сифилис. Ребенка, у которого есть повреждение от внутриутробной инфекции, даже если при этом не обнаружено патологии, мы тоже не отдадим. Мы знаем, что если за границей у усыновителей обычно есть материальные возможности лечить больного ребенка, то у наших усыновителей таких возможностей чаще всего нет.

— Хотя, насколько мне известно, у вас есть право отдавать на усыновление детей и здоровых, и больных?

— Да, это так. Но наша задача всесторонне обследовать ребенка, оказать ему всю возможную медицинскую помощь и сообщить потенциальным усыновителям всю информацию о состоянии его здоровья. Это в интересах и ребенка, и усыновителя.

— Каким образом вы сообщаете о здоровье ребенка потенциальному усыновителю или опекуну?

— По картиночке УЗИ, например, с каждым усыновителем беседуем. По каждой строчке выписки — на что можно надеяться, на что нет. Подробная выписка из карты идет на руки усыновителям. Усыновитель расписывается в истории болезни под тем, с чем он ознакомлен. Будущую мать мы обязательно положим к нам вместе с ребенком, чтобы она лучше его узнала.

— Можете ли вы спрогнозировать развитие ребенка, зная о состоянии его здоровья сегодня?

— Если степень поражения небольшая, то спрогнозировать нетрудно. Но я могу сказать об этом именно на сегодняшний день и не могу сказать, что с ним будет в той конкретной среде, в которой он окажется. Я знаю много семей, в которые были взяты дети с небольшими отклонениями. Но они в этих семьях прекрасно растут. Спрогнозировать на всю оставшуюся жизнь это невозможно. Наследственность в любом возрасте может проявиться. Что-то может стать более явным уже в Доме ребенка. Поэтому я считаю, что не сто-

ит спешить с усыновлением ребенка обязательно в грудном возрасте, а нужно чуть-чуть подождать.

— Возникают ли впоследствии проблемы из-за желания некоторых усыновителей как можно скорее взять ребенка на воспитание?

— Я думаю, есть резон в сборе большого количества документов и прохождении процедуры усыновления через суд. Суд все же всех дисциплинирует. Порой «да нам любого!» — вначале говорят усыновители, а потом расстраиваются. Иногда сами усыновители начинают настаивать, что им нужен именно этот ребенок и никакой другой. Но часто проблемы потом, если и возникают, то из-за неготовности просто принять ребенка таким, какой он есть. А при усыновлении надо всегда помнить — ребенок не игрушка, а человек со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«АиФ в Удмуртии», 13.05.2003 г.

«А ТЫ ВОЗЬМИ РЕБЕНКА НА ЛЕТО»

«Тетя Вера» знала, что она никогда не сможет иметь собственных детей. Она давно мечтала о том, что возьмет ребенка. Но сначала правила советского времени ограничивали передачу детей в «неполные семьи», а потом и сомнения появились: доверят ли ей.

Заходила несколько раз в детские приемники и здесь, и за пределами Удмуртии, куда уезжала работать. Встречали с вниманием, но до конкретных предложений дело не доходило. Время шло. Переживать одиночество становилось все труднее.

И вдруг приятельница подсказала: «А ты попроси ребенка на лето». Вот тут Вера и решилась.

В приюте идею взять ребенка погостить на время летнего отпуска поддержали сразу. Вера никого не выбирала. Социальный педагог сразу привела в кабинет Катю.

Она стояла, опустив голову с короткой стрижкой, похожая на взъерошенного и притихшего воробья. Когда социальный педагог спросила: «Пойдешь в гости к тете Вере?» — Катя сразу утвердительно кивнула.

Первое, что после этого захотелось сделать девятилетней девочке из приюта, — нарисовать комнату, в которой она будет жить у тети Веры. Удивительно, но ее рисунок полностью совпал с действительностью, когда она вошла в тот дом.

С тех пор прошло несколько лет. Мы сидим на уютной кухне Свиридовых, пьем чай и ведем разговор. В глаза бросается не портретная, а какая-то внутренняя схожесть мамы и дочери. А ведь они когда-то и представления не имели о существовании друг друга.

Наш разговор касается самых тонких вопросов их человеческих отношений, но при этом никто не отводит глаза в сторону. Думаю, что это от настоящего доверия между ними.

Вопрос доверия — главный. Это понимают и мама, и Катя. У Кати был уже печальный опыт определения в семью, когда через какое-то время ей пришлось вернуться в приют. Семья та взяла сразу двух детей. Но в возникающих конфликтных ситуациях приемные родители винули почему-то именно Катю.

Может быть, поэтому, когда Вера собрала документы, чтобы взять ребенка, в отделе опеки ее пытались отговорить, утверждая, что ребенок не готов к жизни в семье. Но Вера понимала, что это может быть не так.

«Мы с самого начала договорились, что я Кате полностью доверяю, — говорит Вера. — И она знает, что я за нее очень переживаю. Всегда, когда дочь куда-нибудь уходит в мое отсутствие, она оставляет для меня записки».

Первая такая записка очень растрогала Веру. В ней Катя не только написала, но и нарисовала, куда она ушла.

Поняла Вера и то, что чрезмерная опека ребенка ни к чему хорошему не приведет. Переживала, например, когда-то очень сильно и расстраивалась из-за проблем у Кати с математикой. А когда «отпустила» ситуацию, проблемы с этим предметом у дочери исчезли как-то сами собой.

То, что рядом с ней мама, а не просто «тетя Вера», Катя почувствовала, наверное, скоро, но мамой назвать решилась не сразу. «Я ей сказала: «Называй меня на «ты», — говорит Вера, все-таки «ты» как-то сразу сближает, вот и сказала, что можно «ты, тетя Вера» говорить.

«Мама» же впервые прозвучало через восемь месяцев их совместной жизни. Катя играла с куклой и в игре просила куклу называть ее мамой. Тут пришла Вера и сказала: «Вот видишь, кукла тебя мамой называет. Почему бы и тебе меня мамой не называть?»

То, что у них сложились отношения, Вера считает заслугой Кати, ее доброты и терпения. Был момент, когда Вера даже пошла на тренинг в один из центров взаимоотношений. Считала, что недостаточно знает о том, как надо общаться с ребенком: «Мне во многом пришлось себя ломать. Тем, кто жил раньше один, надо ломать себя, чтобы научиться отдавать».

Когда Вера и Катя только начинали жить вместе, Вера, как она считает, могла подолгу обижаться из-за какого-то мелкого недопонимания. Сейчас же она «остывает» минут за десять. Да и конфликты возникают только тогда, когда Катя что-то не хочет есть или не хочет теплее одеваться.

В самые первые дни жизни вместе «тетю Веру» тревожил Катин «религиозный фанатизм». «Буду читать только о Боге», — говорила Катя. Да и о будущей монастырской жизни разговор заходил. Успокоилась «тетя Вера» буквально через неделю, когда, вернувшись домой, увидела Катю и пле-

мянницу щеголяющими в маминых нарядах по огороду — они жили тогда в частном доме. Вот тут и отлегло от материнского сердца, поняла, что оттаял ребенок.

Катя вообще очень сошлась со своей, теперь уже двоюродной сестрой, с которой они почти погодки. С другими новыми родственниками у нее тоже хорошие отношения.

Родственники Веры, к слову сказать, прореагировали на ее поступок совершенно спокойно — никто не спешил хвалить или жалеть.

О первой встрече Кати со своими кровными родственниками после начала новой жизни нужно сказать особо. Вера сама повела ее на день рождения бабушки, узнав, что Катя хотела бы встретиться со своей кровной родней. Но не успели они дойти до места, как Катя вдруг заявила, что на самом деле она не хочет туда идти, и они повернули обратно. Чувствуя, что в душе ребенка борются обида и желание увидеться с родней, Вера сказала: «Рано или поздно вам надо будет встретиться. Ведь ты же этого хочешь?» И они буквально выскочили из трамвая и снова пошагали туда, куда шли.

Свою кровную мать Катя почти не помнит. Мама Лиза, как называет ее Катя, привезла и оставила девочку совсем крохотной у своей матери, а сама снова куда-то пропала.

Между тем бабушка Кати часто выпивала, и ребенка приняла ее сестра — баба Зина, инвалид I группы. Вот от нее-то Катю и забрали в приют.

Баба Зина была единственным человеком, который еще думал о девочке, когда она была в приюте. Катя помнит тот вторник — день, когда в приют приходили родственники. Она, не надеясь никого увидеть (к ней давно никто не приходил), просто стояла у окна. И вдруг, о, чудо! — появляется баба Зина. Такое не забывается.

Баба Зина на том дне рождения, уединившись с Катей, сама сказала ей, что будет лучше, если она станет называть «тетю Веру» мамой и что хорошо, что у нее такая мама.

Но превратности судьбы неисповедимы, и вот уже Веру обвиняют в том, что она претендует на квартиру умершей бабушки Кати. И это всего-навсего после того, как Вера сказала, что будет настаивать на закреплении за Катей ее доли жилой площади в бабушкиной квартире, где девочка и прописана.

Но обиднее для Веры и для Кати не эти слова, которые, быть может, были сказаны сгоряча, а то, что после бабушкиной смерти Кате не отдали ее швейную машинку с ножным приводом. А ведь девочка замечательно шьет, и оставшаяся ее родня об этом знает. Кстати, интерес и способности к швейному делу у нее, наверное, от бабушки, которая была хорошей портнихой.

Катя приносит на кухню, где мы сидим, сшитые ею вещи. Они впечатляют. Но еще больше впечатляет то, что девочка такого небольшого возраста сама почти профессионально разрабатывает модели одежды.

«После школы я хочу открыть свое ателье и магазины», — говорит Катя. А мама ее поддерживает: «Я уверена в том, что она добьется того, чего хочет, потому что серьезно к этому стремится».

Оказывается, Катя даже во сне видит свои новые модели. Дело доходит до того, что на выдаваемые ей на карманные расходы деньги Катя, откладывая, покупает материал и что-нибудь шьет из него.

Пожалуй, самым удивительным для меня в доме Свиридовых было то, что я увидел «коллаж мечтаний». Это не что иное, как нарисованные в виде карты сокровищ мечты Кати. На ней есть все, и, конечно же, то, о какой своей семье Катя мечтает. Но одна заветная мечта у Кати уже сбылась, ведь теперь за пределами карты остался остров с надписью «Хочу, чтобы у меня была мама».

А все и начиналось-то с того, что приятельница Веры сказала: «А ты возьми ребенка на лето».

«АиФ в Удмуртии», 26.06.2003

КАК УСЫНОВИТЬ РЕБЕНКА ИЛИ ОФОРМИТЬ НАД НИМ ОПЕКУНСТВО

Продолжая акцию «Пусть у всех будет мама», мы намерены рассказать, в каком порядке происходит усыновление или оформление опекуна над ребенком. В этом нам согласилась помочь ведущий специалист отдела охраны прав детства администрации Первомайского района Раиса Александровна Плотникова.

— Прежде всего, если вы действительно хотите воспитывать ребенка и уверены, что имеете на это моральное право, будьте спокойны — закон на стороне ребенка, а значит, и на вашей стороне.

Если вы сами действуете в интересах ребенка, то вам будет вполне понятно и законное внимание к вашей персоне со стороны отдела опеки или защиты прав детства. Именно в такой отдел какой-либо из районных администраций вам и следует прежде всего обратиться. Усыновлением детей и передачей опекуна над детьми, которые уже находятся в государственных детских учреждениях, занимаются отделы тех районных администраций, на территории которых эти учреждения находятся. К примеру, в Первомайском районе Ижевска находятся Республиканский детский дом и Дом ребенка (в нем дети до трех лет), в Ленинском районе — 4-я городская больница (новорожденные дети), в Индустриальном районе — Городской детский приют.

Итак, вы пришли на беседу в отдел охраны прав детства (отдел опеки). Естественно, что здесь вы расскажете о себе и о своем желании воспитывать ребенка.

Специалистов отдела прежде всего будет интересовать: есть ли у вас дети, замужем (женаты) ли вы, какой доход, судимы ли вы. А для начала вас, скорее всего, попросят показать паспорт.

— Доход важен для решения вопроса — усыновление или опекунов?

— Если сумма, которую вы совокупно зарабатываете, меньше прожиточного минимума на каждого члена вашей семьи с учетом принимаемого ребенка, то возможно только опекунов, а не усыновление. Опекунов предполагает денежное пособие, но с обязательной финансовой отчетностью.

На сегодня прожиточный минимум для взрослого работающего человека в Удмуртии равен 2040 рублям, для ребенка — 1903 рублям.

Не усыновление, а лишь опекунов возможно в тех случаях, когда у вас нет собственного жилья. К примеру, если вы живете в квартире своих родителей. При этом, конечно, будет учитываться, есть ли у вас социальная норма жилья, то есть 12 метров общей площади на человека. Отсутствие супруга или супруги не является по закону поводом для отказа в усыновлении ребенка, чего не скажешь о судимости — безопасность жизни ребенка прежде всего. Поэтому сведения о потенциальном усыновителе (опекуне) запрашиваются впоследствии и в Информационном центре МВД.

После беседы со специалистом отдела охраны прав детства вам предложат принести следующие документы:

- справку о доходе или заработной плате за 12 месяцев (в разрезе каждого месяца). Люди, проживающие в сельской местности или ведущие подсобное хозяйство, могут представить сведения о сдаваемой ими продукции;
- копию поквартирной карточки, если квартира не приватизирована, или свидетельство о праве собственности;
- медицинское заключение о состоянии здоровья (бланк прохождения медицинского освидетельствования выдается специалистами отдела);
- характеристику с места работы;
- автобиографию;

Специалист отдела охраны прав детства на основании этих документов и акта обследования ваших жилищно-бытовых условий, проведенного им, и сообщения из Информационного центра МВД составит заключение о вашей возможности взять попечительство над ребенком.

Вам останется подписать заявление об оказании помощи в выборе ребенка. После этого с учетом ваших пожеланий вам будет предложено выбрать из нескольких детских кандидатур ребенка, которого вы захотели бы посетить. Вам показываются фотографии, сообщаются подробности здоровья детей, сведения о родителях и прочие сведения о ребенке.

Вы делаете свой выбор, и вам выписывается направление на посещение ребенка. Республиканский банк данных о детях, нуждающихся

ся в усыновлении или опеке, находится в Министерстве образования УР, в котором вам также могут выдать направление на посещение ребенка.

С этим документом вы идете в детское учреждение, где встречаетесь и знакомитесь с ребенком. Направление действует только в течение десяти дней. Конечно, это, может быть, очень маленький срок для того, чтобы вам с ребенком успеть понять друг друга. Но если вы решите продолжить знакомство, вам нужно будет написать в направлении, что вы готовы стать попечителем именно этого дитяти. Сие не будет означать, что вы в обязательном порядке должны усыновить или взять опеку над этим ребенком. У вас остается право изменить свое мнение в любой момент до принятия официального решения. Если вы с ребенком по какой-либо причине не устроили друг друга, вы пишете отказ в направлении, и вам выписывают направление на посещение другого ребенка. Если же вы действительно определились, что ребенок ваш, остается решить, будете ли вы его усыновлять или юридически станете его опекуном.

Вопрос усыновления решается через суд, куда документы направляет специалист отдела охраны прав детства. Разрешение на опеку дает районная администрация.

«АиФ в Удмуртии», 14.08.2003

БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ

На одном из сайтов я встретил такое журналистское предложение: «Не лучше ли, чем изо всех сил скрывать правду, заняться психологической подготовкой будущих приемных родителей к усыновлению — ведь многие дети возвращаются ими в детские дома».

На самом деле, давайте попробуем разобраться: а не лучше ли? Существуют две противоположные точки зрения на этот счет.

Фаина Васильевна Шмыкова, начальник отдела специального образования, специалист поддержки и реабилитации детей Министерства образования УР:

— Я считаю, что законодательно тайна усыновления должна существовать. Это правильно. Законодатель сам не может принимать решения, и если потребность раскрыть тайну у приемных родителей появится, они это сделают.

Я бы на месте усыновителей тоже соблюдала тайну и, чтобы сохранить ее, поменяла бы место жительства и даже место работы, если бы от этого зависели покой и благополучие в семье.

Почему надо скрывать от ребенка усыновление? На мой взгляд, усыновление и сохранение этого факта от ребенка в тайне дает взрослому ощущение, что ребенок только «мой», и, стало быть, отношение к ребенку более ответственное.

Конечно, вопрос «скрывать или не скрывать» в каждой семье будут решать по-своему. Но, по-моему, если сообщить ребенку, что он приемный, то делать это лучше как можно позднее, когда он станет уже совсем взрослым человеком и обзаведется своими детьми. Тогда он в состоянии будет понять сущность поступка своих приемных родителей и оценить его. А скажи ребенку, что он приемный в 15–17 лет, он начнет переживать и искать свою кровную мать.

Татьяна Анатольевна Субботина, начальник отдела охраны прав детей администрации Устиновского района:

— Что касается тайны усыновления, то закон есть закон. Но принятый механизм усыновления, когда ситуация проходит через много рук, никак не способствует гарантированному сохранению этой тайны.

Сбор документов, подача их в суд, регистрация в загсе и по месту жительства, дальнейшее обследование нами жизни ребенка в приемной семье — все это предполагает большое количество свидетелей, и тайну усыновления сохранить очень трудно.

Но главное, что тайна усыновления никак не гарантирует родительского успеха в воспитании. Есть случаи, когда усыновители отказываются от ребенка, когда начинаются серьезные проблемы с его поведением. Бывает, что усыновившая ребенка семья потом рождает своего, и не все усыновители достойно ведут себя в это время по отношению к приемному.

Я наблюдаю семьи, где тайна усыновления, как правило, соблюдается. Но были в моей практике два случая, когда приемные родители, вырастив детей и имея неудачный опыт воспитания, считают, что было бы лучше, если бы они в свое время не делали из усыновления тайны. Они, конечно, открыли выросшим детям «секрет», но никаких позитивных изменений в их отношения это не принесло.

От редакции: В Конвенции ООН о правах ребенка ничего не говорится о тайне усыновления. И хотя в некоторых странах тайна усыновления все еще существует, не говорит ли это о том, что в этих странах она защищает прежде всего права взрослых на материнство и отцовство? В таком случае считаете ли вы, что в России тайна усыновления действует в интересах детей?

Адрес для писем: 426057, г. Ижевск, ул. В.Сивкова, 112. Газета «АиФ в Удмуртии». Акция «Пусть у всех будет мама!»

«АиФ в Удмуртии», 21.08.2003

«Я НЕ ХОЧУ С ЭТИМ УМИРАТЬ»

Когда сыну еще не исполнилось двух лет, вышла замуж второй раз. От человека, которого действительно любила, у меня мог появиться собственный ребенок. Но муж предложил прервать беременность.

После этого все же остались вместе. А спустя некоторое время уже по обоюдному желанию удочерили девочку. Взяли так же, как и я когда-то взяла мальчика: в возрасте всего нескольких дней.

Муж в дочери души не чаял. Уж на что я была клуша, но он! Бывало, заснет у телевизора, а по телевизору звук плача детского услышит и давай во сне воображаемого ребенка на руках качать. Все для девочки готов был сделать. А вот к сыну... Мальчик совсем маленький был, когда дочь появилась. Но он к ней с такой теплотой сразу относиться стал. А к отцу как тянулся, все за ним везде! Только тому это не нужно было. Захочет сын у него при гостях на коленях посидеть, а муж при всех его просто возьмет и вытолкает.

А как дети стали постарше, да в доме собака появилась, все его одного выгуливать собаку отправлял в любую погоду. Дочь же всегда от всего оберегал. Придирки все только к сыну. Мы с мамою моей как могли негативное его отношение к мальчику пытались загладить. Только как это скроешь?

И все же двенадцать лет я была счастлива как мать. Меня радовало, что дети окружены нашей заботой, и видела их радость от этого. Все делала для того, чтобы дети чувствовали мое внимание. Все успевала: и сводить на кружки, на выставки, на концерты, и купить все, что им нужно. Так хорошо было. Я, наверное, хотела, чтобы у меня с моими детьми сложились такие же отношения, как у меня самой с моей мамой. Я всегда о матери заботилась.

Мы всегда все по домашнему хозяйству делали с детьми вместе. Но в какой-то момент нам всем стало неинтересно. Дочь даже, когда я ее как-то спросила: «Почему ты не хочешь ехать с нами на огород?» — ответила: «Потому что там будешь ты!»

До двенадцати лет дети были вполне управляемы, а к пятнадцати годам такое отчуждение между нами появилось! Для меня как будто бомба разорвалась, так было тяжело!

Все время с того момента, как я усыновила детей, я жила в постоянном страхе, что им кто-то скажет, что они приемные. Мысли в голове все время крутились, как это может произойти. Я представляла: вот кто-то говорит это и что я в это время отвечаю.

Когда я почувствовала страх, что кто-то может сказать сыну и дочери, что они приемные, я начала искать выход из своего гнетущего состояния. То по телефону доверия поговорю, то в компании, как бы между прочим, такой вопрос подниму.

Как-то я пришла на прием к невропатологу. Разговор зашел о «моей» бывшей беременности. И тут по моим ответам невпопад врач очень

быстро и неожиданно меня разоблачила, сказала, что дети у меня приемные. И здесь мне впервые в жизни сказали, что если я и дальше буду скрывать правду от детей, то будет все хуже и хуже. Что ничего, кроме гиперопеки, у нас по отношению к детям не будет и закончится это плохо.

Мне показалось, что сказала это она как-то резко, и к такому совету я не прислушалась. Я ведь с самого начала осторожничала как могла: и с живото́м накладным ходила, когда ребенка еще не взяли, и место жительства специально менять приходилось, чтобы подозрений меньше было.

Но как ни утаивай, от всех не скроешь. Кто-нибудь да узнает. Пришел день, когда меня моей тайной стали шантажировать. Тогда хватило сил, хоть и трясло внутри, ответить этому подонку, что его самого в этом случае ничего хорошего не ждет. И после этого я детям не открылась.

Последней каплей, которая меня подтолкнула пойти к психологу, стала резкая стычка с сыном. Помню, я уличила его в очередном вранье, а он в ответ вдруг закричал: «Сама-то, сама-то только и делаешь всю жизнь, что врешь!» Единственное, что я тогда способна была ему ответить и что вырвалось из меня, как будто я ждала эти его слова: «Подумай, а может это во благо?»

Семья наша к этому времени уже просто разваливалась. Сначала из нее ушел муж, а потом из дома ушла и дочь, отношения с которой у меня были наиболее напряженными. Ее жизнь покати́лась под уклон. А сын, хоть и остался со мной, но все, что с ним происходило, терзало мою душу.

Вконец измученная, не в силах больше воевать с обстоятельствами и желавшая только одного — покоя, однажды я наконец решила открыть сыну тайну, война за сохранение которой, возможно, и погубила мою семью и разрушила мою жизнь. Сказать правду сыну смогла только после длительной поддержки меня психологом.

Так и сказала ему, что поступила когда-то, как было принято у нас в государстве, и что говорю сейчас ему об этом открыто, потому что психолог объяснила мне, как было неправильно это скрывать. Сказала, что сколько смогу, буду помогать им искать их родителей, если они захотят.

Я так боялась того, что произойдет потом, но сын воспринял сказанное спокойно, как будто ничего не случилось. И даже потом, когда я предложила ему: «Давай поедem, когда у меня больше времени будет, искать твою родню», — он ответил: «Мама, какое это имеет значение? Мне это все равно». И у него до сих пор желания такого не возникло.

Теперь я чувствую себя опустошенной, но при этом чем-то защищенной. Я пошла по пути самосохранения. До этого у меня был даже физический страх, что мои дети когда-нибудь смогут поднять на меня руку. Сейчас же, после того, как открылась сыну, я почему-то почувствовала уверенность, что он этого уже не сделает.

Я теперь даже не знаю, что лучше: те двенадцать счастливых лет или сегодняшний день, когда я чувствую это опустошение. Вместе с пустотой я ощущаю и облегчение. Я ведь и раньше мучила себя вопросами: «Вела бы я себя так, если бы действительно была их матерью?» Сейчас все больше понимаю, что не могу на них рассердиться — не так они и виноваты. Может, просто почувствовали они каналы свои настоящие, родственные. Ведь каждый ребенок, наверное, подсознательно знает своих родителей.

Не осуждаю я и их родителей. Не сделай они так, как они сделали, я бы осталась без детей.

Мне надо было просто фотографию им вовремя показать: «Вот твоя мама. Она хорошая».

Ребенок сам должен решать: герои мы или не герои. Но если бы мы давали детям право действовать сознательно! А мы ведь сами забираем детей только потому, что этого хочется нам! И все рассуждения, что заботимся мы в первую очередь о ребенке — это лишь красивые слова. А потом сами заложниками этой лжи и становимся.

Я не хочу умирать с таким грузом. Тайна усыновления — это варварство, которое мы продолжаем творить.

Так случилось, что я знаю несколько семей, в которых эта самая тайна сохраняется. (Вот тебе и тайна!) И вот что я скажу: ни одна из них не выглядит счастливой.

Пыталась поговорить с ними, рассказать о том, что случилось со мной. Хотела предостеречь от беды, подсказать, о чем говорят психологи, что тайна совсем не нужна. Какое там! И слушать не хотят: «Нет, только не это!»

А я теперь планирую съездить к матери моей дочери. Скажу ей, если найдут: «Может, ты до нее достучишься!»

«АиФ в Удмуртии», 11.09.2003

О ЧЕМ ВСЕ ЗНАЮТ И ВСЕ МОЛЧАТ

В Удмуртии, как свидетельствуют в отделах опеки и попечительства, практически все усыновители маленьких детей желают сохранить тайну усыновления. Если сопоставить этот факт с тем, что у детей школьного возраста практически нет шансов быть усыновленными — все хотят младенцев, — можно предположить, что одна из причин такого перекоса именно в нежелании усыновлять открыто.

Мы пытаемся проанализировать причину живучести у нас тайны усыновления, которая во многих странах осталась уже в прошлом. Так, в одном из номеров мы дали слово чиновникам, оформляющим усыновление, в предыдущем номере был рассказ матери, которая все-таки раскрыла сы-

ну тайну усыновления через 25 лет. Сегодня мы намерены высказать свою точку зрения и дать слово психологу.

Одна знакомая рассказала мне, как соседи в ее далеком военном детстве сказали ей, что она у матери, видимо, неродная, раз так много трудится. «А я по своей детской наивности взяла и задала этот вопрос маме, — продолжала мой знакомая. — Помню мамины глаза и то, что она мне тогда ответила: «Доченька, мы с тобой одни, и если не мы сами, то кто же нам может помочь?»

Знакомая моя, рассказывая ту историю, хотела подчеркнуть суровость жизненной школы, которую прошла. Я же, честно говоря, обратил внимание на другое. На то, как, оказывается, исторически глубоко сидит в нашем сознании стереотип, представление, что приемное дитя всегда нелюбимо в отличие от кровного, если даже в военное лихолетье трудящийся ребенок воспринимается не иначе, как приемный.

И еще на одну мысль этот рассказ натолкнул: на самом деле, мнимое наше сочувствие произрастает из благодатной и, увы, старой для нашей страны лжи — из самой тайны усыновления. Уж кому, как не нам, россиянам, знать, что если от тебя что-то скрывают, значит, где-то нечисто, значит, кто-то не хочет, чтобы об этом знали. Вот тут-то нам только сообщив, только заикнувшись, где эта самая тайна спрятана. Да мы грудью «на защиту» ребенка встанем, хотя на самом деле только какие мы правильные показывать будем и другим на вид ставить.

Несколько раз мне приходилось встречаться с людьми, которые, тайно усыновив, воспитывают приемных детей. Вот лишь несколько знакомых мне вариантов их поведения.

Вариант первый. Дети не знают, что они усыновлены. Взрослый не желает идти ни на какой разговор о жизни семьи, поскольку испытывает буквально шоковое состояние от того, что кто-то посторонний узнал о существовании тайны.

Второй вариант. Ребенок изначально знает от самого взрослого, что он усыновлен, но взрослый считает, что об этом ничего не должны знать окружающие. Поэтому беседа происходит при условии строго конспиративной публикации.

Вариант третий. Дети, будучи уже взрослыми, узнают, что они усыновлены, от самого усыновителя. Это происходит после долгих лет изнуряющей внутренней борьбы приемного родителя со своим страхом, а потом и с окружающими, которым существование тайны каким-то образом становится известным.

Напомню, в предыдущем номере «АиФ в Удмуртии» был опубликован записанный мною рассказ женщины, которая хранила от детей тайну усыновления около двадцати пяти лет, поняла, что эта тайна отравила ее жизнь, и раскрыла сыну правду. В результате не произошло ничего страш-

ного. Напротив, есть надежда, что отношения между матерью и сыном, зашедшие до этого в тупик, начнут выправляться.

На мой взгляд, тайна усыновления далеко небезобидна не только из-за разрушающего влияния на личность усыновителя (об этом далее точка зрения психолога), но и потому что она дезориентирует общественное сознание. По моему мнению, законодательное существование тайны усыновления в России подчеркивает, что в нашем обществе принято уважать лишь кровную семью. И в этом есть определенный момент нашего общего ханжества. Нам пока и представить трудно, как может существовать закон, по которому приемные родители просто обязаны рассказать ребенку правду о его усыновлении. Такая норма существует, например, в Италии. Пока нам далеко даже до празднования Дня приемных семей, какой, например, празднуется в США.

Впрочем, это моя точка зрения, а с точки зрения психолога, которому я далее предоставляю слово, оптимальным является законодательство, которое все же дает человеку право выбора: сохранять тайну и мучиться, либо жить без нее.

Итак, консультант Центра психологической помощи «Белая зебра», психотерапевт Александр Альбертович Перевозчиков:

— Жить во лжи и причем сознательно — непосильный груз. В голове человека, решившегося на это и хранящего «страшную» тайну, постоянно будет вертеться мысль «А что, если тайное станет явным?»

Это постоянное напряжение съедает у родителя все его силы — они уходят на сохранение тайны. Как правило, страшилки только в голове. Как только тайное становится явью, ничего страшного не происходит.

Родитель отравляет себе жизнь, но внешне успокаивает себя тем, что он делает это «для ребенка». На самом деле чаще так поступают только для себя, пытаясь утвердиться в мысли, что «мы хорошие родители». Еще одно заблуждение родителя, будто бы он может тем самым сохранить видимое благополучие в семье.

Ребенок очень тонко чувствует любую ложь.

Да, часто родителя подталкивают к этому разнообразные социальные ярлыки. Например, «приемный ребенок». Всегда найдутся люди, которые, узнав об этом, будут проявлять жалость или высокомерие. Но если у родителя с ребенком искренние отношения, то все можно преодолеть.

Скрывая от ребенка правду, приемный родитель как бы говорит тем самым: «Твои настоящие родители нехорошие, они не наши». Но такая позиция легко может переноситься и на самого ребенка. Сохраняя тайну усыновления, родитель находится в постоянной тревоге и, если происходит что-то негативное, готов искать объяснение этому в «нехорошем» прошлом ребенка.

Напротив, если взрослый готов поступать трезво, не поддаваясь страху социальных ярлыков, он будет рассуждать следующим образом: «Моя жизнь только моя, и я не буду менять отношения с ребенком, когда он узнает, что я ему неродной». В этом отношении полное усыновление сходно со случаями, когда в семью приходит только один новый взрослый: «Сказать, что я неродной, или не сказать?»

На самом деле ярлыки имеют значение лишь для взрослого. Это только им страшно, что скажут окружающие. А в реальности-то... Кто такие родители: тот, кто родил, или тот, кто воспитывает? А то, что у ребенка другая фамилия, другое отчество — какое это имеет значение? У усыновителя другая серьезная ответственность — не переносить свои психологические проблемы на ребенка. Например, папа хотел стать футболистом, не получилось, и теперь мечтает увидеть футболистом ребенка. Важно помнить: моя жизнь — это моя жизнь, жизнь ребенка — это его собственная жизнь.

Зачастую усыновленный ребенок становится объектом гиперопеки — «без мамы никуда». На самом деле взрослый пытается доказать самому себе: «Я хороший родитель. Я буду лучшим родителем, чем те, которые у него были». Отсюда: «Ты меня слушай, я лучше знаю».

Гиперопека над детьми, как правило, возникает, когда взрослые не являются хорошими супругами. Именно не ладящие друг с другом муж и жена часто используют социальный миф: «Жить-то надо ради детей» — чтобы как-то жить друг с другом. Но если отношения у родителей не складываются, то это обязательно скажется и на их отношениях с ребенком.

Многие бездетные семьи берут детей не потому, что им нужен ребенок, а для того, чтобы получить статус родителя. Получив его, они считают, что вынуждены теперь играть роль родителя со всеми якобы обязательно вытекающими отсюда проблемами. Такая установка тоже ничего хорошего в отношении с ребенком не вносит.

Люди, которые хотели бы взять ребенка, могли бы прийти к нам, чтобы проконсультироваться, как комфортнее провести всю процедуру и как комфортнее строить отношения с ребенком. Усыновителям очень важно быть честными с самими собой. В комфорт семьи очень гармонично без всяких секретов может встроиться приемный ребенок. Тайна усыновления — явление социальное и с психологической точки зрения необходимости в ней нет. Всегда есть варианты, как строить отношения. Идеальная психологическая установка при усыновлении: «Да, мы действительно этого хотим. Мы не будем загружать себя лишним грузом — тайной усыновления. Мы не будем вступать в соревнование с реальными родителями «Кто лучше». Просто они родили, а мы воспитываем».

Конечно, никто не застрахован от того, что ребенок, знающий об усыновлении, когда-нибудь вдруг не заявит вам: «Я вам не родной, по-

этому вы ко мне так и относитесь. Вот возьму и уйду от вас!» — пытаюсь навязать свои требования и даже шантажировать вас. Но допустите ли вы такую ситуацию, зависит от вас, и выходы из нее всегда могут быть разными. Не стоит дожидаться, пока ситуация созреет до критической, и, если есть сложности, всегда можно обратиться к психологу.

Несмотря на все возможные сложности воспитания без тайны, полагать, что с тайной усыновления проще — иллюзия. На самом деле это очень трудный, очень энергозатратный вариант. И если люди тяготеют тайной усыновления, им лучше прийти на консультацию. Можно пошагово проработать, как открыть этот секрет. Заблуждение думать, что от такого открытия может пострадать родительский авторитет или психика ребенка. Для ребенка важно не столько то, что говорит родитель, сколько то, как он поступает. Сам факт, что родитель сказал правду, что он воспринимает его как равного и не обманывает, очень часто вызывает в ребенке большее уважение. В этом и есть смысл построения искренних отношений. И чем раньше тайна усыновления будет раскрыта, тем лучше.

«АиФ в Удмуртии», 18.09.2003

НАШИ ГОЛОСА

Виктор ГУЦИН
(политолог и публицист, Москва)

МЫ – НЕ ИДИОТЫ? ИДИОТЫ – НЕМЫ!

В Древней Греции «идиотами» называли людей, не принимавших участия в выборах. Но мы-то принимаем! Тогда на каком основании я смею утверждать, что 8 миллионов избирателей уже лишены права голоса, а в будущих выборах их станет вдвое больше?

Четвертый год веду ожесточенный бой с Председателем Центральной избирательной комиссии А.Вешняковым за реализацию предоставленного мне Конституцией права голоса. Не того, который, обретая форму бюллетеня, опускается в урну (ну и словечко!) сквозь щель, напоминающую прорезь оружейного щита. С этим голосом, если не считать последствий голосования, все в порядке. Никто участию в выборах не препятствует (хочу — голосую, не хочу — пью чай и смотрю по телевизору, как голосуют другие).

Беда с голосом другим, ибо во время избирательной кампании я не могу сказать согражданам, почему именно голосую за этого кандидата, за эту партию или почему я ставлю галочку в графе «против всех»... Эта беда моя и миллионов избирателей. Не то что голос подать — пискнуть не моги! По действующей у нас избирательной системе, каждый гражданин России (по крайней мере, до тех пор, пока не осуществилось предложение С.Шойгу лишать гражданства тех, кто злобно не участвует в выборах или голосует «против всех») имеет всего две возможности реализовать избирательное право. Либо проголосовать «ЗА», либо — «ПРОТИВ ВСЕХ».

Чистосердечно признаюсь, с момента появления этой графы в избирательных бюллетенях (т.е. с декабрьских думских выборов 1995 года) я добросовестно и неизменно голосую «против всех». И все эти годы нет никакой возможности объяснить согражданам, почему я это делаю в каждом конкретном случае. Случаев же накопилось достаточно. Выборы депутатов Госдумы в 1995-м и 1999-м, президентов в 1996-м и в 2000-м, мэра Москвы и депутатов столичной Думы (тоже по два раза).

Кто же посмел заткнуть рот профессиональному журналисту, подвизающемуся на поприще политологии? Да и заткнули ли? Ведь статьи мои на тему голосования (в том числе и «против всех») публикуются. Звонят от Г.Павловского — излагаю экспертную точку зрения, и точку эту размещают на сайте. Поднимаю тему под рубриками «карт-бланш» (в «Независи-

мой газете») или в «Спор-клубе» («Литературка»), или на НТВ, или на ТВЦ — и дают слово! И в «Журналисте» вот публикуюсь! О чем же песня? О чем и кому я жалуюсь?

А дело в том, что свобода моих рассуждений допустима только в период между выборами. Хочешь? Милости просим! Пока никого не выбираем, пока это рассуждения «вообще»... Но как только начинается официальная избирательная кампания (в этом году, если не ошибаюсь, она стартует в начале сентября), любые высказывания избирателя тут же превращаются в предвыборную агитацию, на которую гражданин-избиратель посягнуть не мог. Здесь вотчина господина Председателя ЦИК. Зарегистрировался официальным участником выборов, обзавелся соответствующим ресурсным избирательным фондом, из которого оплачиваются предвыборные публикации, — агитируй. Хоть «против всех», хоть за черта в ступе. А если не за деньги и без полномочий, а по убеждению — тогда ты вольтерьянец и смутьян и, как злостный нарушитель Закона, будешь уличен и наказан (вплоть до уголовного преследования!)...

Вот вокруг этой коллизии мы и вели судебную тяжбу с Вешняковым (с переменным успехом в его пользу). Я торжествую днем, когда и без того светло, — между выборами. Председатель ЦИК — во время выборов, когда на нас обрушивается тьма кандидатов. Тогда на информационное избирательное небо восходит единственное светило — Вешняков. Только ему предоставлено право судить, что является агитацией, а что нет, кто имеет право голоса и свободы слова, а кому в них следует отказать.

В Верховном Суде РФ (26 марта 2000 года, аккурат накануне президентских выборов, приведших к победе В.Путина), рассматривали мой иск к Вешнякову. Выступая заявителем в судебном заседании, я поставил вопрос следующим образом, цитирую: «Уважаемые судьи! Среди кандидатов в президенты России, а их одиннадцать человек, я не вижу ни одного, кто бы внятно, четко, со знанием дела и ясным пониманием управленческих функций и политического предназначения главы государства изложил свою предвыборную платформу, из которой было бы видно, что претендент действительно дает себе отчет, какой важный и ответственный шаг совершает. А они, все одиннадцать, толкуют об одном и том же: как улучшить экономическую, социальную, политическую, культурную, санитарно-эпидемиологическую и еще много-много всяческих других ситуаций, от которых страдает Россия. Но мы ведь не министра экономики, труда, культуры, земледелия, охраны природы или главного венеролога страны выбираем. На эти должности вполне можно просто нанять добротных специалистов. Нам нужен президент, который понимает, как должны функционировать государство, действовать Конституция, совершенствоваться законодательство. Мы должны

убедиться, что он владеет искусством управлять обществом и страной, обладает соответствующим уровнем мышления. Среди нынешних претендентов (я уважаю их всех, вместе взятых, и каждого в отдельности за присущие им личные и деловые качества) достойного претендента на роль президента не вижу. И голосовать, лишь бы кого-то выбрать, не намерен. Да и другим хотел бы посоветовать этого не делать. Ответьте мне, уважаемые судьи, имею я право и возможность, как избиратель и гражданин России, осознающий свою ответственность за свой поступок и за дела государства, обратиться с таким призывом к согражданам и соизбирателям?»

Привожу официальный ответ из решения Верховного суда (слегка адаптированный, но за соответствие содержания ручаюсь).

Довод заявителя (В.В. Гуцина) о том, что распространение Председателем ЦИК положения п. 2 статьи 44, Закона «О выборах Президента РФ», устанавливающего правила ведения предвыборной агитации официальными участниками избирательной кампании (т.е. кандидатами в Президенты. — **Авт.**) нарушает право граждан на свободу слова и свободу волеизъявления, не может быть принято во внимание, поскольку сделанное Председателем ЦИК сообщение в СМИ о положениях закона по использованию средств массовой информации в предвыборной агитации, в том числе в отношении призывов голосовать «против всех», полностью соответствует требованиям Федерального Закона «О выборах Президента РФ». Из Закона следует, что проведение предвыборной агитации на каналах организаций телерадиовещания и в периодических печатных изданиях может вестись только зарегистрированными кандидатами либо от их имени. Агитация должна быть оплачена из соответствующих избирательных фондов зарегистрированных кандидатов. (См. Архив Верховного Суда РФ, ГКПИ 2000-316, от 27 марта 2000 года.)

Итак, если ты не являешься кандидатом в депутаты, если ты в вешняковских списках не значишься, если у тебя за душой ни одной центризбиркомовской копейки, ни за что агитировать нельзя. А предоставленные каждому гражданину России Конституцией свобода слова и право НЕПОСРЕДСТВЕННО (а не только с высшего разрешения) в ходе свободных выборов и референдумов выражать свою волю и свое мнение не в счет.

На пороге новые выборы. В сентябре — губернаторские в Питере. В декабре — парламентские. В марте 2004-го — президентские. Если голосовать «ЗА» кого-то, то все более или менее ясно: плати, агитируй, голосуй. Но что делать мне и другим бедолагам, которые и на этот раз пожелают проголосовать «против всех»? Ведь от нашего имени в избирательной комиссии никто не зарегистрирован, соответствующим фондом не обладает. И нет идиота, который будет регистрироваться в Центризбиркоме, со-

бираясь агитировать в пользу голосования «против всех» (ибо идиот, если помните древнегреческий вариант, просто в этом не участвует). Да и не примет ЦИК к регистрации кандидата с фамилией «Противвсех».

В 1999 году, будучи в командировке аж в Вологде, я по открепительному талону «против всех» голосовал. Если бы не мы, «противвсешники», в Думе бы недосчитались 20, а то и больше депутатов (в одномандатных избирательных округах не было бы избирательного кворума!) И никто не доказал, что голосующие «против всех» — патологические обструкционисты, с порога избирательного участка отметающие любых претендентов. Может, нас не личности не устраивают, а то обстоятельство, что в стране отсутствует эффективная система управления, которая бы даже нерадивого заставила работать эффективно, а мздоимцев — честно? Может, мы о благе печемся? Но обязаны держать язык за зубами, чтобы не попасть на зубок Вешнякову. А то ведь засудит...

И неважно, что на прошлых выборах в Государственную Думу «против всех» голосовало около 8 миллионов человек, что в восьми федеральных округах выборы не состоялись, поскольку там победили избиратели, проголосовавшие «против всех». Раз мы голоса лишены, так нас как бы и нет. Сведущие люди считают, что на предстоящих парламентских выборах число голосующих «против всех» возрастет более чем вдвое. Следовательно, «противвсешников» в России может оказаться не 8, а 16—18 миллионов (почти численность бывшей КПСС). И всем нам кляп в зубы! Это не гипотетический, а окончательный вариант, принятый в июне под давлением ЦИК Федеральным Собранием России. Поправки на столе у Президента, но фактически они уже действуют...

Быть может, читатель думает, что я, согласно фамилии, сгущаю краски. Отнюдь. Цитирую сообщение, пришедшее к нам, в Клуб главных редакторов региональных газет России, из Белгорода накануне губернаторских выборов.

«...На этой неделе, в 3 часа, в ночь со среды на четверг, сотрудники вневедомственной охраны задержали группу молодых людей, расклеивавших листовки. Четыре человека среди которых: девушка, работник «копера», студент БелГУ, сотрудник рекламного агентства и безработный. Милиция очень обрадовалась такой удаче, тем более что текст листовки содержал совершенно неприемлемый для некоторых очень заинтересованных лиц призыв голосовать на предстоящих выборах губернатора «против всех». В отношении задержанных прокуратура возбудила уголовное дело по политической статье 280 — «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», — предусматривающей лишение свободы от двух до пяти лет... Из достоверного источника стало известно, что прежде чем одобрить такое решение, областной прокурор консультировался по этому поводу «на самом верху», возможно, даже в Москве. Там

будто бы дали «добро» на арест, чтобы другим впредь неповадно было листовки с ненужными призывами распространять»...

26 июня А.Вешняков на пресс-конференции в Российском «Фонде свободных выборов» заявил, что «только что на прошедших в Белгородской области губернаторских выборах прошли обкатку принятые поправки к избирательному законодательству и были получены БЛЕСТЯЩИЕ результаты».

Что же получилось в результате «обкатки»? Убедительную победу одержал нынешний глава области Е.Савченко. Но без ложки дегтя не обошлось. «Против всех» в целом по области проголосовало 10% избирателей, а в крупнейшем промышленном центре Белгородщины — Старом Осколе, городе с самым высоким уровнем жизни, — почти 20%. Ничего подобного здесь прежде никогда не случалось... Неужто это и есть «блестящий» результат, которого добивается ЦИК в грядущих сентябре, декабре и марте? Если будет действовать как сейчас — «блеска» может оказаться и побольше.

«Журналист», № 8, 2003

Константин КАТАНЯН
(«Родная газета», Москва)

ВСЕМ МОЛЧАТЬ!

Остановят ли новые законы поток черного пиара?

Избирательная кампания по выборам депутатов Госдумы началась, а это значит, что теперь прессе надо быть предельно внимательной, чтобы не попасть в жернова правосудия.

Новое избирательное законодательство запрещает журналистам вести предвыборную агитацию, если только она не оплачена самими кандидатами. Однако закон трактует понятие «агитация» настолько широко, что под него могут попасть любые публикации, в которых так или иначе упоминаются предстоящие выборы.

Беседуя с председателем Центризбиркома РФ Александром Вешняковым сразу после подписания указа о назначении даты выборов, Владимир Путин выразил надежду, что нынешняя избирательная кампания окажется более «чистой», чем четыре года назад, что меньше будет грязи и компромата в средствах массовой информации. Поручкой тому, как полагает президент, новые законы, не допускающие вольницы и предусматриваю-

щие суровые меры ответственности для тех СМИ, которые попытаются использовать черный пиар.

Между тем журналистское сообщество неоднозначно относится к полному запрету не только на публикацию каких бы то ни было сведений, порочащих кандидатов в депутаты, но и любой аналитики, свойственной солидным изданиям. Сегодня журналист не может комментировать выступления участников предвыборной гонки и рассказывать об их увлечениях и хобби, сравнивать программы кандидатов и партий, а также делать свои прогнозы относительно итогов выборов. Все это запрещено Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. Аналогичные нормы, кстати, имеются и в принятых позже законах о выборах депутатов Госдумы и президента РФ. Поэтому единственное, что может позволить себе пресса, это информировать о том, кто зарегистрирован кандидатом, кому отказали в регистрации и кому пришлось добиваться права участвовать в выборах через суд.

Агитацией теперь считаются не только прогнозы о результатах выборов и «описание возможных последствий избрания или неизбрания кандидата», но также «распространение сведений о деятельности кандидата, не связанной с его профессиональной деятельностью», и «деятельность, способствующая созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату», независимо от того, осуществляется ли такая деятельность действительно в агитационных целях или в целях информирования избирателей без намерения призвать их к голосованию «за» или «против» кандидата.

Самое сомнительное положение нового законодательства признает агитацией и любые «иные действия, имеющие целью побудить или побуждающие избирателей голосовать за кандидатов, списки кандидатов или против них». Благодаря этой норме можно признать агитацией практически любой материал, написанный или подготовленный к печати журналистом, если только это не пересказ пресс-релиза избирательной комиссии.

Такие поистине драконовские меры авторы новых законов объясняют заботой об избирателях, которым, дескать, надоело, что на их голову пресса выливает потоки компромата. Однако многие эксперты, причем не только журналисты, но и юристы считают, что новое законодательство, фактически запрещающее свободную дискуссию в прессе накануне выборов, входит в противоречие с нормами Конституции РФ и потому подлежит немедленному пересмотру.

Поскольку сами депутаты, большинство из которых вновь намерены баллотироваться в Госдуму, не заинтересованы в том, чтобы их действия и выступления могли комментировать и критиковать в СМИ какие-то

«продажные журналюги», сегодня надежды на изменение избирательного законодательства связаны только с Конституционным судом России. Именно туда уже поступили обращения представителей СМИ из Москвы и Калининграда, в которых содержатся требования признать наиболее жесткие нормы Закона «Об основных гарантиях избирательных прав» не соответствующими Конституции РФ.

Отстаивая свое право на распространение любой достоверной информации о кандидатах, журналисты в то же время указывают, что закон во все не препятствует появлению компромата. Просто теперь СМИ будут вынуждены предлагать субъектам агитации оплачивать некоторые публикации, подготовленные по указанию редакции или по инициативе журналистов, или делать вид, что они их оплатили, получая за это соответствующее вознаграждение в виде пожертвований в избирательный фонд. Речь идет обо всех материалах, где данный кандидат упоминается в положительном контексте, а его соперники в отрицательном. Проще говоря, закон, направленный на борьбу с так называемым черным пиаром, на самом деле толкает редакции и журналистов как раз на использование во всех сомнительных случаях черного пиара.

Больше всего в СМИ опасаются чиновничьего беспредела. Ведь избирательные комиссии могут направить свои усилия на борьбу именно с теми изданиями, которые поддерживают оппозицию, обходя своим вниманием те газеты и журналы, которые восхваляют представителей «партии власти». Неопределенность формулировок позволяет трактовать закон таким образом, что при необходимости признаки агитации будут усматриваться в любом материале, где фигурируют не только имена конкретных кандидатов, но и любые образы, которые можно соотнести с участниками предвыборной гонки. Так, например, упоминание о долгожданном красном солнышке в прогнозе погоды можно считать намеком на победу коммунистов, а рекламу известного шампуня попыткой создать положительный имидж партии «Яблоко». Причем, как полагают в Центризбиркоме, подобные публикации недопустимы не только за месяц до выборов, когда начинается официальная агитация в СМИ, но и раньше, так как многие основные участники объявленной предвыборной кампании уже хорошо известны.

Возможно, подобные опасения напрасны и попытки расправиться с неудобными СМИ на самом деле будут сведены к минимуму. Однако законом попраны права не только журналистов. Все граждане России полностью лишены права высказывать в прессе свои мнения о людях, рвущихся к власти, причем как раз перед выборами, а это уже явный отход от демократии и принципов правового государства. Впрочем, окончательную точку в этом споре должен поставить Конституционный суд.

«Родная газета», 12.09.2003

МОЛЧАНИЕ АКУЛ

Прессе заткнули рот на время выборов

Освещать избирательную кампанию становится небезопасно. За нарушения, допущенные в период предвыборной агитации, средство массовой информации может быть временно закрыто.

Так называемые президентские поправки, подготовленные в действительности Центризбиркомом РФ, вчера поддержали 358 депутатов Госдумы. Таким образом, подавляющим большинством голосов нижняя палата завершила процедуру полного отстранения граждан и СМИ от участия в избирательном процессе. Ни о каких свободных и демократических выборах теперь в России говорить не приходится, поскольку законодатель бессовестно надругался над нашим конституционным правом комментировать программы партий и отдельных кандидатов, а также делать прогнозы относительно исхода предстоящих выборов и предупреждать избирателей, к чему может привести победа той или иной политической силы. Любые публикации, где содержится такого рода комментарии и прогнозы, считаются предвыборной агитацией, а вести ее закон разрешает лишь официально зарегистрированным кандидатам, партиям, блокам. И «акулы пера», и простые граждане лишены возможности публично высказывать собственное мнение об участниках избирательной гонки. Более того, теперь любая газета или журнал, телепрограмма или радиокomпания могут быть подвергнуты санкциям за высказывания, «имеющие целью побудить или побуждающие избирателей голосовать за кандидатов, списки кандидатов или против них».

Законодательство, таким образом, не только запрещает прямую агитацию, но и, вторгаясь в свободу мысли и слова, позволяет чиновникам и судьям принимать весьма сомнительные решения, не имел ли журналист или, скажем, автор письма в газету намерения побудить читателей скорректировать свою политическую позицию накануне выборов. И если по прочтении столь сокровенных мыслей сделают вывод, что такая цель ставилась, СМИ будет наказано. Выпуск издания, допустившего два подобных нарушения в ходе одной кампании, может быть приостановлен по решению суда до окончания момента голосования на выборах или референдуме. Такова суть принятой вчера в третьем чтении поправки в закон о СМИ. А так как избирательные кампании у нас проводятся перманентно то в каком-то регионе, то на федеральном уровне, неудобное властям СМИ можно держать в постоянном страхе, закрывая его на месяц-два по несколько раз в году.

Руководители государственных изданий и телеканалов вообще рискуют оказаться изгоями в журналистском сообществе, при неоднократном нарушении правил агитации они могут быть подвергнуты дисквалифика-

ции сроком от 2 до 3 лет. А признаки таких нарушений нетрудно найти в любой публикации, даже если она вовсе не о выборах. Написали о хорошем урожае — это агитация в пользу Аграрной партии, напомнили о низких зарплатах — агитация за КПРФ, упомянули о задержках с выплатой пенсий — агитация против обещавшей проконтролировать данный процесс «Единой России», а любую рекламу яблочного сока вполне можно расценить как скрытую поддержку партии «Яблоко».

Принятые одновременно поправки в закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» запрещают благотворительную деятельность во время выборной кампании. Уголовный кодекс дополнен новыми статьями за «фальсификацию итогов голосования», а Административный — за использование служебного положения в период проведения выборов и референдумов. Кроме того, уголовная ответственность установлена за злоупотребления в процессе создания и расходования средств избирательных фондов и фондов референдума, а также за составление заведомо ложных избирательных документов.

В то же время Дума неосмотрительно решила ужесточить уголовную и административную ответственность за «опасные деяния, посягающие на избирательные права граждан». Однако сегодня таким «опасным деянием» является прежде всего сама законодательная деятельность депутатов, превративших наши избирательные права в фикцию. Так что теперь, если принятый закон будет одобрен Советом Федерации, гражданам придется либо судиться с захмелевшими от административного восторга законодателями, либо как минимум голосовать против них на предстоящих в декабре выборах в Госдуму.

«Время МН», 19.06.2003

Василий МЕЛЬНИЧЕНКО
*(руководитель сельского центра
общественных инициатив, Свердловская область)*

ВЕРТИКАЛЬ БЕЗ ОСНОВАНИЯ ПАДАЕТ

Народ пустили по ОКРУГАМ

Когда в уже прошедшие и далекие времена губернатор Эдуард Россель создал управленческие округа и разместил их администрации в пяти городах, тогда только самые прогубернаторские СМИ не критиковали эту идею губернатора. Причем шельмовали ее всю и довольно продолжи-

тельное время. Говорили о бесполезности новых чиновничьих структур (в чем совсем и не ошиблись), говорили о популизме губернаторской идеи (как будто другие затеи и у других публичных господ затеваются не для популизма). Но время лечит и успокаивает.

То ли свыклись с этими округами, то ли они действительно играют такую мизерную роль в области, что совсем и незаметны стали, чему, конечно, несказанно рады чиновники администраций округов, потому что более сладкой жизни, чем у них, даже в сказке про добрых джиннов не придумано: и реки молочные, и кисельные берега (это я про зарплату), и никакой ответственности, потому что когда ничего не делаешь, то и отвечать не за что.

Ни борьба с преступностью их не касается, ни проблемы ЖКХ, ни, в принципе, экономика. Так себе, что-то про медицинское страхование да про кой-какое образование иногда собираются в округе побалакать-покалякать. А на этом фоне окрестные территории округов тихо-потиху превращались в мемориальные населенные пункты эпохи правления губернатора Эдуарда Росселя.

Безработица задушила села и малые города, довела сельские территории до полной деградации. Народ стонал, народ терпел и стремительно покидал эту землю: кто просто уезжал куда глаза глядят, а кто и по-настоящему уходил в мир иной, передавая свою судьбу Господу нашему Богу и надеясь, что он-то будет более милосерден, чем губернаторы, управляющие территориями-округами, простые мэры и главы администраций. Наши люди действительно уникальные. Уже 10 лет власть говорит, что они не нужны стране — как горох о стенку.

Губернатор же определил: это хорошо для Урала. И все, что хорошо для Урала, — хорошо для России. Эти слова губернатора Росселя Москва услышала и тоже решила, что если для Урала округа так хорошо, то и для России пригодится. Москва — она думает и мыслит о счастье народа и даже сроки устанавливает, когда наш народ станет поголовно счастливым. Осталось ждать еще десять лет (срок установлен президентом).

А чтобы это счастье было более доступно народу, президент РФ создал семь федеральных округов. Я думал, что уж сейчас-то поднимется шум: мол, для чего бесполезные структуры, зачем тратить деньги на создание еще большего числа чиновников? А вот и нет. Особо никто не возмущался. Наоборот, многие очень даже радовались. «Ага, — думали, — вот вам, местные князьки и простые мэры и пэры, вот вам шас задаст полномочный представитель самого президента!» Особенно тешило всех звание «полномочный», что ассоциировалось с полной мощью.

Вообще-то в воздухе запахло страхом. Многие губернаторы и более меньшие мэры, и вся рать государственных ранговых чиновников действительно напугались. Даже перестали работать. И в этот период почувст-

вовалось облегчение народу: начала снижаться преступность, предприниматели активизировали свою деятельность и даже уже приготовились ту часть денег, что они отрывали от налогов для поддержки личной жизни чиновничьего аппарата, платить государству. Надежд было много. И хотя считается, что надежда умирает последней, на Урале она умерла сразу после рождения.

Вскоре аппарат полномочного представителя президента РФ в Уральском федеральном округе сформировался. За счет этого численность бюрократов-чиновников в Свердловской области подросла. Особо повезло жителям Екатеринбурга — все-таки президент создал рабочие места. Да и федеральное финансирование на содержание этого аппарата пошло в область немалое. То есть для нескольких сотен человек президент исполнил свое обещание и сделал их счастливыми.

Прежде была показуха, теперь — имидж власти

Значение созданных федеральных округов, конечно же, отличается от округов губернаторских в области. Во-первых, разные весовые категории. Во-вторых, из всех перечисленных задач федеральных округов было две внятных:

- привести законодательство регионов в соответствие с федеральным;
- координация деятельности федеральных структур в регионах.

Возможно, задумки и у губернатора Росселя, и у президента Путина были на самом деле хорошие, когда они решились на создание округов. И тот, и другой, наверное, мечтали приблизить власть к людям, повернуть ее лицом к народу. Возможно. На деле же оказалось, что благие намерения нечем было подкрепить по причине ужасного кадрового голода в России. И хотя на все эти должности выстроились сотни желающих, среди них не нашлось профессиональных менеджеров, способных решить задачи, поставленные президентом для федеральных округов. И набрали из того, что было. А какие кадры, таков и результат.

Надо отдать должное областным округам — они все же осознали всю нелепость ситуации, а, может, даже понимают свое место и стараются нигде не светиться. Но уровень аппарата полномочного представителя президента такого себе не может позволить. И если работа не делается, то ее надо имитировать.

Что касается первой задачи — по приведению законодательства региона в соответствие с федеральным, — можно сказать, что она выполнена. В принципе, работа была не сложная и не напряженная. Всю ее выполнили органы прокуратуры. Но это можно было сделать и без создания федеральных округов.

Что же касается основной задачи полпредства — координации деятельности федеральных структур в регионах — то тут дело не пошло. Фе-

деральные структуры не очень спешили координироваться, а аппарат полномочного и не ведал, как эту координацию делать. И до сих пор федеральные структуры области работают каждая, как хочет и как может.

Чтобы перед населением быть на высоте, аппарат полномочного начал создавать общественные приемные (помните желание президента сделать власть ближе к людям?). И пошел народ в приемные, и верили люди, что их вопросы теперь решит Петр Михайлович Латышев. 39 общественных приемных открылось на территории округа. По данным начальника отдела по работе с обращениями граждан Игоря Старовойтова, более 40 тысяч заявлений поступило в аппарат, 8 тысяч граждан побывали в аппарате на личном приеме. Правда, сам Латышев не принимает. В Свердловской области встречи с населением проводит главный федеральный инспектор Байдуков. И. Старовойтов утверждает, что 30% обращений имели положительный результат.

Наша организация ООП «Рассвет» тоже неоднократно обращалась в аппарат полномочного представителя президента с заявлениями и жалобами на бездействие органов федеральных структур, в частности, ГУВД Свердловской области и областной прокуратуры по защите законных прав и интересов граждан, рассчитывая на серьезную реакцию полпреда (мы писали о тяжких преступлениях, совершенных бандитами в отношении п. Рассвет, и о покрытии их камышловскими властями — **примеч. В.М.**) и на то, что заявления будут действительно внимательно изучены. Но в ответ получили стандартные отписки типа: «Ваше заявление на прокурора отправлено прокурору для рассмотрения и принятия мер».

Мы обращались с просьбой создать комиссию по проверке заявленных фактов совершения преступлений и сокрытия их органами следствия и прокуратуры. Получили ответ, что мы якобы неэтично поступили, обвинив органы в бездействии, что они вон уж сколько постановлений отменили по разным уголовным делам. А на самом деле прокуратура области отменяла их только тогда, когда мы подавали жалобы в суды.

После встречи наших представителей с главным федеральным инспектором В.А. Байдуковым, а мы встречались три раза, у нас сложилось впечатление, что между аппаратом полпреда и областной прокуратурой имеется договоренность имитировать деятельность борьбы с преступностью. Стиль работы аппарата настораживает. Сама обстановка в офисах также не располагает к системной работе. Мы понимаем, что часть любой административной машины не служит решительно ничему — это просто красота в чистом виде. Но столько помощниц и секретарш на одну начальствующую голову нам больше не встречалось ни в одном офисе.

Мы пришли по конкретному вопросу и по своим конкретным заявлениям. Но Виктор Анатольевич начал жаловаться нам на то, какая

трудная у него работа: вот только что приехал с аварии — вода не поступала в многоквартирный дом. Пришлось вмешаться, и вода уже пошла. Так как главный федеральный инспектор был явно не готов к серьезной беседе с нашей делегацией, то встречу перенесли. Мы, правда, настаивали на том, что проверку заявленных фактов надо было провести на месте, с выездом в район, но Виктор Анатольевич не соглашался: мол, далеко и бензин дорогой.

И вторая встреча у нас получилась не деловая. Федеральный инспектор спешил на совещание по соблюдению прав человека. Когда же в полпредство приехали жители разоренных бандитами поселков и деревень, то ни Латышев, ни Байдуков уже не пожелали говорить с народом лицом к лицу и заявили, что пришлют письменный ответ. «Лицом к лицу — лица не увидать. Большое видится на расстоянии...» Золотые эти слова поэта, возможно, доходят не до каждого, поэтому и пытаются люди увидаться на приеме с самим Латышевым и идут, и едут с надеждой на помощь, а возвращаются с убеждением, что России никто не поможет, кроме Господа Бога.

Так что мы на собственном опыте убедились (мы — это семь представителей общественных организаций Камышловского, Пышминского и Ирбитского районов, а также жители с. Галкинского и п. Рассвет Камышловского района — **примеч. В.М.**), что создана еще одна «жилетка», в которую народ может поплакаться о своей горькой доле.

Кролики тоже думали, что занимаются любовью, а на самом деле их разводили. Так и все эти «приемные» — лишь показуха якобы бурной работы полпредства на поприще защиты прав и свобод граждан в Уральском федеральном округе. Но до сих пор разгуливают по селам и деревням банды, грабят крестьян, и нет от них спасения и защиты.

Органы прокуратуры и милиции так скоординировались, что и все стали пособниками разгула преступности. А суд беспристрастным и справедливым так и не стал. Региональным же и местным органам власти стало еще более «фиолетово» — приведены их законы в соответствие с федеральными или нет. Они на них плюют с высоты своих должностей и понятий. И выходит, что хоть пять полпредов президента в каждую область посылай, хоть по три управляющих округами в каждый район губернатор направит — все равно лечиться будем дома, жить мало и умирать часто. Доверие к власти тает на глазах, а «вертикаль» без основания может упасть.

Наш президент уже задумал новую реформу. Называется она реформой административных органов и тоже направлена на улучшение жизни населения и повышение эффективности работы всех органов и всех ветвей власти. Что-то вроде панацеи от бардака в России. Только мы-то уже знаем, что каждая реформа умножает число чиновников и все больше

погружает наши села и деревни в безысходность, нищету и беспросветность. Остается напомнить президенту, губернаторам и всем другим мэрам, что если долго сидеть на одном месте, то начинаешь им думать. Но об этом в следующем номере газеты.

«Территория народной власти», № 6, 2003

ДОСТУПНОСТЬ ВЛАСТИ

Наша Конституция провозгласила, что права человека являются высшей ценностью и приоритетны по отношению к интересам государства и общества. Но на протяжении многих десятилетий и даже столетий в пределах русских земель культивировались интересы общины, царя и государства как высшие ценности. Поэтому так трудно приживаются убеждения в том, что государство создано для человека, чтобы ему жилось красиво и благополучно. Власть на службе народа, она ему подотчетна и доступна. Насколько она доступна, я расскажу на некоторых примерах Свердловских областных структур власти.

Если вы придете в холл областной прокуратуры, то увидите небольшой стенд с информацией для граждан, обращающихся в данное учреждение. На этом стенде есть график приема граждан руководством областной прокуратуры, в том числе и прокурором области, который ведет прием граждан каждый первый понедельник месяца с 9.00 до 13.00. То есть, учитывая Конституцию РФ и приоритет гражданских прав граждан России, прокурор области обязан в это время принимать граждан. Несколько раз я приезжал именно в первый понедельник месяца, но в приемной всегда отвечали, что прокурор «в командировке», «на совещании», «его пригласили к представителю УрФО» и т.д. Даже иногда предлагали идти на прием к заместителям.

Однажды я и председатель ПСХК «Интерьер» С.Г. Красноперов в очередной раз приехали в областную прокуратуру на личный прием к прокурору области. Кроме нас, еще две женщины также хотели встретиться с ним по своим вопросам. Прокурор области Борис Васильевич Кузнецов находился в отпуске. Его обязанности исполнял Г.В. Ежов. Нам сразу сказали, что и.о. прокурора занят, у него совещание и он, к сожалению, не сможет принять обратившихся граждан. Тогда С. Красноперов написал заявление на прием и попросил в приемной поставить отметку о том, что прокурор не принимает по причине проводимого совещания. Реакция специалиста была интересной: он отказался ставить такую отметку, и после небольшого согласования нам было предложено прийти на прием к и.о. прокурора чуть позже назначенного по графику времени. Следуя примеру Красноперова, такие заявления написали и другие граждане. Все они были приняты Г.В. Ежовым. Забегая немного вперед, скажу, что в ре-

зультате личной встречи и поданных заявлений со стороны прокуратуры были приняты меры удовлетворительного характера.

Нельзя сказать, что наши властные структуры напрочь закрыты от общества и недоступны для граждан. Иногда они (власть) устраивают выездные приемы в районные центры, можно сказать, власть идет в народ. Даже в газетах печатают, что вот такие-то министры или начальники будут принимать в такой-то день и время. Из опыта личного и граждан могу утверждать, что от таких приемов-встреч толку не очень много. Решаются мало-мальски вопросы, которые могли бы решиться и без вмешательства высокопоставленных особ. А вот серьезные проблемы, особенно касающиеся взаимоотношений местных властей и граждан, нарушений их прав собственности, права на получение информации об использовании местных бюджетов или уголовно-криминальных дел, где каким-то образом присутствует власть, никогда еще не решались. В лучшем случае гражданин получит уведомление, что его жалобу направили для проверки в прокуратуру района, где они и будут благополучно похоронены, а гражданину, может, повезет в том случае, если на него не откроют охоту-преследование за то, что посмел пожаловаться.

Вот почему большинство граждан не верят ни в какую силу закона и права и мирятся с унижениями, незаконными поборами, беспределом и т.д., мол, против силы не попрешь, а «ворон ворону глаз не выклюет». Поэтому иногда только вмешательство первых лиц может изменить трудно решаемую ситуацию, но для этого к ним как-то надо попасть на личный прием. А писать жалобы, обращения к ним почти бесполезно, так как письма эти на прочтение никто им не даст.

В коридоре Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области, прямо у контрольно-пропускного пункта с суровой охраной тоже есть информация для граждан о приеме их руководителями управления, в том числе начальником управления — в среду с 9.00 до 12.00.

Так получилось, что мне по служебным делам была необходима встреча с руководителем управления, и я, как положено, в среду в 10.00 был уже в приемной начальника. Доложил секретарю, кто я, и сказал, что желаю попасть на личный прием. Секретарь ответила, что начальник принимать не будет. Я спросил, не выходной ли у них сегодня, и напомнил секретарю, что этот день — среда и что у начальника прием граждан по графику, попросил секретаря напомнить ему об этом. Однако секретарь возмутилась и еще раз в грубой форме сказала мне, что начальник меня не примет и чтобы я освободил приемную, а то вызовет охрану.

Я написал заявление на имя начальника с просьбой принять меня и попросил секретаря сделать на заявлении отметку, что прием не состоялся по какой-то причине. Секретарь была явно в замешательстве. Потом

она сбегала к заместителю начальника управления, видимо, посоветоваться, и начальник управления меня принял. Правда, удивило то, что он почти не слушал меня и подписывал, не читая, какие-то документы. Извинился, что, мол, очень занят. Возможно, это и так, только во время личного приема граждан все остальные дела должны быть отложены. Граждан надо принимать достойно, ибо их права по Конституции приоритетны. И очень жаль, что в таком уважаемом учреждении, как управление юстиции, об этом забывают. Правда, начальник ссылаясь на то, что в области очень много общественных организаций и политических партий, что он и специалисты управления сильно загружены. И я так понял, что разбираться со всякого рода жалобами в управлении юстиции некому, да и некогда. Тем более если эти жалобы касаются работы учреждений Министерства юстиции.

Во вторник и в среду до обеда на третьем этаже, где расположено управление по работе с общественными организациями Минюста, всегда многолюдно. В коридоре стоят представители общественных организаций и часто подолгу. Но нет ни стульев, ни удобных кресел. Думаю, что это из неуважения Министерства юстиции к гражданам специально создаются такие условия, чтобы эти самые граждане понимали, насколько они меньше по статусу по сравнению со служащими Минюста.

28 мая, в среду мне пришлось привести заявление в Кировский суд г. Екатеринбурга для того, чтобы подать его в суд. К моему удивлению, секретарь суда заявила, что во вторник они заявления не принимают, а только по понедельникам и только после беседы с судьями. Я пояснил, что мне не обязательна беседа, а необходимо подать заявление, поэтому прошу его принять и поставить отметки на 2-м экземпляре, что они приняты в суд. А если не принимают, то поставить на том же заявлении отметку, по какой причине суд не принимает заявление со всеми полагающимися документами и уплаченной госпошлиной. Секретарь отказалась делать отметку, но все же направила на прием к судье. Судья приняла меня и тоже пояснила, что сегодня в суде заявления не принимают, а мне посоветовала отправить его почтой.

Конечно же, можно отправить и почтой. Только совсем непонятно, почему у почтальона мое заявление принимают, а доставленное лично мной в суд заявление не принимают? Ну а если у гражданина нет денег на конверты, что неудивительно, в России четверть населения живет в нищете, а сельчане на все 70% нищие. Как же им быть, особенно если переписка затянется на долгие месяцы?

Что в судах еще доступно для граждан, то это свободный вход. То есть дежурные охранники есть, но нет бесчисленной и тупой процедуры выписки пропусков. А вот в остальных учреждениях просто насмешки над налогоплательщиками. За его счет на «вахту» ставят либо мили-

ционеров, либо на вид ничуть не изработанных охранников всяких ЧОПов и ведомственных охранных служб. Процедура эта выглядит так. Вы подходите к «окошечку», у вас берут паспорт, изучают его и переписывают иногда чуть ли не все страницы. На это уходит от 2 до 5 минут, в зависимости от грамотности и расторопности «вахтера». Очень часто у «окошечка» пропусков можно наблюдать очереди, как когда-то за дефицитными продуктами.

Если жизнь заставит гражданина искать правду и защиту у уполномоченного по правам человека, то ему придется сначала найти резиденцию губернатора, под крышей которой разместили апартаменты уполномоченного по правам человека.

Сложнейшая для простого гражданина процедура записи на прием, а еще сложнее найти нужный кабинет, да если гражданин приехал из глубинки, то от роскошных коридоров и кабинетов у него точно потускнеют все его проблемы.

Я уж не буду писать о том, что сам губернатор практически недосыгаем для своего народа, окромя только предвыборных вояжей или плановых встреч с любящими избирателями.

И все же отчаиваться не надо. Если вы действительно задались целью попасть на прием к руководителю государственного или муниципального учреждения для решения какого-то своего вопроса, то в первую очередь выясните, на какой день у него назначен прием населения. Постарайтесь узнать, не в отпуске ли это начальственное лицо.

После этого заранее подготовьте свое заявление в письменной форме и, если это возможно, какие-то документы, подтверждающие аргументы вашего заявления, и смело приходите на прием.

Если не дают пропуск, то просите поставить отметку на вашем заявлении о том, что вас не пропускают в данное учреждение в положенное время.

Если вам говорят, что приема сегодня нет, то также просите поставить отметку на заявлении о том, что вас в этот день и в положенное время руководитель учреждения не принял.

Теперь у вас есть полное право подать на руководителя данного учреждения заявление в суд и потребовать компенсации — и материальной (проезд к учреждению), и моральной — за те страдания и унижения, которые вы перенесли из-за неисполнения руководителем учреждения своих обязанностей.

Настало время кардинально и, главное, сообща бороться с чиновничьим произволом, а сама бюрократическая машина не столь уж и прочная — стоит только ей бросить вызов.

«Территория народной власти», № 10, 2003

Александр СОРОКИН
(«Край», Кемерово)

«ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ...»

Заглянем в Устав

В апреле жителям Кузбасса предстоит выбрать новый состав областного Совета народных депутатов. Нет сомнений, что часть нынешних областных парламентариев пожелает, заручившись поддержкой сами знаете кого, сохранить за собой депутатские кресла. И нет сомнений, что в прессе появятся публикации типа самоотчетов, как бы подытоживающих многотрудную деятельность Совета за отпущенные ему четыре года, то есть начиная с апреля 1999-го до сего времени. В самом деле, когда же и подводить итоги, как не перед новыми выборами?

Вот и мы решили взглянуть пристально на некоторые грани деятельности областного депутатского корпуса. Начнем с такого простого вопроса, как гласность. Совет состоит из депутатов, которых мы с вами избрали для представления наших с вами интересов. Не случайно эта ветвь государственной власти именуется не только законодательной, но и «представительной». Подразумевается, что от нас с вами у парламентариев не должно быть тайн и секретов.

Это не только подразумевается, но даже и записано в Уставе Кемеровской области (статьи 28, 43), который 29 ноября 2000 г. принят был нынешним депутатским корпусом. В частности, из Устава мы можем узнать, что принятые депутатами и утвержденные губернатором законы Кемеровской области обязательно должны быть обнародованы путем официального опубликования. Под **ОФИЦИАЛЬНЫМ** опубликованием понимается их публикация в областной газете «Кузбасс», но, кроме того, законы могут **ДОПОЛНИТЕЛЬНО** публиковаться в Своде законов, «Законодательном вестнике» и т.п. Скажем, в справочнике «Законы Кемеровской области» (выпущен в 2002 году) предусмотрена специальная колонка, где против названия принятого закона должна быть непременно указана дата официального его опубликования именно в газете «Кузбасс».

Заметим, что пункт 5 статьи 43 Устава КО гласит, что законы Кемеровской области вступают в силу только после их **ОФИЦИАЛЬНОГО** опубликования... То есть, ежели какой-то закон не опубликован или опубликован неправильным образом, то он на территории области вступить в силу не может и применять его нельзя. А коли вдруг кто-то начнет его при-

менять, то обязан, видимо, немедленно вмешаться прокурор и это дело опротестовать.

Заметим также, что публиковаться должны не только областные законы, но и все постановления областного Совета народных депутатов. Никаких секретных нормативных актов облсовет принимать не вправе, такое просто не предусмотрено сферой его компетенции.

Загадочный «номер семь»

Вот с этих позиций и взглянем на гласность в работе нынешнего областного депутатского корпуса. Разного рода отчеты перед избирателями и депутатские «размышления» в средствах массовой информации тоже, конечно, являются формами гласности и делом неплохим. Но все же их роль несколько иная, поэтому оставим их пока что в стороне.

Представьте себе, вот какая любопытная вещь обнаружилась, когда мы перелопатили огромное число принятых депутатами нормативных актов. В 2000, 2001 и 2002 годах нашими депутатами принято в общей сложности 22 (!) закона, которые ОФИЦИАЛЬНО до сей поры не опубликованы, то есть действовать вроде как не должны и не могут. Это номер 7 за 2000 год, номера 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 130, 131, 132 за 2001 год, номера 2, 43, 44, 45, 57, 59, 60, 61, 62, 76, 78 за 2002 год. Впрочем, тексты большинства из этих законов все же можно отыскать в «Законодательном вестнике» (если, конечно, сумеете разыскать сам «Вестник»). Но вот закон номер 7 за 2000 год — это серьезная загадка. Он, судя по нашим безуспешным изысканиям, не опубликован вообще НИГДЕ. Даже в законодательном справочнике обнаруживаем дыру — есть номер 6 («Об областном референдуме»), есть номер 8 («Об избирательной комиссии Кемеровской области»), а номера 7 — нет как нет! И узнать, на какую он тему, нам не удалось. Можно лишь строить предположения.

А предположения возникают. Особенно если мы взглянем повнимательнее на содержание тех законов, которые областная власть отчего-то постеснялась предать огласке через газету «Кузбасс», ограничившись их воспроизведением в «Вестнике», тираж которого в последние годы съехал с 350 до 250, а потом и до 100 экземпляров. Один из выпусков даже тиражирован в количестве всего 25 (!) экземпляров. Кстати, с марта 2002 года «Вестники» перестали поступать даже в областную научную библиотеку, так что «конспирация» в облсовете крепчает. Так о чем же эти «секретные» плоды законотворчества? Быть может, они просто слишком длинны для публикации в массовой газете или, скажем, касаются мало-существенных частных вопросов? Выясняется, что вопросы в этих коротеньких законах затронуты действительно частные, но напрямую связанные с расходованием бюджета: весь блок укрытых от глаз народа законов

с 76 по 82 за 2001 год — о денежном содержании и денежном вознаграждении разного рода чиновников, 130-132 — опять «о денежном содержании» и о структуре чиновничьих должностей. Смотрим по нашему списку дальше — представьте, закон номер 2 за 2002 год — опять «о денежном вознаграждении»... И т.п.

Секретный «номер два»

Кстати, этот номер 2 — самый, как оказалось, «секретный» из всех перечисленных документов. Это именно он опубликован конспиративным тиражом 25 экземпляров в специальном выпуске «Вестника». Можно ли считать ОБНАРОДОВАНИЕМ такую публикацию? Никак нельзя, поскольку избирателям эта книжица совершенно недоступна и ни в одной библиотеке ее нет. Речь в законе идет о должностных окладах, разного рода надбавках и даже, только подумайте, о «материальной помощи» (два оклада в год) для самого председателя облсовета господина Дюдаева, «штатных» депутатов, губернатора Тулеева, многочисленных губернаторских замов, председателя обллизбиркома, председателя контрольно-счетной палаты (как же без него!) и тому подобных высокопоставленных лиц.

В общем, тенденция ясна: наша власть более всего скрывает от народа свою собственную зарплату, которую сама себе назначает, вытягивая из нашего народного кармана. Голосовать за несусветные «денежные содержания» и «вознаграждения» наши депутаты не стесняются, но вот показать это народу отчего-то застыдились. Стыдятся, ну прямо как известный персонаж из романа Ильфа и Петрова — «голубой жулик» Альхен.

Самое смешное, что если теперь эти тайные законы о «содержании» и «вознаграждении» опротестовать как официально НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ, а значит, не вступившие в силу, то всем областным начальникам вроде как придется возвращать в казну незаконно присвоенные огромные деньги. Более того, обнаружится, что некоторые высокооплачиваемые должности, введенные этими тайными законами в структуру областных ветвей власти, также до сей поры не имеют права существовать. И чиновники, их занимающие, не имеют права получать зарплату. Мы, конечно, не настолько наивны, чтобы предполагать со стороны облпрокурора, начальника Управления юстиции или хоть того же председателя контрольно-счетной палаты какой-либо радикализм в этом вопросе. Не надо радикализма, но хоть сами законы-то официально введите в действие — опубликуйте наконец для сведения избирателей, стыдливые вы наши!

Рекорды господина Шинкаренко

Если пристально взглянуть в выпуск № 6 «Законодательного вестника», датированный 20-м июля 2002 года, обнаруживается прелюбопытная

вещь. В данном выпуске опубликованы законы с номерами 57, 59, 60, 61, 62, 70, 76, 78, подписанные губернатором и переданные к обнародованию 18 июля 2002 г. Обратите внимание на космическую скорость работы господина Шинкаренко, который в Совете отвечает за подобные публикации: толстенную книжку в 256 страниц он с помощью «Кузбассвузиздата» ухитрился набрать, сверстать, сброшюровать, переплести и выпустить под цветной глянцевой обложкой всего за два дня (из коих, кстати, один — суббота).

На самом деле, по нашим сведениям, этот сборник в готовом виде поступил в облсовет лишь во второй половине сентября. В органы местного самоуправления эта пухлая брошюра и вовсе попала к концу месяца. Так в чем же, как говаривает нынешняя молодежь, тут «фишка»? В чем смысл датировки задним числом?

Ситуация очень забавная: оказывается, проекты опубликованных в сборнике законов были (в числе многих прочих) представлены депутатам на сессии в ненадлежащем виде. Вместо шапки «Кемеровская область. Закон... и т.п.» они были отпечатаны попросту на бланках облсовета, в таком виде проголосованы, подписаны губернатором и в таком же виде опубликованы в июле 2002 года на страницах газеты «Кузбасс». Поскольку среди 35 человек нынешнего депутатского корпуса нет, представьте, ни одного юриста, никто из депутатов на подобный дефект формы даже и внимания не обратил. Между тем, как уверяют нас юридически подкованные люди, проделать такое — это примерно то же, что оформить, скажем, диплом о высшем образовании на бланке свидетельства о браке. Неправильность формы автоматически ведет к недействительности нормативного акта. Эти юридически подкованные люди разъяснили нам также, что при таком казусе якобы «принятые» законы нужно отменить, принять и обнародовать заново в правильной форме, да к тому же извиниться перед избирателями за допущенный в работе Совета брак и наказать виновных.

Ничего этого не сделано и до сей поры. Зато выпущен «Вестник» с подложной датой, где форма законов с неправильной переименована на правильную. Вот так ОБНАРОДОВАНИЕ — публикация в микротиражном «Вестнике» документов, не совпадающих с теми, которые были приняты на сессии! Интересно узнать, что думает по этому поводу областное Управление юстиции и что оно намерено предпринять. Ведь «фальшивые» законы на территории Кузбасса уже более полугода де-факто действуют (и люди, занявшие кое-какие должности, созданные этими законами, уже всю получают немаленькую зарплату), хотя быть такого не должно.

«Фальшивки» на потоке

Законы и постановления областной Совет имеет право принимать только на сессиях и только при наличии кворума в 2/3 численного со-

става избранных депутатов. Никаких «заочных» форм голосования (как это иногда бывает в акционерных обществах) для депутатского корпуса не предусмотрено. Тем не менее, просматривая по датам список нормативных актов, можно увидеть, что некоторые из них «приняты» между сессиями. К таковым относятся, в частности, постановления облсовета с номерами 1174, 1175, 1176, 1499, 1500, 1539, 1540, 1621 и 1622.

Надзорные органы, мы надеемся, сумеют установить точные причины этого странного явления, мы же можем лишь высказать предположение: эти постановления председатель облсовета господин Дюдяев подписал без вынесения документов на депутатское голосование. Вероятно, надобность была неотложная — ну, скажем, щедрый на такие дела губернатор самочинно раздал какое-то количество областных наград, «позабыв», что предварительно список награжденных должны утвердить своим постановлением депутаты. А следующая сессия не скоро. Вот Геннадий Тимофеевич и вынужден принимать, как говорится, удар на себя, грубо нарушать закон. Но про награды — это отдельная тема для одной из последующих наших публикаций о деятельности областного Совета. Так что сейчас на этом задерживаться не станем.

Не знаю, что именно подразумевал недавний уважаемый гость Кузбасса, спикер Госдумы РФ Геннадий Селезнев, когда 24 января нынешнего года в прямом эфире ГТРК «Кузбасс» рассуждал о сложившейся в нашем регионе «эффективной форме сосуществования» исполнительной и законодательной властей. Куда уж эффективней — сначала закон нарушает губернатор, потом по этой причине на нарушение вынужден идти областной спикер, а потом, видя это, смиренно помалкивают в тряпочку депутаты! Хотя за такое кое-где в других облсоветах (и даже в нашем облсовете «тулеевских» времен), пожалуй, могли бы депутаты спикера и от должности отлучить.

Кстати, к приведенному уже реестру официально не опубликованных законов мы можем добавить другой реестр — официально не опубликованных постановлений областного Совета, которые тоже вообще-то обязательны к публикации. Вот этот перечень: номера 7, 8, 140, 141, 196, 314а, 317 за 1999 год, номера 392, 564, 807 за 2000 год, номера 1121а, 1239, 1338а, 1365 за 2001 год. У читателя может возникнуть вопрос: что это за буковки «а» возле некоторых номеров? В этом бы тоже неплохо разобраться надзорным органам. Но как мы предполагаем, это — следующий шаг в изготовлении облсоветом фальшивок. Нумерация постановлений должна быть сквозная, все порядковые номера за тот период уже заняты без пробелов. Вот и втискивают между двумя реальными номерами задним числом «литерный», поскольку он не голосовался Советом...

* * *

Мы тут упомянули, что среди областных депутатов нет юристов. Немудрено, ведь, как все помнят, подбирали и избирали их в Совет не по профессиональным и человеческим качествам, а по степени преданности губернатору. Но, как вы, наверное, уже поняли, прочитав данную статью, специалисты-юристы в Совете господам Дюдяеву и Тулееву вовсе не нужны. Начнут еще цепляться к процедурам, требовать соблюдения законности. А без них пресловутое «существование» куда как спокойнее...

«Край», 31.01.2003

КАДРОВЫЕ СТРАДАНИЯ

80 процентов «образованных»

Конечно, мы и прежде не обольщались насчет руководства и депутатов Кемеровского облсовета. Но все же не ожидали, что за две недели, прошедшие со времени публикации в «Крае» критического материала о нарушениях в законотворческой деятельности этого органа («Эффективная форма сосуществования», 31.01.03), данная тема будет обсуждаться в облсовете исключительно в одном направлении: кто выдал журналисту неприглядные «служебные тайны»? Ни о какой иной реакции на критику мы пока не услышали. А нам-то по наивности казалось, что обсуждать следует совершенно другое: почему столь грубые нарушения в облсовете стали возможны и кто за это ответственен. Нам хотелось бы все же получить ответ и проинформировать на этот счет читателей, которые, судя по звонкам в редакцию, крайне заинтересовались упомянутым материалом.

Что до «служебных тайн», то при нормальном (то есть соответствующем законам) уровне гласности в облсовете вся использованная в статье фактура вообще-то должна быть открыта и доступна любому избирателю для самостоятельного анализа и сопоставления. И если сегодня получить и проанализировать ее удастся лишь с использованием профессиональных журналистских возможностей, то это уже само по себе отнюдь не украшает наш облсовет и свидетельствует о ненормативных странностях в его работе...

Но продолжим анализ деятельности областного представительного органа, начатый предыдущей публикацией. Если прежде мы исследовали уровень гласности в работе облсовета, то на этот раз рассмотрим не менее увлекательную тему: кадровая политика.

Открыв специальный выпуск «Законодательного вестника», отпечатанный в апреле 2002 года «к трехлетию» со дня избрания нынешнего состава облсовета (надо же, какая важная дата — депутаты сочли возможным потратиться по такому случаю на изрядное количество собственных цвет-

ных портретов, отпечатанных на дорогой глянцевой бумаге!), на странице 22 обнаруживаем следующую информацию: «число работников аппарата с высшим образованием составляет 80 процентов». Показатель, на первый взгляд, выглядит неплохо. Но это только на первый взгляд.

Почему без конкурса?

Дело в том, что все должности, имеющиеся ныне в аппарате облсовета, относятся к категории «государственных должностей государственной службы». Причем, если судить по реестру должностей нашего облсовета, в нем нет ни одной «младшей» госдолжности, а только «главные», «ведущие», «старшие» и т.п. Уж такую высокую планку (с соответствующей зарплатой) сочли необходимым и возможным установить своей «обслуге» сами наши депутаты. Поскольку облсовет размещается в помещениях обл администрации, все технические работники (к примеру, уборщицы; они не являются госслужащими) числятся за администрацией и в штате облсовета не состоят.

И вот, представьте, в федеральном законе «Об основах государственной службы РФ» (№ 119-ФЗ от 31 июля 1995 г.) черным по белому написано, что ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, кто претендует на занятие упомянутых «главных», «ведущих» и «старших» позиций, необходимо иметь **ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ** (по профессиональному профилю или равноценное ему). Точно такое же требование содержится и в соответствующем законе Кемеровской области.

Возникает вопрос, на каком основании в аппарате Кемеровского облсовета незаконно держат на высокооплачиваемых должностях 20 процентов работников, уровень образования которых ниже установленной минимальной планки? Если бы речь шла о другом учреждении, мы, вероятно, предположили бы, что большинство этих «несоответствующих» — дети, племянники, жены и любовницы разных важных лиц, попавшие на непыльные и хлебные местечки по блату. Однако в отношении облсовета, избранного, как мы помним, по рекомендациям самого губернатора, а значит, состоящего из достойных и принципиальных людей, мы, конечно, такое предполагать не посмеем. Разве ж они потерпели бы в аппарате своего уважаемого органа позорное «блатное» безобразие!

Но, возможно, у наших законодателей есть проблемы с поиском для аппарата кадров надлежащей квалификации и приходится брать то, что, как говорится, под рукой? Повсеместная практика в подобных случаях — широкое объявление конкурсов на замещение должностей с целью выявления наиболее достойных претендентов. В отношении государственных служащих тех категорий, которые имеются в аппарате Кемеровского облсовета, федеральное законодательство (а вслед за ним и наше областное) такую практику определяет просто-таки как **ОБЯЗА-**

ТЕЛЬНУЮ. Закон «Об основах госслужбы РФ» (ст. 21, п. 7) указывает: назначение осуществляется непременно «по результатам конкурса на замещение...»

Если мы, пересмотрев вороха областных газет за четырехлетний период многотрудной деятельности нынешних депутатов, попытаемся обнаружить объявления о подобных конкурсах, нас ждет полное разочарование. Облсовет за все время «отметился» единственным таким объявлением о конкурсе на одну единственную должность в своем аппарате (в августе 2002 года), да и то, насколько мы выяснили, это было вызвано причинами специфического свойства. В целом же данное законодательное требование наш совет игнорирует, конкурсный способ замещения вакансий ему отчего-то не по душе. Получается, вроде как, что информацию о возможности претендовать на какие-то вакансии от граждан Кемеровской области утаивают, привечая в аппарате работников не слишком образованных, но, видимо, удобных по каким-то другим признакам. Кстати, не практикует открытых конкурсов на должности в своем куда более обширном аппарате и обладминистрация.

Сокращение с разбуханием

Какие там, могут сказать нам, вакансии! Откуда? Ведь губернатор, не щадя живота своего, борется за сокращение чиновничьего аппарата, и облсовет его в этом деле горячо поддерживает. Скажем, в конце 2001 года было шумно объявлено о сокращении на 20 процентов численности областных чиновников. В отношении обладминистрации проверить реальность этого сокращения затруднительно, поскольку она категорически избегает сообщать сведения о численности своего аппарата в открытой печати (так что остается верить губернатору на слово). Но касательно облсовета пресса сообщила в начале 2002 года следующее: аппарат Совета уменьшили на 3 должности, осталось в нем 54 служащих, да еще 12 депутатов, работающих на постоянной основе.

Тут удивительны два факта. Во-первых, как видим, 3 человека вовсе не составляют 20 процентов от бывшего количества. Это в несколько раз меньше. Выходит, что облсовет губернатора слушался, несмотря на показную поддержку. А во-вторых, 17 августа 2002 года, то есть спустя всего полгода после пресловутого шума о сокращении штатов, в газете «Кузбасс» появилась статья под названием «Моральный кодекс госслужащего». И в ней сообщается, что состав сотрудников Кемеровского облсовета — 74 человека!

Поскольку ни на первую информацию (про 54 служащих), ни на вторую (про 74) руководство облсовета никаких опровержений не публиковало, ситуация выглядит совершенно загадочной. Неужто, сократив троих, облсовет тут же нарастил свою численность на 20 человек? Чего тогда

стоят все эти крики о «сокращении»? Что же, избирателей одурачили? И не таким ли точно способом проводят «сокращения» прочие ветви областной власти?

Мы надеемся, что председатель облсовета г-н Дюдяев найдет возможность прояснить, наконец, вопрос и сообщит избирателям, какая цифра верна и какова истинная численность аппарата, который ведь, как ни крути, «съедает» бюджетные, то есть наши деньги. Если же обе обнародованные цифры точны и отражают реальную динамику разбухания штата в облсовете, то нам остается только вернуться к вопросу о конкурсах. Отчего два десятка человек приняты, но, в нарушение законов (федерального и областного), никаких извещений о конкурсах граждане Кузбасса не видели? И не в результате ли такой практики образовательный уровень аппарата Кемеровского облсовета никак не удается привести в соответствие с законодательными требованиями?

«Край», 14.02.2003

ПЕРЕРАСХОД ПОЦЕЛУЕВ

Рассказ про старушку

Что это мы — критикуем да ругаем депутатов нашего родного облсовета. Тут, дескать, недоработали, там недоделали... Депутатам это, конечно, обидно. Рассердившись, облсовет на редакцию недавно иск в суд подал, доказывая, что публикация в его собственном «Вестнике» — это и есть правильное обнародование законов и постановлений. А мы будто бы совершенно не правы, утверждая, что данный «боевой листок» внутреннего пользования никак не может считаться инструментом обнародования. Тираж у него крошечный (бывает 25 экземпляров), народу он не доступен, да и в статусе средства массовой информации облсовет его числит неизвестно на каком основании. Кстати, Уставом Кемеровской области вообще определено, что обнародование законов — функция вовсе не облсовета, а губернатора. Так что депутатам по этому поводу обижаться вроде как не на что. Но народные избранники все равно обиделись и усмотрели в наших статьях «подрыв» своей деловой репутации...

Между тем по Кузбассу мощно катятся волны предвыборной агитации. Областные депутаты, многие из которых намереваются продолжить свою работу в Совете, уже засеяли редакции и студии СМИ трогательными рассказами о том, как они плодотворно поработали в областном парламенте за минувшие четыре года. Так что, продолжая серию публикаций о деяниях Кемеровского облсовета («Край» за 31 января и 14 февраля с.г.), решили мы на этот раз не выбиваться из общего хора похвал — отыскиали ту сферу, где избранники потрудились с изрядным перевыполнением. С

перенапряжением сил и героической самоотдачей, перекрыв все мыслимые нормы. Речь о наградах.

Начнем с рассказа о тихой старушке. Родилась она еще на заре советской власти. Всю жизнь добросовестно трудилась на скромных, но важных для людей поприщах — воспитательницей в детских яслях, швеей в больнице. Прожила более восьми десятков годков, из которых, как вы понимаете, последние десятилетия провела на заслуженном отдыхе. И вот однажды...

Мы не знаем в подробностях, как оно было: то ли торжественно повезли бабушку в главный дом на кемеровской площади Советов, то ли на бабулином пороге вдруг возникла депутатская делегация. Не знаем, поила пенсионерка гостей чаем или обошлись без чая. Но предполагаем, что старший депутат, когда настала минута выступить вперед, посмотрел на бабушку ласково и повел речь о том, что если кое-кто думает, будто простые неприметные старушки в Кузбассе не в почете, то этот кое-кто ошибается. Очень у нас в почете старушки. Даже те, что отродясь не занимали приметных постов и великих деяний не совершали. Настолько в почете, что депутаты решили вручить скромной тихой пенсионерке областную награду, а именно медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса». Да не какой-нибудь малой степени, а сразу I-й, то есть наивысшей.

Бабушка, полагаем, удивилась. Она по телевизору наблюдала, как такие медали вручали высоким начальникам, много лет возглавлявшим огромные предприятия, заслуженным профессорам и докторам. И то — кому II-ю степень дадут, кому всего лишь III-ю. А чтобы скромной швее-пенсионерке, да еще вот так, сразу по высшему разряду... Действительно, в почете у нас старушки!

Представьте, проходит непродолжительное время — опять к нашей бабушке стучатся депутаты. Опять смотрят ласково. Мы, говорят, на днях еще одну медаль учредили. И сразу вам ее решили вручить. На этот раз «За достойное воспитание детей».

— Голубчики, — всплеснула, наверное, руками бабушка, — неужто вы уже всех других тихих старушек по всему Кузбассу медалями одарили, ежели по второму кругу ко мне пожаловали? Нет ли тут ошибки? Сынки мои уже сами к пенсионному возрасту приближаются, да и не совершали они ничего героического. В космос не летали, мировых открытий не сделали, от террористов никого не спасли. С какой стати мне такая честь?

— Примите и распишитесь, — отвечают ей депутаты. — Никакой ошибки нет. И объезжать Кузбасс нам ни к чему, потому как прочие старушечки нам без надобности. Старушка старушке рознь. И дети детям рознь...

Не буду интриговать читателя, скажу лишь, что у меня под рукой изрядный список таких ничем не примечательных бабушек, благодетельствованных областной властью. Адреса у них не только кузбасские. Сами

понимаете, бывает, что крупный областной чиновник, заместитель губернатора, глава федерального учреждения, видный хозяйственник, а то и депутат живут и трудятся в Кузбассе, а престарелые их родители обитают совсем в ином российском регионе. Но нашему облсовету география не помеха. Если бы все бабушки имели те же фамилии, что их чиновные отпрыски, вы поразились бы, сколько персон в публикуемых списках награжденных медалью «За достойное воспитание детей» совпали бы с реестром фамилий областной околוגубернаторской элиты.

Ни к чему тревожить пожилых людей, помяная их в газете персонально по столь скандальному поводу. Но, видимо, что-то они все же недоработали по части воспитания, если их влиятельные детки допускают, а то и сами провоцируют подобные неприличные награждения.

Награждение с упреждением

Более всего меня тут занимает процедура голосования. Как у них, депутатов, это происходит? Ну не могут же на весь зал в микрофон бесстыдно объявлять, что, мол, у отца заместителя губернатора на днях юбилей и потому облсовет должен сделать ему и его отцу приятное, выдав высшую областную награду! Может, депутатам раздают проект постановления единым списком, а они в своей обычной манере послушно поднимают руки «за»? Тогда данную акцию можно расценить как обман, поскольку мотив награждения и непримечательность награждаемого от народных избранников скрывают. Или господин Дюдяев, как это — судя по датам на документах — с ним иной раз случается, подписывает такие постановления самочинно, между сессиями, вовсе не вынося вопрос на голосование? В таком случае эти постановления незаконны, их нужно отменять, требуя к возврату выданные награды. Словом, как ни кинь — везде клин и тень прокурора.

Подумаешь, выдали «своим» бабушкам и дедушкам медальки! Ну, неэтично, ну, опошили областные награды, однако в чем уж тут великое прегрешение, которое требовало бы сурового прокурорского ока? Так скажет неискушенный читатель и будет не прав. Дело в том, что Закон «О наградах Кемеровской области» (№ 111-ОЗ от 11.12.2001 г., впоследствии дополнялся и изменялся) имеет несколько приложений. И если заглянуть в эти приложения, нетрудно видеть, что «удостоенные» имеют право на льготы и вознаграждения. К наградам присовокуплены разные наборы таких льгот — оплата проезда (в том числе междугородного), оплата жилищной площади и коммунальных услуг (50 процентов), компенсация стоимости санаторно-курортной путевки (не только в кузбасских санаторных учреждениях, но, скажем, и в Кисловодске с Анапой). Представляете, сколько нынче стоит путевка в кисловодский санаторий? А компенсация производится через департамент соцзащиты за счет средств областного бюджета

(недавно в закон дописали еще какие-то непонятные «иные источники», но это тоже никак не из собственного кармана льготников). Да кроме того, есть закон об областных пенсиях, где награжденные тоже не забыты. Словом, старушка с медалью куда круче, чем старушка без медали. И каждое такое награждение — посягательство на казну, а также, в какой-то мере, «отнимание» денег у других старушек, обычных, опекаемых тем же бюджетом и той же соцзащитой...

Из-за «неаккуратности» облсовета в принятии и обнародовании своих собственных постановлений (мы об этом подробно писали прежде), обозреть полную картину применения областного закона о наградах за последние годы трудно. Есть риск, что какие-то из наградных списков, особенно за последние полгода, прошли мимо нашего взора. В самом деле, к примеру, в № 7 «Законодательного вестника» перечень опубликованных постановлений заканчивается номером 1622 от 15.07.2002 (кстати, сессии в этот день не было), а в № 8 того же «Вестника» постановления начинаются с номера 1639 от 23.10.2002. Где шестнадцать недостающих постановлений? О чем они? Как они вообще могли быть приняты, если 38-я сессия была 26 июня, а следующая, 39-я, — только 23 октября? Закон об облсовете однозначно требует, чтобы постановления принимались на сессиях депутатским голосованием, а никак не по произволу господина Дюдяева и его замов.

Кстати, удивляет, почему прокуратура и областное управление юстиции так и не соизволили предпринять хоть какое-то подобие разбирательства по нарушениям законности, упомянутым в наших предыдущих публикациях о деятельности Кемеровского облсовета. Неужто нас вынуждают обратиться с этим в Министерство юстиции и Прокуратуру России?

Словом, полную наградную картину мы вам гарантировать не можем, но на кое-каких ярких моментах деятельности наших областных избранников задержимся. Начнем с принятия ими на первом году своей депутатской бытности Закона об учреждении медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» (77-ОЗ от 13.11.1999 г.). Как водится, закон этот вступает в силу со дня опубликования. Если пороемся в старой подшивке газеты «Кузбасс», то обнаружим, что опубликован закон 20 ноября. Следовательно, с этого момента можно вносить губернатору ходатайства (от организаций, предприятий и лиц) о награждении, затем губернатор должен в течение месяца каждое из этих ходатайств рассмотреть и, ежели согласен, направить в облсовет свое представление. После этого облсовет на очередной сессии ставит вопрос на голосование и принимает постановление (тоже подлежащее официальному опубликованию). Таков порядок, установленный самими депутатами.

Но что же мы наблюдаем в реальной практике кузбасских законодателей? 19 ноября (то есть ДО ОБНАРОДОВАНИЯ закона) появляется по-

становление № 267, которым 14 человек УЖЕ награждены медалью, которая ЕЩЁ не существует в системе кузбасских наград, поскольку закон не вступил в силу! Выходит, все они награждены незаконным образом?

Из года в год законодатели наращивают усердие на наградном поприще: 1999 г. — медалью «За особый вклад...» награждены 57 человек, 2000 г. — 670 человек, 2001 г. — 937 человек. В 2002 году (не очень успешном для кузбасской экономики) только до июня награждены 714 человек. Дальше мы, как уже сказано, не можем ручаться за полноту информации. Но по оценочным данным, да еще с учетом приближения 60-летия области, получается, что все мыслимые наградные рекорды многократно побиты. В этойкой суетлоке, понятное дело, не обошли вниманием и очередную порцию «своих» бабушек-дедушек.

Не трет ли «доблесть» шею?

Замечу, что медали «За особый вклад...» не копейные: 1-я степень — серебро с золотом, 2-я — серебро, 3-я — медь с никелем. Хотя, конечно, это не идет ни в какое сравнение со стоимостью новомодного ордена «Доблесть Кузбасса» (белое и желтое золото, в центре бриллиант 0,15 карата, да еще по кругу 14 бриллиантов по 0,07 карата), который по причине драгоценной тяжести носится на шее и, по нашим сведениям, стоит около 46 тысяч рублей. Но орденов пока мало, а медалки, как видим, обловует раздает тысячами. Между прочим, мы опять таки натываемся на «наградные» постановления, каким-то образом возникшие между сессиями (например, 1338а, 1364, 1442). Кто дал право председателю облсовета без разрешения депутатов раздаривать золото и серебро? К примеру, одним только постановлением №1442 от 28.03.2002 г. медалями разных степеней награждены 60 (!) человек. Знали бы известные артисты Михаил Ножкин и Елена Образцова (они в этом постановлении тоже фигурируют), что награждение их произведено незаконно, может, отослали бы медали назад.

Специальным «Положением» предусмотрено, что награждение медалью «За особый вклад...» производится по нарастанию степеней. Сначала вручают 3-ю, потом 2-ю, а уж после этого, если заслуги награждаемого со страшной силой множатся, его награждают медалью 1-й степени. И он тем самым становится полным кавалером, что дает дополнительные привилегии и льготы (ну, например, ему автоматически присваивается звание «Почетный гражданин Кемеровской области» со всеми вытекающими благами).

В отдельных случаях допускается награждение сразу медалью высшей степени, минуя низшие. Но награждение «по убыванию» степеней противоречило бы всей мировой наградной практике, да и здравому смыслу тоже.

Прочитирую несколько фраз из упомянутого «Положения» (п. 3): «Награждение медалью производится не ранее чем ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА после награждения медалью предыдущей степени... Повторное награждение медалью одной и той же степени не допускается...»

А вот цитата из Закона «О наградах Кемеровской области» (ст. 6): «Повторное награждение не одноименной наградой за новые заслуги одного и того же гражданина возможно не ранее чем ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА после предыдущего награждения, за исключением награждения за совершение героического подвига, проявленное мужество, смелость, отвагу».

Как видим, если следовать букве закона, в Кузбассе на сей момент категорически не должно быть НИ ОДНОГО полного кавалера медали «За особый вклад...» Просто по срокам не получается. И если кого-то наградили этой медалью даже 1-й степени, то ордена «Доблесть Кузбасса» ему нужно либо дожидаться не менее трех лет, либо исхитриться и, рискуя жизнью, спасти ребенка из горящего дома.

Так должно быть. Но что закон нашему облсовету? И потому полные кавалеры у нас имеются. Например, уважаемый милицейский генерал Виноградов. Не знаю, спасал он детей из огня по убыванию категории пожара или совершал какие-то иные подвиги в порядке убывания героизма, но награждали его в смешной последовательности: сначала дали медаль 1-й степени, потом 2-й, а уж после этого 3-й. А вот с не менее уважаемым архиепископом Софронием обошлись еще более странно. Сначала ему дали медаль 1-й степени, потом «понижали» заслуги до 2-й степени, а уж затем опять возвысили — наградили (не дожидаясь трех лет) орденом «Доблесть Кузбасса». Выше не бывает.

На столь поднебесном фоне прочая депутатская неразбериха с награждениями выглядит мелко и смешно. Не стану перебирать весь ворох бесчисленных нарушений, ограничусь лишь еще одним характерным примером: большую группу работников образования, включая, скажем, директора 1-й кемеровской гимназии Аглушевича, отчего-то дважды подряд наградили медалью «За особый вклад...» одной и той же 3-й степени (постановления № 977 от 22.02.2001 г. и № 1051 от 4.05.2001 г.). Второе постановление принято без отмены предыдущего, так что оба они продолжают действовать. И директора школ, если им выдали только одну медаль, могут смело требовать у облсовета еще одну. Возможно, председатель облсовета был невнимателен, поскольку слишком торопился подписать второй из упомянутых документов, где в числе прочих награждается медалью он сам да еще орава заместителей губернатора (вот она, преходящая «глория мунди» — к настоящему моменту половина этих замов уже изгнана со своих постов!).

«Предродовые» периоды у наших высших областных наград в чем-то схожи. Орден «Доблесть Кузбасса» (тот самый, с бриллиантами) был

учрежден законом № 1-ОЗ от 4.01.2002 г. Опубликован закон 11 января. В конце закона, как водится, пометка: «Настоящий Закон вступает в силу со дня его официального опубликования». Тем не менее, еще 28 декабря 2001 года, то есть за две недели до вступления закона в силу, наши депутаты ухитрились, как и в случае с медалью «За особый вклад...», наградить несуществующим орденом 8 человек! В том числе, если вам интересно, губернатора, его первого заместителя Мазикина и представителя Кузбасса в Совете Федерации Шатирова. А самому себе председатель облсовета г-н Дюдяев собственноручно подписал наградное постановление на орден с алмазами лишь спустя полгода. Экий скромник, так долго терпел!

По всему получается, что постановление № 1329 от 28.12.2001 о награждении Тулеева, Мазикина и Шатирова, а также еще пяти человек является незаконным. И если депутаты хотят, чтобы бриллиантовый орден губернаторскую шею отягощал по праву, то иного выхода нет — надо злощастное постановление отменить, проголосовав это награждение заново.

Лимит на поцелуи

Не исключено, что орден «Доблесть Кузбасса» заживет вскоре бурной и радостной жизнью. Никаких годовых лимитов на выдачу этой награды депутаты не установили. Следовательно, наши скромники развязали себе руки — можно выдавать высшую награду хоть мешками. Даже не знаем, справится ли алмазная промышленность Якутии с аппетитами наших избранников. Они ведь не только других награждают, но и себе не забывают.

Медалью «За особый вклад...» 3-й степени награждены, по нашим подсчетам, по крайней мере 25 депутатов из 35. Кое-кто из них имеет в придачу еще и 2-ю степень. Областных почетных грамот — немерено. Несколько лауреатов премии Кузбасса, несколько почетных граждан Кемеровской области (похоже, наметилась тенденция — депутаты принаровились ежегодно забирать себе часть «лауреатств» и «почетных гражданств»). Кстати, депутат Миникаев каким-то образом ухитрился стать почетным гражданином среди лета, причем незаконно — между сессиями (постановление № 1173 от 7.08.2001, подписано г-жой Бублик). А ведь присваивать это звание законом предусмотрено один раз в году, в январе, к очередной годовщине Кемеровской области. Депутат Маслов (директор Тайгинского железнодорожного техникума) густо усыпан, кажется, всеми областными наградами, кроме, разве что, медали за материнство. Но алмазная «Доблесть Кузбасса» у Маслова есть, как и у Дюдяева. Руководителя потребкооперации депутата Иткулова, случилось, награждали на одной сессии сразу несколькими областными наградами, включая кузбасское «лауреатство» (да еще и его родственни-

ков не забыли). Уж не знаю, сколько и каких геройских подвигов на своем Новокузнецком заводе резервуарных конструкций совершил депутат Крюков, но он — полный кавалер медали «За особый вклад...» (1999 г., 2002 г.).

Это ведь не кто-то их награждает, это они сами себя ухитрились одарить всеми знаками и званиями — всего за четыре депутатских года. Кроме облсовета, нет нынче другого места в Кузбассе, где такими плотными рядами сидели бы сплошь почетные герои и лауреаты. А к каждой медали и ордену — льготы, к званию — внушительное разовое вознаграждение, к почетной грамоте — премия...

На почетные грамоты до декабря 2001 года существовал лимит (70 штук в год — людям и организациям), затем депутаты его отменили, поскольку все равно не соблюдали. Теперь грамоты раздают пачками: 2000 г. — 271 штука, 2001 г. — 315 штук и т.д. По закону звание почетного гражданина Кемеровской области ежегодно можно присваивать пятерым. В 2001 году присвоили 14-ти. Число лауреатов премии Кузбасса определено в 10 человек ежегодно. В 2001 году лауреатами сделали 16 человек (с выдачей каждому, конечно же, премии в 60 минимальных окладов).

Попытались мы хотя бы по нескольким наградным позициям сделать подсчеты: сколько же наши щедрые депутаты разбазаривают и присваивают наградных средств. Однако пришлось отказаться от этого замысла, поскольку мы, конечно же, не в состоянии влезть в документацию департамента соцзащиты. А значительная часть «наградных» затрат проходит именно через это ведомство — в форме компенсаций за всевозможные льготы.

Некое подобие оценки удалось сделать лишь по почетным грамотам Кемеровской области. Если исходить из существовавшего ежегодного лимита в 70 грамот и учитывать динамику размера премии (сначала выдавали 500 рублей, потом 1000, а ныне 1150 рублей), то получается следующее. В 2000 году при выдаче грамот в пределах лимита было бы израсходовано на премии 35 тыс. рублей, фактически — 135,5 тыс. рублей. В 2001 году по лимиту было бы затрачено 70 тыс. рублей, фактически получилось 320 тыс. рублей. То есть за два года набежала цена хорошей квартиры для большой семьи врача или учителя (если не в крупных городах — то и двух квартир). А ведь грамоты — это ничтожная капля в кузбасском наградном серебряно-золочено-бриллиантовом море!

Кабы от всего этого получался перерасход лишь цветочков и поцелуев, да еще бумаги на грамоты и удостоверения, это бы не проблема. Даже ощутимый подрыв авторитета наград неумеренной их раздачей — не самая большая беда. Но тут, как видим, лихая щедрость и вызывающая нескромность бьют по казне — осуществляются за счет кармана налогоплательщиков, то есть за наш с вами счет. И за это, полагаю, нуж-

но непременно учинить спрос с нынешних депутатов. Поскольку облпрокуратура и управление юстиции (не говоря уже о смирной контрольно-счетной палате Кузбасса) с разбирательствами не спешат, то, может, хоть избиратели зададут такого рода вопросы — на тех самых предвыборных встречах, где избранники сейчас пытаются убедить народ проголосовать за них вновь.

«Край», 28.03.2003, 04.04.2003

Екатерина КОЛЕЦОВА
(«*Terra Incognita*», Санкт-Петербург)

ПРОСРОЧЕННЫЙ ЙОД

Швейцарский рецепт укрощения бюрократии

«...За столом сидит толстый господин с багровым лицом и все твердит: «Я человек серьезный! Я человек серьезный...» А на самом деле он не человек. Он гриб».

Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»

Чем больше идея сильного государства овладевает низами и верхами, тем больше гнилую прослойку волнует: нельзя ли все это как-нибудь так... ну вот это... стыдно сказать... короче, с человеческим лицом?

Причем общелиберальные эти мечтания совершенно не мешают нам низкопоклонствовать перед каждым случайным стряпчим, краснея, совать на лапу податному инспектору и раболепно исполнять самые нелепые требования первого встречного клерка. В общем, подкидывать еще лопату на могилку безвременно почившего нашего дитятки — правового государства. Немножко помечтав о вечной оттепели, мы сдались без боя и — во какой надгробный курган уже на свои мечты накидали...

Ох, что на нем вырастет...

(Ну, те, кто уговаривал всех променять свободу на сытость — опытные лохотронщики — знали, что не видать нам в итоге ни того ни другого. Как показывает история, экономика процветает пышным цветом только на правовом поле. Все экономически успешные страны прошли этап укрощения своей бюрократии. Военная же экономика под управлением государства, как в гитлеровской Германии, или плановая, как в сталинском совке, если и дают скачок, то успех неустойчив и дороговато обходится.)

Между тем — вот, живет без всякой славы, среди российских державы, человек, который не только не сдался без боя, а за всех за нас воюет. «Сильная страна — это не море чиновников. Это когда без моря чиновников законы сами исполняются» — из Карла Экштайна. Его называют «борцом против справки», и цель его жизни — уравнивать российского гражданина в правах с государством. Ничего себе утопист? Да не утопист — просто швейцарец. У них там это, оказывается, давно получилось. А нам бы не знать про то, зря не расстраиваться... Но вот, что поделаешь, поселился в Москве (19 лет назад) профессор, доктор юридических наук, эксперт по правам человека Карл Экштайн. И чем больше лиха нашего хлеба, тем больше переживает за эту страну. Говорит, что русский патриот. Такая загадочная швейцарская душа.

Впрочем, вы уже догадались — все дело в русской женщине Елене. А Саша, Алина и Россия — уже на сладкое, сами собой... типа, залезли мне в сердце девчонки, как котят в чужую кровать. Ну, так или эдак, а принял профессор русское гражданство и строит нам (за нас) пригодное для жизни правовое государство. Создал фонд распространения правовых знаний «Конституция» (www.konstituzia.ru), с которым проводит семинары в Чебоксарах, Новгороде, Красноярске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске, Екатеринбурге и Самаре. С 1995 года бесплатно читает студентам МГИМО курс «Государство и личность: правовые отношения», руководит юридической компанией «Экштайн и партнеры», помогая разным западным буржуям вложить в Россию бабки, не выложив их все до копейки. Выпускает учебники по правам человека для юристов, вузов и школьников. Считает, что деловой климат в России становится последнее время все хуже. Насчет усиливаемого президентом государства говорит вот что:

Справка — мать коррупции

— С Российской Конституцией в редакции 93-го года, если осуществить ее на практике, у страны были хорошие шансы. Сейчас, несмотря на постоянные заверения ВВП о борьбе с бюрократией, отходим от этого все дальше. Идет строительство полицейского государства. Только не надо путать его с государством правовым, где не может не быть сильной полиции, — там вся сила ее направлена на охрану прав граждан и соблюдение закона, строго в рамках Конституции. Поэтому демократию и можно обозначать словами «диктатура закона». В полицейском же государстве силовые ведомства делают что хотят, ни с законом и ни с кем больше не считаясь.

Вот пример: моих друзей, группу шведов, московская милиция за 15 минут ограбила 2 раза — на выходе из ресторана и на входе в гостиницу. Да уж, принцип держать впроголодь полицию (и судебную систему) не эко-

номит государству деньги, а наоборот. Про такие традиции я говорю: никто, ни в одной стране не ставит себе столько палок в колеса. А ведь Россия очень талантлива. Поверьте, нигде в мире вы не найдете столько умных людей, на процветающем Западе их на порядок меньше. Но эту бы энергию — да в мирных целях! А пока в России государство и граждане обманывают друг друга где только могут.

Я не хочу сказать, что на Западе все идеально. Швейцарцы не более честные люди, не лучше русских. Но вот зубы своей бюрократии подпилить они сумели. В России сейчас законов, которые противоречат один другому — полно. Значит, столько же и лазеек в них. Противоядие от этого есть. В правовом государстве основа — не сами законы, а принципы их приложения. А когда все, что можно, пытаются отдельным закончиком прописать, лазейки будут только плодиться. Вы вечно твердите, что все чиновники — сволочи или дураки, никогда не доверяете власти, а она — вам, взаимно пытаетесь друг друга прижать. Это — технический позитивизм: все прописано, все строится по нитке. Именно так живет любая диктатура. Ведь это он привел к фашизму, который чисто технически, с правовой точки зрения, и стоит на принципе: «не доверять никогда и никому».

К тому же все эти бесчисленные законы народу недоступны. В правовом государстве каждый орган, каждый комитет обязан содержать сайт с информацией о себе, гражданин заходит в любое Интернет-кафе, чтобы просмотреть любой закон и узнать, где, какой конкретный чиновник отвечает за его исполнение. А здесь даже Белый Дом, где работает правительство, скрывает от народа свои телефоны! Да, добиться правовой прозрачности трудно. Но почему бы не начать вводить ее, например, у вас в Петербурге? Ведь это один из немногих регионов, где законодательная власть автономна от исполнительной, здесь создалось пространство политических возможностей, и это надо использовать — снизить норму бюрократии на душу населения!

Предложение это Карл Экштайн сделал нам на семинаре фонда «Стратегия», где собрались не последние умы Питера. Реагировали по-разному. Эксперт ЗАКСа по образованию и культуре, будущий (будем надеяться) городской уполномоченный по правам человека Леонид Романков отметил новизну такой позиции: «Мы до сих пор боремся с волюнтаризмом, стремимся все досконально регламентировать городскими законами, и вдруг — проповедь свободного плавание чиновников в поле правовых принципов. Это действительно интересно».

С ним согласился и представитель Уставного суда Петербурга Алексей Ливеровский. По его словам, «пример с ездой на красный свет в правовом поле (при отсутствии других машин) для нашего законотворца просто сногшибателен».

Директор НИИ антикризисного управления и новых технологий «Парамита» Илья Барский поддержал предложение Экштайна, сказав: «После всех революций — 17-го, 91-го и 93-го годов, после переворота 2000-го года, когда спецслужбы и внешняя разведка привели к власти своего ставленника и сумели даже легитимизировать его правление, пора попытаться перейти к эволюционному пути развития, а это будет весьма нелегко, учитывая, что госфеодализм — фундаментальная особенность России».

За неписанный закон два писаных дают

Все согласились с Карлом Экштайном, что беда страны в плохом знакомстве населения со своей передовой и продвинутой Конституцией. Не знает своих конституционных прав, в упор не чует их нарушения не только рабоче-крестьянский класс, но и адвокатско-профессорский. Не выучили их даже судьи высших органов судебной власти! В результате нет судебной практики по защите конституционных прав, либо все вопросы при их нарушении решаются взяткой, либо граждане обращаются в суд, опираясь на сложные конструкции из любых законов, не додумавшись применить Основной.

Кроме того, многие конституционные гарантии не конкретизированы, например, право «каждого» свободно покидать страну при попытке его реализовать будет приостановлено: сначала с вас потребуют паспорт, потом, для его получения, прописку, для нее — тьму процедур, не основанных ни на одном Законе, при этом уже будут нарушены ст. 22 Конституции о праве на свободу — свободу располагать своим временем и находиться там, где хочется (а не ходить, как на работу, в паспортный стол); и ст. 35 Конституции, охраняющая имущественные права, которые сильно пострадают от множества левых, неоправданных расходов.

Именно поэтому профессор права Экштайн и предлагает России свой удивительный и непостижимый законопроект «О принципах взаимоотношений между госструктурами и отдельным гражданином», написанный на основе того, который успешно работает на его родине. Карл Экштайн рассказывает, что на Западе до 50-х годов тоже не было узаконенных правил — чего можно, чего нельзя государству. Но потом, когда армия управленцев стала слишком большой, пришлось принять меры для защиты граждан от ее произвола. С начала 60-х в западных странах начали один за другим появляться «Законы об административных процедурах», в которых конституционные гарантии были приспособлены для выяснения отношений населения с государством. И теперь чиновники могут ограничивать права и свободы людей лишь в минимальной, разумной степени. Это называется — «Принцип запрета стрельбы из пушки по воробьям», и Федеральный суд Швейцарии не раз напоминал, что этот принцип является одним из основных консти-

туционных прав. Хотя он и не записан в Конституции Швейцарии. Как так — нигде не записан, но основной? А вот $2 + 2 = 4$ небось тоже в Конституции не пишут, но ведь все равно — правда.

Карл Экштайн любит напоминать, что и в Российской Конституции, в ст. 55 сказано, что перечень указанных конституционных прав не окончателен, — значит, и нам должно стать ясно: больше двух тысяч лет развивавшееся европейское право содержит много принципов, настолько общепринятых и уважаемых всеми, что они даже не отражаются в Конституциях. Ну а при их нарушении суды руководствуются ими наряду с записанными в Конституции. Например, в Швейцарии в Конституции 1874 года не было ни слова о неприкосновенности частной собственности (просто в те досоциалистические времена никому не пришло в голову закреплять на бумаге эту святую для всех истину). Она действовала непрерывно, но в 1969 году ее таки пришлось внести в текст Конституции. Есть много других неписаных принципов, разработанных еще древнеримскими юристами, они называются субпринципами и действуют. Например, телеологическое толкование любого закона: исходя не из буквы, а из духа, то есть опираясь на ту цель, ради которой сформулирован закон, а не цепляясь за случайные недоработки в тексте его.

Для удобства граждан и их защиты от силы государства суды разделили на те, что разбирают дразги частных лиц, и на специальные административные. С этой же целью разрешили быть представителями не только адвокатам, но и любым дееспособным лицам. А сам гражданин может выступить в суде всегда, даже был случай, когда по делу о ДТП заслушали водителя, несмотря на заключение эксперта о его неспособности к этому («разрушение структуры личности»).

Недоверие к судье (эксперту и любому госчиновнику) рассматривает, в отличие от России, не сам отводимый судья, а другие лица, без участия получившего отвод.

Кстати, Карл Экштайн предлагает нам отказаться от права подавать в суд на любого сержанта или клерка. Это — кажущееся удобство, так как суды вынуждены копаться в тысячах мелких делишек, а осуждение сержантов не меняет порочной политики их ведомства. Если же будет надо, как в Швейцарии, до суда пожаловаться в две вышестоящих инстанции, то перед судом уже предстанет генерал, и придется ему — в результате одного заседания — изменить всю политику своего административного органа.

«Вы нарушили!»

Далее Карл Экштайн рассказал о некоторых принципах законопроекта, который он продвигает. Кстати, Карл обсуждал его с крупными юристами и получил полное добро.

1. Принцип равенства. Администрация обязана одинаково решать однотипные вопросы. Но до дури и это доводить не надо, например, суд признал, что различия в содержании в зоне тех, чья вина уже доказана, и еще ждущих суда — не являются нарушениями принципа равенства.

2. Принцип запрета бессмысленного применения норм. Например, чтобы получить после замужества водительское удостоверение на новую фамилию, одной даме пришлось представить 12 разных документов, в их числе — справку о том, что она не беременна.

3. Запрет произвола. Например, когда ГИБДД планирует массовые остановки и проверки водителей, которые ни в чем не подозреваются, она обязана получить разрешение суда.

4. Запрет злоупотребления правом. Например, проверка мерседеса на дороге — все в порядке. Вдруг — счастливое лицо: на бутылочке с йодом просрочен срок годности. «Вы нарушили!»

5. Принцип соразмерности между целью и методом вмешательства (слишком грубые меры не применяются для не самой жизненно важной цели), публичные интересы не перевешивают частные. Например, в Швейцарии не дали патента альпинисту, окончившему курсы горных проводников, так как он не служил в армии. Суд отменил это решение как несопоставимое, ведь нельзя судить о пригодности для службы в горах лишь по службе в армии.

6. Запрет административным органам самостоятельно выдумывать нормы, которые не вытекают из федеральных законов. Например, Минсвязи РФ недавно издало приказ предоставлять спецслужбам доступ для подслушивания всех телефонных разговоров и чтения сообщений e-mail. Опираясь этот приказ на «общую задачу спецслужб — заботу о внутренней безопасности страны». Суд был вынужден отменить этот приказ, так как ссылка на общую постоянную норму не может оправдать такого внезапного ущемления свободы граждан.

7. Принцип обоснованного доверия. В случае изменения устоявшейся практики администрация предупреждает всех заранее. Если новшество не обосновано — любой гражданин вправе обжаловать его и действовать по-старому. Это крайне важно, так как доверие к администрации может быть сохранено, только если ее действия предсказуемы. Например, скрипачка едет на гастроли. Вдруг: «вы едете, а скрипка остается! Вчера был бланк на вывоз инструмента НЧ-23, а сегодня ввели НЧ-24». Таможня не права, так как должна была через Минкульт сообщить всем «осторожно, будет изменен бланк, берите новые разрешения». Пример из жизни самого Эхштайна в России: «Несколько лет я ездил одним и тем же маршрутом и в одном месте всегда поворачивал направо. Там был знак. Каково же было мое удивление, когда из кустов выскочил милиционер и потребовал мзду. Оказывается, знак переменили, поворот делать нельзя. В любой другой

стране водителю бы сообщили об этом заранее крупными информационными щитами, а не прятались бы в кустах!»

8. Принцип «большее включает в себя меньшее» (in maiore minus). Нельзя требовать от граждан дробления вопроса по частям и лишней траты времени, если дело может быть решено одним «объемным» действием. Например, человек перевел в налоговую деньги, выясняется, что больше, чем надо — по ошибке налогового инспектора. Он обращается с требованием вернуть разницу. Тогда от него требуют перевести «правильную сумму», а потом, мол, вернут всю большую. В Европе суд встанет на сторону предпринимателя, так как его действие включало в себя нужное.

9. Запрет сверхформализма. Например, справка о месте проживания умершего — в деле о наследстве — действует только два месяца. А потом ее надо возобновлять. Как будто человек за это время воскреснет!

10. Принцип переадресации в компетентный орган. «По-русски мы узнали слово «отфутболить» — с ударением на «и» рассказывает Карл. Этот принцип делает отфутболивание бессмысленным. Получив заявление, ошибочно ему направленное, ведомство не отказывает, а само выясняет, куда надо было посылать, и переправляет туда. Например, милиция — в прокуратуру. И уведомляет граждан, куда переслали.

11. Принцип координации («одного окна»). Администрация сама должна решить, какой орган будет координировать действия, которые требуют обращений во многие госорганы (например, открытие фирмы). Этот орган, а не гражданин, и будет нести ответственность за ход процедуры. Он будет согласовывать между собой действия всех налоговых и пенсионных. Например, пенсионер в Красноярске за три года обошел 28 инстанций и так и не приватизировал свой гараж.

12. Принцип ответа со ссылкой на текст конкретного примененного закона, а не на то, что взбрело в голову чиновнику.

13. Принцип разъяснения способа обжалования, его сроков, точных адресов, куда обжаловать — и административных органов, и суда.

14. Принцип исследования. В случаях исполнения конституционных прав, например, права иметь паспорт, гражданин не должен доказывать свое существование, предоставляя государству им же, государством, выданные справки. Он не доставляет подтверждения и документы из одного ведомства в другое, он не посыльный между ними. Если один орган считает необходимым получить из другого информацию, это его проблемы, так как дело государства — исполнить закон, выдав человеку паспорт. Сам он только заявляет «я такой-то, оттуда-то», но за ложь ему грозит уголовный срок. В Швейцарии замена паспорта занимает около 10 минут и может происходить по почте. А чиновник, если сомневается, сам звонит, смотрит компьютерные базы, делает запросы. Право иметь загранпаспорт не может зависеть от шустрости гражданина, который сумеет в момент

достать справку из Магадана, что он там родился, и из Таджикистана, что он там женился.

Все происходит, как в уголовном праве: следователь же не просит обвиняемого «Принесите мне документ, подтверждающий, сколько вы украл», — он считает само собой разумеющимся, что правду об обстоятельствах дела он должен выяснить сам, опросить гражданина, поверить ему или не поверить, если не верит — искать документы, если нет документов — искать свидетелей. А вот в России недавно произошла голодовка работников какой-то провинциальной фабрики, где все документы сгорели 10 лет назад. Несчастные ткачихи теперь не могут доказать свои права на реальную пенсию, и получают грошовый минимум. Очевидно, что не они, а государство должно взять на себя восстановление документов. Если это невозможно, использовать, как сказано выше, свидетелей, косвенные доказательства. Если этого хватает суду для приговора преступнику, почему мало для дела пенсионерок?

От права силы — к силе права

— С чего же надо начать? С того, чтобы граждане России, осознав свои конституционные права, начали правильно (не голодовками) реагировать на их нарушения. Для этого мы и создали свой фонд. Только тогда, совместными усилиями мы сможем истребить столь укоренившуюся привычку ведомств выдумывать свои отдельные процессуальные правила, без конца добавлять новые требования к документам. Причем каждое новое правило держится в секрете, узнать его можно только простояв день в очереди и услышав после этого быстро и невнятно протягиванный ответ.

Система нарочно устроена так, что только тот, кто досконально разбирается в бюрократических дебрях, может в срок собрать все бумажки. В результате появляются разного рода посредники, предлагающие услуги по решению бюрократических головоломок.

Цель этих действий ясна — поставить перед человеком столько барьеров, чтобы он созрел для дачи взятки. Надуманные справки порождают и питают коррупцию. Самое плохое, что и граждане, и государство настолько привыкли к этой извращенной системе, что не видят ее в истинном свете, ведь привычное — это уже не преступное. Но там, где царит произвол бюрократии, процветанию не бывать. Вот вся суть финансовых потоков и свелась к бегству капитала. Например, мой дядя, крупный предприниматель, приехал в Россию, думая открыть свое дело. Паспорт, как положено, сдал в отеле. На улице нас останавливают для проверки документов. Просим позвонить в отель и убедиться, что паспорт сдан согласно действующему закону — отказ. Затащили нас в отделение и потребовали 200 долларов. Правда, отпустили почему-то после получения 20. Как вы думаете, согласился ли мой дядя после этого открывать здесь свое дело?

Кстати, ведь В. Путин часто упоминает, что малый и средний бизнес — опора экономики. Тогда почему он не делает ничего для того, чтобы административный беспредел перестал душить молодых бизнесменов? Ведь крупным концернам все это не мешает — они могут позволить себе держать целый штат «спецов по дружбе» с налоговой, пожарной и санитарной инспекциями. В то время как бизнесмен-одиночка тратит все свое время на борьбу с ними, и ему уже не до самого производства. Если ввести наш или подобный законопроект (а это поддерживают в Думе многие — Похмелкин, Гребенников, Романчук, Семенов и другие), все чиновники, сидящие на своем месте ради взяток, уйдут, ведь работать они не привыкли, а остальным тогда можно будет увеличить зарплату и требовать нормальной работы.

За последние годы чиновный аппарат вырос на 90% и стал тяжким грузом для государства и для населения. Я уверен, многих можно заставить уйти самих — избавиться от них и от их произвола. А то пока получается, как в песне Александра Башлачева:

*Не позволяй душе лениться
В республике свободного труда,
Твоя душа всегда обязана трудиться,
А паразиты — никогда...*

«Terra Incognita», № 1, 2003

КРИМИНАЛ И ЮСТИЦИЯ

Галина КОВАЛЬСКАЯ
(«Еженедельный журнал», Москва)

ЗАКОН ОМА ДЛЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

**Чем больше сила электрического тока,
тем быстрее человека признается в том, чего не совершал**

Семнадцатилетнего нижегородца Максима Подсвинова вызвали в милицию как свидетеля. За неделю до того в районе избили и ограбили сотрудника РУВД, и оперативники среди прочих почему-то заподозрили старшего брата Максима — Алексея. В милиции Подсвинова обыскали, надели на него наручники и принялись избивать, требуя, чтобы тот признался, будто Алексей напал на милиционера. Потом его связали веревкой, притянув ноги к скованным в наручники рукам — эта пытка называется «конверт» — и продолжали избивать. Подросток понял, что не выдержит, и сказал, что знает, кто ограбил милиционера. Назвал две первые пришедшие в голову фамилии. Его развязали и повезли по районным паспортным столам — показывали фотографии людей с такими фамилиями, чтобы Максим их опознал. Естественно, опознать он никого не мог. Тогда его привезли обратно, вновь связали в «конверт» и опять принялись бить. В конце концов измученный мальчик оговорил брата. Его отпустили. Девушка Максима и родители ужаснулись, когда его увидели: уши мальчика были фиолетового цвета, на лице и теле синяки, на шее следы веревки, он едва мог двигаться. Одновременно с Максимом в другом помещении столь же пристрасно допрашивали самого Алексея — тоже били и связывали «конвертом». Алексей терял от боли сознание, но никаких показаний против себя не дал. Несмотря на Максимовы показания, подозрения с Алексея вскоре были сняты. Родственникам Максима вместе с нижегородскими правозащитниками ценой невероятных усилий удалось добиться, чтобы оперуполномоченный Иванов, истязавший Максима, предстал перед судом. Нижегородский районный суд дал оперу пять лет шесть месяцев условно. Судебная коллегия Нижегородского облсуда отменила приговор как необоснованно мягкий. Новый суд осудил Иванова на шесть лет, опять условно. Судебная коллегия вновь не согласилась с приговором, но на сей раз президиум областного суда отменил решение судебной коллегии. Максим и его родители вместе с правозащитниками апеллировали в Верховный суд РФ. Тот оставил в силе приговор с условным сроком.

Судебная перспектива

В марте произошло важное событие, оставшееся почти незамеченным: Госдума в первом чтении приняла поправку к Уголовному кодексу, впервые выделяющую пытки отдельной статьей как самостоятельное правонарушение. Раньше у нас пытка и не числилась в списке преступлений. Новая поправка дает также юридическое определение пытки: «Пытки, то есть причинение должностным лицом либо с его ведома или молчаливого согласия иным лицом физических или нравственных страданий с целью принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также с целью наказания либо в иных целях...».

В нижегородской правозащитной организации «Комитет против пыток» считают, что принятие поправки — это серьезный прогресс. «Теперь неизбежно должны быть разработаны методические указания, как расследовать это преступление, — говорит член комитета Ольга Шепелева. — Нам будет на что ссылаться при работе со следователями, занимающимися такими делами. К тому же с появлением статьи появится и статистика преступлений. Сейчас мы просто не знаем, насколько распространены пытки». Впрочем, судить о распространенности пыток по статистике преступлений, пожалуй, не стоит. По данным того же Комитета против пыток, до суда удается довести лишь малую часть случаев, а обращается в Комитет ничтожная доля тех, кто подвергся пыткам. Нет никаких оснований полагать, что в других регионах, где такого комитета нет, ситуация лучше. Во всяком случае, когда энтузиасты из Красноярского университета опросили работников областного МВД и прокуратуры с целью выяснить, применяется ли в этих учреждениях насилие при проведении дознания, большинство опрошенных (на условиях анонимности) ответило, что насилие применяется. Уполномоченный по правам человека Олег Миронов неоднократно заявлял, что значительная доля получаемых им жалоб касается именно насилия со стороны органов милиции. К сожалению, и соответствующая статья в УК никак не гарантирует, что оперы-садисты, вроде Иванова, не будут получать условные сроки. Для того чтобы применение пыток по-настоящему расследовалось и наказывалось, нужны подлинно независимый суд (уж наверное суд присяжных не ограничился бы в этом случае условным сроком), независимая прокуратура и нетерпимость к пыткам со стороны общества. В нынешней России пока нет ни того, ни другого, ни третьего.

Правозащитники считают, что теперь необходимо принять еще и поправку в УПК: делами, связанными с пытками, должны заниматься не районные, а областные прокуратуры. «Районные прокуратуры по нескольким раз закрывают такие дела «за отсутствием в действиях работников РУВД состава преступления, — рассказала «Журналу» сотрудница Комитета против пыток, — а вышестоящие, городские или областные прокура-

туры отменяют решение о прекращении дела и вновь возвращают его на доследование в район. Так может продолжаться годами».

Семнадцатилетнего Сашу Гусева били в милиции так, что у него лопнула барабанная перепонка. У него есть соответствующая справка из травмопункта. Мало того, по свежим следам Управление собственной безопасности Нижегородского ГУВД признало факт избиения. Тем не менее с мая 2001 г. расследование с места не сдвинулось. Поначалу Автозаводская районная прокуратура вообще отказала Саше и его родственникам в возбуждении уголовного дела. В июле 2001 г. городская прокуратура не согласилась с этим решением, и дело было возбуждено. 10 сентября районная прокуратура его прекратила опять же «за отсутствием состава преступления». 28 сентября городская прокуратура отменила решение районной. 28 октября дело вновь было прекращено на районном уровне, а 17 ноября это решение было отменено, 30 декабря прекращено, 6 февраля возобновлено, 13 марта прекращено, 11 апреля возобновлено, 12 октября вновь прекращено и т.д. Конца-краю этому пинг-понгу не видно. Следователь районной прокуратуры прямо заявил Сашиному отцу, что дело «не имеет судебной перспективы». Дело того же Максима Подсвинова прекращалось пять раз. Такое поведение следователей районной прокуратуры объясняется просто: оперативное сопровождение расследований, которые ведет районная прокуратура, осуществляют как раз оперы из РУВД. Зачем же следователю или районному прокурору с ними ссориться?

Электроток

Весь Нижний знает трагическую историю Алексея Михеева. Они с товарищем поехали как-то на машине в Богородск (городок в 20 км от Нижнего) помочь родственникам на даче. Когда возвращались, остановились у магазина и там разговорились с двумя девочками. Те попросили их покатать. Одну высадили в Богородске у ее дома, а вторая заявила, что поедет с ребятами в Нижний. Ребята довезли девушку до Нижнего и высадили там, где попросила. Домой девочка ни в тот день, ни на следующий не вернулась. Милиция хватилась ее искать, подозрение, естественно, пало на Алексея. Его забрали в милицию, нашли двух лжесвидетелей, показавших, что Алексей в пьяном виде сквернословил и нарушал общественный порядок, и быстренько оформили административное задержание на пять суток. А затем подбросили ему патроны и оформили задержание еще на десять по подозрению в хранении оружия. Все это время Алексея допрашивали — требовали, чтобы он признался в изнасиловании и убийстве. Его били, размазывали окурки по лицу — он не признавался. Шутка ли, взять на себя изнасилование и убийство, которых не совершал. Сначала допрашивали в Богородском ГУВД, потом перевели в Нижний, в Ленинское РУВД. Там сразу предупредили: «У нас 99% признаются». Алексея

стали пытаться электрическим током. Он признался во всем: и в изнасиловании, и в убийстве, взял на себя еще пять нераскрытых убийств. Единственное, чего Алексей не мог сделать даже под пыткой — сказать, где труп. Истязания продолжались. Поняв, что конца им не будет, Алексей выбросился из окна. Упал он на милицейский мотоцикл и сломал позвоночник. А через два дня девушка живая и невредимая пришла домой — две недели кантовалась в Нижнем у подружек. Алексей когда-то был отличником в Политехническом институте и примерным сотрудником ГИБДД. Теперь он инвалид — у него потеряна чувствительность ног. За сломанную жизнь, за нечеловеческие муки, что он претерпел, никто не наказан.

Противогаз

В нижегородский Комитет против пыток поступило заявление от сидящего в СИЗО подследственного Дмитрия Очелкова. Корявым почерком с бесчисленными грамматическими ошибками Очелков пишет: «Меня посадили на металлический стул спиной к сейфу, наручниками пристегнули у меня за спиной, пропустив через ручку сейфа. Стали допрашивать, один из них спросил другого, есть ли противогаз, другой предложил взять его у другого сотрудника милиции. За противогазом сходили очень быстро. Его надели на меня и стали перекрывать доступ воздуха... От боли я разорвал наручники... Меня уложили на пол на живот и надели другие наручники... Кто-то из сотрудников милиции удерживал мои ноги, кто-то один сел на спину и еще один стал надевать мне противогаз и перекрывать доступ воздуха. От этого я стал терять сознание, после чего противогаз с меня сняли. После чего я почувствовал, как к указательному и безымянному пальцам левой руки прикрутили провода... Я почувствовал, как меня бьет током. Так как я ни в чем не признавался, на меня надели противогаз и одновременно перекрывали доступ воздуха и били током. Я потерял сознание, и у меня произошла непроизвольная дефекация. Сколько это продолжалось, не могу сказать, но это продолжалось долго...» Дмитрия задержали 14 февраля нынешнего года. Он ехал в машине, в которой были обнаружены краденые вещи. Машина не его, за рулем был не он, и свою причастность к краже Очелков категорически отрицает — говорит, что не знает, откуда взял вещи хозяин машины. Сотрудники милиции второй месяц выбивают из него признание в соучастии в краже. В прошлом году Очелкова уже задерживали по подозрению в угоне автомобиля. Тогда его тоже избивали и связывали «конвертом». Он терял сознание, его обливали водой и снова принимались бить. Не выдержав, он признался в угоне. Скоро выяснилось, что его показания противоречат показаниям других обвиняемых, и подозрения с Очелкова были сняты. После освобождения он был госпитализирован, лежал в хирургическом отделении, врачи зафиксировали многочисленные телесные повреждения. Тем не менее местная прокуратура поначалу отказала в возбуж-

дении уголовного дела по факту избиения. Милиционеры, допрашивавшие Очелкова, утверждали, что задержанный на первом допросе держался за грудь и говорил, что его избили накануне в подъезде. Под давлением Комитета против пыток областная прокуратура не согласилась с отказом в возбуждении уголовного дела. Потом дело несколько раз закрывали и вновь возбуждали. Пока тянулась эта бодяга, Очелков снова оказался в СИЗО.

Про Алексея Михеева написали, наверное, все областные СМИ. На защиту Дмитрия Очелкова бросаться не спешат. Про Михеева заведомо понятно, что человек пострадал совершенно безвинно. А вот Очелков — черт его знает, может, и участвовал он в краже вещей, найденных в машине. Михеев — законопослушный, примерный гражданин. Очелков — темная личность, нигде не работает, неизвестно, на что живет. Но дело в том, что милиционеры, пытая Михеева током, были тоже свято убеждены, что он и есть насильник и убийца и что перед ними чисто техническая задача: заставить его признать вину и указать, где труп. Не суд, а опер решал и решает у нас, кто виноват, а кто не виноват. И до тех пор, пока общество будет с этим мириться, пока оно не научится ужасаться самому факту пыток, независимо от того, кого им подвергают, пытать будут и виновных, и невинных.

«Еженедельный журнал», 22.04.2003

Георгий ЦЕЛМС
(«Русский курьер», Москва)

ПРОТЕСТУЙ, НЕ ПРОТЕСТУЙ...

Вот уже несколько лет подряд Верховный суд РФ

не может заставить своих нижестоящих коллег судить по закону

Вся надежда теперь на Страсбург — жалоба осужденного зарегистрирована в Европейском суде по правам человека. Неужели только угроза миллионного долларового иска к правительству России сможет вразумить отечественную Фемиду?

Правда, есть еще шанс, что в ходе слушаний, начавшихся в четвертый раз в Савеловском районном суде столицы, судьи все-таки поймут, чего требует от них вышестоящая судебная инстанция страны и закон. И исполнят свою обязанность. Тогда бывший заведующий адвокатской консулацией, а ныне заключенный иркутской исправительной колонии строгого режима Сергей Бровченко, отсидевший ни за что ни про что уже пять с половиной лет, скорее всего будет оправдан...

Пока же судебное заседание началось с очередного конфуза. Государственный обвинитель, пробубнив положенное, пообещала предоставить суду все необходимые доказательства вины подсудимого. И тут же выяснилось, что никаких доказательств нет: ни один свидетель обвинения не явился. Ну а все «вещдоки», пакет с кокаином, например, были вопреки закону давно уничтожены. Суд пришлось откладывать на месяц. Началась очередная тянучка.

Лыко, мочало — начинай сначала

Наша газета уже не раз писала об этом судебном марафоне. В 1997 г., несмотря на полное отсутствие доказательств, Сергей Бровченко был осужден за «незаконное приобретение или хранение в целях сбыта наркотического вещества в особо крупных размерах» (ч. 4, ст. 228 УК) на девять лет лишения свободы. Набирала силу кампания по борьбе с наркотиками.

Мосгорсуд, не вдаваясь в подробности, буквально в считанные дни (завидная оперативность!) «утвердил» приговор — оставил его в силе.

Но год спустя заместитель председателя Верховного суда РФ Валерий Верин, изучив жалобу защитника Натальи Галкиной, в порядке надзора опротестовал его. Однако Мосгорсуд вопреки очевидному не захотел признать свою ошибку и решением президиума протест отклонил. Москва заняла круговую оборону. Тогда Верин обратился с протестом в коллегию Верховного суда, и приговор все-таки был отменен. На сей раз Мосгорсуд уже не мог воспрепятствовать новому судебному рассмотрению: Савеловскому суду пришлось судить заново. Судили под председательством Игоря Шереметьева более восьми месяцев, но по сути так и не удосужились выполнить предписания Верховного суда. Разве что имитировали исполнение некоторых из них.

Отчего же было проявлено такое явное неуважение к Верховному суду? Его «голос» явно не совещательный (хочу — прислушаюсь, хочу — нет). По закону определение вышестоящей судебной инстанции нижестоящая должна выполнять неукоснительно. Однако не выполнила. Дело в том, что если бы районный суд поступил по закону, скорее всего пришлось бы Бровченко оправдывать вчистую. Конфуз, скандал, возмещение ущерба, и не исключено общественное возмущение — «оправдали наркодельца»! В результате человека в очередной раз бездоказательно обвинили в тяжком преступлении.

Продавец наркотика, получивший от Бровченко якобы миллион долларов, так и не был найден. Его и не искали, хотя номер машины продавца якобы засекли. Пакет с так называемым наркотиком никто не видел ни в первом, ни во втором суде. А перед повторным рассмотрением дела он был срочно уничтожен. Да и вообще, как установила защита, подписи на акте об уничтожении оказались фальшивыми. Да и вообще кокаин, если это был действительно он, полагалось передать в распоряжение Минздрава, а не

сжигать. И т.д. и т.п. Словом, никаких объективных доказательств обвинения предоставить не смогло, противоречия в показаниях свидетелей сняты не были, обвинительный приговор, так же как и предыдущий, базировался на предположениях и домыслах, что категорически запрещено законом.

Прошла еще пара лет. И вот Верховный суд снова опротестовывает приговор — слишком уж бездоказательным он выглядел. И снова те же, что и прежде, мотивы протеста.

Получив протест первого заместителя председателя Верховного суда России Владимира Радченко, Мосгорсуд на сей раз не рискует больше упорствовать и отменяет решение «нижестоящей судебной инстанции». Правда, на это уходят уже не дни, а месяцы. Теперь в Савеловском райсуде под председательством судьи Людмилы Мартыновой судят Бровченко в очередной раз. Кстати сказать, такой финал мы и предсказывали в своей публикации: «Есть все основания полагать, что и этот приговор отменит вышестоящая судебная инстанция. Ведь ничего из предписаний Верховного суда фактически не было выполнено» («Новые Известия» за 24 марта 2000 г.).

Верховный суд несколько раз указывает своим нерадивым коллегам на одни и те же серьезные нарушения закона, повлекшие вынесение неправосудного приговора. И в очередной раз предписывает их устранить. Как и год, и два года назад...

Кто заказал и кто написал сценарий боевика?

Из многих указаний надзорной инстанции приведу лишь некоторые, но и их вполне достаточно, чтобы во всей красе увидеть наше следствие и суд.

Верховный суд, а вслед за ним и городской требуют в ходе нового судебного рассмотрения проверить версию Бровченко — не имела ли место провокация, которую организовало ФСБ? У чекистов были основания, мягко говоря, не любить адвоката. В Калуге он «рассыпал» в судах несколько уголовных дел. Возбужденных по их инициативе. Особенно, видимо, раздражило эфэсбэшников «дело Белова», бывшего сослуживца, который благодаря Бровченко был оправдан. Он обвинялся в измене Родине и прочих страшных грехах. Адвокаты в Калуге не решались браться за его защиту. А когда Ольга Горшкова взялась, она вскоре была избита в подъезде собственного дома. Как свидетельствовала потом Горшкова в суде, ей при этом прямо сказали: уходи из дела. Зная все это, Бровченко тем не менее рискнул взяться за защиту Белова. И повел дело весьма успешно. Хотя, как подтверждают все его близкие, он все время опасался провокаций. Потому и старался не ездить в одиночку — брал кого-либо в попутчики. В тот роковой день не взял...

Ситуация вполне возможная: наша газета рассказывала, как против неугодного адвоката в Туле также без всяких оснований с нелегкой руки ФСБ было возбуждено уголовное дело. Из мести.

Когда «после задержания с поличным» (с «дипломатом» кокаина) Бровченко оказался в следственном изоляторе, его навестили два странных визитера: полковник московской милиции и начальник Калужского ФСБ. Будто бы они пытались устроить с ним торг: ты нам компромат на Белова, мы тебе послабление по твоему делу. Было ли это, не было — узнать невозможно. Но защитой установлено, что странная парочка действительно навешала в СИЗО подследственного, о чем свидетельствует журнал посещений. С какой бы это стати? Защита просила судью Шереметьева допросить «непроцессуальных гостей», однако тот отказал в ходатайстве. (Как, впрочем, и во всех других тоже.)

Надзорные инстанции обратили также внимание райсуда на то, что не установлен (да и не было попытки установить) продавец наркотиков. А ведь РУБОП вроде бы проводил целую операцию: слежку, погоню... На последнем же суде все, кроме одного, участники этой операции заявили, что никакой машины продавца и никакого продавца не видели. А тот, кто якобы видел, без конца путался в своих показаниях: то машина с продавцом удрала вправо, то влево... А был ли мальчик?

Судья Шереметьев и два так называемых судебных заседателя почти три года назад узнали, что «дипломат» с наркотиком изымался из машины Бровченко дважды: один раз для милицейских «киношников», второй раз при понятых. Сам же Бровченко был положен лицом на капот машины, так что видеть ничего не мог. Проще сказать, что подбросить «дипломат» в такой ситуации было легче легкого. И изъятый, по сути, без понятых и не опечатанный, он никак не мог служить «вещдоком». Однако служил.

Тогда же на суде выяснилось, что изымал «дипломат» один оперативник, а составлял протокол изъятия другой, исключительно со слов коллеги. То есть процессуальным документом его признать было нельзя, а значит, и вообще не имело оснований для возбуждения уголовного дела. Но суд и здесь не споткнулся.

Не стану больше утомлять читателя всеми этими безобразными подробностями. Приведу еще лишь одну. Следователь направляет пакет с наркотиком на экспертизу, даже не видя его. А должен был по закону в присутствии понятых не только внимательно осмотреть наркотик, но и подробно описать его в протоколе. Отнюдь не формальное требование, а страховка от подлога. В итоге это «уличающее» вещественное доказательство согласно УПК никак нельзя считать доказательством. Однако посчитали. Вот и получилась чехарда. Сначала указывается, что вес кокаина пять килограммов, затем — 2,4. Пакет не тот, что описан в протоколе изъятия. Внутри странная бирка, которая дает основание предполагать, что пользовались этим наркотиком для оперативных целей многократно. И пр., пр.

Простите, еще одна пикантная подробность. По поводу странной бечевки и бирки в пакете с наркотиками. Свидетели, они же работники РУБОП,

проводившие операцию по задержанию, через пару лет вдруг вспоминают, что этот пакет с наркотиком (и с биркой, и с бечевкой) попал якобы преступнику из отдела милиции аэропорта «Шереметьево». Стало быть, милиционеры в одной банде? И нужно срочно возбуждать уголовное дело. Но дела никакого не возбуждают. Даже не запрашивают ОВД «Шереметьево», имелся ли у них в обозримом времени кокаин в таком количестве и не исчез ли он неизвестно куда?

Тем не менее, судьей Шереметьевым буйные фантазии свидетелей принимается на веру. Интересно, как сейчас будет поступать со всем этим суд в новом составе? Ведь надзорная инстанция предписала ему установить происхождение злополучной бирки.

Кто заплатит за беззаконие? Мы с вами

Вышеприведенными фактами никого нынче не удивишь. Фальсификация, подлог, лжесвидетельства давно стали признаками почти любого следствия и суда, И то, что УПК нарушается с первой минуты задержания и до вынесения приговора, тоже сегодня дело обычное. И никто никогда, как правило, не несет за это ответственности. А ведь деяния правоохранителей (и оперов, и следователей, и прокуроров, утверждавших обвинение) подпадают здесь под целый букет статей Уголовного кодекса. А судья, который не желает этого замечать, заслуживает как минимум разбора на квалификационной коллегии и лишения сана...

Дело Бровченко обнажает еще одну жгучую проблему: издевательство над подсудимыми, находящимися под стражей, грубое попрание всех их прав. Судебная волокита длится бесконечно, жалобы не рассматриваются месяцами. Судебные перерывы также объявляются на месяц и даже на три месяца. Куда торопиться? Подсудимый сидит, а срок его идет. А если сидит безвинно?

Добро бы сидел еще в колонии, а то ведь в СИЗО, куда его доставляют по этапу на очередной суд. А там условия просто пыточные. Летом духота, жара несусветная, зимой — холод, сырость. Перенаселенность, антисанитария, сон в очередь. А этап? В тюремном вагоне, в автозаке. Людей, что сельдей в бочке. Летом это сушая душегубка, зимой можно заколечеть. По много часов не позволено даже, извините, пописать. Каждый судный день — тоже пытка. Подъем в пять утра и без завтрака многочасовое ожидание, пока машина с конвоем соберет всех подсудимых из других СИЗО. (Бензин ведь приходится экономить.) Голодные, измученные бессонницей подсудимые должны бороться в судебных слушаньях за свою свободу. Какая уж тут борьба?

Во всей этой неприличной истории больше всего поражает бессилие нашей высшей судебной власти. Судя по настойчивым протестам и отмене приговоров, там давно убеждены, что обвинение построено на песке. И сей-

час уже никаких доказательств не добыть. Значит надо прекращать дело. Или рассматривать его в Верховном суде по первой, как говорится, инстанции. И самим выносить оправдательный приговор, раз в районном суде никак не могут на это решиться. Но, похоже, в Верховном суде бояться это сделать: предпочитают, чтобы их нижестоящие коллеги сами выпутывались из скандальной ситуации.

Судье Мартыновой и придется выпутываться — отдуваться за своих коллег. Нынешний УПК («Гибрид водопровода с канализацией», как назвала его наша газета) предлагает ей на выбор две взаимоисключающих статьи. Одна требует от судьи проведения судебного следствия, то есть искать и находить доказательства вины-невиновности. Другая позволяет, взвешивая представленные доказательства сторон, выносить вердикт. Кто не сумел представить, тот опоздал. Посмотрим, какая статья этого противоречивого УПК ей больше приглянется...

Одна надежда: Верховный суд все-таки не позволит бесконечно плевать себе в лицо. Тем более, что в Страсбурге дело, похоже, будет все же рассмотрено. И тогда огромное срама и штрафа не избежать. Вот только штраф этот государство будет выплачивать из нашего с вами кармана.

«Новые Известия», 24.12.2003

ПИСАН ЛИ ЗАКОН ДЛЯ ПРОКУРОРОВ И СУДЕЙ?

Ученый, бывший эксперт ООН Вячеслав Григорьев вот уже три года проводит на себе эксперимент, должный дать ответ на этот вопрос. По его жалобам и искам выиграно уже 15 (пятнадцать) судов, но никто из злостных нарушителей закона и виновников его злоключений пока не понес наказания. Зато сам экспериментатор за это время дважды сидел в тюрьме и после избиения милиционерами стал инвалидом второй группы. Впрочем, ученый не отчаивается. Он знает, что отрицательный результат в науке тоже важен.

Начало эксперименту положило уголовное дело № 12504, возбужденное прокуратурой Московской области. Григорьева и семерых его соратников обвинили в «хищении крупной суммы денег посредством мошенничества». Большинство «подельников» — инвалиды и ветераны труда в возрасте от 64 до 83 лет.

Григорьев сотоварищи попытались реализовать идею, одобренную высшими лицами государства (Ельциным, Черномырдиным и др.). Создав общественную организацию «Народное землепользование», они скупали пустующую землю ближайшего Подмосковья и раздавали ее в пользование членам своей организации. Не все-то пользоваться этой землей VIP-персонам. Насколько знаю, от этого «мошенничества» пострадали только чиновники,

привыкшие единовластно распоряжаться землей. Почувствовав, что они лишаются своего бизнеса, чиновники организовали на Григорьева и его соратников гон.

Поначалу две попытки возбуждения уголовного дела провалились: слишком абсурдным было обвинение. Тогда дело возбудили в третий раз. И Григорьев начал свой эксперимент: он не без успеха стал доказывать незаконность уголовного преследования. Так что самое время было его арестовывать.

Из тюремной камеры Григорьев продолжал свой эксперимент: жаловался на незаконность ареста. И произошло чудо: ученого выпустили. Тут бы и остановиться экспериментатору, но он, неутомимый, попытался привлечь к ответственности лиц, виновных в незаконном лишении свободы. Тогда последовал новый арест: прокуратура заявила, что Григорьев якобы скрывается от следствия, для чего объявила его в розыск. Естественно, Григорьев никуда не скрывался (тому есть множество доказательств) и о розыске не догадывался. Это, впрочем, не мешало арестовать его вместе с женой. При чем арест проходил по всем правилам детективного жанра: вооруженная группа ОМОН штурмом взяла квартиру Григорьева и зверски его избила. Результатом захвата явились сломанные ребра и серьезная травма мозга, которая чуть не окончилась смертью.

Тем не менее 64-летний ученый не прекратил свою опасную для жизни экспериментаторскую деятельность: продолжал жаловаться. В конце концов произошло еще одно чудо: после нескольких месяцев заключения мера пресечения для него и жены была изменена на подписку о невыезде. Правда, чистоте эксперимента мешало заступничество депутатов, правозащитников и СМИ.

После этих событий пресловутое уголовное дело № 12504 девять месяцев путешествовало по судам различных субъектов Федерации: прокуроры и судьи все никак не могли решить, кому следует за него браться. Маршрут путешествия был такой: прокуратура Московской области — Мособлсуд — Мосгорсуд — опять Мособлсуд — Бабушкинский райсуд Москвы — опять прокуратура Московской области... И, наконец, дело было принято к производству в Бабушкинском райсуде. По закону на определение подсудностилагается пять дней, а тут девять месяцев! Родить можно. Несмотря на 48 томов дела и 400 страниц обвинительного заключения, следователям, очевидно, так и не удалось установить ни места, ни состава, ни события преступления. Потому и, грубо нарушая закон, неутомимо пасовали его судебские чиновники друг другу. Пока, наконец, не уломали бабушкинских служителей Фемиды. И вот на днях слушанья начались. Впрочем, тут же и были отложены на длительное время.

Естественно, Григорьев не сидел, сложа руки: продолжал исследовать нашу «правовую» систему, играя роль подопытного кролика. Сначала он

пытался достучаться до прокуратуры, сообщая о преступлениях, допущенных милицией: незаконное объявление в розыск, незаконный арест, избияния, превратившие его в инвалида и пр., пр. Прокуратура Московской области игнорировала все эти сообщения. Говоря юридическим языком, прокуратура способствовала сокрытию преступлений. Ведь на подобные сигналы обязана была немедленно реагировать. Или мотивированным отказом, или же возбуждением уголовного дела. Ничего не дали также жалобы в Генпрокуратуру. Оттуда их, как это принято у нас, в нарушение закона пересылали тем, на кого Григорьев жаловался.

Тогда ученый обратился в Мещанский районный суд Москвы с жалобами на бездействие должностных лиц. И суд мужественно признал жалобу справедливой, обязав областного прокурора (теперь уже бывшего) Э. Денисова срочно исправиться. Денисов и ухом не повел.

Опуская подробности, сообщу, что Мещанский суд 13 (!) раз признавал требования Григорьева и его коллег справедливыми и четырежды выносил «частное определение» в адрес прокуратуры. Кроме того, правоту Григорьева подтвердили также Волоколамский и Тверской суды. Однако «стражи закона» цинично игнорировали абсолютно все постановления и «частные определения» судов. Они, грубо говоря, плевали судам в лицо, демонстрируя, кто в стране хозяин. А спустя время при помощи Московского горсуда стали опротестовывать эти постановления...

Тем временем в Бабушкинском суде началось слушанье уголовного дела по обвинению Григорьева и семерых его коллег. И уже с первых минут слушаний судья А. Кузьмин начал нарушать закон: вынес несколько «неправосудных постановлений». (Это мнение не автора статьи, а Мосгорсуда.) Подсудимые направили в адрес городского суда примерно сорок кассационных жалоб. По закону в суде первой инстанции они только должны быть зарегистрированы, а затем немедленно пересланы в вышестоящую судебную инстанцию. Кузьмин же положил все жалобы на себя родимого под сукно. Григорьеву с содельниками удалось, в конце концов, сообщить об этом преступном деянии (иначе не назовешь) в городской суд. Там, изучив жалобы, отменили все постановления, состряпанные Кузьминым, признав их незаконными. И за сокрытие кассационных жалоб также не погладили судью по головке. Словом, Кузьмину пришлось расстаться с мантией. Правда, его отставка была почетной — с сохранением всех судейских привилегий.

Эстафету Кузьмина приняла председатель Бабушкинского суда Л. Зацепина: она лично решила судить Григорьева и его коллег. И сразу же несколько раз нарушила закон. Не провела, как положено, предварительное слушанье. Якобы скрывающаяся от суда 83-летнюю обвиняемую Конашевскую объявила в розыск. Хотя, как удалось доказать, престарелая женщина не была извещена о начале судебного заседания. Находящегося на больничном Шавензова также объявила в розыск, приняв решение о его аресте. С кассаци-

онными жалобами она поступила и того проще: стала возвращать их жалобщикам, утверждая, что они «не имеют основания». Вот ведь здорово! Люди жалуются в Мосгорсуд на допущенные ею беззакония, а она собственной персоной бракует эти жалобы. Естественно, подсудимые написали в Генеральную прокуратуру заявление с просьбой привлечь Л.Зацепу к уголовной ответственности по целому ряду статей УК. Генеральная переслала заявление в межрайонную прокуратуру с требованием его расследовать. Те тотчас же ответили своим начальникам, что «для возбуждения уголовного дела оснований нет». Но ученый и его коллеги продолжили эксперимент. И вот первый обнадеживающий результат. Прокуратура г. Москвы отменила «отказное» постановление межрайонной прокуратуры. Так что расследование будет продолжено. И может быть, Генеральный прокурор возбудит-таки против недобросовестной судьи уголовное дело. Пока же Зацепу освободили от обязанностей председателя суда. Чистоте эксперимента, думаю, опять помешали СМИ: выступая в прямом эфире радио «Свобода», ваш корреспондент имел возможность напрямую сообщить все эти факты председателю квалификационной коллегии судей РФ. Очень хочется надеяться, что г-н Кузнецов не оставил это сообщение без внимания.

Редакция «РК» будет следить за дальнейшим ходом «эксперимента Григорьева».

«Русский Курьер», 25.09.2003

ОБЪЕДИНЕННЫЕ БЕЗЫСХОДНОСТЬЮ

Пока депутаты Госдумы двух созывов вот уже седьмой год принимают закон об общественном контроле над местами лишения свободы, матери Кубани, доведенные до отчаяния, объединились и пытаются препятствовать пыткам, которым подвергаются в милиции их сыновья.

Чтобы понять, что происходит в милицеских застенках Краснодарского края (и, естественно, не только там), приведу отрывок из письма несовершеннолетнего Сергея Жученко. Надеюсь, читатель почувствует, что придумать такое невозможно.

«Я опорожнился от боли»

«Здравствуйте мама, папа, бабушка. У меня пока все хорошо. Мама! Я не насиловал ее, мы ее даже пальцем не тронули... Нас стали бить по яйцам, почкам, в живот, и я опорожнился от боли. Нас заставили есть испражнения. Один из нас не выдержал и сказал: «Да, мы ее изнасиловали и избили». Я не хотел оговаривать себя. Тогда меня стали колотить иглами в ухо, плоскогубцами тащили за нос, били дрыном по голове, пробili голову, отбили почки. Я стал писать кровью, но отказывался подписывать то, что от меня

требовали. Тогда завели Дениса, поставили меня на колени и заставили взять в рот его писун. И сфотографировали. Сказали, что покажут Борису в школе и скажут что «его брат — пидорас». Сказали, что повезут в КПЗ и покажут эту фотографию. И там меня все будут насиловать... В 12 часов ночи нас заставили писать явки с повинной. Мы не знали, что писать, так как ничего не совершали. Тогда нам стали диктовать, что писать. Потом нас повезли к прокурору, и я дал показания — все как было. Меня привезли в ИВС и сказали, что теперь мне хана. В эту ночь меня изнасиловали. Потом били. Я мыл сортиры, спал на полу. Нас снова привезли в прокуратуру, и на этот раз я дал показания, которые от меня требовали... Нет ведь управы на сотрудников. Никто на них не заведет уголовное дело. Это особенно относится к оперу Диме Селеванову и к Алексею Карпову, который издевался надо мной в камере. Он меня и изнасиловал. Я кричал в камере, но никому до меня не было дела. Писать больше нечего, а то сердце разорвется...»

На основании «признаний» его товарищей и самооговора Сережа был осужден «за попытку изнасилования» на четыре года лишения свободы. Осужден один из всей группы подозреваемых. Сережа из многодетной семьи. Денег на адвоката или на подкуп «должностных лиц» у его родителей не нашлось. Никто из истязателей наказан не был. Даже и проверки должным образом не проводилось. Тогда еще не существовало общественной организации «Матери Кубани». Будь она, может быть, судьба Сергея сложилась бы иначе.

Шершавым языком пикета

«Наша организация создана волею сотен кубанцев. Объединенных трагедией и безысходностью, лишенных государственной защиты своих прав и свобод, гарантированных Конституцией России. Кубань захлестнула волна судебно-правового произвола и беззакония. Бесконтрольность правоохранительных органов привела бесправных, обездоленных матерей Кубани к идее объединиться, чтобы воспрепятствовать произволу и защитить наших детей». Это отрывок из письма материнской правозащитной организации, направленного высшим должностным лицам государства и Краснодарского края. Добавлю к этим словам то, что «волна произвола и беззакония захлестнула не только Кубань, но и всю Россию. Правда, Краснодарский край, судя по письмам в редакцию, выступает в качестве явного лидера.

Рождение этой организации происходило не за «круглым столом», не в кабинетах, а прямо на улице, у дверей отделения милиции, где Татьяна Рудакова двое суток стояла в одиночном пикете. Ни холод, ни угрозы не сдвинули ее с места.

Ее сына пригласили «побеседовать» в отделение милиции «на пять минут». Домой он не вернулся. Потребовалась недюжинная энергия матери, чтобы узнать, где находится сын. Она буквально ворвалась в отделение ми-

лиции: ее не смогли остановить. Рудакова уже знала фамилию следователя, но никто не захотел показать его кабинет. Как потом выяснилось, в это время сына там избивали. В конце концов, brave милиционеры вытолкали женщину на улицу. И она встала в бессрочный пикет: «До тех пор, пока не покажут мне моего сына». Когда рядом с пикетчицей появились журналисты, сына ей на минуту показали. Следов побоев она не увидела. Били, как потом выяснилось, профессионально — по почкам. Но она увидела его глаза. Парень прошел чеченскую войну спецназовцем, был приучен к боли. Но по его глазам она поняла, что происходит что-то страшное. Мать дошла до прокурора края, доказав, что задержание было с грубейшими нарушениями закона. В конце концов его выпустили «под подписку», а через два месяца прекратили уголовное дело «за отсутствием состава преступления». И даже извинились перед матерью: «Что поделаешь? Иногда и у нас случаются ошибки». Но она знала уже к тому времени, что такие «ошибки» отнюдь не иногда, а очень часто. К ней просто толпами повалили несчастные матери со схожими историями. И все они решили, что надеяться можно только на себя. И стали действовать. Собрали, в частности, материалы по обстоятельствам гибели шестерых парней и одной девушки, смерти которых были списаны на несчастные случаи. По данным правозащитников, двое парней были убиты бывшими сотрудниками ГУИНа «как нежелательные свидетели», один сотрудниками милиции при задержании, один скончался от пыток в ИВС, один погиб в медвытрезвителе, девушку убил участковый... Матери располагали не только свидетельскими показаниями, но и врачебными заключениями, фото- и видеоматериалами. Конечно, весь этот собранный материал нуждался в проверке компетентных органов. Но краснодарские правоохранители проявили к нему полное равнодушие. Более того, власти попытались скомпрометировать лидера организации. Во время одного из пикетов чиновник из аппарата уполномоченного по правам человека (!) стал раздавать пикетчикам «справку». В ней было написано, что «Рудакова привлекалась к административной ответственности за распитие спиртных напитков в общественных местах», была дважды судима и лишь недавно освобождена. Рудакова тотчас же сделала запрос в ГУВД и получила ответ: в базе данных не значится. То есть, не привлекалась, не была судима. Можно было бы привлечь чиновников к уголовной ответственности, но на это пока нет времени. «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных» продолжают борьбу.

Пропавшие без вести

Закон предусматривает при задержании немедленно предоставлять задержанному право на один телефонный звонок. Или родным, или адвокату. В большинстве случаев это право не соблюдается. И также в большинстве случаев, как установила организация «Матери в защиту прав...» задержание, как

положено, не оформляется протоколом, запись в журнал ИВС своевременно не делается. Так что человек как бы пропадает без вести. И в этот самый момент с ним «работают». А если забудут до смерти, всегда можно выкинуть труп на улицу: попробуй, узнай, кто убил. Человек ведь «в списках не значится».

Задержание обычно происходит в 18 часов пятницы или в праздничные дни. То есть во время, когда ни до какого начальства не дозвонишься. И официального проверяльщика можно не опасаться.

Первое, что сделали матери: создали «горячую линию». Иначе, центр правовой скорой помощи. По телефону этой скорой помощи можно дозвониться круглосуточно: Татьяна Рудакова спит с мобильником в обнимку. Родные человека, увезенного в милицию, всегда могут рассказать обстоятельства задержания. И если при этом нарушается закон, что чаще всего и бывает, утром в прокуратуру уже подается жалоба. В таких ситуациях дорога каждая минута.

Важнейшей задачей было обеспечение права задержанного на телефонный звонок. Рудакова поехала в Москву и сумела добиться встречи с руководителем Главного управления собственной безопасности МВД России. Договорились о сотрудничестве. Из Москвы в Краснодар последовал звонок. И начальнику Краснодарского УСБ было разъяснено, что на Кубани начинается эксперимент по взаимодействию общественности с милицеской службой безопасности. Не знаю, насколько искренним был «договор». Но это дало возможность общественной организации «Матери в защиту прав...» напечатать специальное удостоверение для своих членов, в котором сообщалось о совместных действиях по выявлению правонарушений. А также о законном праве на телефонный звонок. Кроме того, в «удостоверении» указывались телефоны службы безопасности.

На сегодняшний день можно говорить уже о некоторых результатах. За два года своего существования организация добилась освобождения 60 незаконно задержанных. Трое (пока трое) сотрудников милиции «за превышение должностных полномочий», а точнее, за пытки осуждены. Правда, двое лишь условно. Благодаря усилиям организации удалось по протесту Верховного суда РФ дважды отменить неправосудный приговор, вынесенный Зубаилу Аслану (десять лет лишения свободы). Впрочем, местные служители Фемиды все никак не хотят признать свою ошибку...

На днях в Государственной думе состоятся парламентские дебаты, предваряющие «второе чтение» законопроекта «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания...» Наверняка предстоит особо яростная дискуссия по поводу контроля над изоляторами временного содержания. Именно в этих местах сегодня наиболее жестоко попираются права человека. Именно в этих местах пытки стали обыденным явлением. Если не верите, спросите об этом матерей Кубани.

«Русский Курьер», 04.10.2003

Зоя СВЕТОВА
(«Русский курьер», Москва)

ЗА ФАБРИКАЦИЮ ДЕЛА НИКТО НЕ ОТВЕТИТ

Анатолий Иванов мог бы войти в книгу рекордов Гиннесса как человек, который четыре года спустя после сфабрикованного против него уголовного дела добился полного оправдания и снятия судимости.

Оперативники и следователи, посадившие Иванова, и сегодня продолжают исполнять свои обязанности в правоохранительной системе. Так же, как и судьи, которые осудили его по нелепому обвинению. Таким образом, никто не ответит за то, что Иванов прервал обучение в вузе, провёл почти два года в заключении, прошёл через 8 пересыльных тюрем, сидел в камере с туберкулёзными больными.

Никогда не поднимайте с земли оружие

Студента Иванова обвинили в том, что 29 октября 1998 года он вошёл в супермаркет, имея при себе «пистолет-пулемет без номера с комплектной частью-насадкой — глушителем». По словам Анатолия, его стубило излишнее любопытство. В тот злополучный вечер он припарковал машину перед супермаркетом и собирался зайти туда за покупками. Сейчас он не может объяснить, почему обратил внимание на пакет, лежавший на дороге. Он поднял его, а когда увидел, что в нем оружие, испугавшись, бросил в урну.

Дальнейшие события развивались, как в детективном фильме. В магазине к нему подбежал неизвестный и, угрожая пистолетом, предложил лечь на пол. В тот же момент кто-то ударил его по затылку, а кто-то третий надел на него наручники. Сначала Анатолий решил, что стал жертвой бандитской разборки. Когда же он оказался в машине и сидящий рядом с водителем мужчина бросил ему на колени тот самый сверток, который он выбросил в урну, Иванов понял, что попал в настоящую переделку, из которой выпутаться будет непросто. «Держи ствол, теперь он твой», — крикнул Анатолию один из оперативников, засовывая пакет с оружием ему под куртку.

Через несколько месяцев суд приговорил Иванова к двум годам лишения свободы по статье 222, ч. 1. Кстати, сотрудники МУРа, арестованные в рамках «охоты на оборотней», обвиняются в фабрикации дел и по этой самой статье УК.

Когда Анатолий вышел на свободу, он пытался оспорить решение суда. Второй судья осудил его на два года условно, посчитав, что он, «действуя умышленно, незаконно, путем присвоения найденного, приобрел огнест-

рельное оружие». Вероятно, подобная формулировка показалась несколько странной судьям Мосгорсуда, и они отправили дело на новое рассмотрение.

И вот, с третьей попытки, 4 июня 2002 года судья Зельдина полностью оправдала Иванова. Почему? Ведь после вынесения двух обвинительных приговоров в деле не появилось никаких новых обстоятельств. Ответ прост: судья воспользовалась буквой закона.

Согласно УПК, все неустранимые сомнения, возникающие у суда, должны толковаться в пользу подсудимого. Беда в том, что эта норма применяется российской Фемидой всего в 0,04% случаев. А в «деле Иванова», как в любом сфабрикованном деле, доказательств, шитых белыми нитками, было хоть отбавляй.

К примеру, следствие ссылалось, как на доказательство вины подсудимого, на рапорт сотрудника уголовного розыска Молчанова. А в нем говорилось, что Иванов «задержан за причастность к убийству некоего Рунцова и при личном досмотре у него изъят сверток с глушителем и пистолет-пулемет. Суд обратил внимание на то, что рапорт является документом, который обычно предшествует задержанию и поэтому не может содержать сведения о том, что было изъято у Иванова.

В дальнейшем суду не было представлено никаких доказательств, что проводились какие-либо следственные действия по уголовному делу, связанному с убийством Рунцова. Поэтому-то судья задумалась: а было ли законным само задержание Иванова? Отсутствие отпечатков пальцев подсудимого на оружии суд оценил как еще одно доказательство его невиновности. Удивительно, но на двух предыдущих процессах в том же самом Гагаринском суде служители Фемиды не обращали внимания на подобные «нестыковки» следствия. Третья судья усомнилась и в результатах прокурорской проверки, из-за которой в свое время прокуратура отказалась возбудить уголовное дело против милиционеров, избивавших Иванова. Несмотря на то, что были представлены медицинские справки о нанесенных ему телесных повреждениях.

Минфин не хочет платить

После вступления приговора в законную силу Анатолий Иванов получил право на компенсацию морального вреда, причиненного ему незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным арестом, содержанием под стражей и незаконным осуждением. Он подал два иска: требование о компенсации имущественного вреда и заявление о компенсации морального вреда. И тут началось самое интересное. «Материальный вред за четыре года, потерянных моих сыном, российское правосудие оценило в 25 980 рублей 43 копейки, — говорит мать Анатолия Тамара Иванова, — а компенсацию морального вреда — в 50 тысяч рублей. И это при том, что только за услуги адвокатов я заплатила несколько тысяч долларов! На мой вопрос,

почему так мало, судья Басманного суда Вознесенский объяснил: «Радуйтесь, что столько присудили, Мосгорсуд назначил бы вам 800 рублей».

Ивановы рассчитали компенсацию морального вреда по методике за- служенного юриста РФ, профессора А.М. Эрделевского. Расчет составил 11 586 150 рублей. Так, например, незаконное задержание, сопряженное с избиениями и пытками, по базовым нормативам Эрделевского оценивается как 216 МРОТ. А незаконное привлечение к уголовной ответственности «потянуло» на 360 МРОТ.

Узнав о таком расчете, министерство финансов прислало панический отзыв, из которого выяснилось, что не существует федерального закона, регулирующего выплату морального ущерба, причиненного гражданам в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности. В подобных случаях применяется Указ президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года, что само по себе нонсенс.

Министерство финансов просило Басманный суд при определении размера компенсации ущерба учесть «требования разумности и справедливости». И судя по тому, что представитель Минфина Е.В. Никольская сочла «явно завышенным» размер компенсации, определенный истцом, речь идет о разумности и справедливости по отношению к российской казне. А Анатолий Иванов воспринял сумму, назначенную ему судом, «как унижительную подачку, которой российское государство решило за- глатить свою вину за его покалеченную жизнь».

Кстати, прошел уже год, а компенсация так и не выплачена.

Необходим федеральный закон о возмещении ущерба, который должен предусматривать механизм его взыскания не только за счет казны, но и из карманов тех, кто фабрикует дела и выносит обвинительные приговоры по таким делам, ломая судьбы невинных людей. Очевидно, что посадить всех «оборотней в погонах» все равно не удастся. Поэтому, если незаконно осужденные по их «подставам» граждане ценой собственного упорства добьются оправдания, за их страдания государство должно заплатить.

«Русский курьер», 09.07.2003

ЦЕНА ЖУРНАЛИСТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – АРЕСТ

«Адреналин и чувство страха сменились эйфорией и чувством легкой наживы. Ощущения мы испытали весьма острые, следствием которых стал довольно интересный вывод. Подросток в течение десяти минут может заработать больше, чем за полмесяца работы на государственном предприятии», — это отрывок из статьи «Почем анаша для народа?», опубликованной в еженедельнике «Калужский перекресток» от 17 октября.

Двадцатилетние калужские журналисты Глеб Гурлин и Константин Шутый поплатились за излишнее любопытство и свойственное их возрасту юношеское легкомыслие.

Хотя, казалось бы, собираясь проводить журналистское расследование о продаже наркотиков в Калуге, они должны были просчитать все возможные варианты развития ситуации. Судя по всему, предприняв такую рискованную акцию, они искали не «острых ощущений», а стремились понять, почему в Калуге под носом у сотрудников правоохранительных органов ежедневно десятки людей безнаказанно покупают и продают наркотики.

Опасная профессия

Жанр статьи был выбран в лучших традициях: «журналист меняет профессию». Корреспонденты «Калужского перекрестка» попытались внедриться в среду наркоторговцев. Они смешали мелиссу и табак из папирос «Беломорканал». Получился сбор, по виду напоминающий марихуану. С этим «товаром» молодые люди и отправились к одному из клубов в центре города, где всегда собираются наркоманы и торговцы «зельем». Что же там увидели пытливые журналисты? Больше всего их поразила возрастная состав «тусовки». Среди потребителей марихуаны оказались «школьники, и серьезные взрослые люди на дорогих машинах, и потрепанного вида пешеходы... были и такие, кого в машине ждали жены или дети (а порой и те и другие), пока глава семейства делал покупку».

Глеб и Костя довольно быстро нашли «покупателей». На их товар клонули «двое мужчин весьма простецкого вида». «Сделка» состоялась быстро и по-деловому. Через день журналисты случайно встретили любителей мелиссы и «Беломора» около того же клуба и были очень удивлены, что те изъявили желание купить еще «такой же травки». Тогда-то у ребят и появились подозрения, что их «журналистское расследование пересеклось с расследованием соответствующих органов». Но отступать они не хотели. И второй раз продали свой чайно-курительный набор. Передача «товара» происходила в машине, и ребят удивило, что «клиент» держал в руках громоздкую барсетку. Журналисты предположили, что, может быть, это была спецтехника и во время покупки проводилась съемка. Продав вторую порцию своей «травки», Глеб и Константин решили, что их расследование закончено. Они написали статью и 10 октября передали ее в редакцию «Калужского перекрестка».

Статью прочитали в ОБНОН

Через пару дней в помещении общественного Фонда гражданских инициатив пришли сотрудники Калужского ОБНОН. «Они сказали, что ищут Глеба и Константина, — рассказывает председатель Фонда Дмитрий Мартышенко. — Я очень хорошо знаю этих ребят. Мы уже несколько лет делаем совместные проекты. Глеб Гурлин — главный редактор молодежной га-

зеты «Так надо», которую издает наш Фонд. Я ничего не знал об их расследовании, но когда они появились у меня в офисе и рассказали о том, что произошло, я посоветовал им самим пойти и поговорить с оперативниками ОБНОН, поскольку они не совершили ничего предосудительного».

Как чайно-курительный сбор стал марихуаной

15 октября Гурлин и Шутый пришли давать объяснения. Из ОБНОН их отвезли в Ленинский районный отдел милиции, где им сообщили, что они подозреваются по статье 228, часть 3 УК РФ (сбыт наркотических средств неоднократно и группой лиц по предварительному сговору в крупном размере). Глеба Гурлина задержали, а с Константина Шутова взяли подписку о невыезде. По этой статье, которую на тюремном жаргоне называют «колумбийской», молодым журналистам грозит срок лишения свободы от 5 до 10 лет.

Что же произошло между 16 и 18 сентября, когда сотрудники ОБНОН произвели контрольные закупки, и 15 октября, когда было принято решение об избрании меры пресечения для двух журналистов, подозреваемых в торговле наркотиками? В материалах дела есть экспертиза, которая подтверждает наличие марихуаны в том свертке, который оперативники представили для «выдачи» в ОБНОН. Но с момента закупки до момента выдачи прошло около часа. Поэтому нет четкой уверенности в том, соответствует ли содержание этого свертка тому «чайно-курительному» набору, который журналисты продали оперативникам.

Обращает на себя внимание и другое важное обстоятельство: между «контрольными закупками» и возбуждением уголовного дела прошел почти месяц. За это время Гурлин и Шутый написали статью и передали ее в газету «Калужский перекресток». Скорее всего кто-то из сотрудников редакции сообщил о журналистском расследовании в ОБНОН. И вполне возможно, что там нашлись люди, которым не понравились выводы, сделанные авторами статьи: «Огромное количество людей завязано в системе распространения наркотиков, не говоря уже о том, что число рядовых потребителей тоже велико... проведение оперативно-разыскных мероприятий кардинально не влияет на общую картину, а время от времени лишь стимулирует повышение цен на наркотики».

Новое «калужское дело»

Один из бывших сотрудников спецслужб, которому я рассказала о деле калужских журналистов, после нескольких телефонных звонков в Калугу вынес свой вердикт: «Подстава». Что это значит? То, что Гурлин и Шутый попали в историю, из которой выбраться им будет нелегко.

Тема наркотиков в российской журналистике — почти запретная. Если изредка и появляются подобные статьи, то, как правило, информацию журналистам поставляют сотрудники специальных структур, занимаю-

щиеся борьбой с незаконным оборотом наркотиков. А в Калуге молодые журналисты, ни с кем не посоветовавшись, нарушили неписанные законы. За что, вероятно, и пострадали.

Кроме того, известны случаи, когда сотрудники правоохранительных органов «крышуют» торговлю наркотиками и не любят, когда на контролируемой ими территории появляются чужаки. Быть может, Гурлин и Шутый самовольно вторглись на чью-то «делянку».

В любом случае не могу согласиться со следствием, уверенным, что журналисты продавали марихуану. Если Гурлин и Шутый — обычные продавцы наркотиков, то зачем они «засветились», подробно рассказав в статье, где и как они это свое «зелье» продают. В данном случае, боюсь, у следователя с логическим мышлением не все в порядке. Настоящий наркоторговец вряд ли будет афишировать свою деятельность, тогда как журналист — все-таки профессия сугубо публичная. Экспертиза, конечно, вещь упрямая. Но сделана она была после того, как «чайно-курительный сбор», приготовленный Гурлиным и Шутым, был продан около клуба двум молодым людям, оказавшимся сотрудниками правоохранительных органов.

О том, что дело калужских журналистов «заказное», говорит и то, как проходил суд по ходатайству адвоката об отмене избранной меры пресечения. «Заседание суда заняло всего несколько минут, — вспоминает отец Глеба, Альберт Гурлин. — Хотя было предложено отпустить моего сына под залог, судьи отказались, что бывает крайне редко».

Глеб Гурлин и Константин Шутый известны в Калуге среди молодежи. Глеб — один из лидеров молодежного общественного объединения «Творческая группа «Так надо». Эта группа устраивает концерты, спортивно-музыкальные фестивали, пропагандирует экстремальные виды спорта. Арест молодого журналиста вызвал большой резонанс среди его сверстников. 9 декабря в Калуге перед зданием городской администрации его друзья устроили пикет. «Но многие, боясь провокаций, не пришли», — рассказывает Альберт Гурлин.

«Конечно, арест Глеба дискредитирует газету «Так надо» и косвенным образом деятельность фонда гражданских инициатив, — добавляет его председатель Мартышенко. — На 16 декабря была назначена акция против наркотиков, которую фонд собирался проводить в рамках антинаркотической программы «Первый ход».

Мартышенко заручился поддержкой главного федерального инспектора по Калужской области. Департамент здравоохранения выделил деньги на листовки. Уголовное дело против молодых журналистов серьезно осложнило эти планы.

В последние годы Калужская область часто упоминается в связи с громкими судебными процессами. Достаточно вспомнить дело отказчика от военной службы Дмитрия Неверовского, который за свои убеждения

провел полгода за решеткой и был освобожден под влиянием российского и зарубежного общественного мнения.

Другой калужский узник, ученый Игорь Сутягин, вот уже четыре года сидит в тюрьме по обвинению в шпионаже, хотя по роду своей деятельности никогда не имел доступа к секретным документам. Его дело было инициировано калужскими чекистами и в ближайшее время должно решиться в Верховном суде.

На этот раз калужские правоохранительные органы рискуют вновь стать притчей во языцех по делу о «журналистах-наркодельцах». Если предположить, что наркоторговлей у нас занимаются молодые, легкомысленные люди, подобные Гурлину и Шутому, то непонятно, почему этот бизнес в России так процветает. Боюсь, мало кто поверит в виновность калужских журналистов. Другой вопрос: найдется ли мужество у судьи усомниться в выводах следствия и прокуратуры и прислушаться к доводам разума, логики и адвокатов подсудимых?

А может быть, есть в Калуге кто-то, кому не по душе антинаркотические мероприятия и кого очень устраивает сегодняшнее положение дел: свободная продажа «зелья» и «имитация» борьбы с наркоторговцами, осуществляемая сотрудниками правоохранительных органов?

«Новые Известия», 25.12.2002

Сергей ТРУШНИКОВ
(«Звезда», Пермь)

БЫЛ У НАС В ДЕТСТВЕ ПАРНИШКА

Нос в уличной драке кому расквасят, зуб выбьют, он тут как тут — ходит по пятам, канючит: «Вот тебе повезло, мне бы так!» Гаденыш — такое прозвище к нему надолго приклеилось. В драках наших он не участвовал, стоял в сторонке, наблюдал, кто кого?

«Ну, вам и повезло, нам бы так!» — услышал я 14 ноября ушедшего года от главного редактора «Нового компаньона» Игоря Лобанова после пресс-конференции, которую мы, звездочки, дали по поводу обысков в редакции нашей газеты. Ассоциаций тогда никаких не возникло — принял за неудачную шутку, обычный прикол. Ассоциации пришли сейчас, после прочтения в последнем номере «НК» обзора «пермской прессы» под авторством И.Лобанова. Историю с обысками в нашей редакции он назвал фарсом года, сделав вывод, что визит сотрудников ФСБ «крайне выгоден в первую очередь самой «Звезде».

Это уже не шутка. Каждый, конечно, волен иметь свое мнение, думать и писать что угодно. Но должны быть еще правила профессии и просто элементарная порядочность. Меньше всего хотелось бы морализировать и тем более полемизировать с «Новым компаньоном». Там этого только и ждут. Как моська ждет шестивия слона. Не секрет и то, что в расчете на халявную рекламу объектом для нападок «НК» с самого начала выбрал «Звезду». Мы старались не замечать визгливого лая и подловатых покусываний — моська лает, слон идет. Надеялись, что повзрослеют, или их хозяева поуменьют, избавятся наконец от детских болезней.

Увы, врожденный порок перерос не просто в манию величия — газета стала дурно пахнуть. «Станным образом, — цитирую Лобанова, — визит сотрудников ФСБ в редакцию совпал, во-первых, с похожими эксцессами в Петрозаводске и Москве, а во-вторых, с 85-летием «Звезды». Лучшей рекламы нельзя было желать. Пафос защиты свободы слова оказался снижен лишь тем обстоятельством, что в поддержку «Звезды» и с однозначным осуждением действий ФСБ выступил лишь один известный публичный политик Виктор Похмелкин. Все остальные крайне сдержанно прокомментировали ситуацию либо благоразумно предпочли отмолчаться. Проявлять корпоративную солидарность журналистское сообщество также не спешило».

Вот те на! Выходит, согласовав свои действия с журналистами петрозаводской «Губернии» и московской «Версии», мы сами эти обыски и организовали? Чего здесь больше: глупости, заказухи, патологии или элементарной подлости?

Всего поднаmeshано, в том числе и вранья. Нет, не один Похмелкин. Ситуация обсуждалась в нижней палате парламента, и был запрос Государственной думы в Генеральную прокуратуру. И журналистское сообщество нас поддержало — «Независимая газета», «Московские новости», «Трибуна», радиостанции «Эхо Москвы» и «Свобода», телеканалы ТВС и НТВ, а также российские и международные правозащитные журналистские организации «Центр экстремальной журналистики», «Фонд гласности», «Репортеры без границ»...

Всех не перечислить. Хотя кое-кто из местных СМИ и промолчал. Но осуждать за это рядовых журналистов язык не поворачивается — ребята рвались в бой, но кислород им перекрыли их собственные редакционные начальники, которым, в свою очередь, было дано указание гасить тему.

Так вот в Перми с журналистской солидарностью, даже если редактор, считающий себя журналистом, радуется взхлеб бедам коллег, как это делает И. Лобанов. Кстати, от давления и силовых демонстраций никто не гарантирован, даже самый обласканный олигархами и властью. И поражает не столько вранье, сколько щенячий восторг гл. редактора «НК». Вот, мол, никто за звездинцев не заступился, а посему виноватые они, и поделом им, та-

ким-сяким! Словно под диктовку следователей ФСБ писал. Нечто подобное они нам на допросах (без протокола) тоже толкуют. Мысленно пытаюсь представить довольную ухмылку начальника следственного управления подполковника Юдинцева, читающего пресловутый обзор в «Компаньоне». Это, дескать, и есть ваша хваленая журналистская солидарность? Жрете друг друга, как пауки в банке! И за это большущее спасибо от «конторы» товарищу Лобанову. А до кучи еще и за то, что вводит в заблуждение своих читателей, утверждая, что «страсти уже улеглись»...

Не улеглись, Лобанов. ФСБ уже трижды продлевала сроки следствия. Преследования журналистов продолжаются. Чекисты, войдя в клинч, хватаются за любой повод, чтобы обвинить нас в нарушении законов и завести уголовные дела. В оправдание своего визита в редакцию. Ведь при обысках они не обнаружили ничего, что могло бы быть источником для написания той статьи, из-за которой и разгорелся сыр-бор. Зато нашли по мелочам кое-что другое, чему за неимением большего сильно обрадовались.

Здесь-то и возникают вопросы о целях визита ФСБ в «Звезду». Их не должен был обойти г. Лобанов, коли уж взялся за тему и считает себя профессионалом. Не было ли в этом визите политической целесообразности? Не заинтересован ли попутно в обыске кто-то из богатых и жаждущих власти, чтобы запугать, деморализовать «Звезду» и другие СМИ накануне выборов?

Но уж коль не дано... Чтобы задавать и искать ответы на эти вопросы, надо быть журналистом, а не нанятым мальчиком с улицы, освоившим лишь азы пиара и жанр политического доноса.

Стоп. Вот здесь начальник следствия наверняка сделал бы мне замечание. Помнится, когда разговор зашел о стукачестве, он (опять же без протокола) со стальным блеском в глазах и тоном, не терпящим возражений, говорил мне, что сотрудничать с органами безопасности обязан каждый гражданин. Не удивлюсь, если г. Лобанова пригласят редактировать стенгазету управления ФСБ. А что, опыт есть. Выпуск малотиражки для внутреннего пользования пермского чиновничества он уже освоил. Впрочем, существование подобных желтоватых газет рядом с нормальными неизбежно. Они как тараканы, куда ж без них? Только не приходят к ним фээсбэшники с обысками. Вот и страдает Лобанов, упрекая «Звезду» в том, что, не взяв под козырек перед ФСБ, она оказала тем самым «медвежью услугу как самой себе, так и всем остальным СМИ». Случись якобы нечто подобное с каким-нибудь другим изданием (между строк читается с «Компаньоном»), «кто же поверит в ущемление интересов независимых СМИ». Так снова и слышишь: «Ну и повезло вам, нам бы так!»

Не волнуйтесь, г. Лобанов, ничьих интересов вы не ущемите, удобно пристроившись на коленях местных олигархов и чиновных начальников.

Р.С. А если говорить о совпадениях, то есть одно символическое. 12 ноября, в тот самый день, когда в «Звезду» пришли с обыском, Евгений Евтушенко написал в далекой Америке такие вот строки:

*Соотечественников понесло:
так и рвутся оправдывать зло.
Так заискивают на случай
перед проволокой колючей
и готовы хоть чокнуться чаркой
с отставной человеко-овчаркой,
чтобы в будущем им повезло.*

«Звезда», 24.01.2003

СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕТ

Дело о разглашении гостайны журналистами «Звезды» рассыпалось

Это были изнуряющие дни и месяцы. Как тупая боль. Вроде бы терпимо, но ноет, саднит так, что порой хоть на стену лезь... И вот последние минуты. Самые мучительные. Мы стоим на крыльце областного суда. В нескольких шагах за закрытыми дверями судья читает приговор. И вдруг вздох облегчения. Смех. В дверях как-то неожиданно нарисовался Костя Стерледев: «Оправдали!». За ним с улыбкой до ушей другой Костя, Бахарев: «И полностью!»

Боюсь взглянуть, неужели все? 22 июля, в 16 часов 40 минут судья Пермского областного суда Евгений Герасимов произнес слова, которых многие и многие ждали не только где-нибудь в Голованово, в Перми или Москве, но и в Европе с Америкой: «Оправданы из-за отсутствия состава преступления».

Обнялись. И сразу же вспомнился «черный вторник». Так у нас в редакции окрестили 12 ноября. Тот самый день, когда к нам, в старейшую газету Прикамья, пришли с обысками. Кожаные куртки, уверенные движения, невидящие глаза. «Открывайте сейф или надену наручники». Это мне, главному редактору. Явно ищут нечто компрометирующее. Снимают жесткий диск компьютера, забирают бумаги. Под занавес увозят под охраной автоматчиков Костю Бахарева. За зубоскальство и неуважение к следователю.

Пошли допросы. Угрозы, заигрывания, шантаж. И все в рамках уголовного дела о разглашении государственной тайны в корреспонденции «Су-перагент по кличке Артем» («Звезда», 1.10.2002 г.)

Действия сотрудников ФСБ, мягко говоря, озадачивают. Какая гостайна? Субъектами данного преступления могут быть только те лица, которым

сведения, составляющие государственную тайну, переданы на законных основаниях, что и налагает на них обязанность по сохранению тайны. Журналисты Бахарев и Стерледев к их числу не относятся. Все это очевидно любому мало-мальски образованному юристу, но только не следователям ФСБ. Чувствуют они себя непогрешимыми настолько, что однажды начальник следствия подполковник Юдинцев аж заявил, ухмыляясь, Косте Стерледеву: если будет оправдательный приговор, то сниму с себя погоны.

Ох, снимет ли? А пока там, позади, изнуряющие дни и месяцы. Надо делать газету, писать репортажи и заметки, а тут — допросы, прослушки. Работа отдела криминальных расследований полностью парализована.

— А, наплевать на них, все равно женюсь! — говорит Костя Стерледев. И он женится на нашей же звездинской журналистке Наталье Калюжной. Свадьбу играют широко и весело, всем чертям назло.

А между тем в «Звезде» совсем не до шуток. Следователи грозят, что у газеты будет отнята лицензия, а Бахарева со Стерледевым не только посадят, но и лишат возможности заниматься их профессиональной деятельностью. Местные СМИ, за редким исключением, о событиях вокруг «Звезды» молчат — получили негласные указания не раздувать тему, чтобы не портить инвестиционную привлекательность региона и не разрушать демократический образ Пермской области. Следователи злорадствуют: вот ваша хваленая журналистская солидарность.

Да, какая уж солидарность, если один из телеканалов, контролируемый властью и возглавляемый бывшим офицером КГБ, твердит, что обыски в «Звезде» — это частное дело журналистов самой газеты! Потом и совсем заговаривается, будто бы пикет, организованный нашим коллективом возле здания суда, — не что иное, как пиар-акция накануне выборов. Бред какой-то!

Ощущение такое, будто в капкане. Пишу письмо губернатору. Ответа нет — есть дела поважнее. Друзья помогают достучаться до Генерального прокурора, но он поручает разбирательство областной прокуратуре, которая сама же в конце концов и подписывает обвинительное заключение, невзирая на полную его абсурдность. Знающие люди намекают шепотом: заказали вас, ребята...

Похоже. Изоляция почти полная. Поддерживают лишь, и крепко, ребята из Центра экстремальной журналистики, постоянно давая на своем сайте обзор событий. А из крупных политиков публичное заявление, осуждающее действия ФСБ, сделал один Виктор Похмелкин. Наши «обвиняемые» держатся мужественно. Стерледев сдержан и замкнут, не показывает, как на душе мутно. Бахарев, напротив, за словом в карман не лезет, по-прежнему зубоскалит, за что и заслужил, мягко будь сказано, личную неприязнь следователей. А веселиться, в принципе, уже нечего. Дело передано в суд, и журналистам грозит до четырех лет лишения свободы.

Есть отчего отчаяться. И в это, пожалуй, самое непростое время вдруг крепкое рукопожатие президента Фонда защиты гласности Алексея Кирилловича Симонова: «Держись, Сергей, мы будем за вас драться». Помощь обещает генеральный директор Российского пен-клуба Александр Ткаченко. К нам едут журналисты влиятельных московских газет и журналов. Оживились их собственные корреспонденты в Перми. Одна за другой в российской и зарубежной прессе появляются публикации об уголовном преследовании пермских журналистов, выполняющих свой профессиональный и общественный долг. Идут письма и телеграммы поддержки от авторитетных главных редакторов региональных газет — Василия Балдицына («Ставропольская правда»), Бориса Киршина («Челябинский рабочий»), Владимира Павловского («Красноярский рабочий»). Встревожены международные правозащитные организации. А самое главное, в процесс вступает Юрий Маркович Шмидт — один из золотой десятки российской адвокатуры.

Правозащитник с большой буквы. Таких уже, пожалуй, в этой стране не осталось. Или почти не осталось. Вот что пишет о нем знаменитый Генри Резник: «11 декабря 1996 года, 15 часов 15 минут. Мы со Шмидтом на приеме у заместителя Генерального прокурора с жалобой по делу Никитина. Требуем изменения меры пресечения — освобождения обвиняемого из-под стражи. Михаил Катышев слушает наши доводы, листает документы защиты. Вдруг как выстрел: «Я освобождаю Никитина. Надо уметь признавать свои ошибки». Выходим, потрясенные, в приемную. Там роятся ожидающие вызова сотрудники. Смотрим друг на друга. И... крепко обнимаемся на глазах у всех. Но что это? Я ощущаю подрагивание плеч, чувствую соленую влагу на шее (Шмидт на голову ниже меня). Господи, да не в состоянии мы воспринять, конечно же, ироническую заповедь английских коллег: «Адвокат, защищая, помни: расстреляют не тебя». Если мы, русские адвокаты, убеждены в невинности подзащитного, нас вместе с ним расстреливают, вместе с ним мы сидим в тюрьме, вместе болеем, вместе страдаем. Спасибо тебе, Юра, за момент истины, за миг справедливости. Такие мгновения делают прекрасней нашу с тобой адвокатскую профессию».

Мы с ним подолгу беседуем длинными вечерами после судебных заседаний. Как-то, осмелившись, я спросил: «Зачем это вам, Юрий Маркович, надо? Ни денег, одни переезды, перелеты...» Он не обиделся, улыбнулся: «Да, сам я сейчас редко участвую в процессах, но в вашем деле я увидел огромное общественное и политическое значение для современной России. Поэтому я и здесь».

Профи есть профи. В тандеме с пермским адвокатом Эдуардом Полежаевым, успешно вписавшимся в процесс, Шмидт виртуозно разваливает ходы и доводы обвинения. И прокурор уже просит обвиняемым условные сроки наказания.

Блестящая речь Юрия Марковича в прениях сторон наверняка войдет когда-нибудь в учебники юрфаков. Говорил он не столько о перипетиях с гос-

тайной, сколько о профессиональном и общественном долге журналистов. Ведь они, Стерледев и Бахарев, узнав, что опасный преступник вооружен и разгуливает на свободе, просто обязаны были предать гласности этот вопиющий факт. «Да, мы преследовали именно эту цель», — подтвердили подсудимые на процессе. Я также заявил на допросе в суде о том, что несколько не жалую о публикации — человек, отравляющий наших детей наркотиками и осужденный за это, не должен, гуляя на свободе, плевать на правосудие...

Кстати, о том, из-за кого сыр-бор. Наркотогровец Гелий Богданов участвовал в судебном заседании в качестве потерпевшего. Хотя и находился в железной клетке, чувствовал себя уверенно. Словно под диктовку пытался запутать подсудимых и свидетелей каверзными вопросами. Угрожал. Бил на жалость суда. Умный и жестокий негодяй, он все никак не мог успокоиться из-за того, что газетная публикация лишила его баснословных доходов от наркотогровли. Стерледев, кстати, вообще отказался отвечать на вопросы этого так называемого потерпевшего. Так прямо и заявил, что Богданов был специально внедрен криминальным миром в агентурную сеть МВД...

Вот кого, преследуя журналистов, так рьяно защищают спецслужбы. И, надо думать, немало мужества и профессионализма потребовал от судьи Евгения Герасимова оправдательный приговор. Уверен, что его решение также войдет в анналы судебной практики новейшей российской истории. Пермский процесс действительно беспрецедентен: впервые за разглашение государственной тайны судили гражданских журналистов, не имеющих к этой самой тайне никакого отношения. «Поскольку журналисты оправданы за отсутствием состава преступления, значит, суд разделит позицию защиты и подтвердил, что журналист не является субъектом ответственности за разглашение государственной тайны», — прокомментировал из Санкт-Петербурга адвокат Ю.Шмидт. — Мы боролись за утверждение этого принципа, за свободу слова, и очень важно то, что удалось создать такой прецедент», — добавил Юрий Маркович.

Сейчас нас поздравляют. Да, мы не сдались. Звездинцы выстояли и выиграли. Но на сердце все равно тревожно. Не уверен, что те, кто почти год преследовал газету и журналистов, успокоятся. Не станут прослушивать, внедрять агентуру, собирать компромат... Эх, эти бы силы и средства да на реальную борьбу с реальной преступностью! Вот и антитеррористические учения «неуд» в Перми получили...

Сделают ли вывод? Что победит — амбиции или закон?

Я же лично как редактор вывод сделал такой. Одной из главных линий газеты должна стать правозащитная тема. На собственной шкуре ведь убедились, как дела у нас фабrikуют.

Р.С. Через шесть часов после приговора Наталья родила Косте Стерледеву дочку. Анастасию. Расту, Настя, здоровой и свободной. Возможно, родители когда-нибудь расскажут тебе, в какой день ты появилась на свет.

Большинство опрошенных радиостанцией «Эхо Москвы» считают, что журналистов нельзя привлекать к ответственности за разглашение государственной тайны.

Экспресс-опрос, проведенный в рамках программы «Рикошет» по интерактивным телефонам, показал, что 72 процента опрошенных придерживаются данного мнения, в то время как 28 процентов опрошенных считают, что журналисты могут привлекаться к ответственности за разглашение государственной тайны.

Всего в ходе опроса за 5 минут на радиостанцию «Эхо Москвы» поступил 1681 телефонный звонок.

Агентство «Эхо Москвы»

22 июля

«Звезда», 24.07.2003

Людмила ФИЛИППОВИЧ
(«Городские куранты», Екатеринбург)

ЖЕСТОКОСТЬ

Американцы и французы много лет лечили инвалида второй группы Алексея Артемова, но сегодня он в любой день может погибнуть в Кировградской тюрьме для подростков.

...Он шагнул в темный подъезд, и привычная жизнь для него кончилась. С этого момента, с вечера 18 ноября 2001 года, вся его судьба была исковеркана и резко разделилась, как в плохом сне или нескладном кино, где среди цветных кадров неожиданно всплывают черные. Но вся беда, трагедия и безысходность состояла в том, что сегодня у него не было цветных кадров, жизнерадостных дней, насыщенных яркими красками событий, а были только черные или серые тени. Ребенок, он все воспринимал именно так. Вот сейчас, — думал он, — войдет взрослый человек, большой и умный, скажет, что все это страшная и нелепая ошибка. Алексей не виновен. Он только оборонялся, защищал себя и свою жизнь. Где-то там, далеко, дома в Екатеринбурге остались в счастливом и таком коротком прошлом любимые мама и младшая сестренка Анна, тоже инвалид детства. Но он, Алексей, по страшной и нелепой слу-

чайности теперь оторван от родных и каждый день в тюрьме — это страх, кошмар и ожидание перемен. Здесь на него «давят» даже стены, пространство, замкнутое высоким забором, неистребимый, въедливый до тошноты тюремный запах, скрип дверей, лязганье железных запоров и скопление чужих людей. Каждый звук, скрип, запах он впитывает нервами, сердцем и кожей. Ему тяжело и больно. Просто Алексей не может по-другому, ведь у него врожденное генетическое заболевание, и мир с самого детства он воспринимает обостренно и гораздо сложнее, чем его сверстники и все окружающие люди. Уже больше года он каждый день засыпает на казенных нарах за колючей проволокой. А просыпается с мыслью-надеждой: «Если я еще не умер, то, может быть, меня отпустят на свободу? Мне осталось так мало жить, и я хочу, я должен успеть выйти на волю, чтобы побывать дома, в Екатеринбурге...»

Алексей, Алешенька, сынок

Мы встретились в субботу, потому что в обычные дни Елена Федоровна, Алешина мама, очень занята. Она буквально «разрывает сутки», но успевает с трудом, потому что времени просто не хватает. Работа, младшая дочка-инвалид, беготня по магазинам за продуктами для скромной тюремной передачи, поездки в Кировградскую подростковую колонию через каждые две-три недели, когда она, вздрагивая от нервного напряжения и усталости, все время боится уснуть за рулем своего автомобиля.

Наша беседа была трудной... Елена Федоровна очень волновалась и долго подыскивала нужные слова. Не в силах сдерживать мучительные слезы, отворачивалась и рыдала. Нервная, вытянутая до предела, как струна, которая вот-вот оборвется. Слова сочувствия здесь были неуместны. Но контрастом с казенными стенами бросалось в глаза, что даже горе бессильно перед красотой. У Алексея удивительно красивая мама.

— Я одна воспитываю двоих детей с малых лет, так как с мужем в разводе. Все внимание, тепло отдаю детям — это и повлияло. С детства дети очень болели, и я безвылазно находилась с ними в больнице. Сначала врачи усомнились в моем отношении к детям. Но в больнице увидели, что я вроде нормальная мама, а дети болеют независимо от моих забот. Детей отправили на обследование и выявили генетическое заболевание — муковисцидоз. Обычно он бывает либо в легочной, либо в кишечной форме. Но у моих детей оказалась смешанная: и легочная, и кишечная. Доктор медицинских наук, профессор кафедры детских болезней Уральской медицинской академии Геннадий Павлов был вынужден сразу же поставить меня в известность, что жизнь моих детей очень короткая, и они могут ее потерять в любой момент. Мне было очень тяжело выслушать это: представьте, я только родила двоих детей — сыну не было 4-х лет, дочери едва исполнилось 2,5 года. И в таком раннем детстве мне уже говорят о возможности их смерти в любой момент. Для матери это страшно услышать, не говоря о том, как это можно представить. Но я — оптимист и

решила в это просто не верить, не думать о болезни и делать все возможное и невозможное, чтобы продлить их жизнь. Я читала медицинские книги, консультировалась у врачей, пичкала своих детей витаминами. Эта генетическая болезнь была новой, мало изученной, но врачебная и жизненная истина была проста — чем больше будет витаминов в организме, тем крепче станет иммунитет у детей. Я пыталась одновременно работать в нескольких местах, подрабатывала даже дворником, чтобы быстренько все убрать и быть дома, с детьми. У сына была более тяжелая форма болезни, а на то, как дети выглядят. Наблюдала, как они бегают, с какой скоростью, долго ли. Даже ночью вставала и прислушивалась к их дыханию во время сна. Я поставила себе единственную и главную цель: несмотря на приговор врачей, мои дети должны жить, во что бы то ни стало и как можно дольше. Я верила в Бога, в то, что Бог со мной, и Бог нам поможет. Может быть, это казалось фантастикой или выглядело смешно, но для меня это было реально в то время, учитывая помощь врачей из разных стран. Французские и американские медики много раз приезжали к нам, брали анализы у детей, у родителей. Они пытались высветить картину болезни, статистику и лечение. Французские врачи привлекли к лечению и обследованию моих детей Международный фонд муковисцидозников. Мы получали гуманитарную помощь из Франции, из Америки, из Англии. Совершенно незнакомые нам люди и врачи из разных стран мира старались поддержать здоровье моих детей. Это буквально «окрыляло»...

И сын меня всегда поддерживал морально. Алеша чуть ли не каждый день вставал перед зеркалом и говорил: «Мама, какой я здоровый и сильный!» Откровенно говоря, я не знала, что им двигало, но меня этот факт очень радовал. Было такое ощущение, что он сам с собой борется и сам себе доказывает, что он здоровый. В то время я еще не догадывалась, почему он так поступает. Все мои мысли были заняты одним, чем же я буду кормить своих детей, что лучше приготовить, что же они у меня давно не ели, чтобы восстановить их здоровье? Я планировала, как мы проживем этот день, и думала о том, как хорошо мы должны его прожить, чтобы самочувствие моих детей улучшилось. После трагедии, когда сын оказался в тюрьме, я задала вопрос профессору Павлову: «Как Алексею до сих пор удается держаться, откуда он черпает силы?» Профессор объяснил: «Это психология муковисцидоза, направленная на выживание. Так как это заболевание с короткой жизнедеятельностью, в нем самом заложена борьба с болезнью». Только сейчас Павлов со своими коллегами пишет диссертацию о психологии муковисцидоза, раскрывая особенности этого заболевания, которое сегодня неизлечимо. Со слов профессора я поняла, почему мой сын так часто вставал перед зеркалом, чтобы видеть себя, осознавать это. Оказывается, еще с раннего детства он боролся и хотел жить. Алексей много думал об этом. А недавно в Кировградской колонии для подростков, во время свидания, ти-

хонько прошептал: «Мам, я должен жить. Я знаю, если я умру — ты тоже умрешь». Это сказал мне ребенок, которому еще 17 лет, потому что он чувствовал и видел мое состояние...

Были такие моменты, что я ездила каждые три дня в колонию. Представляете, каждые три дня ездить в Краснотурыинск? Мы возвращались оттуда просто «никакие». Теперь — ездим в Кировград. Но в каком состоянии находился мой сын — это было просто страшно видеть. И так как я ездила как можно чаще, тем самым я давала ему надежду, что надо бороться. И вот недавно, когда я была на длительном свидании, я попыталась сказать своему сыну: «Алексей, может быть, мне все-таки пореже ездить, не два, не три раза в месяц?» Я не услышала ответа.

Только по глазам увидела, как они налились слезами, настолько ему стало страшно. Он только едва слышно прошептал: «Мам, если ты не будешь ко мне так часто приезжать, я просто не выдержу. Мое состояние и эти условия...» Я тут же попыталась его успокоить: «Алексей, я буду по-прежнему часто приезжать, насколько бы мне это ни было тяжело». Моя младшая дочь — тоже инвалид детства и я вовлечены во все это. Я разрываюсь, я лишаю одного ребенка всех материнских благ ради другого ребенка, который в более тяжелых условиях. Получается, что у меня страдают двое детей и я. Не знаю, откуда у меня берутся силы, но меня поддерживает любимая работа. Это американская компания Мэри Кэй, в которой я работаю, где должна приносить красоту и радость людям. Только компания дает мне силы в этой трудной жизненной ситуации, в которой оказалась моя семья. Я должна идти к своим клиентам, красивая и улыбающаяся, и не показывать личные эмоции и страдания. Мэрика учила: «Вставайте, идите к людям и отдавайте им все самое доброе и красивое». Что я и делаю. Я встаю и иду к своим клиентам. На следующий день я еду к своему сыну в тюрьму, в Кировград. Я знаю, что бы ни делала, все должно быть хорошо, потому что верю в это. Сейчас мы обращаемся в областной суд. Если нас здесь не услышат, мы будем обращаться в Москву. Но, я думаю, все равно правда восторжествует.

Бомж без права передачи?

Как следует из приговора Октябрьского районного суда Екатеринбурга от 5 марта 2002 года: «18 ноября 2001 года Артемов, зайдя в подъезд, увидел лежащего под лестницей незнакомого мужчину. Когда Артемов проходил мимо, незнакомец схватил его за ногу. Решив освободить ногу, Артемов наклонился к мужчине, но тот схватил его за руку... В результате действий незнакомца (оказавшегося Ромашовым), у Артемова внезапно возникли личные неприязненные отношения к нему и умысел на причинение тяжкого вреда здоровью мужчины. Реализуя возникший умысел, Артемов умышленно нанес не менее трех ударов ногой, обутой в зимний ботинок... Суд относится критически к показаниям Артемова о том, что действия Ромашова он

воспринял как посягательство на свою жизнь и здоровье». Суд приговорил «Артемова Алексея Анатольевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 111 ч. 4 УК РФ и назначить наказание в 5 лет лишения свободы с отбыванием в воспитательной колонии. Отменить подписку о невыезде, взять Артемова под стражу в зале суда». Ходатайство в областной суд: «Просим проявить милосердие к Артемову Алексею, являющемуся ребенком-инвалидом по генетическому заболеванию. Он нуждается в приеме специальных лекарств. Согласно заключению медицинской комиссии об условиях и характере труда, Алексей должен быть ограничен в физических нагрузках. Свердловская областная общественная организация инвалидов «Благотворительное формирование мутагенеза» (структурная территориальная организация — член общероссийского союза общественных организаций инвалидов — БМФ) 15 апреля 2002 года.» От этой же организации еще одно ходатайство начальнику ГУИН Свердловской области: «Просим проявить милосердие к Артемову Алексею, ребенку-инвалиду по генетическому заболеванию. Просим содержать Артемова Алексея в Екатеринбурге, где проживает его лечащий врач профессор Павлов, доктор медицинских наук, а также мама и сестра (тоже инвалид). 26 апреля 2002 года». На все эти ходатайства никто из высоких руководителей положительно не прореагировал: не увидел, не услышал, не помог... Но что же это? Суд говорит, а защита — безмолвствует? Оказывается, на практике все далеко не так полярно — просто, как может показаться на первый взгляд.

— В это уголовное дело я был приглашен, когда ребенок уже дал показания,— подчеркивает Почетный адвокат РФ Николай Суровцев, у которого за плечами около двух десятков лет стажа работы судьей. Сейчас Николай Николаевич возглавляет специализированную юридическую консультацию. В силу высокой профессиональной квалификации, его мнению и экспертным оценкам вполне можно доверять.

— Впрочем, я столкнулся с ситуацией, которая на практике встречается достаточно часто, в силу излишней доверчивости родителей. Несовершеннолетний ребенок был приглашен в правоохранительные органы. Мама, зная, что в наших органах работают кристально честные и порядочные люди, воспитанная на традициях того, что «в органах должны разобраться», доверчиво отпустила ребенка. Сначала для бесед, а потом уже и для производства следственных действий в прокуратуру и ОВД Октябрьского района. Фактически воспользовавшись его детским возрастом, заболеванием, его высокой степенью доверчивости, ограничились приглашением дежурных адвокатов. В любом случае еще надо посмотреть, что это за дежурные адвокаты. Если дежурный адвокат был назначен по приказу заведующего юрконсультацией — это одна схема отношений. А если он приглашен следователем, у которого адвокат — просто знакомый и на всякий случай пришел, чтобы поприсутствовать при даче показаний, совсем иная схема. Вот эта

схема Пленумом Верховного Суда РФ считается незаконной, поскольку адвокат приглашен следователем как личный друг, как товарищ, для быстроты и удобства. И в этом случае такой адвокат не может являться защитником интересов этого человека, которого допрашивают. И вот этот ребенок дал показания. Следователь, как всегда в этом случае, исходя их фабулы возможного предъявления обвинения, старается в любом случае все показания записать так аккуратно и так внимательно. В итоге человек, не посвященный в юридическую деятельность, а особенно еще и несовершеннолетний, который с большим доверием относится в том числе и к следователям, и к оперативным работникам, подписал одни показания, другие. В результате статья предусматривается для Артемова 111 ч. 4, УК РФ, говорящая, что, якобы, он совершил умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего.

А был ли мальчик?

Интересная деталь. В фабуле обвинения и в приговоре сказано, что потерпевший сам стал хвататься за Алексея Артемова в темном подъезде, молча. И здесь не проверена ни версия того, что, возможно, тяжкие телесные повреждения потерпевшему причинили совсем другие лица. Абсолютно не проверена версия (ее и не пытались проверить) о том, что, может быть, он упал сам с высоты собственного роста. Это неудивительно — бомж в нетрезвом состоянии в темном подъезде... Ведь человек действительно в нашей реальной среде оказался без определенного места жительства, без родственников, «без роду, без племени». Это тоже одна из страшных страниц нашей современной жизни, когда люди остаются на улице брошенными и никому не нужными. Как ветхое тряпье?

Несовершеннолетний ребенок оказался в темном подъезде один на один с нетрезвым бомжем, который был на редкость крупным мужчиной от природы. Мальчишка-инвалид и нетрезвый бомж. Сцена на лестнице, при которой никто не присутствовал. Подросток прямо, открыто и доверчиво, искренне уверенный в своей правоте (он защищался от пьяного бомжа), в том, что ему нечего скрывать, говорит на предварительном следствии и везде, «пнул в верхнюю часть туловища». Голова же в данном случае ни в коей мере не является туловищем. Нельзя исключать, что тяжкие телесные повреждения у бомжа могли возникнуть от удара о лестничную клетку или ступеньки... Неизвестно, сколько времени нетрезвый бомж пролежал в подъезде. За этот неизвестный промежуток туда входило и выходило из подъезда много людей. Следователи не выяснили, сколько именно их было, но совершенно очевидно, что по крайней мере не один Алексей Артемов. Если бомж схватил за ногу мальчика, то нельзя исключать, что он приставал к другим входящим-выходящим-проходящим. В этой ситуации следователи и судьи вынесли решение, не соответствующее тем событиям, которые были.

Мальчик отбивался от бомжа, защищался, оборонялся, а его лишили свободы на пять лет?

...Сегодня в подростковой колонии Кировграда, благодаря усилиям начальника и медсанчасти, делают все, чтобы облегчить участь Алексея. К сожалению, наша пенитенциарная система находится в таком состоянии, что не может никого оздоровить или вылечить, она может только погубить и ухудшить здоровье. Наши следственные изоляторы, колонии и все родные российские тюрьмы крайне опасны и для здоровых людей. Не говоря уже о больном генетическим заболеванием муковисцидозом Алексее, инвалиде второй группы, которому рекомендуют стерильные условия, особое питание, лекарства и лечащего врача — профессора, доктора медицинских наук... Даже день содержания под стражей для Алексея равноценен потере жизни. Ведь генетическое заболевание муковисцидоз остается с человеком до конца его дней. При ненадлежащих условиях, стрессах, плохом питании организм «зашлаковывается», а человек теряет три четверти своего веса за короткий срок и может погибнуть. Процесс становится необратимым, и остановить его практически невозможно. Как говорят французские врачи, как бы человека ни лечили, его организм, достигнув критической фазы, умирает. Так, как умирает цветок, который выставлен на подоконнике на мороз. Ведь после этого, как бы его ни поливали, как бы за ним ни ухаживали, он, внешне пока зеленый, только дышит, но уже не живет...

Но замерзший цветок — это флора, а мы все-таки люди, и в обществе в целом эти процессы происходят намного сложнее, болезненнее и страшнее. Очень прогрессивная рыночная экономика принесла нам свою, особую, рыночную мораль и культ денег. Суровые реалии расслоения на бедных и богатых ожесточили общество в целом и отдельных людей. Сами того не осознавая, безотчетно, мы очерствели сердцем и душой. Перестали замечать, когда смещаются акценты и мы подходим к оценкам событий и фактов жестче, чем надо. Безапелляционно, а не критически. Жесткость и жестокость в обыденной, повседневной жизни страшит и отпугивает. Но в действительности потрясают и ужасают проявления жестокости у представителей властных структур, когда человеческая судьба и жизнь настолько обесцениваются в их глазах, что ничего не стоят. Примерно как в популярной басне «уж виноват ты тем, что...» И это — отнюдь не жестокость государства или закона, как может показаться в совокупности причинно-следственных обстоятельств на первый взгляд. Это — исключительно жестокость людей, власть имущих. Особая категория жестокости...

«Городские куранты», 01.08.2003

ХРОНИКИ

Василий МЕЛЬНИЧЕНКО
(руководитель сельского центра
общественных инициатив, Свердловская область)

ТРАГЕДИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА

Такая жизнь, такие времена

В большинстве сел и деревень запустение не только в экономической жизни. Прежние совхозы и колхозы либо пришли в упадок, либо были разорены извне. Редкие фермерские хозяйства и остатки бывших сельхозпредприятий не могут обеспечить работой трудоспособное население сел и деревень. Да и ту поденщину, которую навязывают новые хозяева, называть работой сложно. Очень непостоянная и ненадежная. Да еще «частник» ни в жизнь не оформит работника, что автоматически лишает его какой-либо защиты и выплаты социальных платежей. Выбор работы небольшой: трактористы, комбайнеры. Часть населения идет в разнорабочие, часть — на лесоповал. Вот такая экономическая картина.

Что касается жилья, то считается, что повезло тем, кто живет в домах, где есть или можно устроить дровяную печку. Люди, живущие в многоквартирных, рискуют среди зимы искать хоть какое-то жилище, потому как дома остаются без тепла, а значит, без воды и без удобств.

Медицинское обслуживание присутствует только в речах и отчетах губернаторов, глав администраций и министров здравоохранения. Сельский житель становится редким гостем в районных больницах — дорого ездить и отсутствуют средства на покупку лекарств, бинтов, мазей, шприцев, перчаток и т.п.

Школы еще работают, но учителей уже не хватает. Почти никто из выпускников педагогических вузов не желает работать в сельской школе, где не видит никаких перспектив.

Культура держится только на энтузиастах еще старой, советской закалки. Во-первых, мизерная зарплата, во-вторых, материальная база — никакая. Для сельских клубов и домов культуры денег не предусматривается и есть только одна перспектива — закрытие или физическое разрушение от ветхости.

Ликвидация сельских советов ускорила разорение сел и деревень, но показала истинное отношение власти к населению и к закону, высветила дискриминационную политику государства по отношению к сельским жителям.

Кражи имущества, скота, овощей захлестнули села и деревни. Тащат не только из общественных хозяйств, тащат также и из личных подворий. Страдают в основном семьи пенсионеров, ведь именно они беззащитны

перед ворами и злодеями. Распространено пьянство. В селе появились невиданные ранее бомжевание и наркомания. Все это обернулось страшной трагедией — село стремительно деградирует. Малые населенные пункты или уже исчезли, или находятся на грани исчезновения — в них доживают свои годы по несколько семей преклонного возраста.

Хроника сельских новостей ужасна:

- в деревне Н. женщина убила своего сожителя;
- в поселке А. неизвестные лица ночью украли 19 коров и исчезли в неизвестном направлении;
- в селе Б. ночью неизвестные лица вывели единственную корову у семьи П. и зарезали в 100 метрах от дома, мясо вывезли;
- в поселке Д. неизвестные лица похитили трансформаторную подстанцию, поселок остается без электричества;
- украли... зарезали... убили... подожгли...;
- умер... повесился... отравился...

Все больше и больше таких сообщений из хроники сельских населенных пунктов 2003 года. А еще присутствуют и такие фанфарные сообщения: «Благодаря усилиям главы района и мудрой администрации в селе К. открыли третий в районе детский дом для брошенных сельских детей. Это позволит создать в селе К. девять новых рабочих мест».

И право, не знаешь, что делать. То ли радоваться за тех девятерых счастливчиков, которые получают рабочие места, за детей, которых обогреют и накормят в детском доме, за умение администрации выбивать средства на строительство детских домов и приютов для брошенных стариков, то ли...

К числу причин, мешающих сельским жителям активно участвовать в решении социальных проблем, относятся неуверенность в успехе собственного участия, недостаточная управленческая культура властей, отсутствие информации, противодействие должностных лиц, собственная инертность.

Причины социального пессимизма — кризис власти, неорганизованность местных сообществ, неудачный опыт других. Преобладают мнения о бессмысленности проявлять активность на местах. В таких условиях проводимые экономические реформы должны быть остановлены. Обществу стала очевидна их бессмысленность и непредсказуемый характер. Но опять вопрос: кто это сделает?

Вот такое нынче социально-экономическое положение в большинстве сел и деревень не только Свердловской области, но и большинства регионов России.

Такая жизнь, такие времена.

Бег — куда глаза глядят

От такой жизни крестьяне бегут, как черт от ладана. Некоторые ищут защиту в городах, покупают домишки и переезжают туда, где есть

хоть малый шанс устроиться на работу и получать зарплату. Часто такие переезды заканчиваются печально. Распадаются семьи из-за того, что иллюзии лучшей жизни быстро улечиваются, а остаются одни проблемы и необустроенность. Оказывается, особо наших сельчан никто и нигде не ждет. А село все больше деградирует, потому как уезжают все же те, кто не может смириться с рабской жизнью и стремится как-то ее изменить.

Можно ли остановить этот бег? Можно ли его повернуть вспять? Проблема эта почти никого не интересует. Позаботиться о будущем села практически некому.

Раньше о кадрах худо-бедно заботились горкомы КПСС. Помните, сколько молодых специалистов приезжало в деревню, и многие из них оседали навсегда, пускали корни в глубинке. Теперь пополнения ждать неоткуда, наоборот, свои уезжают. Частично компенсировали эту утечку русские переселенцы, но, увы, их тоже здесь не очень ждали. Источник пополнения кадров быстро иссяк. Сейчас наши соотечественники тоже стараются переехать в Россию и осесть в городе.

Казалось бы, наша районная Дума, состоящая из сельских депутатов, должна была бы взволноваться этой проблемой и взять ее решение на себя. Увы. Почти все депутаты, клявшиеся в преданности своим избирателям, быстро потеряли свой «народный» гонор и полностью подчинились администрации. Их теперь волнует собственное благополучие, затем и шли в Думу.

Поменять бы Думу. Но на кого? Нынешняя власть еще хуже прежней (прежней ее с натяжкой можно назвать, иногда кажется, что народные избранники сидят там с момента своего рождения), а следующие депутаты могут быть совсем никудышные. И здесь все очевидно, если посмотреть анализ выборов губернатора области. Человек, для которого уральское село — абсолютный бред, человек, при правлении которого уральское село наиболее пострадало, тем не менее стал губернатором благодаря голосам сельчан. Но если честно, то выбирать было не из кого. Поэтому такой серьезный процент протестных голосов. Камышловский район доказал, что в селе еще есть здоровые силы: все-таки 16 процентов голосов — «против всех».

Печально видеть тот факт, что многие достойные люди отказываются идти во власть, оправдываясь тем, что не могут брать на себя ответственность за сельские территории, чем охотно пользуются те, кого к власти допускать ни в коем случае нельзя. Желание наживы — прежде всего, а понятие того, чем должны заниматься народные избранники (слуги), у них никогда не присутствовало. И чем хуже социально-экономическое положение территории, тем преданней в ней люди действующей власти. **Границу рабства перейти нелегально невозможно.**

ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ СВЕТЛАЯ

*Травой заросшая дорога
Проходит около реки.
В деревне жителей немного:
Одни старухи, старики.
У въезда тощенькие копы
Да одинокая коза.
Изб заколоченные окна,
Как ослепленные глаза.
Ушли и девушки, и парни,
Ушли печально, кто куда.
А на поля пришел татарник,
Как та татарская орда.
Везде запущенности знаки,
Нет лошадей и нет коров.
И лишь бездомные собаки
Глядят из брошенных дворов.
Как ни горюй тут и ни сетуй,
Поймет и умный, и простак,
Что называть деревню Светлой
Теперь нельзя уже никак.*

Вячеслав БАТИН
Слобода Туринская

Власть живет всласть

Политики в селах нет, политические организации здесь присутствуют только накануне выборов. Действующая власть держит все под контролем и свой административный ресурс использует на все полные 100%. В основном в сельских районах власть захватила корпорация чиновников из бывшего партхозактива: они же по мере старения передают всю полноту управлений-владений территориями своим детям, внукам, близким родственникам. А по ходу времени обустраивают бизнес для себя, если есть хоть малый к этому талант. Например, если есть ресурс природный (лес или месторождение минеральной воды), то, будьте уверены, все это будет подконтрольно руководителям района и самым близким их людям. Дело-то понятное — жить все хотят не за чертою бедности, а по ту сторону, где лучше. Или организуют магазины, а потом подотчетные школы и детские сады представляют «отовариваться», закупать продукты только в этом магазине. И для владельцев такого бизнеса получается совсем «не хило».

В некоторых районах власть держат сильные директора хозяйств, именно они стараются поставить на должность главы района бывших секретарей КПСС, так привычней. Никакого гражданского контроля над

властью в сельских районах нет. Милиция, налоговая инспекция, прокуратура, суд и даже ФСБ — все подконтрольны, везде «свои люди». Всевидящее «ОКО» Фемиды не видит расходной части бюджета, поэтому бюджет спокойно используют, как домашний кошелек, — в основном на зарплату и поддержку здоровья муниципальных служащих.

Выделять деньги из бюджета на учебу своих детей и внуков стало уже настолько привычным для всех уровней управляющих нашими районами, что это считается чуть ли не законом, гарантирующим бесплатное образование детям руководящих работников. **Быть у колодца и не попить водицы — не в правилах наших руководителей.** Это на ремонт крыши клуба или на закупку оборудования для школы денег жаль давать, а на образование своего ребенка никогда бюджета не жаль. Да и все знают, что самые выгодные инвестиции — в образование, тем более из бюджета.

Районные СМИ не будут писать о тех проблемах, которые напрямую зависят от степени порядочности районного руководства, потому как их уровень жизни напрямую зависит от степени поддержки администрацией органов СМИ.

Народ вроде бы и злится на то, что повышаются тарифы, цены, на отключение тепла и отсутствие воды, но особо не бунтует. Отключили радио в селах — и ничего, скоро привыкнут не только без радио жить. Давно ли в наших селах появилось электричество и асфальтовые дороги. Ведь как-то жили и царей любили.

Власть же, по советской привычке, любит украшать фасады. Шумно празднуют всякие дни городов, дни инвалидов, пожилых людей и т.д. Народ, конечно же, возмущается, но... «Бог терпел и нам велел».

Если уж не можем жить лучше, то надо делать вид, что живем веселее.

Щедрые эксплуататоры

Пытаясь как-то влиять на ситуацию, руководители районов для создания видимости деятельности раз от разу придумывают какие-либо действия. Все они заканчиваются полным провалом — нецелевым расходованием бюджетных средств или переделом собственности.

Примеры того — закрытие любого учреждения, будь то клуб или больница, если это помещение зачем-то приглянулось самой власти или близким к этой власти (дом культуры в селе Шипицыно, где теперь цех розлива минеральной воды «Обуховская», и владельцы ее самые, по сути, главные люди Камышловского района).

Несколько лет подряд газета «Камышловские известия» писала о истине рекордных урожаях и достижениях совхоза «Пригородный». Специалисты скептически относились к таким рекордам, где себестоимость продукции была самой высокой в России. Но власти был нужен **фасад**.

Потом совхоз «Пригородный» передают в частные руки. И все вложенные государством немалые деньги тихонечко переводятся туда, куда надо и для кого надо. Где теперь совхоз «Пригородный»? Где интересы рабочих этого совхоза? А там, где надо и кому надо.

В районе, кроме стратегии передачи всех и вся в «сильные» частные руки, никакой стратегии больше нет. Так передался военный совхоз п. Калины. Теперь же сплывили в управление фермеру Ю. Калугину целое АО «Квашнинское». Власть считает, что удачно. Только из бывших 400 рабочих мест теперь есть лишь 70. А владельцы своей земли, паев, конечно же, не получают ничего. Они имеют право истребовать свою землю из незаконного чужого владения, да еще и с компенсацией неполученных доходов. Но никто этого не будет делать, большинство надеются, что, может быть, будет работа. Они готовы свои руки сдавать любому предпринимателю, лишь бы платили больше. Но, увы, щедрых эксплуататоров не бывает. Поэтому многие и плюют на землю, на собственность свою имущественную. Начнешь судиться, запутаешься. У нас ведь один закон хорошо работает — **похищенное не искать, воров не наказывать**. Никто никаких амбициозных планов не строит, все строят свои личные. В стране, где 17 миллиардеров и 40 миллионов нищих граждан, никакая другая идеология, кроме воровской, не будет процветать.

**Если цель поставлена правильно,
ваше желание обязательно сбудется**

Накопившиеся проблемы пора решать, обличать кажущуюся бессмертной номенклатуру надоело, ибо бессмысленно.

За все годы перестройки большинство населения России ничего не приобрело, кроме опыта потерять все. Особенно это касается жителей сел и деревень. Улучшения жизни не наступило, село продолжает терять свои богатства. Мы уже не раз говорили, что во власти осталось много людей без чести и совести, не умеющих управлять эффективно.

Но!.. Разве такие люди появились только вчера? Мы были обречены на происходящее сегодня. Нам думалось, что можно очень быстро улучшить общество, стоит только выбрать во власть достойных. На самом деле верили. В начале 90-х ходили на митинги, кричали «ура» демократам из бывших коммунистов. Мы получили свободу кричать в обмен на то, чтобы бывшая элита в основном осталась при власти и самое главное — при деньгах и при своих взглядах, и при своих интересах. Так что со старыми взглядами новую жизнь не построишь. А надеяться на то, «что Бог ни делает — все к лучшему», никак не оправдывается.

Царит произвол в экономике.

Царит произвол в «социалке».

Никакие законы не исполняются.

Мы продолжаем жить проблемами, не обращая внимания на свои возможности.

Думаю, что перерождение сознания людей произойдет постепенно. Сначала надо уяснить себе, что мы — граждане и мы свободны. Мы живем в стране, которая приняла вполне демократическую Конституцию. Люди должны следовать **закону** и вести **правовой образ жизни**. Когда мы научимся так жить, то наши потребности тоже изменятся. На первое и самое главное место все-таки встанет порядочность взаимоотношений в обществе.

Мы научимся правильно ставить цель жизни, и тогда наши желания на благополучную жизнь обязательно сбудутся. А так в селах и деревнях жить все равно лучше, чем в городах. Надо только наладить нам нормальные производства, побороть свою пассивность. Обо всем, что потеряли, не надо жалеть. Это — плата наша за возможность обустроить свою жизнь и жизнь своих детей достойно.

А памятники деревням надо ставить. Это будет хотя бы нравственно. И сохранять надо те, что уже поставлены народом. И церкви, и памятники погибшим воинам, и коммунарам, и белым воинам, и красным воинам. Потому как все мы граждане одной страны — России. Историю не надо забывать. Особенно историю своей Родины, своего города, своей деревни, в конце концов, своей семьи тоже.

«Территория народной власти», № 14, 2003

Галина КОВАЛЬСКАЯ
(«Еженедельный журнал», Москва)

ОБЛАВА

Призывников ловят и задерживают, как преступников, — с милицией

Бориса Кулыгина прямо из дома забрали в армию. По процедуре это как арест: пришел поздно вечером участковый с работником военкомата, велели быстро собрать вещи и отвезли сначала в военкомат, а оттуда, не заезжая домой, на призывной пункт, что на Угрешской улице. Борис впопыхах не вынул из кармана кошелек с деньгами, и теперь его сестренка осталась без средств к существованию. Борис — единственный опекун своей несовершеннолетней сестры, сироты. Вообще-то оставлять несовершеннолетних без опеки, то есть забирать в армию единственного опекуна, никто не име-

ет права. Но военком Бутырского военкомата счел, что у девочки есть еще один брат. Этот брат недавно условно-досрочно освобожден, с него еще не снята судимость, так что ни один суд не назначит его опекуном. К тому же он сам говорит, что сестра ему не нужна и он ее знать не хочет. В любом случае по закону пока опекун у девочки один, его призывать нельзя. Но военком — власть, и ему закон не писан. Судиться с ним некому: вряд ли попечительский совет возьмет на себя труд отстаивать интересы Кулыгиной, а сам Борис еще не скоро доберется до юристов. Да и шансы на то, что суд в данном случае встанет на сторону закона, как ни дико это звучит, не столь уж велики. Когда речь идет о призыве, суды нередко безоговорочно поддерживают военкомов, вопреки законам и здравому смыслу.

Студента дневного отделения Альвиана Джафарова забрали еще в весенний призыв 2001 года. Тогда под горячую руку похватали на улицах и по квартирам немало студентов-очников, имеющих законные отсрочки, но именно джафаровская история получила широкую огласку. Оказывается, если студент не сумел сбежать с призывного пункта и уже попал в армию, уволить его из рядов Вооруженных сил практически невозможно. В списках оснований для увольнения нет пункта «студент дневного отделения», поскольку законодателям, когда они составляли списки, не пришло в голову, что такой студент может оказаться в армии. Родители Джафарова при поддержке Союза комитетов солдатских матерей подали в суд. Но Останкинский районный суд отказал им в удовлетворении жалобы. Судья счел, что, поскольку студент в момент отправки на призывной пункт не предъявил военкому справку, что он студент, стало быть, должен служить. Ерунда, разумеется. Его отвезли на призывной пункт прямо из военкомата, куда притащили из дома, у него не было времени не то что сбежать в учебную часть за справкой, а собраться толком. Но дело даже не в этом. Студент не обязан иметь при себе документы, подтверждающие, что он студент. Это военком согласно Приложению № 3 к Положению о призыве на военную службу граждан РФ обязан запросить справку по форме № 26. Но суд, как видим, счел иначе, а вышестоящий Мосгорсуд подтвердил справедливость этого решения.

Пока тянулись судебные разбирательства, парень все служил. Подоспела сессия. Мать Джафарова поехала к командиру части, умолила разрешить увольнительную для сдачи экзаменов. Тот разрешил. Экзамены были сданы без «хвостов», и молодой солдат снова вернулся под ружье. Родные и Союз комитетов солдатских матерей обратились к гарнизонному прокурору с просьбой прекратить произвол. Прокурор рекомендовал армейскому начальству, несмотря на решение суда, все же отчислить рядового Джафарова из личного состава, поскольку тот был призван незаконно. Прокурорской рекомендации вняти было, и студент вернулся домой. Однако эпопея на этом не закончилась: через пару месяцев в гарнизоне сменился прокурор, и новый назначенец пересмотрел решение своего предшественника.

Парня срочно восстановили в списках личного состава и приехали снова забирать в армию. И тут у бедолаги не выдержали нервы: он попал в психушку. В Союзе комитетов солдатских матерей настаивают, что он не косил от армии, а по-настоящему заболел от всех этих злоключений.

В осенний призыв 2002-го молодых людей вновь караулили с милицией по подъездам, вновь приходили домой, стараясь застать врасплох — попозже ли вечером, ближе к ночи или с утра пораньше — и тащили на призывной пункт. Часто ввали: говорили, мол, отвезем в военкомат на медкомиссию, а из военкомата, слова не говоря, везли на Угрешку. Когда призывник проходит обычную процедуру: загодя получает повестку, приходит по ней на призывной пункт, у него есть хоть какая-то возможность собрать необходимые документы, если ему полагается отсрочка. Он может попытаться доказать, что повестка пришла по ошибке, наконец, может лечь в больницу на обследование, если нездоров. Конечно, разбираться с военкоматами далеко не всегда получается, но в конце концов, если есть время, можно попросить помощи у тех же Комитетов солдатских матерей или у других правозащитников, обратиться к адвокату... Облава на то и рассчитана, что призывник ничего не успеет. Поэтому именно во время облав больше всего попадает в армию тех, кто, как Борис Кулыгин и Альвиан Джафаров, не должен быть призван.

Саша Ворожейкин получил повестку на 11 ноября и собирался идти в армию. А 5 ноября гулял со своей компанией, и с ними стали задираться взрослые мужики. Слово за слово, завязалась драка, один из мужиков вынул нож... У Саши — проникающее ранение позвоночника, тяжелая травма, с которой он лежал в больнице, а потом был выписан с назначением: два месяца домашнего режима. Разумеется, родные отнесли все документы в Лефортовский военкомат. Однако утром 17 декабря в начале восьмого к нему домой явился участковый с человеком в погонах и буквально вынул из кровати: «В военкомат на обследование». У Саши на руках был открытый больничный и выписка о состоянии здоровья, полученная в больнице. Все это человек в погонах взял с собой: «Там, в военкомате, хирург посмотрит». Однако ни к какому хирургу Сашу не повели, рану никто смотреть не стал. «Вышла какая-то тетенька в красной кофте, — рассказывал он потом матери, — и, даже не глянув в открытый больничный, сказала: «Ничего у тебя уже не болит, можешь служить». Не успел глазом моргнуть, как уже привезли на призывной пункт и вечером того же дня отправили в часть. Сашина мать Людмила Николаевна работает воспитательницей в детском саду. Утром уже собиралась на работу, когда незваные гости нагрянули. Переживала, конечно, что сына больного вытащили на улицу, но и в мыслях не держала, что забреют с раной в позвоночнике. Вернулась вечером с работы: где Саша? Бросилась звонить в военкомат, там с радостью отвечают: «А он уже в армии». Несколько дней не мог-

ла не то что связаться и поговорить с сыном — узнать, где он. «Всякий раз отвечали по-разному, то одно место, то другое называли», — у Людмилы Николаевны до сих пор начинает дрожать голос, когда вспоминает. Наконец все те же «Солдатские матери» нашли: парень в Москве, в Тушино. Перезвонила в военкомат, там опять говорят: «В Подмоскowie». Она переспросила: «Мне сказали, что в Тушино!» Тогда через какое-то время военком подтвердил: точно, там. Хорошо, что нашелся так близко к дому. Вон в одной семье так же парня из дому забрали «на обследование» и пропал с концами. Больше недели семья не могла узнать, где он. Потом оказалось — в Хабаровский край увезли. Туда ведь и не позвонишь: никакой зарплаты не хватит. Так и не простились. Закон не обязывает военнослужащих, обеспечивающих призыв, сообщать перепуганным родителям, куда подевались их чада, а обыкновения такого у них и подавно нет.

Саша бодрится, говорит матери, что чувствует себя неплохо, только вот на морозе рана болеть начинает. И еще как-то раз после бани температура высокая поднялась, но ничего, отлежался.

Максима Платонова забрали с остеомой бедра. (Остеома — доброкачественная костная опухоль.) 4 декабря вызвали в военкомат: он пошел туда, имея на руках медицинскую карту, в которой значился диагноз и было указано, что пациент нуждается в операции. Собственно, в декабре Максим и ждал своей очереди на операцию. В военкомате хирург его смотреть не стал, сразу направил к главному врачу. Главврач повертел в руках Максиму карту и сказал: «Одевайся, поедem на медкомиссию». Вместо медкомиссии юношу привезли на Угрешку. Если бы у него не оказалось при себе мобильного, родители и не узнали бы, что ему нужно привезти туда мыло и зубную щетку. Максимова нога, естественно, с первых же дней не давала ему покоя. «Все ребята бегут по плацу четыре круга, а я даже один пробежать не могу», — жаловался он матери. В начале января простудился, заболел воспалением легких, его положили в госпиталь. В госпитале умудрился пробиться к хирургу, тот подтвердил диагноз и показания к операции. 23-го в том же госпитале Максима оперировали. Что, Родине так необходимы солдаты, нуждающиеся в срочной медицинской помощи?

Хотя офицеры при общении с журналистами стоном стонут, что призывники сплошь нездоровые и работать с ними невозможно, хотя из-за того, что призывают ребят с неустойчивой психикой, то и дело случаются трагедии, и военкомы, и главы местных администраций — все отвечают лишь за количество призывников, а не за их «качество». Командир части, в которую попал Максим, ни с кого ведь не спросит, зачем им прислали больного мальчика. И даже если Максимовы родители надумают судиться (вряд ли: пока сын в армии, все бояться, как бы хуже не сделать), максимум, на что можно рассчитывать, — это на возвращение Максима домой (и то, если судья окажется не таким, как в случае с Джафаровым). А

военкома за то, что призвал больного, никто не накажет. В июне 2000 года правительство РФ постановило награждать глав администраций регионов за выполнение плана по призыву: лучшему губернатору полагается орден, двум последующим — денежные премии. То есть губернатор прямо заинтересован забрать как можно больше ребят и не несет никакой ответственности, если среди них окажутся те, кто по закону не подлежит призыву или должен иметь отсрочки.

Дмитрий Кривоносков в отличие от Бориса Кулыгина, Саши Ворожейкина или Максима Платонова призыву подлежит по закону. Его мать, воспитывающая Диму без отца, инвалид всего лишь третьей группы, так что формально все правильно. То, что Татьяна Михайловна — глухонемая и у нее на руках парализованная бабушка, значения не имеет. Диму, как и других, с милицией забрали из дома на призывной пункт, оставив Татьяну Михайловну в полном отчаянии от собственной беспомощности: она ведь даже неотложку бабушке в случае чего вызвать не может.

Облавы на призывников — штука нынче чрезвычайно распространённая. Редкая призывная кампания без нее обходится. Они начинаются обычно за месяц-полтора до окончания призыва и, чем ближе к концу, тем становятся лютее. В середине 90-х ребят искали с помощью солдат из близлежащих воинских частей. Потом эту практику признали незаконной и теперь ловят с милицией.

В Союзе комитетов солдатских матерей считают, что и эта практика сомнительна с правовой точки зрения. Речь идет не о случаях вроде кулыгинского — здесь нарушение закона очевидно, а о том, что ловить ребят с милицией и с ходу тащить на призывной пункт не полагается. Но даже если подобная практика вписывается в рамки действующего законодательства (а закон «О воинской обязанности и военной службе» составлен так, чтобы дать властям максимальные полномочия в отношении призывников и допризывников), очевидно, что ее воздействие на общество разрушительно. А точнее, разрушительна сама система призыва, следствием которой и стали систематические облавы. Когда, с одной стороны, ответственные за призыв заинтересованы нахватать как можно больше народа, а с другой — «контингент» рассматривает службу как тяготу, которой всячески стремится избежать, у первых появляется искушение выследить и внезапно сцапать вторых. А вторые всеми правдами и неправдами спасаются от первых. Не предпринимают специальных усилий, чтобы уклониться от призыва, те, кто считает себя по тем или иным причинам не подлежащим призыву, к примеру, имеющие на руках больничный или родственника-инвалида. Они-то и становятся жертвами облав. В результате парни, призванные больными, порой становятся в армии инвалидами (впрочем, и те, кого призывали здоровыми, как мы знаем, тоже нередко возвращаются больными), а родственники, лишившиеся кормильца или опоры в семье, остаются фактически социальными сиротами, как Кулы-

гинская сестра. К сожалению, едва ли эта практика изменится. Армии катастрофически не хватает солдат, а переход к комплектованию Вооруженных сил на контрактной основе все откладывается и откладывается. Стало быть, призывной контингент и дальше будет пополняться с помощью облав.

«Еженедельный журнал», 04.02.2003

Алексей КЛОЧИХИН, Ольга ТОДОЩЕНКО
(«Пермские новости», Пермь)

РАКЕТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Пермь превратится в свалку вооружений?

Помыкавшись по просторам России в поисках наиболее подходящего места для строительства комплекса утилизации твердотопливных ракетных двигателей (КУРДТТ), спустя 5 лет американцы снова вернулись в Пермь. И похоже, что на этот раз местная власть отнеслась к ним вполне благосклонно. Никто не кричит об экологии и не собирается проводить референдум. Более того — переговоры ведутся в страшной тайне, и сообщать широкой общественности о подготовке к съемке второй серии нашумевшего боевика под названием «Ракеты в Перми-2» никто не собирался.

Негр на Компросе

Эта почти детективная история началась на улицах Перми декабрьским вечером в конце прошлого года. Журналист-пермяк, живший некоторое время в Штатах, увидев на Комсомольском проспекте весьма солидного негра в компании с не менее солидными белыми джентльменами, сделал вполне логичный вывод, что перед ним — англоязычные иностранцы. И решил пообщаться: мол, откуда будете, ребята. Да вот, ответили ему, приехали к вам с миссией мира. Будем на наши деньги ваши «нуклеа»-ракеты уничтожать...

Как раз в это же время в центральных средствах массовой информации появились сообщения о бесславной кончине проекта строительства КУРДТТ в Удмуртии, в 8 километрах от города Воткинска. Вложив в ГПО «Воткинский завод» \$87 млн, американцы были вынуждены отказаться от дальнейшего строительства по политическим причинам. В Удмуртии произошло то же, что и в Перми в 1995–1997 годах. Там тоже шла подготовка к выборам, и местное руководство ради сохранения власти не пожалело

даже \$400 млн инвестиций, которые должна была принести республике реализация программы по утилизации ракет. Пермский PR-сценарий был переписан полностью — с призывами всегда иметь над головой чистое небо, с митингом жителей славного города Воткинска, решением городской Думы о проведении референдума, отмене референдума Верховным судом республики и т. д.

Лучше всего перипетии тамошней борьбы иллюстрируют заголовки удмуртских газет за 1999 год. Начиналось с вполне безобидного «Эксперимент с удмуртским акцентом» или чуть ехидного «Наши ракеты кончат этично». Затем последовали более напряженные — «Судьба проекта — в руках экологов» и «Как не отравиться диоксинами». А закончилось «Привидением над воткинским пустырем» и «Наш город в Интернете, или Пора браться за колья». Комментарии излишни.

Постановление председателя правительства Удмуртии Юрия Питкевича об аннулировании прежних решений о строительстве комплекса, подписанное в марте прошлого года, поставило в неловкое положение всю Россию. В соответствии с договорами СНВ-1 и СНВ-2, мы просто обязаны уничтожить часть советского ракетно-ядерного наследства, причем без всякой посторонней помощи. Другое дело, что США заинтересованы уменьшить арсенал недавнего противника, и в соответствии с законом Нанна-Лугара, принятым в 1991 году, готовы выделить на это немалые средства. Программа уничтожения советского химического оружия стоимостью в \$10 млрд сейчас успешно реализуется. Без скандалов решается и самая главная проблема по утилизации ядерных боеголовок, о которых здесь речь не идет вообще. Зато с утилизацией самих ракет, а точнее, их корпусов и топлива, получился уже второй «облом».

Все кивают на губернатора

Долго искать адреса пермских предприятий, с которыми могли вести переговоры американцы, не понадобилось. Ничего нового в Перми строить не надо, поскольку все необходимое для комплекса здесь уже есть. НПО «Искра» разрабатывает ракетные двигатели, завод имени Кирова в Закамске делает ракетное топливо. В середине 90-х именно здесь, в НИИ полимерных материалов (фактически КБ завода им. Кирова), на американские деньги предполагалось достроить экологически чистый стенд для утилизации двигателей. До этого все испытания проводились на открытом стенде с полным выбросом отработанных газов в атмосферу. И ничего, жили.

Правда, на этот раз источники, пожелавшие остаться неизвестными, сообщили, что генеральным подрядчиком в Перми, скорее всего, станет ПЗХО «Машиностроитель». Туда мы в первую очередь и позвонили.

Однако в отсутствие генерального директора Владимира Ломаева, до конца января находившегося в командировке, на «Машиностроите-

ле» никто не взял на себя ответственность прокомментировать рассказы гуляющих американцев. Как, впрочем, никто не отрицал и сам факт ведения переговоров. «Контракт еще не заключен. Позвоните через полтора-два месяца, а еще лучше — через полгода. Тогда можно будет говорить о чем-то конкретно». (Хотя, по непроверенным данным, одна ракета уже утилизируется и речь идет о следующих шести). Официальный же запрос на имя директора, отправленный 30 января, также остался безответным. Зато во время переговоров автору статьи как бы невзначай напомнили судьбу военного журналиста Григория Пасько, недавно выпущенного из тюрьмы досрочно.

К счастью, представители завода им. Кирова и НПО «Искра», которых называют в числе смежников «Машиностроителя», оказались более миролюбивы. По словам генерального конструктора «Искры» Михаила Соколовского, участие его объединения в проекте будет выражаться прежде всего в ведении документации, как у любой другой проектно-конструкторской организации, которая обязана довести свое изделие до конца. Кроме того, совместно с Пермским государственным техническим университетом (кафедра профессора Я.Вайсмана) «Искра» разработала уникальную технологию пиролиза и утилизации композиционных материалов, которая в ноябре прошлого года получила золотую медаль на Международном салоне изобретений и инноваций в Брюсселе. Композиционные части корпусов ракет, которые раньше просто закапывали в землю, теперь можно превращать в углеводородное сырье и снова пускать в производство. Печь для утилизации впоследствии можно использовать и для сжигания любого городского мусора, что сразу решило бы массу коммунальных проблем.

Вот только надеяться на то, что деньги на доводку печи даст заокеанский дядюшка, уже не приходится. Шесть лет назад американцы еще готовы были вести соответствующие переговоры. А теперь все, поезд ушел. Удмуртский опыт отучил американцев разыгрывать добреньких, и сейчас они ставят вопрос жестко: вот деньги, вот технология корпорации «Локхид — Мартин», жгите. Их даже не интересует дальнейшая судьба пустых ракет, лишь бы топлива не было.

Точно так же остался без инвестиций НИИ полимерных материалов, где все эти годы потихоньку достраивали тот самый экологически чистый стенд, на котором можно как испытывать, так и утилизировать ракеты. По словам директора института Анатолия Талалаева, многолетняя строительная эпопея в 2003 году все же закончится, и стенд, построенный исключительно на российские деньги, будет использоваться исключительно для российских же нужд. В словах Талалаева, вспомнившего 770 млн рублей, которые в 1995 году «проплыли» мимо его института, чувствовалась явная горечь и нежелание распространяться на

эту скользкую тему. Впрочем, он тоже не отрицал возвращение ракетной темы в Пермь.

Причем и НПО «Искра», и НИИПМ вполне могли бы сами стать главной организацией предполагаемого комплекса, но ни там, ни тут нет никакого стремления проявлять инициативу. У всех участников ракетного скандала середины 90-х остался такой ожог, что одно лишь слово «утилизация» вызывает аллергию. И все дружно кивают на областную администрацию, где должны принять политическое решение. Ведь именно команда нынешнего губернатора в свое время пошла на поводу антиракетных настроений, почти доведя дело до референдума.

Здесь вам не Удмуртия

Вероятно, это неприятное обстоятельство и заставляет окружать в общем-то чисто техническую проблему такой тайной. Ракеты все равно будут утилизированы, а соответствующие условия есть только в Перми и Бийске. Но чтобы «сохранить лицо», нужно преподнести проект широкой общественности в максимально выгодной для Прикамья форме.

А вот этого пока не получается. Финансировать закрытый стенд в Закамске и корпус термообезвреживания на «Искре» американцы, похоже, не хотят. И что остается? Утилизация старым добрым «открытым» способом со всеми вытекающими экологическими последствиями? Спрашивается, за что боролись...

Конечно, общественное мнение в области нынче сильно изменилось. Это в 95-м году простой обыватель при словосочетании «уничтожение ракет» пужался и представлял себе не иначе, как ядерный гриб над Пермью. Пояснения, что боеголовки утилизируют совсем в другом месте, а на корпусах ракет нет даже следов наведенной радиации, оставались неслышанными. Один лишь вопрос так и не состоявшегося референдума повергал в шок: «Согласны ли вы на размещение на территории Перми базы утилизации твердотопливных ракет стратегического назначения?»

На такой вопрос просто невозможно ответить «да».

Другое дело, если бы здесь же объяснялось, что речь идет только о ракетах без боеголовок, что ракеты под Пермью жгут уже десятки лет, что процесс будет находиться под жестким экологическим контролем, а самое главное — что американцы взамен вложат в экономику области сотни миллионов долларов, которые помогут открыть тысячи новых рабочих мест... Прекрасный пример использования PR-технологий для манипуляции общественным сознанием.

Теперь вопрос звучит уже по-иному: как «раскрутить» американцев хоть на какие-нибудь вложения, пока им все это не надоело и они не оставили русских самостоятельно разгребать свои ядерные завалы?

Кроме того, молчание вокруг такого общественно значимого проекта может окончательно испортить отношение к утилизации широких слоев населения. Раз тайны, значит, дело нечисто. Лучше прямо и честно ответить на возникающие в связи с возобновлением переговоров вопросы.

И самый первый — о каких объемах все-таки идет речь? Если американцы будут финансировать утилизацию ракет только на открытом стенде, укладывается ли дополнительное количество выбросов в установленные законом российские экологические нормы? Достаточно ли финансирования для оптимального решения вопроса? Какова доля тут российской стороны и обеспечена ли она деньгами? Каким образом будет осуществляться экологический контроль? Как будут все-таки утилизироваться корпуса ракет?

Справедливости ради надо заметить, что при расследовании темы высказывались разные, в том числе и откровенно антиамериканские, мнения. Достаточно высокопоставленные специалисты завода им. Кирова, вспоминая односторонний выход США из договора о противоракетной обороне, вообще предлагали всякую утилизацию прекратить, а ракеты «складировать». На всякий случай.

Впрочем, пока никто и не говорит о том, что в Перми собираются утилизировать все 916 маршевых двигателей сокращаемых ракет. По весьма осторожным слухам, пока «Машиностроитель» ведет переговоры всего лишь об «украинских» ракетах (СС-22), т.е. бывших советских, но базировавшихся на Украине. Кстати, там уже утилизируют ракеты на американские деньги гидромонитором, по уникальной технологии фирмы «Тиакол — Хеми». Говорят, что в использованной воде потом карасей разводят.

Идея построить такой же комплекс в Прикамье, то есть обойтись без сжигания и связанных с ним экологических проблем вообще, бродит в коридорах и нашей областной администрации. Заодно можно было бы помочь и депрессивному Кизеловскому угольному бассейну, поскольку адресом возможного строительства называется треугольник Гремячинск — Кизел — Губаха. Этот проект самый дорогой, зато американцы смогут быть уверены, что их деньги используются исключительно на разоружение. Ведь тот же закрытый стенд в НИИПМ можно использовать и для испытания ракет, а гидромонитор — только для утилизации.

Некоторым подтверждением последней версии и того, что американцы вернулись в Прикамье всерьез и надолго, служит еще более смелый слух о том, что в Перми им уже купили 20 квартир. Проверить его пока не представляется возможным.

Вот разве что еще раз выйти побродить по улицам...

«Пермские новости», 07.02.2003

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ...

Инга ЗЕМЗАРЕ
(«Город», Санкт-Петербург)

МЕСТО ПРОПИСКИ – ВАЛААМСКАЯ ТРАПЕЗНАЯ

Монахи судятся с мирянами из-за жилья

На минувшей неделе начался примечательный судебный процесс: Валаамский Спасо-Преображенский монастырь против прописанной на острове семьи Мускевичей. Монахи хотят выселить мирян из трапезной. Миряне сопротивляются. В процессе судебного разбирательства выяснилось, что на вопрос «кому принадлежит остров?» нет однозначного ответа.

Филипп Мускевич приехал на Валаам в 1989 году. Не туристом, а заведомо природы Валаамского музея-заповедника. Вскоре перевез на остров из Эстонии жену и дочек. Музей выделил семье две комнаты и прописал в трапезной Воскресенского скита. В них и жили Мускевичи безбедно, пока Ельцин не отдал остров монахам.

Музей после нескольких реорганизаций закрылся. Музейная интеллигенция из тех, у кого было жилье на Большой земле, ушла первой. Остальные потянулись кто куда: в Петербург, Москву, в Новую Зеландию и Германию. Однако бывшие валаамцы обид не забывают. Например, рассказывают, как самоустранились монахи, когда за данью приехали бандиты, которые связали местного бизнесмена рыболовными сетями — и в воду. Спасло его только чудо — после этого недолго он оставался на острове. Еще один островитянин не хотел покидать Валаам добровольно. Пока, как рассказывают его друзья, не появились некие люди с автоматами. Валаамец переехал в Петербург, затосковал, спился и умер.

Неприятности преследовали и Мускевича. Никакого другого жилья, кроме скитского, у его семьи не было (квартиру оставили Эстонии). В середине 90-х, когда закрыли музей, он остался и без работы. Филипп Мускевич занялся изготовлением керамических колокольчиков на продажу. В последние годы Мускевичи в холодное время уезжают в Петербург — снимают квартиру. Говорят, ради дочек-старшекласниц.

Отношения с монастырем не складываются у Филиппа по всем статьям. В бытность свою еще полноценным служителем культуры угораздило его связаться с зарубежной русской православной церковью. С нынешних позиций РПЦ это, мягко говоря, предосудительно.

— То, что происходит сейчас на Валааме, — бесконтрольность и безотчетность, — считает диакон Александр Мусин. — Ни государственная, ни церковная власти не могут или не хотят контролировать то, что происхо-

дит на местах. Мирское население оказалось нежелательными соседями, с которыми приходится считаться. Пока.

Для Филиппа «пока» уже истекло. Спасо-Преображенский ставропигиальный монастырь поставил под сомнение законность проживания его семьи на Валааме. «Приостанавливаем договор о найме, — сказал иеродиакон отец Савватий, — а разбираться будем в суде». Мускевич возражает: говорит, что договор он не с отцом Савватием подписывал.

Суда Филипп не испугался и обратился в прокуратуру города Сортавала с просьбой во всем разобраться. Прокурор ответил: «Как пояснили представители Спасо-Преображенского монастыря, Вам было отказано в приеме квартирной платы за год вперед. Это право монастыря». Однако, утверждает Филипп, в монастыре лукавили: не за год вперед не брали деньги, а не принимали вообще. И ему пришлось самостоятельно изыскивать счета по квартплате, а сейчас квартира оплачена.

На этом, однако, история не закончилась. Она началась. В июле этого года архимандрит Панкратий, настоятель монастыря, подал исковое заявление о признании Филиппа, его жены и дочерей «утратившими право на жилую площадь» в связи с длительным непроживанием согласно «актам проверки паспортного режима».

Филипп Мускевич считает, что живет в своей трапезной законно. А уж если монастырь не желает, чтобы он жил на его территории, то должен предоставить семье другое жилье. Получила же часть переселенцев с Валаама квартиры в Сортавале. И пусть строили дом не на церковные деньги — освящал его сам патриарх. Выделялись деньги и на второй дом, но, говорят, их инфляция съела. Говорят, все 200 миллионов.

Так или иначе, Филиппу Мускевичу монастырь на судебном заседании 9 сентября обещал лишь... бесплатно довести вещи, куда тот сам укажет. Лишь бы съехал. Хотя, как считает адвокат Татьяна Иванцова, «монастырь на данный момент — это ненадлежащие истцы, и пока не зарегистрировано право собственности на объекты, он не вправе даже предъявлять иски о выселении».

Нельзя, оказывается, и поменять комнаты в трапезной, поскольку их невозможно приватизировать. Хотя сама по себе идея обмена не абсурдна — кто хочет послушания или пострига и уезжает на Валаам, «сдают» квартиры в особый фонд. Сами монахи говорят, что есть и в Петербурге такой фонд, в нем около 8 квартир. Филиппа устроила бы любая из них.

Если бы не семья, может, и ушел бы Филипп Мускевич куда-нибудь с острова. Но как с детьми быть? Старшей дочери в ноябре будет 16, младшей скоро 15. Паспортов нет, где получать — неизвестно. В монастыре выдавать запретили. Кто-то из островных сумел обойти монастырскую бюрократию и паспорт получил в другом месте. Филипповым дочерям это пока не удалось.

Неясное будущее

Год назад президент Путин обсуждал концепцию развития Валаама с правительством Карелии. Решили делать ставку не на светский туризм, а на паломничество в святые места. Власти Сортавалы представили проект договора с одной лондонской фирмой. Но вместо конструктивного его обсуждения началась обструкция самой Сортавалы: дескать, питейных заведений, проституток и прочих мирских прелестей здесь больше, чем в самой столице Карелии, и то же самое будет и на Валааме — шашлыки в хижине отшельника!

В итоге вся критика проекта свелась к призывам: «Очистить остров! Пусть будет в России хоть одно место без алкашей!» А где их нет, и кто их любит? И что значит «очистить»? Это же живые люди — хорошие, плохие, разные. В монастыре поговаривают о приюте для местных стариков. В перспективе. А остальных — куда? Кому нужны валаамские люди активного возраста в Сортавале, где и своим работы нет? Ответов на эти вопросы нет, трудоустройством и судьбой этих людей никто не занимается. Легче выселить.

И до сих пор никаких иных внятных предложений по развитию Валаама так и не появилось. При этом «Диснейленда» на Валааме никто не хочет. По словам Светланы Ивановой, директора одной из турфирм, ни ее клиентам, ни коллегам этого не нужно. А в качестве примера нормального подхода она привела Новый Валаам в Финляндии. Там не гнушаются и евроремонтом, и современной инфраструктурой. Традиции же православной культуры соблюдены. На Новом Валааме туриста хотят повкуснее накормить, в качестве сувенира предлагают не только иконки, но и мази по старым монашеским рецептам. На нашем Валааме все не так. Кухни нет, торгуют матрешками вперемешку с антиквариатом в бараках, туристы недовольны состоянием причалов.

Между тем, народ на остров едет, но в казну Карелии даже отчислений за входную плату не поступает. Это, говорят, не туристы, а паломники. Даже японцы — и те православные паломники. Так наречены те, кто свечи покупает, а не кормит «чужих» предпринимателей, торгующих сувенирами! Но стоит ли противопоставлять бизнес церкви, тем более, среди бизнесменов много верующих? Может, к тем, кто жил и хочет жить на Валааме, где вырастил детей, к тем, кто работал в музее или обслуживал печально известный дом инвалидов войны, терпение проявить надобно? Для некоторых из «обслуги» алкоголь был единственным, что помогало забыть от жизненных реалий, когда по ночам остров наполнялся воем страдающих от боли инвалидов.

Так что же с пожеланиями президента? Оказывается, «сортавальско-лондонская» концепция развития Валаама обсуждалась и в правительстве Карелии. Директор НИИ урбанистики Госстроя России Владимир Щетинский обвинения в наценности на «грязный туризм» даже не стал комментировать. Несерьезно! А настоятель монастыря о. Панкратий с чем-то из концепции согласился, но удовлетворения проектом не выразил. По поводу системы расселения, которая, как предполагается, будет

традиционной — общинная, скитская, хуторская, — настоятель сообщил, что хуторская система не в традиции Валаама, а мирских форм расселения до войны не было. Читай — и не будет.

Юридическая справка

Чей ты, остров Валаам?

Судебное разбирательство выявило немало поистине поразительных подробностей, на которые до сих пор никто не обращал внимания. Постановлением Совета министров Карелии от апреля 1991 года Валаамскому монастырю передавался ряд объектов — храмы, скиты и прочие постройки. Была в этом постановлении и оговорка — «кроме жилых помещений, предоставленных гражданам для постоянного проживания в установленном законом порядке». В 1993 году был подписан акт приема-передачи названных в постановлении объектов.

Однако акт был подписан не от имени валаамского монастыря как юридического лица, а представителями духовенства как лицами физическими, таким образом эти документы — и постановление, и акт — спустя 10 лет так и не реализованы. На момент постановления и акта монастырь не был зарегистрирован как юридическое лицо. Устав монастыря был утвержден только патриархом в 1991 году. Государственной регистрации устава не было. Свидетельство о государственной регистрации монастыря как юридического лица датировано только весной 2000 года. Что было до этой даты, пока неизвестно.

Таким образом, на сегодняшний день госрегистрации права собственности переданных ему построек у монастыря нет. Кроме постановления и акта, должен быть еще договор балансодержателя государственной собственности о передаче монастырю как юридического лицу объектов в собственность. Его нет. Только с момента госрегистрации договора правообладателем всех помещений, построек, земельных участков будет монастырь.

Выяснилось, что правообладатель трапезной, скита, да и всего фонда на Валааме, неизвестен. Как неизвестен и правообладатель самого острова — то ли он федеральный, то ли карельский. Земли, может, и карельские. А памятники? Постановление о передаче подписано в 1991, в 1992 вышла новая конституция, в 93-м акт о передаче на уровне Карелии. Передавала ли РСФСР остров Карелии, еще предстоит выяснить. Может оказаться, что он вообще ничей.

«Город», № 20, 2002

ИДИТЕ С БОГОМ

Жители Валаама продолжают судиться с монастырем

В пятницу Верховный суд Карелии отменил решение суда города Сортавала о выселении семьи Мускевичей с острова Валаам. Это, впрочем, не означает, что борьба Валаамского монастыря с островными жителями закончилась в пользу последних.

О тяжбе: Валаамский монастырь против семьи Мускевичей — мы рассказывали в материале «Место прописки — валаамская трапезная» («Город» № 16). Монастырь добивался выселения жителей Валаама, прописанных в Красном скиту 14 лет, потому что на зиму они уезжали в Петербург. И добился — в марте этого года решением суда Мускевичей из скита выселили. Без предоставления другого жилья.

Напомним, что Филипп Мускевич работал в Валаамском музее-заповеднике с 1989 года, здесь родились дети. Свою квартиру он оставил Эстонии и, кроме валаамского, другого жилья не имел. Когда музей ликвидировали, поселковая администрация выдала ордера на занимаемую жилплощадь. Прошлым летом настоятель монастыря посчитал, что Мускевичи утратили право на жилье. Зимой семья снимает квартиру в Петербурге, потому что работы на Валааме нет, и детей где-то доучивать надо. Но монастырь отлучки с острова не приветствует, хотя Жилищный кодекс предусматривает непроживание по уважительным причинам.

— Подошли бы по-человечески, мол, освободите место для нашей жизни, а мы вам на материке устроиться поможем, — говорит Филипп Мускевич. — Так нет, судимся. Осенью ждали свидетелей, которые бы подтвердили, что моя семья на острове проживает с мая по октябрь. Монастырь пригласил и своего свидетеля. Я решил: верующий человек врать не будет. Он и не солгал. Но в решении суда его слова были искажены. А юрист монастыря после заседания при мне сказал моему адвокату: «Дело идет к концу. А вы глубоко копаете. Будете копать до конца своих дней».

Ни в Карелии, ни в РФ на тему выселения с Валаама в негативной тональности говорить не принято. Официально выселение именуется переселением. Но даже приверженцы переселения в возможность безальтернативного решения, какой вынес суд г. Сортавалы, не верили: «Этого не может быть». Или: «Они (Мускевичи), наверное, какие-то не такие, раз их выселяют». А многие говорили об идее «Валаам-Новый Афон», где не действуют «общечеловеческие законы».

— Статус Афона как «монашьеи» республики, — поясняет доктор исторических наук, диакон Александр Мусин, — признан Церковным Синодом, Конституцией Греческой Республики и международным законодательством по Севрскому соглашению 1922 г. За ней стоит 1000-летняя история монашеских общин на Афоне, начало ее датируется 950 годом. Российская Конституция не предусматривает каких-либо экстерриториальных анклавов.

Юридическая справка

Сортавальский суд установил, что выдавшая Москевичам ордер администрация пос. Валаам — орган ненадлежащий. По мнению адвокатов, этот вывод противоречит постановлению Верховного Совета Карелии. Когда монастырю передавался ряд объектов, в нем было четкое ограничение «кроме жилых помещений, предоставленных гражданам для постоянного проживания в установленном законом порядке». Передача жилых помещений, указано в постановлении, осуществляется «по мере добровольного освобождения их жителями о. Валаам, которым предоставляется другое благоустроенное жилье».

Прямая речь

Кроме Москевичей, с монастырем судится еще несколько семей. Вот что говорят они:

Александр Щербаков, на Валааме 16 лет, всегда ратовал за возвращение монахов:

— Монастырь принес много хорошего, но мы оказались заложниками. Ситуация такая, что монастырь сейчас выступает против народа. И даже отталкивает людей от Бога. Игумен Панкратий от бесед отказывается. Нас ставят в положение оккупантов.

Вот Патриарх обратился с просьбой передать монастырю зимнюю гостиницу — это жилое здание в поселке. Как в старые времена — один барин другому передает деревню с жителями. Получается, мы живем как крепостные крестьяне в феодальное время, и не действуют законы РФ ни о земле, ни о приватизации, ни о возможности наладить свое дело — со всех сторон препятствия. Карелия пока отказала в передаче гостиницы, но если это случится, мы устроим пикет. Мы предлагаем компромисс — строительство посадского поселения.

Наталья Благая:

— Другого жилья, кроме Зимней гостиницы, у нас нет. Мы намерены его приватизировать. Закон на нашей стороне.

Недошивин Сергей, замдиректора природного парка, на Валааме 14 лет:

— Проводится продуманная тактика выживания. Нам тоже надо выживать, в смысле жить дальше. Вы спрашиваете, неужели на Валааме все местные жители алкоголики? Наши местные бабушки, которые девчонками приехали работать в интернат инвалидов, никогда не пили. Это черный пиар — такая аура на фоне святыни.

Дмитрий Бразовский, прописан на острове 10 лет:

— Обстановка угнетающая. Отказывают и в приеме квартплаты, и справок не дают. Отец Савватий — он уполномочен монастырем разбираться по поводу жилья — в разговорах с людьми ведет себя по-хамски. В приватных беседах заявляет, что у него целый список жителей, которых он собирается выселить.

«Город», № 16, 2003

ПАМЯТЬ

Нонна КОМИССАРОВА
(«АиФ в Пензе», Пенза)

МОЛИТВА МОЯ – МОЛЧАНИЕ

62 года назад, 22 июня, началась война. На оккупированных территориях фашисты стали проводить расовые чистки.

В Пензе живут свидетели геноцида. Их судьбы вошли в документальный фильм Стивена Спилберга, автора знаменитой картины «Список Шиндлера».

Об антисемитизме сказано много. Но и сейчас слово «жид» используют как оскорбление. Это делают те, кто не познал безвинного гонения и отчаяния. Страдание же делает людей разными, но всегда немногословными. Оно молчаливо, как истинная молитва, когда человек закрывает глаза и остается наедине с самим собой.

В Пензе и области я нашла только 10 евреев, переживших Холокост. С семьей из них мне удалось встретиться. Заглядывая в их глаза, вслушиваясь в негромкую речь, каждый раз я ощущала дергающую боль где-то под солнечным сплетением. Я искренне благодарю героев этой публикации за оказанную честь прикоснуться к их судьбам.

Цапли

Анжею 14 лет. Одна его босая нога поджата, другая потонула в ноябрьской слякоти. Его ноги и руки даже не деревянные — он их просто не чувствует. Он не падает, потому что тесно зажат телами других пленных. Их десять тысяч.

Узники стоят молча, как цапли, на одной ноге, поочередно меняя задубевшую конечность. Третий месяц под открытым небом. Бесконечные дожди превратили землю в ледяную жижу. С вечера все сильнее подмораживает. Холод сбил истощенных людей в плотную серую массу. Они греются друг о друга и стоя спят. При свете дня и в лучах ночных прожекторов.

Анжей еврей, из тех, в кого тут же стреляют. Впрочем, немцы в выяснении личности уже не усердствуют, не регистрируют и не выдают номера — предполагается уничтожить всех. Разница в том, чтобы умереть сразу или помучиться еще. Каждый второй падает замертво, наутро трупы отдирают от льда и увозят на телегах. Здесь много детей 12-13 лет.

Анжей вспоминает, как в сентябре 39-го его семья пряталась от бомбежки в подвалах, как немцы захватили польский город Ломжа и погнали

многоотсыльную толпу мужчин и мальчиков к железнодорожной станции. Мама и сестра остались в городе.

Ему запомнилась переправа. Поскольку мост был разрушен, немцы расставили поперек реки лодки и набросали на них доски. Под весом людской вереницы шаткий понтон почти полностью ушел под воду. Люди балансировали в темноте на скользком и раскачивающемся настиле. Упасть означало умереть. Рядом с Анжеем шел знакомый священник лет сорока. Он поскользнулся и забарахтался в воде. Немец ударил его палкой и пристрелил. Эта ночь для многих стала последней.

Два дня пешком без еды и воды и три — на поезде в сторону Кенигсберга. Их загнали в лагерь «Цитрон» — огромное голое поле, огороженное колючей проволокой, и пулеметные вышки. Тут Анжей встретился со старшим братом. Когда 18-летний Яков видел, что Анжей падает, то вытаскивал припасенный от своего пайка кусочек хлеба: «Ну что ты, что ты?! Ты пожуй, пожуй...»

В день выдавали граммов по 200 хлеба и полчашки теплого кофе. Его пили сразу, передавая миску следующему. Очень скоро голодные пленники стали вырывать хлеб из рук товарищей.

На территории лагеря находилась палатка медперсонала. Однако прийти туда означало признать свою немощность и быть расстрелянным. Немцы располагались за оградением, сменяли друг друга на вышках, уезжая в город.

Через колючую перегородку от стоячих узников находился палаточный лагерь для пленных польских офицеров. Часто они бросали людям куски хлеба и одеяла. Был там некий полковник Шурский. Иногда он подзывал к себе Анжея и протягивал через проволоку кусочек хлеба.

«Шурский увидел, что я босиком, и бросил мне... Он мне бро...» — мой собеседник резко вздохнул и закрыл ладонью лицо. По щеке побежала слеза. Он пытался продолжить речь, но только судорожно втянул воздух...

Полковник Шурский кинул Анжею тряпки и шнурки, которые он помнит по сей день. Они были очень длинными и темно-красными. Анжей обернул ноги и перевязал. В этих обмотках он переживает всю зиму.

Как-то ночью ударил сильный мороз. Со стороны города ветер принес звуки музыки, голосов и проезжавших экипажей. Анжей дремал, как и все, стоя в толпе. Он открыл глаза. Где-то вдалеке мигали огни и даже вспыхивали фейерверки.

Внезапно люди прижались друг к другу совсем плотно, прямо в кучу. Вдруг справа от Анжея двое упали. Их стали поддерживать стоящие сзади, но тут же повалились сами. Послышались выкрики и хохот немцев. С вышек полились автоматные очереди. Так встретили Новый год. Охранники и раньше стреляли сверху. В эти моменты люди вжимали голову в плечи еще больше и не шевелились, ожидая судьбу. Бывали моменты, когда какой-нибудь отчаявшийся узник нарочно поднимал голову и обращал на себя внимание.

Наутро всех построили и пересчитали. Комендант лагеря, проходя, бил каждого палкой по голове. Так он делал всегда. Тех, кто падал, тут же пристреливали и бросали на телеги. Дня через три, в честь праздника, всем раздали по сушеной рыбе. Естественно, пить не дали. Хотя люди уже привыкли есть снег и пить из луж.

Так простояли зиму. В марте в лагерь приехали русские и о чем-то долго переговаривались с немцами. В толпе зашептались: может, выпустят? В этот день пошел сильный дождь. Воды было столько, что люди оказались как будто в центре огромной реки. Пленники оживились, заулыбались, решив, что это знак свыше. Они запрокидывали головы к небу и плакали оттого, что первый раз за эти девять месяцев появилась надежда.

На следующий день всех, кто ранее проживал на территории Ломжи (по договору с немцами, она отошла СССР), построили в колонну. В числе этих 600 человек покинули лагерь Анжей и его брат. На советской территории колонна подверглась жестокому обстрелу и уменьшилась почти наполовину. Оставшихся же в «Цитроне» больше никто никогда не видел.

После плена Анжея и его брата допрашивали. Помимо того, почему их не убили как евреев, НКВД интересовало, видели ли они в «Цитроне» Каплана — брата той самой Фанни Каплан, что стреляла в Ленина. Дело в том, что до второй мировой войны в Ломже действительно проживал родной брат Каплан — рыжий мужчина лет пятидесяти. Анжей частенько встречал его в городе. В лагере Каплана не было. Вероятно, ему удалось куда-то бежать.

Пшестилевский Анжей Шимонович прошел всю войну с 41-го года. Его мать и сестра были угнаны в лагерь «Бжезинка» под Варшавой и расстреляны. Дядя Анжея погиб в «Освенциме». Брат Яков ушел на фронт и не вернулся. Спустя 50 лет удалось узнать, что Яков умер от ран в 44-м году. Рассказ о судьбе Анжея Пшестилевского вошел в документальный фильм Стивена Спилберга.

«...Пошли мне смерть»

«Господи! Пошли мне смерть. Поскорее. Если нельзя избежать этой боли и невозможно убежать, сделай так, чтобы я умер. Только скорее!..» Моисей молился молча, про себя, скрючившись на полу и превратившись в маленький кровавый комок.

Фельдшер лагеря Федор Ходос, с которым он вместе попал в плен, указал немцам на его национальность. С тех пор тело Моисея превратилось в сплошную черно-синюю рану. Еще несколько часов назад он копал себе яму. Но расстрелять его не успели, потому что налетела русская авиация. Ему было 23 года.

Он служил полковым врачом. Зимой 41-го года в разгар боев за Ростов разбомбило санитарную машину. Он и еще двое, все раненные, попали в плен.

Село Платоново Ростовской области немцы превратили в лагерь. Узники находились в нескольких сараях и сельском клубе. Это здание было битком набито военнопленными. Сначала к Моисею относились как к русско-му офицеру. Его поместили вместе с другими в комнате за сценой, в день вы-давали по куску хлеба, разрешили помогать раненым.

Когда же узнали, что он еврей, бросили в камеру где-то внизу этого же помещения и перестали давать еду и воду. Стали бить. Бить страшно, с ос-тервенением, каждый день.

За зданием стоял деревянный туалет. Большой, мест на десять, поскольку был построен с расчетом на клуб. Туда два раза в день выводили пленных. Моисею и еще одному еврею, с которым он находился вместе в заточении, выдали по зубной щетке и приказали чистить это насквозь замороженное сооружение. Не получается щеткой — грызи зубами, облизывай. В общем, как хочешь. Работаешь медленно — получай пинок! Подходил немец, тыкал в лицо сапогом: облизывай, вот здесь и здесь!

Если не было никакой работы, заставляли ползать по снегу, перетаски-вать огромные булыжники — просто так, с места на место, пока не упадешь без сил. Падаешь — удар палкой, ногами... Немцы выводили пленных и при-казывали каждому помочиться на упавшего...

Пленные были разные. Одни закладывали соседа, другие тайком протя-гивали кусок хлеба. И немцы были разные. Однажды, изнемогая от голода, он попросил хоть какой-то еды. В ответ эсэсовец стукнул палкой по голове. В этот момент другой немец подозвал Моисея и протянул ему буханку хлеба.

В ночь на 17-й день плена и невыносимых издевательств Моисей молил-ся о смерти. Тогда ему приснился Сталин. А наутро он проснулся с надеждой.

Моисея вывели наружу и на время о нем забыли. Он увидел, как один не-мец договаривается с охранниками взять людей для каких-то работ. Ему да-ли несколько человек. Немец прошел вперед, а те последовали за ним. Мо-исей воспользовался ситуацией и пристроился к колонне сзади. Кое-кто на него зашипел: мол, куда лезешь. Но все видели, как сильно издевались над Моисеем, и потому махнули рукой: «Только молчи! Не вздумай что-нибудь прокартавить!»

Группа пленных, возглавляемая фрицем, отошла от клуба, прошла охра-ну и через некоторое время завернула за угол.

Моисей же повернул в другой переулочек. Он шел и шел, медленно, глядя перед собой. Одна его нога была обмотана тряпкой, к другой он привязал ве-ревкой калошу. Вдруг слышит: «Рус! Рус!» Внутри все застыло от ужаса, а сам смотрит на немца и пожимает плечами: мол, не понимаю речь. На счастье, он увидел трех коров, подбиравших с мерзлой земли остатки соломы. Он за-махал руками в сторону животных, давая понять, что пасет их. Немец уехал.

К вечеру Моисей дошел до огромного стога. Холодно. Силы кончились. Ткнулся в сено, а там полно беглых пленных прячется, и места нет. Тогда

Моисей залез на самый верх и задремал. Внезапно на двух мотоциклах подъехали немцы. «Рус! Рус! Ком!» — и очередями прямо в стог. Никто не выходит. Тогда подожгли сено. Те, кто был внизу, стали задыхаться от едкого дыма и выскакивать. Их тут же убивали. Немцы постояли еще немного и, решив, что больше никого нет, уехали. Моисей и еще двое — раненные, но живые — спустились с горячей соломы и поползли прочь.

На следующий день добрались до реки. Лед на ней разбит, над водой — трансирующие пули. Лыдину влево, лыдину вправо — так и переплыли. Моисей помог выплыть мальчишке, который оказался с ними. Только вылезли из воды, как слышат немецкую речь. Они притаились и так, мокрые и оконеченные, пролежали около часа. Примерзли друг к другу...

Как только Моисей услышал русских, ноги его отнялись, и он упал. На следующий день его бросили в яму к дезертирам и долго допрашивали, почему его, еврея, не расстреляли.

Беренштейн Моисей Манусович провел полгода в советском спецлагере № 240 в станице Абинской Краснодарского края. С 42-го года он воевал в качестве полкового врача на Кавказе. Его родителей, проживавших в Черномбыле, расстреляли в 41-м году.

Старожилы тех мест рассказали, как евреев согнали, раздели догола и выстроили перед глубоким рвом. Местное население сбегалось посмотреть на это зрелище, как на кино. Некоторые срывали с евреев одежду и делили ее между собой.

Там же был случай, когда мать семейства, еврейка, сумела избежать расстрела. Когда она вернулась домой, два ее взрослых сына и муж донесли на нее немцам.

Рассказ Моисея Беренштейна также вошел в документальный фильм Стивена Спилберга.

Ожидание

Они опять в темноте. Раздается детский плач и женские голоса, потом шепот. Ихилу почему-то страшно. Он хнычет и жмет к матери. Та обнимает его и что-то тихо-тихо говорит. Он не помнит, что именно. Он чувствует над ухом ее дыхание и слышит сдавленное сопение соседей. Мама гладит Ихилу по голове, затем ее ладонь скользит по лицу и крепко зажимает ему рот. Становится тяжело дышать.

Ихилу 4 года, и он привык к этому странному ритуалу, к подвалу и женщинам с маленькими детьми. Их было человек пятьдесят.

Внезапно наступало молчание. Напряженное и готовое разразиться детским визгом. Это было ожидание. Ожидание звука, налетавшего почти сразу после воцарившейся тишины. Громкий и отчетливый топот откуда-то сверху, разнобойный и переходящий в шаги — торопливые и замедленные.

Когда шум наконец-то прекращался, мама не отпускала прижатую к губам Ихиля руку и продолжала сидеть неподвижно. Стук каблуков мог повториться. Все, кто сидел рядом, будто ждали чего-то еще. Постепенно это ощущение перерастало в медленный выдох, шорохи, младенческий писк и негромкие голоса.

В подвал спускались по деревянной лестнице. Сверху лаз закрывали половиком. Гетто располагалось в городе Балта Одесской области, по другую сторону реки Кодыма. Туда согнали все местное еврейское население.

Когда началась война и папа ушел на фронт, мать с Ихилем и 8-летним Ароном пыталась уйти в сторону Винницы. В числе нескольких сотен людей они проделали путь километров в 30. Однако немцы догнали их и вернули. Попытка остаться в селе у знакомых также не удалась. Мама не стала подвергать опасности чужую семью. Тех, кто прятал евреев, расстреливали...

Вошедшие в город итальянцы Ихилю даже понравились. Он с детьми бегал к ним, поливал из котелка воду для умывания. Потом военные складывали в котелок кашу. С приходом немцев семья оказалась в гетто.

Мама уходила на земляные работы. Ихиль с братом все время проводили в комнате, на улицу не выходили — нельзя, застрелят. Он не помнит, как они проводили время. Но они не играли. Вечером приходила мама и кормила их картошкой или кашей.

Они пробыли в гетто до апреля 1944 года. За это время число жителей еврейского поселения сократилось в два раза. В живых остались те, кому удалось удачно спрятаться. В 44-м году облавы стали повальными. Ихиль, его брат и мама, как и их соседи, сутками не выходили из подвала.

В апреле все кончилось. Уже семилетний Ихиль вышел на улицу и испугался. Везде, куда он поворачивал голову, лежали мертвые тела. Многомного трупов.

Горешник Ихиль Давидович стал военным. Служил в Чехословакии и Афганистане. Вышел в отставку в чине полковника. В настоящее время — доцент кафедры «Экология и безопасность жизнедеятельности» ПГУ. Его отец пропал без вести в 43-м году в районе Сталинграда.

Полукровки

Едва начавшись, разговор оборвался. Мой собеседник сорвался со стула и заходил по комнате. До стены и обратно, снова до стены и снова обратно. Затем и вовсе вышел — не хотел, чтобы я видела его лицо. Вернувшись, он неуверенно поставил перед собой кружку с водой.

...Четырехлетний Эдик стоял рядом с мамой в толпе. В пятидесяти метрах переминалась с ноги на ногу группа односельчан. В ней были родственники Эдика, его бабушка и дедушка. Немцы выстроились в небольшую шеренгу, закрыв своими спинами дрожащих от страха людей. Про-

звучали выстрелы. Когда палачи разошлись и жители, согнанные на окраину, вцепились взглядами в ту сторону, они никого не увидели.

К убитым подойти не позволили. Эдик смутно помнит, как они с матерью провели остаток этого жуткого дня у знакомых. Там же всю ночь и следующий день мать о чем-то тихо разговаривала и плакала.

Они жили в поселке Хиславичи Смоленской области. Вошедшие немцы заняли их дома. Жители переселились в сарай и погреба. Эдик запомнил голод и вкус чужого хлеба, кусочки которого иногда протягивали оккупанты. Расстрелы же начались, когда в село вошли карательные части. Мать перепрыгивала сына из погреба в погреб и приносила поесть.

В июне 43-го года Эдик оказался в лагере для матерей с полукровкой — его мама была русской.

Он помнит, как мама мыла его. Было лето, и солнце играло бликами на воде. Затем поезд и другой лагерь. Там было уже холодно — наступила зима. Мать где-то достала огромную зеленую телогрейку и завернула его в нее.

Баракы были высокие и длинные, как коровники. Там жило человек по 500. Матерей уводили на работу. Детям — их было по 150 в бараке — запрещалось выходить во двор. Впрочем, они были так ослаблены, что в основном все время спали. К тому же каждую неделю у них брали кровь. Вероятно, она отправлялась для лечения раненых немцев.

Дни были похожи один на другой. Мама возвращалась вечером и давала крохотный кусочек хлеба. Она разговаривала с другими женщинами и все время плакала. Затем подходила к Эдику, обнимала его. И так они сидели долго-долго.

Она рассказывала ему сказки, а перед сном брала на руки и тихонько баюкала. Затем мама укладывала его на нары. Он же сквозь сонную слабость и чувство голода слышал ее долгую молитву. Он знал, что утром он также увидит, как она молится. И все вокруг тоже будут молиться — каждая женщина около своего дитяти. Это означало, что мама опять уйдет работать, а он опять будет лежать и ждать вечера. Эдик думал, что жизнь и есть этот барак и эти молитвы, и холод, и голод. И так должно быть, и так будет всегда...

Однажды он услышал крики. Мать схватила его и выбежала на улицу. Там было пасмурно и холодно. Но она подняла его на руки, поцеловала и воскликнула: «Все кончено! Все кончено!» И все вокруг кричали, плакали и махали руками: «Все кончено!»

Агранат Эдуард Абрамович более 40 лет работает на телефонной станции в НПО «Эра». Сестра его мамы была в том же концлагере и была угнана в Германию. Она выжила и вернулась после войны в Россию. Все родственники Эдуарда Абрамовича по отцовской линии расстреляны как евреи.

Побег

Давид бежит. Сердце бьет в груди бешеным молотом, поднимается к вискам и глушит. Надо тише, тише, заметят... Но он дышит все громче и чаще. Острое жжение в легких. Где же лес? Куда бежать, куда?

Ему 18, и он в числе пятерки беглецов. К утру они добрались до леса и залегли. Куда дальше? Они знают, что находятся километрах в 50-ти от гетто. Но в какой оно стороне? Что это? Собаки! Только не они! Собаки обязательно их найдут.

...Давид, его младшая сестренка и мама снимали крохотную комнатку в селении Джурин Винницкой области. Жили бедно. За десять дней до войны сестру, выпускницу 7 класса, отправили к тетке в Херсон. В субботу он послал ей по почте учебники, а в воскресенье — война. Через месяц немцы заняли их село. Все произошло так внезапно, что призванных в армию даже не успели забрать на фронт.

Джурин делился на две части: поселение украинцев и поселение евреев. На еврейской территории немцы сразу устроили гетто. Дома евреев оцепили, побег карался расстрелом. Немецкие офицеры брали полицаев из числа украинцев и чувствовали себя, как на курорте, — разгуливали по селу в трусах и ловили поросят.

В сентябре гетто передали в распоряжение румынских частей. Румыны затребовали контрибуцию. Единственной ценностью Давида было женское пальтишко со складочкой на спине. Его выдала Давиду школа в качестве помощи бедноте. Вот он и отнес его.

В это же время в гетто потянулись на подселение буковинские и бессарабские евреи. Те, что из Бессарабии, были еще беднее местных. Буковинские евреи казались сельчанам богачами — слишком много они привезли скарба. Буковинцы сумели договориться с румынами, чтобы им разрешили иногда устраивать базар. В этот день на территорию гетто заходили украинцы и меняли еду на вещи. Евреи выменивали гороховую муку, пекли из нее лепешки с горьковатым привкусом и каждый день ждали: что дальше, когда их начнут расстреливать?..

В базарный день некоторые смельчаки, закатав штаны, дабы походить на крестьянина, выходили за пределы гетто. Бежать оттуда не имело смысла — всю остальную территорию занимали немцы, а они куда более жестоко расправлялись с евреями.

Однажды к ним пробрался парень из соседнего гетто. Там он чудом остался жив и бежал. Он уже стоял голый на краю рва, но его не расстреляли. Педантичные немцы соблюдали рабочий день — расстрелы вели минута в минуту только до пяти часов вечера. Таким же образом спаслась и еще одна женщина с детьми — они тоже оказались у рва в пять часов вечера. Ей с детьми удалось в ночь бежать и тайком проникнуть в гетто Джурин. Здесь было очень голодно и тоже страшно, но пока не стреляли.

Давид переболел сыпным и брюшным тифом. Его выходила мама. В 42-м его угнали на работу — весь сезон насыпали дорогу. В 43-м Давида увезли в концлагерь под Тульчин. В этот раз угнанных на работу почему-то вычеркнули из списков гетто. В лагере копали торф — крохотными лопатками, стоя по колено в воде в глубокой яме. Через месяц Давид и четверо его товарищей бежали из лагеря в свое гетто. Там было больше надежды выжить. Их искали. Они прятались по подвалам, чердакам и сараям вплоть до марта 44-го года.

После освобождения из гетто Барштейн Давид Лейбович оказался на фронте. Он прошел Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За отвагу». В 1949 году женился на Полине Нокоган, которая находилась в том же гетто, что и он. Ей было тогда 20 лет. Давид больше не встретился со своей младшей сестренкой. Ее вместе со всем теткинским семейством расстреляли в Херсоне.

Игорь

Середина октября. Игорь стоит голый. Но холода и боли не чувствует. От страха. Ветер хлещет посиневшие тела рядом. Их много, очень много — две с половиной тысячи. Он среди них. Вещи унесли на дезинфекцию. В его голове бьется только одна мысль: сейчас он подойдет для бритья к эсэсовцу и все будет кончено. Сделанное по еврейскому обычаю обрезание тут же укажет, что никакой он не Игорь, а Израиль, Изя. Ему было 19 лет.

...Он мечтал стать актером. После школы поступил в ГИТИС, блестяще выдержав конкурс — из тысячи человек прошли 30. Но проучился только четыре дня. Последовал срочный призыв в армию, а с 1941 года — фронт. Затем окружение полка под Старо-Константиновом, ранение в обе ноги и плен.

Несколько месяцев его, как и других, перевозили с одного места на другое: Ямполь, Львов, Перемышль, Ярослав. Затем лагерь Шталаг в местечке Ламсдорф. Здесь его впервые зарегистрировали и выдали металлическую бирку с номером 4266. Через полмесяца пленных опять погрузили в товарные вагоны. Они прибыли в концентрационный лагерь «Гросс-Розен» рядом с городом Вроцлав.

Израиля спасла спрятанная товарищем бритва. Втроем они самостоятельно обрили голову и тело. Толчея позволила незаметно присоединиться к группе, которая шла уже на мытье. Два километра нагими до бани — на одном дыхании. Вернувшихся пускали в барак. Одежду выдали обратно только через пять дней. За это время от голода и холода умерли 170 человек.

Израиль неплохо говорил по-немецки. Однажды надзиратель по бараку немец Ганс Распотник вызвал его к себе и спросил, кто он по профессии. Когда же узнал, что тот хотел стать актером, воскликнул: «А я тоже! Я выступал на конференсье в американском джаз-оркестре Вайнтрауба Синкопатор-са!» — «А я этот оркестр слушал в Москве в 36-м году», — ответил Израиль.

Немец, взволнованный разговором, подвинул Израилю тарелку с недоеденным супом. «Я вылил его в ведро и вымыл тарелку, — рассказывает Израиль Исаакович. «Ты что, не голодный?» — «Я голоден, но есть объедки с барского стола не стану». Немец велел налить Израилю тарелку супа и дать кусок хлеба. Следующие 4 месяца он частенько давал ему еще одну порцию, что во второй раз спасло ему жизнь. За зиму от приехавших вместе с Израилем 2500 пленных в живых осталось 70 человек. Люди умирали от голода и непосильного труда в карьере.

В один из вечеров Израиль и его товарищи из окна своего барака увидели страшную картину. Из барака-санчасти, куда селили больных и немощных, охранники вывели голого человека и заставили лечь на снег, затем еще одного, и еще, и еще. Всех... В какой-то момент один из охранников заметил потрясенных зрителей и побежал к их барaku. Они тут же легли и притворились спящими. К счастью, немец их не обнаружил. Позже они узнали, что людей травил стрихнином и таким образом освобождали место для следующей партии. Тела сжигали в крематории.

«Кто владеет немецким?» — переводил Израиль однажды речь эсэсовца только что прибывшей группе пленных. Один из толпы отозвался. «Кто по национальности?» — «Еврей», — отвечает тот. Израиль подошел ближе и зашептал: «Ты что, с ума сошел? Молчи!» — «Да они уже знают, разоблачили меня». Пришлось перевести это немцу. Тот засмеялся: «У вас что ни еврей, то немецкий знает...» — «Что же, и я, по-вашему, еврей?!» — сострил Изя. «Да какой ты еврей? Ты же тут говорить научился!» — было ответом. Позже того солдата, естественно, расстреляли.

Еще в самом начале группа пленных пыталась бежать. Ограждение, по которому шел ток, было прямо за стеной барака. Делали подкоп. Но не успели. Очень скоро из-за роста концлагеря забор перенесли намного дальше.

Был среди немцев один молодой. Тихий такой, никогда не кричал, никого не бил. Идет как-то Израиль мимо его вахты и видит, как другой эсэсовец передает на пост парня для избиения. Несчастный стащил котелок картошки. Израиль поинтересовался: «Пороть будешь?» — «Я не могу этого не сделать, — отвечает тот, — на меня тут же жалобу настрочат». — «А ты дай ему палку, пусть он бьет по топчану и кричит якобы от боли». Интеллигентный немец так и сделал. Вся округа слышала жуткие вопли...

Плен закончился в 1945 году. К тому времени от тех 2500 советских солдат, которые прибыли в «Гросс-Розен» в одном этапе с Израилем, в живых осталось пятеро.

Артистическая натура не давала Израилю покоя. Он организовал группу самодеятельности и стал выступать с концертами. На одном из них ему повстречался узник того же концлагеря. Этот человек уже рабо-

тал на СМЕРШ (армейское НКВД). Он-то и написал на Израиля обвинение в предательстве. У многих пленных был такой выбор: или ты пишешь донос, или его пишут на тебя. Правда, сам Израиль отказался от подобного предложения.

Состоялся трибунал, по которому Израиль получил 15 лет лишения свободы. Десять он провел в Воркуте на шахтах. Там же однажды остановил его некий Иван Бобришев: «Игорь?! А ты меня не узнаешь? Я тот самый... Ну, помнишь, котелок с картошкой? Спасибо...»

После войны мама Израиля стала звать его Игорем. Она объясняла это тем, что именно это русское имя спасло жизнь ее сыну.

Гуревич Израиль Исаакович реабилитирован в 1963 году. Рассказ о его судьбе вошел в документальный фильм Стивена Спилберга.

После Воркуты Израиль Гуревич женился на Левиной Хае Соломоновне. Ее многочисленная еврейская семья, проживавшая на территории Литвы, погибла. Огромный список убитых родственников Хаи (тогда ей было 14 лет) высечен на мемориальных плитах Поклонной горы.

«АиФ в Пензе», июнь 2003

ХРОНИКА ОДНОГО УБИЙСТВА

Полдень. 18 октября 1946 года. 14-летняя Майя в легком красном пальтишке стоит поодаль толпы. Около здания Пензенского областного суда собралось человек 150. Все обсуждают потрясшее Пензу двойное убийство.

В ночь на Первомай 1946 года было найдено два трупа. Нашли мертвой некую Ирину Г., учащуюся машиностроительного техникума. В свободное время Ира посещала хоровой кружок и, говорят, очень хорошо солировала. Второй труп — ее молодого человека Сергея Ч., который учился там же и посещал оркестровый кружок. Официальная версия: Сергей, убив Ирину на почве ревности, покончил с жизнью.

Согласно сталинской идеологии требовалось найти виновных. Арестовано четыре преподавателя и один выпускник.

...Здесь же, в толпе, мама Майи, старшая сестра и тетка. Мама отделяется от круга собеседников, подходит к Майе и поправляет на ней воротник: «Встань так, чтобы тебя было видно. Скоро подъедет черный «воронок» и из него выйдет папа...»

Майя рассеянно кивает. Пальтишко на ней с плеча двоюродной сестры Киры. Это чтобы папа, увидев ее в якобы новой вещи, понял, что семья ни в чем не нуждается и все хорошо. Проходит час, два, три... Народ начинает расходиться. Темнеет. Так и не дождавшись машины, Майя с семейством отправляются домой.

Отец

«Ну, дочка, вставай на кувырок!» — с лица отца мгновенно слетела усталость. Он заулыбался, а 8-летняя Майя побежала навстречу, протягивая руки. Толчок — и она, перевернувшись в воздухе словно настоящая акробатка, запрыгала от радости: «Еще!» Затем Майя забралась к нему на колени, обняла за шею и, как всегда до прихода матери, приготовилась слушать очередную историю. Отец, уткнувшись в ее волосы, стал раскачиваться в такт словам, будто баюкая. Затем, распаляясь, заговорил громче, передавая действие с выражением, в лицах и красках. Жестикулируя и мгновенно перевоплощаясь то в одного то в другого героя, он вскочил и заметался будто по сцене...

Обычно когда рассказ заканчивался, Майя и ее старшая сестра Леда просили продолжить. Тогда отец брал книгу и читал вслух. Так девочки слышали не одно произведение классиков литературы.

Дмитрий Тимофеевич не представлял своей жизни без театра. Будучи талантливым актером и неутомимым по складу характера человеком, он легко собирал вокруг себя театральные единомышленников. В далеком ноябре 1917 года он выступал с труппой актеров Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, затем в народном театре и клубе Пензенского трубзавода.

Спустя год, преподавая военную топографию на Пензенских командных пулеметных курсах, Дмитрий Милов создал драмкружок. Успех был оглушительный! С пьесами «Лес», «Без вины виноватые», «Не все коту масленица», «Женитьба», «Иван Грозный» актеры объездили всю губернию. В 20-м Дмитрий Милов познакомился со своей будущей женой. Красивая и невероятно обаятельная Надежда легко влилась в коллектив кружка как актриса.

Родилась Леда, через шесть лет — Маргарита. Увидев вторую дочь, счастливый отец воскликнул: «Моя дочь! Моя-моя!» В ответ Надежда шутливо отвечала то же самое. Со временем «моя-моя» переросло в имя Майя. Дмитрий Тимофеевич души в дочерях не чаял. Летом водил купаться на Суру, зимой катал на салазках. Частенько он и сам был не прочь скатиться с горки, что иногда и делал под одобрительный смех местных мальчишек.

Семейство жило небогато, но дружно. Однажды какой-то человек предложил Наде продуктывые карточки в обмен на ценности. Она отдала два золотых кольца и крестики. Когда же рассмотрела бумаги, в ужасе поняла, что ее обманули. Встретила мужа с плачем. Тот побледнел: «Что с девочками?» Узнав суть, почти радостно воскликнул: «Да шут с ним, с этим золотом! Я подумал, кто-то умер...»

К 1946 году 58-летний Дмитрий Тимофеевич был известным и уважаемым в Пензе преподавателем. В январе Президиум Верховного совета СССР наградил Дмитрия Милова медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Он преподавал в строительном техникуме и подрабатывал по совместительству в трех местах. Тяга к театру не остыла, он был режиссером драмкружка.

В семейном архиве Миловых до сих пор хранится фото Бориса Иллюстрова с надписью: «...дорогому Мите от ученика драматического искусства, от товарища по работе...» Борис Иллюстров спустя два года станет первым ректором строительного института. Вдохновленный талантом Дмитрия Милова, он долгое время будет вести там свой драмкружок.

Надежда Константиновна к тому времени окончила иняз и преподавала английский. Оставляло желать лучшего только ее здоровье. Врачи признали рак. Она пыталась держаться и даже играла в спектаклях, тем не менее чахла на глазах и иногда не могла даже подняться на ноги.

Ей прописали хорошее питание. Чтобы выручить средства, она продала красный в белый горох чайный сервиз и шкаф.

В начале июня 1946 года Майю и ее подружку-сверстницу отправили отдыхать в Липовку. Отец перед отъездом в село Арбеково на пасеку посадил девочек в вагон. Состав в сторону Арбекова стоял рядом. Дмитрий Тимофеевич сел в него, и они увидели друг друга из окон. Махали руками и смеялись, пока поезда не тронулись. В противоположные стороны.

Арест

В последнюю ночь пребывания в Липовке Майе стало плохо. Сердце сдавило. «Мама умерла», — решила она.

Приехав в Пензу, она понеслась домой со всех ног. На пути встретилась мама Киры. Майя подскочила к ней: «Скажите, тетя Оля, моя мама жива?» — «Жива», — ответила та. Отлегло. Майя не заметила, что произнесено это было мрачно.

Она влетела домой: «Я приехала!» Едва оглядевшись, удивилась необычайному порядку в комнате: «Ты убралась?!» Надежда Константиновна выдохнула: «Да... Папу забрали».

Вечером предыдущего дня Дмитрий Тимофеевич приехал из Арбекова. Усталый и грязный после возни с пчелами. Он сказал, что голоден, и хотел было помыть руки. В этот момент в незапертую дверь быстро вошли трое. Щеголеватые молодые люди оттеснили Дмитрия Тимофеевича к стене. Они произнесли речь, из которой от неожиданности супруги слышали только слово «подозреваете». Начался обыск.

В полном молчании мужчины стали рыться в вещах, сбрасывать с полок книги. Педантично откладывали кое-что в сторону. К концу обыска вернулась 20-летняя Леда. Сообразив, что к чему, она подошла к горке отложенных вещей: «А это-то вам зачем?» Взяла в руки еще один предмет: «Ну а это?» После недолгого колебания часть «улик» молодые люди выбросили. (Позже Леду, как дочь врага народа, хотели исключить с последнего курса индустриального института. Однако за нее вступился комсорг группы.)

Дмитрий Тимофеевич сидел и дрожащими от напряжения пальцами подписывал вещи: «Изъято при аресте». Здесь были фото его братьев, се-

мы, друзей, учебник истории, Надина книга на английском языке и произведение Зошенко.

Дмитрия Тимофеевича подняли, надевая наручники. Он вдруг сбивчиво попросился в туалет. Его вывели во двор и разрешили помочиться под яблоней...

Суд

После ареста пришел Иван — товарищ двоюродной сестры Киры. Он закрылся с матерью в зале и долго беседовал. Позже его никто никогда не видел. Он извинялся. Рассказал, как его вызвали в НКВД, дали прочесть обвинение против Дмитрия Тимофеевича и подписаться. Иван воскликнул: «Это неправда!» Его бросили в карцер. Угрожали расправиться с семьей. Он подписал.

Подписали и другие — коллеги, товарищи и знакомые. Вероятно, им сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Сделка с совестью в обмен на обещание не трогать их близких.

18 октября 1946 года, так и не дождавшись «воронка», семья Миловых вернулась домой. Около облсуда (теперь здание Арбитражного суда) арестованного никто не увидел. Тем не менее суд вынес приговор Дмитрию Милову по статье 58-10 за антисоветскую агитацию. Ему дали 10 лет лишения свободы с пятью годами поражения в правах.

Дело в том, что ранее арестованный выпускник техникума Г.А. Ежов показал на допросе, что «его антисоветские убеждения сформировались под влиянием Д.Т. Милова». При обыске у Ежова обнаружили пистолет «ТТ». (После возвращения из заключения Ежова нашли утопленным в реке.)

Вслед за Ежовым, даже в тот же день, добавились еще и «свидетельства» преподавателя А.И. Болтикова и студента И.К. Мишина: «Милов в течение долгого времени неоднократно в различных аудиториях допускал антисоветские высказывания». Это и решило его судьбу.

А то, что Дмитрий Милов преподавал в машиностроительном техникуме по совместительству и никак не пересекался с Ириной и Сергеем, в связи со смертью которых начались аресты, уже мало кого интересовало.

Еще двое арестованных — преподаватели Сабанов и Алонзов — получили по 7 лет лишения свободы. Сабанов отсидел, Алонзова отпустили — кто-то отхлопотал. Дело пятого человека — преподавателя А.М. Ширинова — было выделено в отдельное производство. Он признан психически нездоровым и отпущен. (Среди народа ходили упорные слухи, что ради него Ирина отвергла чувства Сергея.)

Майя уже привыкла носить передачи в тюрьму. Узелок с вареной картошкой, кашей, хлебом и махоркой. В очереди человек пять-шесть, но стоять долго. Сумку каждого высыпают, все разворачивают и проверяют.

Несколько месяцев спустя нашлась женщина, работавшая в тюрьме врачом. Она вспомнила, что Дмитрий Тимофеевич лежал в тамошней больни-

це, не мог даже пошевелиться. Описывая его состояние, женщина задумалась, подбирая нужные слова: «Это был полностью сломленный человек».

Жалоба

Через три дня после суда Дмитрий Милов написал жалобу в Верховный суд РСФСР (текст приводится без изменений. — **Прим. авт.**):

«18–19 октября областной суд вынес мне приговор. Я находился долгое время в состоянии невменяемости на следствии и на суде. Предстоит далее мне выступать на суде Верховном. Не знаю, что будет. Все получилось при какой-то психической невменяемости с моей стороны. Мания ужаса и страха и какие-то наркозы и внушения привели меня к полному психозу. Прошу Верховный суд подойти к разбору моих дел, учесть мой психоз и сделать снисхождение. А также людей, записанных в дело, я не клеветал, а также про всех прочих. Какая-то сила внушения со стороны тюремных тяготит меня, и я ни разу не сказал то, что есть в желании, и выходило все наоборот. Выходит то, чего не было в действительности. 24.10.46 года».

Свидание

Еще издали Надежда услышала стук железных дверей. Совсем рядом что-то клацнуло, загремели ключи.

Она его не узнала. Абсолютно седые волосы, темное сморщенное лицо. Дмитрий Тимофеевич сделал шага три и сел. Мгновенно скрючился. Она поежилась от холода, вспомнив о его вечном радикулите: «Ты вещи-то получил?» — «Нет.» — «Мить, а мне ведь операцию сделали. Сказали, что у меня не рак, а язва. Я поправлюсь. Я буду жить...»

Дмитрий Тимофеевич что-то тихо ответил. Надя не расслышала. Она напряженно смотрела на его черный, почему-то совершенно беззубый рот. Вдруг до нее дошло произнесенное им: «Лучше бы ты умерла!» Вздрогнув, она отшатнулась. «Мне девчонок жалко. Они мне сказали, что со мной разделяются и до вас доберутся», — продолжил он. Надсмотрщик прервал: «Ну, будет вам, Дмитрий Тимофеевич! Бу-удет вам!..»

Несколько позже женщина в окошке швырнула передачку обратно: «Нет его! В Бутырку увезли!»

Примерно в это же время к матери пришла знакомая и в страшной тайне рассказала, что видела, как бесчувственное тело Дмитрия Тимофеевича вынули из машины и волоком тащили в вагон московского поезда...

Спустя 8 месяцев Надежда Милова получила казенное письмо. В нем говорилось, что 20 мая 1947 года Д.Т. Милов скончался.

Реабилитация

Спустя 7 лет, 20 марта 1954 года, Верховный суд СССР Дмитрия Милова реабилитировал.

Попытки выяснить, как он умер и где могила, не увенчались успехом. Удалось лишь узнать, что по пензенским документам Дмитрий Милов умер 20 мая 1947 года, а по московским — на шесть дней позже. ГУВД Москвы написало: «Установить причину смерти и место захоронения не представилось возможным».

После реабилитации мужа Надежда Константиновна получила его отпускные в четырех местах. Дмитрия Тимофеевича забрали накануне отпуска, и тогда деньги, естественно, никто не отдал.

Спустя еще 40 лет, в 1994 году, дочь Дмитрия Милова Маргарита (Майя) сделала запрос, чтобы посмотреть дело отца. На всех фото, которые ей отдали, стояла его корявая надпись: «Изъято при обыске». В присутствии наблюдателя разрешили почитать дело. Допросы Милова вели четыре следователя по 4-5 часов: с 11.00 до 16.30, с 20.00 до 1.20 ночи, с 22.00 до 1.20 ночи. Сделать копии с документов не позволили.

Довольно часто следователи допрашивали Дмитрия Тимофеевича об отношении к партии эсеров, кем был в белой армии, о его брате Федоре.

Родной брат Федор Тимофеевич умер в 1920 году от тифа. В далеком 1917 году он был начальником Пензенской военной милиции, а в 1918-м заведовал учебной частью пулеметных курсов. Там вместе с братом два года работал Дмитрий Милов. Они общались и в драмкружке. Как выяснилось, Федор расходился во взглядах с председателем губисполкома Куравевым, которого назначил Ленин.

Мог ли Дмитрий Милов предположить, что почти тридцать лет спустя разногласия покойных — его брата и Кураева — так трагически определяют его судьбу.

Р.С. По этическим соображениям и личной просьбе родственников Дмитрия Милова автор не называет всех лиц, фигурировавших в этом деле.

Досье

Милов Дмитрий Тимофеевич родился 24 октября 1888 года в с. Головинщине Нижнеломовского уезда Пензенской губернии.

В 1910 году окончил Пензенское землемерное училище. В 1914 году призван в армию и направлен в Петроградское военно-топографическое училище. В 1918 году назначен преподавателем военной топографии на Пензенские командные пулеметные курсы.

С 1924 по 1940 год работал в лесном техникуме, с 1940 по 1946-й — в строительном техникуме. Преподавал топографию, математику, техническую механику деталей машин, сопромат, геодезию. В разные годы совмещал основную работу с преподаванием в Губсовпартшколе, опытной ударной школе II ступени, курсах комсостава милиции, командных кур-

сах Пензенского гарнизона, Доме Красной Армии, машиностроительном техникуме, индустриальном институте...

В 1932 году работал начальником счетно-топографических работ в Ульяновске. Его карты были изданы большим тиражом. В 1938 году окончил Ленинградскую лесотехническую академию по специальности инженер сухопутного транспорта.

«АиФ в Пензе», октябрь 2003

ПОМНИ ЯЗЫК СВОЕЙ МАТЕРИ

22 июля исполнилось 240 лет Манифесту императрицы Екатерины Великой, по которому в Россию стали переселяться иностранцы, в частности немцы. Советская власть подвергла их гонениям, выселению с обжитых мест, конфискации имущества и принудительным работам. Многие немцы были вынуждены слиться с населением СССР, раствориться в нем.

Сейчас их дети не знают родного языка, не помнят своих корней. Когда же к сегодняшним немцам приходят из Пензенского общества немецкой культуры, большинство отказывается принимать помощь. Почему? Характер? Я не нашла на это ответа.

Эйлалия

1950 год.

«Ненавижу! Ненавижу этот лес!» — Ольга накинула телогрейку и опустилась на корточки. Перерыв. Через несколько минут все заново. Они с напарницей откопают глубокий сугроб от корневища, подпилят ствол ручной пилой и вырубят горизонтальную ложбину. Потом будут долго пилить дерево с противоположной стороны. Нехитрый инструмент станет гнуться и застревать в древесине.

Затем длинной опорой они вдвоем упрутся в ствол, налегая, пока он, треща и шелкая, не упадет. Сваленное дерево надо очистить от боковых веток так, чтобы оно стало гладким. Потом они распилят бревно на куски по четыре метра в длину, а ненужные ветки свалят в огромный костер.

«Почему другие заступаются за своих детей и находят им работу полегче? — пожаловалась как-то Ольга родителям. — Я хочу учиться и стать врачом, а не пилить лес!» На это ее суровый отец усмехнулся: «А станешь героем соцтруда!».

1941 год.

...Эйлалия бежит вверх по холму. Мокрая утренняя трава режет ноги. Туда, к трем крестам. Вот он, самый большой из них! Она раскинула руки в стороны и запрокинула голову так, что в глазах отразились плывущие

облачка. Сейчас она сама похожа на этот католический крест — тоненькая и изящная. Эйлалия всплеснула хрупкими запястьями, упала на землю и блаженно улыбнулась. Ей 13 лет.

Теперь домой, под горку! Вприпрыжку и взмахивая руками, как крылышками. Вот уже виднеются фиолетовые ирисы. Широкой полосой они густо окаймляют сад и дом из белого ракушечника.

На Пасху Эйлалия с младшими сестрами и братиком устраивали в ирисах «гнезда». Эйлалия уминала руками небольшой участок ирисов и устилала это место охапкой полевых фиалок. Наутро в «гнезде» появлялись крашенные яйца и конфеты.

Эйлалия подходит огородами к дому. Совсем недавно его стены сияли белизной, а теперь они совершенно черные. Их вымазали коровьим пометом. Это чтобы дома не было видно с самолетов. Да и свет теперь тоже нельзя зажигать. Если вечером дежурный заметит даже свечу в окне — оштрафуют.

— Во трайбст ду дих, Эйлалия?! Шнэлер! Шнэлер! Цвай штундэн цум форбэрайтэн! (Ну где ты ходишь, Эйлалия?! Быстрее! Быстрее! Два часа на сборы!) — мать носится по двору, хватая какие-то вещи. — Вир мюссен зофорт абфарен! (Нас увозят!) — она убегает в дом и опять выскакивает во двор. — Розалия! Фэрштейст ду дас?! (Розалия! Я кому сказала?!)

В небольшой сундук уложили папины костюмы и самые ценные вещи. Начали копать яму, чтобы спрятать. Земля не поддавалась... Пришла машина.

— Ди ку! Ди ку унд швайне мус ман рауслассен! (Корову! Корову и свиней надо выпустить!) Зи вэрдэн ин дэн штал фэркриппен! (Они же в хлеву с голоду помрут!) — мама соскочила с грузовика и бросилась обратно во двор...

Эйлалия, Георг, Гильда, совсем кроха Розалия и мама заехали за отцом в соседний Фриднталь. Он работал там председателем. Эйлалия не успела опомниться, как все семейство уже теснилось в товарном вагоне. Родное немецкое село Розенталь осталось далеко позади. Пышные сады, огороды и домики, коровы и свиньи, куры и связки душистых колбас на их чердаке, пчелы, ирисы, церковь и те кресты на холме — все осталось где-то там, далеко-далеко.

После войны Эйлалия приедет из спецпоселения в Розенталь на побывку. Вместо их дома она увидит огромную воронку. Татарские старожилы, которые когда-то чудом оказались в их многотысячном немецком селе, расскажут, как было им страшно в мгновенно опустевшем Розентале. Выпущенные хозяевами сотни свиней, овец, кур и уток метались по улицам. Недоенные коровы мычали и плакали от боли в вымени. Собаки, сбившись в стаи, выли и скулили беспрестанно и жалобно.

Семью Рисс высадили в Левокумске Ставропольского края. В крохотной комнатке два месяца они спали на вещах из сундука, который так и не успели закопать. Опомнились, что зря не взяли документы, —

уезжали-то ненадолго. Затем такой же душный вагон повез их дальше, в Сибирь. В ноябре они прибыли на место назначения — в Мариинск.

Оттуда семейство переправили в глухую тайгу и поселили у жителей местного села. Отца сразу же увезли в трудовой лагерь, маму — на лесоповал. Эйлалия, как самая старшая, была вынуждена думать, как прокормить младших.

Она разваривала две картофелины в большом котелке воды и взбалтывала. Это они ели вчетвером утром и вечером. «Лежи! — прикрикивала она на Розалию. — Так ты дольше не захочешь есть! Лежи!»

Постепенно она поменяла все вещи из того самого сундука на картошку. Эйлалия стала работать наравне со взрослыми в колхозе. Ее тоненькие руки огрубели на молотбе и покосах, пальцы растрескались и опухли от мороза на лесоповале. За работу ей отмечали трудодни. Один трудодень — 100 граммов зерна на руки, и то не всегда.

После войны отец вернется из трудлагеря и срубит маленький деревянный домик. Они заведут скромное хозяйство, чтобы кормиться. Младшие дети станут учиться в школе. Эйлалия, Ляля, как ласково звала ее мама, станет Ольгой. Она забудет родной язык, на котором говорила вся семья до войны, и будет чисто, без акцента общаться по-русски. Она не осуществит свою мечту стать врачом.

13 декабря 1955 года вышел Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев...» Осенью 1956 года семью Рисс отпустили. Отец не дождал до этого три года. Эйлалия с мужем и двумя детьми, ее мама, уже взрослые Георг, Гильда и Розалия оставили все нажитое и навсегда уехали из тех мест. Эйлалия работала колхозницей, машинистом котельной. Позже ей удалось окончить торгово-кулинарное училище, и она стала поваром.

Семья родного дяди Эйлаллии Яковлевны Рисс также жила в спецпоселении, но только в Северном Казахстане. Дядя Иосиф и его жена умерли там же, связь с их детьми утеряна. Несколько лет назад сестры Эйлаллии — Гильда и Розалия — уехали в Германию. Эйлаллии же мысль об отъезде не понравилась. 15 лет спецпоселения и работ на лесоповале сделали ее практически русской. Родное село она вспоминает, но его уже нет на карте. Розенталь давно переименован в село Ароматное.

Кайзер

1947 год.

«Ура! Домой! Анечка моя, скоро я увижу тебя! Скоро-скоро-скоро! Как же ты там с детьми?! Александра, Шурочка, наверное, стала большой. Когда уходил, ей было 6 лет. Помнишь ли ты еще меня, Аня?..» Сквозь щель в товарном вагоне Давид смотрел на пролетающие деревья и поля. Его обменяли. Странно. Впрочем, таких, как он, целый поезд. Значит, так надо. Не важно. Главное, что скоро он будет дома. Жива ли мама?

В 1941-м, когда Давид уходил на фронт, Аня была беременна. Они решили, что если будет сын, его обязательно назовут Виктором...

На территории Белоруссии его полк почти сразу попал в плен. Наступление было столь мощным и быстрым, что никто и опомниться не успел. В плену его определили по хозяйственной части. Он перевозил на лошадях продукты, строил, копал — в общем, четыре года на правах раба. К концу войны его увезли в Германию.

Загромыхала открывающаяся дверь. Незнакомое место и холод. Их построили и повели под конвоем... Нет! Не может быть! А чего он ждал?... Коми АССР, город Усть-Коломна, спецпоселение под комендатурой... Навсегда?! «Кайзер Давид Генрихович!» — «Их бин... Я! Я!» — он вдруг понял, что почти забыл русский.

Райнвальд.

Райнвальд расположен в 25 километрах от города Энгельса (ныне Саратовская область). Отец с матерью были лютеранской веры и часто брали с собой на молитву маленького Давида. В церкви проходили службы, крестили детей, собирались на Рождество.

У семьи Кайзер был небольшой домик, огород, скотина. Отец построил дом сам. Поставил столбушки и оплел их лозой. Затем обмазал глиной. 20-е годы выдались для села нелегкими. Гонения, голод. Две младшие сестры Давида заболели оспой и умерли одна за другой.

А в 1923 году умер отец. Из-за голода несколько немецких семей решили уехать на Украину. Однако в дороге их подводы обчистила банда. Отец же в пути заболел. 9-летний Давид и его мать Амалия Христиановна были вынуждены остановиться у местного священника. После похорон отца мать с сыном заболели тифом. Их выходил священник. Он же научил Давида русской грамоте. Через некоторое время они все-таки вернулись в Райнвальд, к родственникам.

Родня Кайзеров была многочисленной. Здесь с семьями жили пять маминых сестер и родственники отца. У мамы было еще три брата. Правда, еще до революции они уехали в Америку. Мать и отец Давида тоже туда собирались, но мама не прошла медкомиссию. Даже будучи молоденькой девушкой, Амалия Христиановна не отличалась особым здоровьем. Заметив это, ее родитель отправил Амалию работать прислугой в дом побогаче.

1949 год.

До приезда состава с заключенными в Усть-Коломну местное население оповестили: в дом не впускать, в разговор не вступать, вызывать наряд милиции, ежели кто постучится. Заключенных немцев было много, но встречались и украинцы, и казахи. У каждого своя стаття.

Всех распределили по спецпоселкам. В каждом по три-четыре барака, отдельно мужские и женские. В бараке — от 60 до 100 человек. Позже, не-

смотря на запрет, обитатели бараков смешались — люди женились, отгораживая свои двухэтажные нары простынями. Еще через какое-то время некоторые семейные пары поставили тут же маленькие деревянные срубы.

С 8 утра — лесоповал. Если дерево потоньше — от 15 до 20-ти. Пеньки — строго, не выше 15-ти сантиметров от земли. Работали в гимнастерке и рукавицах — в ватнике тяжело, да и жарко. На морозе вспотевшая спина покрывалась инеем. Пока снег от дерева откопаешь, уже весь мокрый — снег-то в лесу по грудь.

Однажды сосна покачнулась не в ту сторону. Здоровенный молодой парень, валивший дерево, мгновенно умер. От испуга. Ему показалось, что сосна падает на него. Его молодая жена, местная круглолицая комачка, поставила у гроба лавку и пролежала рядом с трупом трое суток...

Зимой бараки отапливали печкой. На ней же готовили скудную еду. Летом печь ставили на улице. Раз в неделю — баня. Детей водили с собой или же мыли в бараке. Стирали там же. Ближайшая больница — за 30 километров, еще одна — в Усть-Коломне — за 60 километров. Рожали — кто как сможет. Бывало, помогали свои, барачные. Церкви не было, поэтому крестины устраивала какая-нибудь местная набожная бабушка — просто читала молитву.

Первое время с едой было совсем туго. Выдавали хлеб, позже — немного сахара. Поселенцы меняли его у местных жителей на картофель. Потом освоились. Стали заготавливать грибы для супа и собирать ягоды. Чая не было. Пили кипяток. Тоже вкусно, когда очень хочется есть.

По весне, когда на Вычегде начинался сплав хлыстов (так называли готовые обработанные бревна), мужикам наливали в стакан по 100 граммов спирта. Весь день в ледяной воде по горло мало кто выдержит. На эту работу отбирали самых сильных. Чуть что — затор. Разобрать его нелегко — бревна тяжелые и скользкие. Провалишься в воду под них — можешь и не выбраться...

Здесь Давид познакомился с Ниной. Она русская. В 23 года Нина за вербовалась на Север, чтобы не голодать на своей родине.

Давид и Нина стали жить вместе. Они отгородили его нары простыней — как и все. Под доски вместо матраца — фуфайка, одна ложка на двоих. Иногда, убирая со стола, Нина, стесняясь своего постоянного чувства голода, засовывала за пазуху крохотный кусочек хлеба. Прячась за сараем, она мгновенно его проглатывала.

Нину вызывали в комендатуру, отчитывали и допрашивали, стыдили. Об официальном браке не могло быть и речи. Даже в свидетельстве о рождении ее дочери Любы в графе «отец» стоит прочерк. Впрочем, как и у двоих ее последующих сыновей — Рудика и Коли.

В 1951 году вышел Указ, разрешающий немцам воссоединить семьи. По переписке Давид выяснил, что в 41-м году все село Райнвальд разделили на

две части. Мужчин выслали на Север, женщин с детьми — в Сибирь. Он также узнал, что его мать жива и находится на спецпоселении в Красноярске. Там же жила и его первая жена. Она вышла замуж. Его сын Виктор умер девяти месяцев отроду, позже скончалась и дочь Шурочка. Давид отправил в официальные структуры нужные документы на выписку к нему матери.

Амалия Христиановна приехала. Вернее, ее доставили на небольшом самолете. С трапа сошла маленькая, высохшая старушка и неуверенно двинулась навстречу. Ослабшая и плохо видящая Амалия Христиановна, мама, шла к нему... под конвоем.

Давид с Ниной покинули Север в 1958 году. После выхода указа, дающего немцам вольную, они просто не знали, куда им ехать.

В первый же день их пребывания в Алма-Ате они случайно встретились с товарищем по спецпоселению, тоже по фамилии Кайзер. Увидев их из кузова грузовика, он заметался, стал долбить в борт машины и кричать: «Кайзер! Кайзер!» Когда машина остановилась, он бросился к ним, схватил за руки: «Не верю! Может, я сплю?!» Там же, в Алма-Ате, Давид и Нина официально поженились.

Кайзер Давид Генрихович приезжал в Райнвальд. Когда-то очень большое село опустело и было полностью разрушено. Многими годами позже, когда появилась возможность уехать в Германию, уже взрослые дети уезжать из России не захотели.

Яша

1941 год.

Яша смеется. Откидывая со лба льняную прядь, он запускает ответный снежок. Ванька, раздурчившись, кидает слипшийся кусок снега, но тот летит мимо. Ванька подпрыгивает, бросая еще один снаряд:

— Вот тебе! Ага-а! Вот тебе! Попался, фриц! Вот тебе, немчур!..

Яша останавливается, топчется на месте и растерянno разворачивается в сторону своего дома.

— Немцев! Ну постой! Я же не нарочно! — кричит Ванька ему в спину.

Яша, не оглядываясь, машет рукой. Он подходит к дому на пригорке, прислоняется к его бревенчатой стене и долго, не отрываясь, смотрит на дорогу. Летом по ней ушел в трудовую армию его отец. Тогда Яша стоял на этом же месте и так же растерянno провожал взглядом удалявшуюся фигуру. Яша не плакал. Ему было 10 лет.

Ком подступил к горлу. Почему-то вспомнились слова отца, которые он вечно пропускал мимо ушей или же выслушивал с раздражением: «Не забывай язык своей матери!» Мама... Она умерла вскоре после переезда в Новодевичье (теперь Самарская область), осенью 37-го. В палате больницы, где она родила младшенькую Лизу, ночью открылось окно. Ее кровать занесло снегом.

После смерти мамы из Александерталя приехала младшая сестра отца, тетя Хильда — тантэ Хильда. Она воспитывала семерых детей, пока ее сама вслед за отцом не забрали в трудовую армию.

Александерталя.

Вообще-то Яшина фамилия не Немцев. Так их окрестил местный люд Новодевичьего. Семья Маттис переехала сюда из Александерталя, потому что глава семейства Яков Бернгардович нашел здесь работу учителя немецкого языка.

Александерталя — немецкое село. Оно было основано менонитами в честь Александра I в 1857 году. К концу XIX века таких земледельческих сел только на Волге было уже более ста. Современники признавали, что эти поселения достигли наивысшего материального благосостояния. Немцы усердно обрабатывали землю. В сезон приглашали даже наемных рабочих. Держали стада овец, коз, коров, лошадей и птицу. Тем не менее некто А. Велицын писал в 1890 году, что менониты «оказывают самое зловерное влияние». Это выражалось в том, что они, хотя и являлись христианами, проповедовали крещение уже взрослого человека, принимающего религию осознанно. К тому же менониты отказывались исполнять воинскую повинность.

У Якова Бернгардовича было пятеро братьев и шесть сестер. Все они жили в Александерталя и к 30-м годам уже имели свои многодетные семьи. Пришедшие к власти большевики объявили сельчан вредителями, кулаками и увезли их на принудительные работы в архангельские леса. В 30-х годах советская власть отправила в заключение практически всех мужчин Александерталя. В 31-м мама еще не родившегося Яши Елизавета Гергардовна писала мужу в тюрьму, спрашивая разрешения назвать сына его именем. Тогда она думала, что больше никогда не увидит отца своих детей.

1943 год.

Отец вернулся. Осунувшийся и совершенно беспомощный. Его отпустили как безнадежно больного. Трофическая язва голени. Его нога после работы в угольной шахте Копейска (Челябинская область) превратилась в сплошную незаживающую рану. Он пролежит в районной больнице несколько лет. Яша с братьями будут носить ему еду и ивовые ветки для плетения корзин. Эти корзины дети будут менять в соседних селах на муку, крупу или хлеб, крайне редко — на мясо.

Братья сажали картошку и просо на своем участке. До него шли три километра. Затем, облепленные мошкаркой, на солнцепеке до изнеможения обрабатывали землю. Яша работал еще и пастухом. С трех часов утра до шести вечера он, прихрамывая, ходил за коровами, овцами и козами. Прихрамывал, потому что в два года переболел полиомиелитом. Когда ему исполнилось 12, он устроился шить обувь для фронта в

местном промкомбинате за продуктовую карточку. А это целых 500 граммов хлеба.

Вскоре после отца вернулась и тантэ Хильда. Последний год трудармии она провела в тюрьме. Хильда нашла на какой-то помойке метр брезента. Ей надо было сшить юбку, потому что на тяжелых работах износилась одежда, а другой не давали. Однако кто-то донес, будто она это украла.

Из заключения ее отпустят по нетрудоспособности — туберкулез кости. Рука тантэ Хильды прогнет чуть ли не насквозь. Дети будут снимать гипс, вытаскивать заведшихся в мышцах червей и накладывать гипс обратно.

Осенью умерла Лиза. Ее шестилетний организм не выдержал голода. Она болела четыре недели. Маленькое худенькое тельце с бледным лицом и провалившимися глазами лежало в соседней комнате, через стенку от остальных детей. Яша заглядывал к сестре перед сном. Однажды утром она просто не открыла глаза.

Десятки родственников Яши, оставшиеся перед войной в Александертале, были выселены в спецпоселения. Дядя Вальтер умер в тюрьме. Его по приговору тройки посадили на 10 лет якобы за контрреволюционные речи. Тетя Сусанна также по приговору тройки отсидела 10 лет. Когда ее выпустили, то сообщили, что она сидела ни за что, по ошибке. Сусанна рассказывала об этом и от радости плакала. Позже от радости же она сошла с ума.

Вернувшись инвалидом после трудармии, тетя Хильда не смогла создать свою семью. Будучи уже пожилой женщиной, она уехала в Германию. Туда уехали некоторые выжившие тети и дяди Якова, а также его младший брат.

Яков Яковлевич Маттис окончил с отличием Пензенский индустриальный институт. 27 лет преподавал на кафедре информационно-измерительной техники и кафедре электротехники. В далеком же 49-м году некий преподаватель Куйбышевского энергетического института поставил абитуриенту Маттису «двойку». Не за отсутствие знаний, а за «враждебную» национальность.

Тогда же все-таки ставший студентом физмата Яша будет писать отцу. На языке своей матери. Он до сих пор свободно общается на немецком и читает Гете в оригинале. Недавно он закончил перевод книги немецкого автора о Ельцине.

Деревянный дом в Новодевичьем, где жило семейство Маттисов, в 60-х годах разобрали и перенесли на другую сторону села. Там же, где он стоял ранее, теперь воды Куйбышевского водохранилища. Примерно в это же время Яков вместе со своим отцом навестили Александерталя. Их семейное гнездо было разрушено, а уже опустевшее село переименовано в Александровку.

Из постановлений государственного Комитета обороны:

От 10 января 1942 г.

«Обязать НКВД СССР... установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев... дисциплину, обеспечить высокую производительность труда... За нарушение дисциплины... с применением... высшей меры наказания».

От 7 октября 1942 г.

«Дополнительно мобилизовать... немцев-мужчин в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет... женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет... дети передаются... ближайшим родственникам или немецким колхозам... Немцев-мужчин направить... на предприятия Наркомугля... Женщин-немок направить на предприятия Наркомнефти».

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР:

От 26 ноября 1948 г.

«В целях укрепления режима поселения для выселенных... немцев, а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы СССР... проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ...»

«АиФ в Пензе», июль 2003

Николай ФЕДОРОВ

(«Дмитровский вестник», Московская область)

КАНАЛ И СУДЬБЫ

Братья

Харьков выглядел, как обычно. Хмурилось осеннее небо. Сыпал мелкий дождь. Шелестели, падая, оборвавшие свою жизнь листья. Да изредка пробивался сквозь серость и сырость солнечный луч.

Год близился к завершению, и вовсе не так уж далеко от бывшей столицы Украины была вторая мировая война. Но город не замечал этого, он готовился к 23-й годовщине Октябрьской революции.

Не заметил город и арест командированного из Москвы чиновника высокого ранга из Наркомата обороны. Да, собственно говоря, чего заме-

чать: «воронки», ночные звонки и широкомасштабные, безрезультатные обыски — стали характерной чертой эпохи.

Евгения Тольского арестовали в Харькове 2 ноября 1940 года, а в самый канун главного государственного праздника предъявили обвинения в Москве. Во вредительстве и участии в троцкистско-фашистской организации.

Обыск шел почти девять часов. Обнаружили партбилет, документы на ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, личную и служебную переписку, опечатали две комнаты.

Из анкеты: Тольский Евгений Павлович родился в г. Умань Киевской губернии. Закончил коммерческое училище и Военно-техническую академию РККА в Ленинграде. Военинженер 1 ранга. В 1940 году — начальник техотдела наркомата боеприпасов СССР.

— Служил ли в царской армии? — спросил следователь.

— С шестнадцатого года в отряде Всероссийского отряда городов.

— В белой армии?

— Нет.

— В РККА?

— С мая девятнадцатого. Начинал красноармейцем коммунистического отряда...

В декабре Евгений Тольский — уже начальник дивизионной партшколы, а в октябре 1920 года — военный комиссар штаба 9-й Кубанской армии.

Гражданская война, принесящая много бед, завершалась. В 9-ю Кубанскую прибыли стажеры. Разного возраста, разной подготовки. Среди них — крепыш среднего роста с круглым лицом по фамилии Хрушев.

Как часто случалось, в один из моментов сделали групповую фотографию на память. В первом ряду с белой кубанкой в руках — Е.Тольский, слева от него через одного сел будущий известный писатель Д.Фурманов, а за его спиной встал Н.Хрушев. С последним потом пришлось трудиться рядом — на строительстве канала Москва—Волга, где Евгений Павлович возглавлял сектор монтажных работ, а Никита Сергеевич как первый секретарь обкома партии постоянно приезжал на трассу рукотворной реки.

А фотографию эту опубликовали «Известия» в 1964 году, в день семидесятилетия первого секретаря ЦК КПСС.

Заполняя анкету, следователь спросил Е.Тольского о брате.

— Брат Муценко Михаил Павлович — зам. начальника Главспецгидростроя Наркомстроя СССР.

Из автобиографии М.П. Муценко: «Родился в Умани Киевской губернии. В июле 1918 года ушел в коммунистический (партизанский) отряд Черноглазова и Найдича. В июле 1919 года по решению Киевского губкома и ЦК КП(б)У с группой других членов партии командирован на подпольную работу в районы Житомира, Бердичева, Казарина.

До подпольной работы жил под своей настоящей фамилией — Росовский. При посылке в подполье мной был получен в ЦК КП(б)У фиктивный документ на имя Муценко Михаила Павловича, по которому и живу до сих пор».

В декабре того же года подпольщика отозвали в Киев и направили на учебу в рабфак в Москву. Но дела на южном фронте складывались «неважные», и Михаил, бросив занятия, ушел добровольцем на передовую.

Из анкеты: «6 сентября 1920 года в бою под городом Ореховом, будучи ранен, попал в плен к белым (вместе со всем батальоном). Месяц находился на излечении в лазарете, а с 6 по 12 октября служил у белых (6 дней) в 10-м донском казачьем полку».

В тот день небольшая группа «беляков», воспользовавшись удобным моментом, перебежала к красным. Среди них был и Михаил Муценко.

Провоевав в 13-м Петроградском полку до ноября 1922 года, он сначала закончил рабфак в Краснодаре, а затем по направлению ЦК ВКП(б) поступил в Московский институт инженеров водного хозяйства. По окончании возглавил этот вуз.

1931 год стал началом отсчета времени в строительстве канала Москва—Волга.

Из автобиографии Е.П. Тольского: «С 1929 по 1933 гг. — в военной промышленности — директор номерных заводов. С 1933 по 1937 гг. по командировке ЦК партии работал в качестве пом. (помощника) главного инспектора строительства канала Москва—Волга».

Выбор был не случаен. Квалифицированный специалист, имеющий опыт руководящей работы крупным производством, награжден орденом Красного Знамени, Е.Тольский как нельзя лучше подходил команде главного инженера С.Жука, требовательного и вникающего в каждую деталь, прошедшего уже не одну крупную гидростройку.

Евгений Павлович приехал в Дмитров в октябре 1933 года. Вместе с семьей его поселили в доме Золотина, что стоял неподалеку от нынешнего ресторана «Волгуша». В семье — трое детей. Жена Ольга Ивановна вскоре стала заметной фигурой на стройке — помощником начальника Центрального района.

Из статьи О.Тольской: «КВО на фронтах перековки» в журнале «На штурм трассы»: «Делом «перековки» в лагере ведает культурно-воспитательный аппарат, охватывающий сверху донизу всех заключенных.

Лагерь имеет 82 библиотеки, в которых 88500 книг. Кроме стационарных, 148 передвижек. Прорабатываются сочинения Горького, книги Авербах, Авдеев... В красных уголках — громкие читки «Библиотеки «Перековки» и журнала «На штурм трассы».

Особое значение имеет работа с националами, женщинами, рецидивистами. В этом используем национальную культуру. Помогают национальные городки, отряды, общежития, кухни, чайханы...»

Из журнала «Работница», март 1937 год: «Прошли весенние дожди. Недержимо начал таять снег. Ольга Ивановна была брошена на прорывной участок по строительству насосной станции. Каждую минуту вода могла потопить то, что тысячи создали за много месяцев. Заключение наотрез отказались работать.

— Невозможно сейчас в валенках быть! — орали они.

Тольская смело пробралась в самую гущу толпы.

— Не дам из-за валенок станцию губить!

— А ты вот попробуй сейчас в валенках постоять...

— И не только стою, а и работать буду.

Толпа медленно расступилась. Набухшие валенки Тольской угловато выступили вперед. Люди, умолкнув, взялись за работу.

Выходить из сложных ситуаций Ольге Ивановне — не впервой. В семнадцать лет пошла в Красную армию. В годы послевоенного голода и разрухи работала в кубанских станицах.

Встреча с военным комиссаром решила все в ее жизни. Жили дружно, а когда муж уезжал, писали письма. В Дмитров поехали вместе.

В октябре 1933 года стал трудиться на строительстве канал и Михаил Муценко. Начинал инженером, а завершил начальником работ Химкинского речного вокзала, награжден орденом Ленина.

— Когда открывали канал, — вспоминает дочь Тольского Ирина Евгеньевна, — у нас дома были гости. — В том числе и Иван Майский. Бабушка, чтобы завязать разговор, спросила: а вы не родственник тому Майскому? «А я и есть тот самый», — ответил он.

Окончание строительства стало большим праздником. В том числе и в доме Тольских. Евгению Павловичу вручили орден Трудового Красного Знамени, а Ольге Ивановне — орден «Знак Почета».

Дома был праздник. Впереди — новая работа и множество планов. Тольского назначают начальником Главка наркомата оборонной промышленности, его жену — заместителем начальника управления снабжения Моссовета. Муценко стал начальником управления Главстройсвязи СССР.

— Когда арестовали отца, — продолжает Ирина Евгеньевна, — нас, троих детей, хотели отправить в разные детдома Ивановской области. Но мама добилась, чтобы мы все жили в Меленках той же области, а сама считалась в командировке. Там находились недолго.

Они стали жить во Фрянове. Началась война. Ольга Ивановна работала начальником лесного участка. Здесь заготавливались чурки для газогенераторных автомобилей.

На все запросы о муже Ольга Ивановна получала однотипные ответы: работает по специальности на руднике.

В 45-м семья вернулась в столицу.

— Обнаружили, что рядом с нашим домом упала бомба и повредила его, а в квартире две комнаты по-прежнему опечатаны.

Война завершилась, и сколько еще требуется работать «по специальности на руднике»?

А Евгений Павлович Тольский ни на каком руднике никогда не работал, и его давно не было в живых.

Сначала его допрашивали с пристрастием, да так, что на второй день он сознался в том, чего не совершал, подделывали подписи его коллег, а чтобы к троцкизму уверенно добавить и фашистскую направленность, особо интересовались командировками в германские города Дюссельдорф и Бохум. «Изучал оборонную технологию промышленности врага», — ответил специалист.

— Я долго не могла понять, почему отец «сознался», и так быстро? А потом узнала: его же били!..

Военного инженера 1 ранга орденосца Евгения Тольского расстреляли 30 июля 1941 года. В это время враг с боями уверенно шел по русской земле, громогласно рапортуя о победах.

Страна перестраивалась на военный лад, эвакуировались на восток и возводились новые заводы, а техника и боеприпасы требовались немедленно. Но высшие тузы государства расстреливали генералов, Героев Советского Союза, специалистов.

Враг рвался к Москве. И в это время очень бы пригодился опытнейший директор военного завода Е. Тольский. Но ничем помочь стране не мог, он «работал на руднике». И этим «рудником» для него стала земля совхоза «Коммунарка», где его тайно захоронили.

Дети Евгения Павловича закончили вузы. Светлана — МИИТ, работала в Монголии, затем в Донецке; Ирина — полиграфический, трудилась начальником ОТК в типографии в Москве; Владимир — член-корреспондент Академии транспорта, доктор технических наук, заведующий лабораторией ЦНИИ автотранспорта и автомоторов (НАМИ). Его деятельность тесным образом и прежде, и сейчас связана с Дмитровским районом, автополигоном НИЦИАМТ.

Михаил Муценко восстанавливал Ленинград, после войны хозяйствовал в Лейпциге, а затем занимал руководящие посты в Минтяжстрое, Минстрое. К ордену Ленина добавились ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Редакция благодарит начальника управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ В.С. Христофорова, директора Российского госархива социально-политической истории К.Андерсона за помощь, оказанную в подготовке публикации. В работе использованы документы Российского государственного военного архива.

«В голове моей кипят разные идеи»

Пожилой заключенный в телогрейке шел по Дмитрову. В руках — стопка бумаг, перевязанная бечевкой, сзади — охранник с винтовкой наперевес.

Может быть, заключенный только казался пожилым, ибо лагерная реальность не щадила никого и старила рано, приближая финал.

— Знаешь ли ты, кого ведешь? — спросила, поздоровавшись с «зэком» недавняя выпускница Московского геологоразведочного института Александра Якушова (впоследствии — профессор МГУ).

— Как не знать: врага народа, — уставившись на молоденькую пигалицу, равнодушно сообщил вохровец.

— Много ты понимаешь! — бесстрашно заявила девушка. — Это Борис Леонидович Личков — великий ученый!

Короткая справка. Личков Борис Леонидович. Родился в 1888 году. Выпускник естественного и геологического отделений Киевского университета. Первая научная работа опубликована в 1913 году, а всего за двадцать лет — около пятидесяти.

Один из создателей Академии наук Украины, заведующий кафедрой геоморфологии Ленинградского университета и заведующий отделом подземных вод Гидрологического института. Профессор.

Дети проснулись от глухого шума в соседней комнате. Словно там, где всегда было спокойно и за столом работал отец, вдруг набилось много народа.

Дверь — приоткрыта, и оттуда, как клубы тумана, заползал дым

— Я подбежала к двери и остановилась на пороге, — вспоминает дочь Б.Личкова Ольга Борисовна. — Все комната — в дыму. Даже свет люстры с трудом пробивается сквозь него. Горели настольные лампы. Пол, словно мозаикой, покрыт книгами и отдельными листами. Некоторые складывались стопками, другие — просто бросались. Туда же летели и окурки, которые придавливались ногами.

Фигуры двигались в дыму, оживляя лист огоньками папирос.

Не увидав родителей, я, очевидно, закричала, потому что из тумана мгновенно выскочила мама и отнесла меня к старшей сестре Зине.

А завтра началась другая жизнь... Чекисты с удовлетворением докладывали начальству об аресте одного из лидеров «Российской национальной партии» профессора Б.Личкова, начальство с удовольствием прикидывало, какой компромат при этом удастся получить на академика В.Вернадского, с которым ленинградский ученый вел многолетнюю дружескую переписку, а для самого Бориса Леонидовича и его семьи началась трагедия. Жизнь в тюрьме, жизнь врозь, жизнь в тревоге и страхе.

Из письма академика В.Вернадского наркомвнуделу Н.Ежову:

«...Считаю нравственным долгом обратить Ваше внимание на возможную гибель большого ученого, чрезвычайно нужного для нашей страны и

уже сделавшего государственное крупное и нужное дело в постройке канала Москва—Волга и в «Волгострое»... Дело идет... (об одном) из крупнейших геологов в мировом масштабе...

...Я готов лично представить Вам или кому Вы укажете, оценку научной работы проф. Б.Л. Личкова...»

Эти строки написаны четыре года спустя после ареста Бориса Личкова. В них беспокойство за судьбу своего друга, а за ними — мужество автора, команды на арест которого ждет не дождется НКВД. Но слишком велика и авторитетна фигура, поэтому санкцию должны дать в Кремле, а ее нет и не будет.

Короткая справка. Вернадский Владимир Иванович (1863—1945). С 1912 года — академик Санкт-Петербургской академии наук. Первый президент Академии наук Украины.

Организатор Радиевого института и Биолого-химической лаборатории (ныне институт по химии и аналитической химии Академии наук РФ).

Ученый с мировым именем. Труды его посвящены решению важнейших проблем окружающей среды.

В 1943 году — лауреат Сталинской премии.

Владимир Вернадский и Борис Личков познакомились в 1918 году в Киеве, где начинали работу по созданию Академии наук Украины. Разница в возрасте — четверть века. Но это обстоятельство не стало помехой их дружбе, которая длилась до самой смерти Владимира Ивановича.

Более чем четырьмястами письмами обменялись они за эти годы. В них — споры, советы, мнения. А еще — забота, поддержка друг друга.

Б.Личков — В.Вернадскому. 1934 г.

«Бывали в последние дни случаи, когда мне хотелось опустить руки и бросить все...

Когда нападает на меня такое малодушие, я говорю себе, что Владимир Иванович и в этих обстоятельствах рук не опустил бы. В Вашем образе нахожу я источник бодрости, яркий пример...»

В.Вернадский — Б.Личкову. Ленинград, 12.01.1935 г.

«...Я переживал и переживаю такие подъемы творчества, как и Вы, и по опыту думаю, что всегда такое изложение надо переделать несколько раз, прежде чем оно выльется в нужную форму... Я понимаю, что это тяжело и трудно в Ваших условиях, но это совершенно неизбежно, и спешность отражается в Ваших статьях...»

Б.Личков — В.Вернадскому. Погорелки, 15.07.1939 г.

«...Как бы мне хотелось взглянуть на Вас хоть бы на минутку, услышать Ваши слова, узнать, что Вы сейчас делаете и как живете, получив в одном этом соприкосновении с Вами, как всегда бывает со мной, прилив бодрости...»

Профессора Бориса Личкова арестовали 5 января 1934 года. В мифическую «Российскую национальную партию, ставившую своей целью «установление в стране фашистской диктатуры», требовались звонкие имена. И они были внесены чекистами в списки ее членов. Академики, нынешние и будущие, члены-корреспонденты Академии наук СССР, ученые — специалисты в разных сферах. Более ста человек, «действовавших» в Москве, Ленинграде, Украине, Белоруссии, Черноморском крае, Западной и Ивановской областях.

Каждому «расписали» роль. Особое место отвели профессору Б.Личкову. Он должен был дать компромат на академика В.Вернадского.

Из тюрьмы Б.Личков через освобождающегося сокамерника попытается предупредить о грозящей опасности находящегося за границей В.Вернадского, однако замысел не удастся.

На допросе Б.Личков показал: «... Мною руководили... чисто человеческие побуждения, поскольку, как мне известно из заключения врачей, Вернадский, которому 72 года, страдает серьезными болезнями и нуждается в покое (Ф.Ашнин — В.Алпачов. Российская национальная партия — зловещая выдумка советских чекистов». «Вестник Российской Академии наук», т. 64, № 10, 1994).

Профессора Б.Личкова приговорили к десяти годам лагерей и предписали отправить в БАМЛАГ, однако перебросили в самую южную точку СССР — Кушку.

— Мой отец, — вспоминает Ольга Борисовна, — сначала сидел на Литейном в Питере, а потом вдруг был послан в геологическую экспедицию на Южную границу. Он руководил ею, не имея паспорта.

Б.Личков — В.Вернадскому.

«...Спешу сообщить Вам, что через 2—3 дня я уезжаю из Коканда в Ташкент, а затем на несколько дней на исследования в Зеравшан. Работа моя полевая по экспедиции гидрологического института закончена, и теперь надо думать об обработке материалов...»

Но судьба ученого снова круто повернулась.

Б.Личков — В.Вернадскому. Ташкент, 26.10.1934 г.

«Дорогой Владимир Иванович! Завтра в 10 часов 40 минут утра я уезжаю в Дмитров. О моем приезде, кроме основного требования, было три телеграммы. Здесь пробовали мой отъезд отсрочить, но нажим со стороны Москвы — такой сильный, что приходится ехать, много не закончив, как хотелось бы... Не забывайте меня...»

«Нажим со стороны Москвы» вполне объясним: большевики и чекисты вознамерились сдать канал Москва—Волга досрочно, и сюда, помимо десятков тысяч заключенных землекопов, срочно перебрасывались лучшие умы из числа эзков: профессора Николай Некрасов, Александр Лебедев, еще недавно своей работой потрясший США, Владимир Журин,

крупный специалист геолог Сергей Добров, один из разработчиков плана ГОЭЛРО Владимир Иванов-Смоленский, радиоэлектроник Леопольд Эйхенвальд... Всех не перечислить.

Б.Личков — В.Вернадскому. Дмитров, 21.11.1934 г.

«...Вот уже две недели, как я в Дмитрове... Очень страдаю от невозможности остаться хоть на минуту, хоть где-нибудь наедине с собой: на службе — я в комнате, переполненной людьми, дома — я опять не один... кроме меня... еще три человека... Работа моя по службе моей в Москва—Волга пока достаточно неинтересная, но труда в нее приходится вкладывать много. Стараюсь работать и для себя. В частности, много работаю над своим курсом исторической геологии... и над морфологией Ферганы...»

— Отец все время работал, — говорит Ольга Борисовна, — и его статьи Вернадский устраивал в научные журналы. Владимир Иванович успокаивал его и уговаривал смотреть на происшедшее, как на «приключение в жизни».

Работы ученого печатаются в журнале «Природа», в изданиях «Москваловгострой» и «Волгострой».

Из статьи Б.Личкова «Геологическое строение района» («Москваловгострой», № 4, 1935 г.):

«Окрестности района Перервинских сооружений — плотины и шлюза представляют в геологическом отношении огромный интерес. Сплошной каменный фундамент залегающих здесь пород образуют морские отложения — известняки... относящиеся к верхнему, а частью — среднему карбону. Они лежат значительно ниже дна современной Москвы-реки... Непосредственно в районе Перервинских сооружений отметки поверхности известняка близки к 80 м...»

С большими трудностями профессор Б. Личков переправлял свои работы и письма по нужным адресам. Часть из них безвозвратно пропала, часть так и не была опубликована.

— В Дмитрове отец заходил на квартиру к работавшему на стройке родственнику — Александру Ивановичу Дуброву. Сюда же иногда из Москвы также приезжали его родственники. Через них осуществлялась связь.

Однажды на его московскую тетюшку напали в поезде и отобрали сумочку вместе с деньгами и находившимися там письмами, и отец очень сокрушался об этом.

Сложнее оказалось установить обратное движение корреспонденции, поэтому ученый искал в городе людей, на адрес которых мог бы получать письма и литературу вне лагеря.

Б.Личков — В.Вернадскому. 16.12.1934 г.

«...Я закончил только что свой курс истории геологии, и мне захотелось поделиться сразу же этой новостью с Вами. Книга получилась большая. Моих страниц в ней — 1500...»

1.01.1935 г.

«...Занят я сейчас Ферганой и проблемами геоморфологии Волжского Полесья... Но условия для работы не очень годные. Во всяком случае работаю не покладая рук, и в голове моей кипят и бурлят разные идеи...»

В.Вернадский — Б.Личкову. 25.01.1935 г.

«...Мне хочется еще раз Вам написать, чтобы Вы непременно переделывали Вашу историческую геологию. Имейте в виду, что могут давать отзывы люди, которые будут судить строго...»

Вокруг ученого-заключенного разворачивается гигантская стройка. На больших участках вскрывается земля, русло будущего канала спускается в торф, песок, режет речушки и ручьи. Тачки поднимают наверх глину, камень, остатки древних морских отложений.

Но впереди идут геологи. Важно точно определить наилучшее направление канала. Ошибок быть не должно — слишком велика цена.

Времени мало, и все же Борис Леонидович выкраивает его для научной работы. Несмотря на «обстоятельства» он не должен ни спасовать перед ними, ни отстать от коллег на воле. А главное — идти вперед в познании мира, делая новые открытия.

Результаты исследований дают много интересного и, в частности, что Москва-река очень древняя, а верхняя Волга поразительно молода.

Б.Личков — В.Вернадскому. 31.03.1935 г.

«...Я долго занимался здесь вопросом о так называемом подтоплении по Волге в связи с основной плотиной нашего канала Москва—Волга — Ивановской... Она должна поднять уровень вод Волги и создать обширное... озеро. Ширина его у плотины 10 км, а длина километров 30... Результатом этого подъема вод Волги должно явиться поднятие уровня грунтовых вод и заболачивание...»

Работу специалистов в инженерно-геологической части потребовалось поднять на более высокий уровень.

«...Я решил, что и геологию надо поднять на высшую ступень... В результате же у меня получилась своеобразная и интересная даже для печати работа... «Очерк Верхне-Волжского Полесья», представляющая самостоятельный научный интерес».

Последнее письмо из Дмитрова Б. Личков пишет 7 июля 1935 года. Из «Москвалогостроя» выделяется новая организация — «Волгострой», которая должна создать систему плотин и других сооружений на Верхней Волге. Служба «Волгостроя» сначала работает в Дмитрове, а затем перемещается на новое место. Распахивает для эзков свои ворота Волголаг, в числе их и старший геолог профессор Борис Личков.

— На «Волгострое» разрешили нам приехать к отцу. Мы поселились рядом с лагерем в деревнях, и отец жил вместе с нами. Маму устраивали на работу в библиотеку, и тогда она получала какие-то деньги.

Мы жили, потом снималось руководство, и отца снова сажали за колючую проволоку, а мы уезжали в Питер. На моей памяти так было 2-3 раза.

Из письма Б.Личкова домой. 1.12.1935 г.

«...Все остающиеся (сооружения — Н.Ф.) должны быть закончены к навигации 1937 года. Таким образом до конца строительства канала остается еще полтора года, но этот остаток будет сплошной триумф, ибо каждый май и каждый октябрь, даже каждое окончание больших сооружений должно давать льготы. Мы все это понимали. И вот почему велико было огорчение... когда узнали, что нас снимают с канала... Мы чувствовали, что на канале будут происходить «великие дела», там будут люди освобождаться... а мы как бы начнем карьеру нашу сначала...

Теперь — что такое Углич и что такое Рыбинск? По известной схеме реконструкции Волги, обоснованной Гидроэлектропроектом, как один из элементов должна была входить Ярославская плотина... Гидростройпроект приступил уже даже к постройке плотины... недалеко от Ярославля. Создана была большая строительная площадка... дома для инженеров, рабочих... Воздвигнут был целый город...

Условия для постройки плотины были исключительно трудными... выходы грунтовых вод мешали работе и будущей прочности сооружений. Однако Гидростройпроект преодолевал трудности...

Ярославская плотина должна была поднять воду в Волге до уровня 93 м, что составляет подъем по сравнению с теперешним уровнем Волги для Рыбинска на 7 метров.

При таком поднятии вод должны были скрыться под водой все знаменитые луга Мологи и Шексны и должно было погибнуть знаменитое скотоводство Молого-Шекснинского междуречья.

Это было тяжело, но с этим мирились. Однако исследования... почвенного института Академики наук... показали, что гибнет не только эта зона скотоводства, но и другие земли, густо населенные и, в частности, селекционные сооружения выше Ярославля. Это произвело своего рода взрыв, в силу которого постройку Ярославской плотины решено было прекратить.

Группа молодых инженеров Гидростройпроекта обратилась к Сталину с запиской о необходимости пересмотреть этот вопрос.

Это совпало хронологически с тем, что «Москваволгострой» выдвинул мысль о том, что нужно построить плотину в Рыбинске и Угличе, чтобы крупные пароходы... могли со стороны Волги войти в канал, без этого получалось... что Волга слишком мелка, почему нельзя использовать глубины канала. Очевидно, обе инициативы встретились.

Произошла... короткая, но напряженная борьба «Гидростройпроекта» и «Москваволгостроя», и кончилось это победой последнего... 1) решено было отказаться от Ярославской плотины; 2) строить плотины у Углича и Рыбинска; 3)... строить трудом невольников МВС; 4) организацию Гидро-

стройпроекта, созданную для постройки Ярославской плотины, ликвидировать, передав имущество ее МВС.

Это было решено в Малом Совнаркоме, я участвовал в этом деле тем, что перед последним Совнаркомом дал геологическую интерпретацию в схемах и чертежах первых разведок МВС в районе Рыбинска, сделанных еще без моего участия.

Вскоре после этого я переехал в Рыбинск, вернее в Перебор, и изыскания пошли под моим руководством.

Я не имею административной власти... Она принадлежит начальнику партии, который не геолог, а просто хозяйственник. Я ему пишу задания: «Сделай то, то», а всю распорядительную часть, сношения с властями и прочее осуществляет он... Результаты работы поступают ко мне, причем для помощи мне существует штат из районного геолога... геолога-прораба, двух прорабов-гидрогеологов, двух геологов-техников, нескольких геологов — коллекторов, двух геолтехников... начальника горно-разведочных работ. Весь этот персонал ответственен перед мною, но подчиняется не мне, а начальнику партии... Кроме того, есть лаборатория... в штате которой четыре человека, она всецело работает по моим указаниям, но подчинена опять начальнику партии.

Приезжали сюда главный инженер С.Я. Жук, начальник строительства Я.Д. Раппопорт и Семенцов (В.А. — начальник геологического отдела — **Н.Ф.**)... говорили со мной, а у начальника партии они и узнать бы ничего не могли о результатах работы. Он держался в это время в стороне...

Здесь я имел удовольствие познакомиться с Жуком и оценить его исключительно внимательное отношение к делу. Наши беседы о деталях изысканий продолжались часами, и любопытно, что иногда значительная часть этого времени... была молчанием: Жук внимательнейшим образом усваивал карту или чертеж, а я сидел около него молча. После долгого молчания он задавал... вопрос, показывающий, как глубоко и самостоятельно вникает он в детали проблемы... Это очень правильный и приятный метод работы.

Кроме бесед-молчаний, у меня были и большие настоящие беседы с Жуком... «Я и не знал, что Вы уже полгода работаете на канале», — сказал мне Жук.

Слова эти были сказаны вот по какому поводу. Мы все — старшие геологи — в Дмитрове очень недовольны были постановкой работы в отделе геологии, но боялись ввиду своего невольнического положения подать голос по этому поводу. Наконец перед отъездом из Рыбинска я написал письмо в четыре адреса: Когану (начальник МВС — **Н.Ф.**), Жуку, Журину (В.Д., зам. главного инженера — **Н.Ф.**) и Семенцову, где изложил свое мнение...

Из беседы с Жуком знаю, что на него письмо произвело впечатление, а Семенцов стал вдвое любезным и прислал мне болотные сапоги.

Жук здесь оказал моим работам большое внимание и даже по телеграфу вызывал меня в Рыбинск для совместной поездки на катере по Шексне. Большое внимание оказал нашим материалам и начальник строительства Раппопорт. Словом, я почувствовал свою работу...»

И все же затопление произвели. Не в местах, указанных в первом варианте. — В других. Подняв уровень воды еще выше.

И исчезла старинная Молога. Как Корчева на МВС. И ушла в историю часть Калязина, оставив, как памятный крест затопленным городам, монастырскую колокольню в воде.

Строительство Верхневолжской системы завершали перед войной.

Из письма В.Вернадского председателю Совнаркома В.Молотову:

«Я раз писал уже Вам о нем, как о крупном геологе, которому, я убежден, предстоит впереди, если он выживет, большое научное будущее и сохранение которого в работоспособном состоянии не только важно для нашей страны, но и для науки. Это еще полный сил человек, высокого не только умственного, но и морального уровня. У него жена и двое детей, которые тоже страдают. После моего письма к Вам от 28 мая 1937 г., вероятно, в связи с ним, его вызвал тогдашний зам. Наркома Внутренних дел М.Н. Берман, теперь член Правительства, Нарком связи, и сказал ему, что его деятельность и по каналу Москва—Волга, и по «Волгострою» высоко ценится, и что он один из первых кандидатов на льготы по каналу Москва—Волга. Затем произошли неожиданные для всех события, и положение изменилось. Недавно ходатайство начальства «Волгостроя» об оставлении его на прежнем положении не утверждено, и он лишен возможности жить с семьей, помещен в барак и поставлен на работу, не имеющую никакого отношения к его знаниям. Это один из самых блестящих, относительно молодых геологов, которому наша страна обязана решением сложных, запутанных вопросов, давших большие результаты в двух важнейших государственных сооружениях нашего времени. Сообщаю Вам об этом, полный уверенности, что Вы, несмотря на Вашу обремененность еще более важными делами, не оставите без внимания этого дела, по существу далекого не частного и важного». (Вестник Академии наук СССР № 5, 1990).

Весной 1939 года академик пишет новому наркому внутренних дел Л.Берия письмо в защиту Б.Личкова. А перед этим — 19 февраля Прокурор СССР А.Вышинский вносит протест о пересмотре дела ученого в Особое совещание НКВД СССР.

Сказал свое слово в поддержку Б.Личкова и Президент Академии наук академик В.Комаров.

Наступило короткое время, когда наркому требовалось показать, что репрессиями занимался вовсе не он, а «враги» — Г.Ягода и Н.Ежов — его предшественники. И волна незаконный резко пошла на убыль, и некоторых «врагов народа» даже реабилитировали.

Но процесс повернул в иную сторону. Бориса Леонидовича не реабилитировали, а решили ограничиться отбытым почти шестилетним сроком и из-под стражи освободить.

— Отца освободили 5 ноября 1939 года, и он в течение всего дня бегал с обходным листом. Он говорил потом: бегал так, как никогда в жизни не бегал. Не хотел остаться на праздники за решеткой.

Прибыл к нам, а после праздников вернулся обратно, как ему посоветовали сведущие люди. Поработать год на стройке, а за это время подобрать новое место работы.

И хотя конвоя больше не было, а свобода стала реальностью, она все же имела ограничения. Запрещалось проживание в крупных городах и столицах. Только в начале 1941 года Борис Личков смог уехать из «Волгостроя» в Самарканд.

— Самарканд он выбрал сам, поскольку считал, что там будет интересное дело.

Борис Леонидович преподает в университете, затем работает в Сталинабаде, в Таджикском филиале Академии наук, директором геологического института. Только в 1946 году он возвращается в Ленинград и снова становится заведующим кафедрой университета.

О той поре испытаний, о которой нередко пишут: был направлен в командировку... вынужденно сменил работу... напоминают: справка о реабилитации 1956 года, статьи в «ведомственных» технических журналах и письма.

Б.Личков — В.Вернадскому. 3.05.1936 г.:

«...От Вашего письма сразу пахнуло на меня родным, знакомым, очень бодрящим. Для меня всегда — бальзам бодрости, когда я увижу и почувствую, как Вы работаете, как пытливо подвигается вперед и анализирует все новые и новые проблемы Ваша неутомимая мысль. Это заставляет меня как-то подтягиваться, быть деятельным, внимательным и строже к самому себе...»

В.Вернадский — Б.Личкову. 4.01.1938 г.:

«...В старости как-то не замечаешь нового года и как-то не встречаешь его, как встречал в молодые годы. Но все же по-новому относишься к нему, особенно в связи с теми научными проблемами, которые меня захватили за последние 22 года, и о которых думаю. Все эти проблемы о будущем, и поэтому невольно думаешь и о будущем годе. Я живу будущим, а не прошлым, и уверен, сколько может быть уверен ученый, несмотря на все окружающее, в неизбежности создания атмосферы, которая даст лучшие условия жизни, даже для отдельных лиц. Но сейчас кругом видишь бесконечные страдания, ненужные и ничем не оправданные. С Новым годом в этом аспекте и с новым счастьем...»

— Отец вставал рано, — говорит Ольга Борисовна, — и мог писать с утра до вечера, работать на кусочке стола... Исписанные листы бумаги располагались кругом. Вечером они собирались, а утром прочитывались.

Нередко написанное не удовлетворяло его, и он рвал листы и снова садился за работу.

По окончании ему требовался слушатель, которому он прочитывал бы работу. Или рассказывал. А говорил он великолепно и очень доходчиво. Так он проверял свои идеи и мысли.

Отец очень боялся, что вдруг заглохнет его умственная деятельность. Не пил, не курил, ненавидел карты, считал, что они убивают время. Старался нас с сестрой просвещать. Каждую свободную минуту, в каких бы тяжелых условиях мы ни жили.

Из письма Б. Личкова дочери, 1934 г.:

«...Дорогая моя Зиночка, в одном из недавних писем ты ставишь вопрос о себе «кем я буду». Как ты думаешь? Ты сообщаешь при этом, что больше всех предметов ты любишь литературу и географию. По одному этому трудно судить еще, кем ты будешь по своей специальности. Ведь многого еще, многих специальностей ты не знаешь...

Самое важное быть честным человеком, и эту свою честность сохранять не только в теории, но и на практике жизни. Быть честным с самим собою, с другими людьми, и к этим, другим людям проявлять человеческое отношение.

Я стремился всегда давать людям много, а брать от людей мало. В своей деятельности профессора, ученого я дарил свои идеи и никогда их не брал у других.

А когда замечал у других росток самостоятельной идеи, я старался взрастить этот росток, как его собственный. А многие ли учителя так делают? И на своем маленьком поле, которое я взрастил в течение своей жизни, всюду встречал любовь, симпатию и уважение...

Мы с мамой (особенно мама) все время старались, чтобы вам, детям, предоставить все возможности в смысле выявления своих способностей в музыке, науке, танцах, языках. Не всегда нам это удавалось, ибо времена другие...

Работай, Зинуха, развивай свои способности. Определятся у тебя склонности и способности научные, я буду рад. Выявятся способности музыкальные или живописные, тоже хорошо, окажутся литературные, тоже неплохо. Будь кем хочешь, но развивай свои способности и таланты. При этом направляй эти таланты на пользу.. людям...

Я считаю, что человек обязан работать, и это ему нужно для его собственного счастья. Праздный человек — ничто! Нужно только каждому найти свою арену работы и затем развернуть в этой работе максимум своих сил. Что до меня, то я в последнее время именно так и делал. Я ввел такое количество сил, что диву можно было даваться...

Я очень бы хотел, чтобы дети мои шли по моему пути или лучше, чем я...

Крепко целую, дорогая моя девочка, твой папа».

Очень часто незаконные репрессии, тяжелая лагерная жизнь ломали человека. И если удавалось выжить, на свободу вне зависимости от возраста он выходил дряхлым и болезненным стариком, сил у которого оставалось только для того, чтобы дожить до кончины.

Борис Леонидович Личков оказался иным. В заключении и в выходные дни, и по ночам он продолжал заниматься. Была «отчаянная попытка сохранить себя... Я не хотел бы, если суждено мне жить дольше, умереть смертью духовной», — писал ученый родным. Его характер, неугасимая энергия, стремление преодолеть все трудности позволили вернуться в науку. И не жить прежними заслугами, а активно работать. Он опубликовал около 250 трудов, в числе которых 12 монографий. Важными из них являются последние: «Природные воды Земли и литосфера» (1960 год), «К основам современной теории Земли» (1965).

Спустя год выдающегося ученого не стало...

Предгорье Туркестанского Хребта. Солнце. Жара. Светловолосый голубоглазый энергичный молодой человек без усталости идет знакомым маршрутом. Впереди всех, без остановок в пути и десять, и двадцать километров. Ради поставленной цели. Короткая запись, карандашный набросок, и снова в путь. Чтобы узнать, сделать как можно больше. Ибо времени отпущено мало, и столько его так трагично потеряно.

Это Борис Леонидович Личков.

Редакция выражает благодарность О.Б. Личковой, профессору МГУ М.В. Голицыну и академику Е.Е. Мелановскому за помощь в подготовке очерка.

В работе отрывки из писем приводятся по книге «Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1918–1939). Москва. «Наука». 1979.

Лада

Два больших серых дома подпирали старую монастырскую стену. Они назывались по-разному: коммунальными, общежитием, гостиницей строящегося канала Москва—Волга.

Разные люди обитали здесь. Инженеры, техники, руководитель Центральной агитбригады, «левейших из левых» Игорь Терентьев, журналист Павел Лухикер, две подруги, скульптор Галина Левицкая и поэтесса Лада Могилянская.

Из окон гостиницы хорошо просматривалась улица. Низенькие домишки, высокие деревья, клуб и крыши многочисленных канальских лабораторий.

Наиболее важные персоны их старых спецов усилиями лагерного начальства расселились по частным домам. И утром было видно, как поднимались по Костинской улице политезки профессор Александр Лебедев, после триумфа в США с 58-й статьей загнанный сначала на Беломорка-

нал, а затем привезенный в Дмитров, профессор Николай Некрасов, соединивший в себе два начала — политика и ученого, а оттого тоже повторивший маршрут своего коллеги.

Выходил из уголовного дома инженер Андрей Загрязский, этапированный с Севера, а с другого конца Валовой улицы двигался на службу профессор Владимир Журин, чья деятельность на посту директора Ташкентского НИИ гидромелиорации «высоко» оценило государство, назначив в награду десять лет лагерей.

Проехал на автомобиле главный инженер Сергей Жук, простучала копытами конная повозка начальника строительства чекиста Лазаря Когана.

А потом с вокзала провели строем новую партию эков.

Наступил новый день. Такой же, как и другие. С тяжелым трудом в котловане и духовым оркестром на гребне его, с тенями изнуренных людей и молодцами в белых рубахах для дмитлаговской кинохроники, с хвалебными стихами в адрес самого большого друга всех каналаармейцев и с поношением их в шепоте самого же автора.

*Наступил день...
Никнет в росе по колено
Ноги бездонная тень.
Выплыл из пурпурной пены
Лебедем белый день... —*

выстраивались друг за другом слова.

Лада задумалась, но рождающиеся строки просились на бумагу:

*С песнею ветра споря
За голубой простор,
Палочкой дирижера
К небу взметнулся горн...*

А дальше? Что дальше? В первую очередь в жизни. Еще одна стройка? Был Беломор, теперь Москанал, а потом? Верхняя Волга? Или, как говорят, Куйбышев?..

Короткая справка. Лидия (Лада) Михайловна Могилянская родилась в 1899 году в Чернигове. По профессии — журналист. Член союза печатников. Сотрудница редакции «Червоный стяг». Арестована 16 января 1929 года по обвинению в участии «в контрреволюционной организации «Демократический союз», призывавшей к борьбе с существующем строем», и приговорена к расстрелу с заменой на десять лет лагерей. Срок отбывала на Соловках, в БелБалтлаге. Освобождена досрочно. На строительстве ка-

нала Москва — Волга — редактор лагерной газеты на украинском языке «За нову людину».

*О чем ты грустишь?
Не радуешь песнями гулкую тишь,
Печали не выразишь в слове?..*

Из показаний на допросе Л.Могилянской, 1937 год:

«...Шел пятый год моего пребывания в лагере... Хотелось участвовать в стройке первого гиганта. Я просилась на трассу, но меня не пускали... Приехал Фирин (новый начальник БелБалтлага — Н.Ф.)... Его приказ № 1 направлял 50% управленцев на трассу. Мы с Левицкой и Андреевой организовали бригаду и попросились на самый прорывной участок канала 165, где нас поставили на тяжелые скальные породы, бригада давала до 200% и брала на буксир мужчин. Мы с Левицкой сократили срок на 3 года».

*Здесь некогда вздымался вихрь огней,
Неистово гремела канонада,
В суровом пафосе прекрасных дней
Здесь шла на штурм скалы моя бригада...*

И еще одно событие случилось тогда.

— А почему бы вам не съездить в Харьков за дочерью? — предложил Семен Фирин.

Короткая справка. Дочь Лады Могилянской Инна родилась в Чернигове. В годы Великой Отечественной войны вывезена фашистами из оккупированного Харькова в Германию. Дальнейшая судьба неизвестна.

Когда С.Фирина назначили начальником Дмитлага, Л.Могилянская и Г.Левицкая отправились на новую стройку и добились приема на работу.

Лидию направили в отдел печати, Галину — машинисткой в секретариат.

Из показаний Л.Могилянской на допросе, 1937 год: «В отделе печати начальником был коммунист Ковригин (впоследствии работник в московских газетах и ТАСС — Н.Ф.), а руководил на самом деле заключенный Логинов, любимец Фирина, с неограниченными правами. Он говорил, что он орденосносец, партизан, арестован по ошибке.

...Вместе с Логиновым мы выпустили первый номер газеты».

Машина проскочила мимо механического завода и барачков Дмитлага и устремилась к Волге.

Вокруг уже разворачивалась гигантская стройка. Начиналось возведение гидроузла у поселка Темпы, а сквозь Мельдинские топи укладывалась железная дорога.

— Знаешь, Лада, — говорил Вениамин Логинов, — насыпь насыпают, а она уходит под воду. Шпалы кладут — та же история. И так несколько слоев.

Техники нет. Только люди с лопатами по пояс в воде. Неверный шаг, и их затягивает трясина.

Они ехали в командировку в Волжский район. Там сейчас перевозятся деревни и город Корчева. На их месте раскинется водохранилище.

— Я познакомлю тебя с рецидивистом Михаилом Брилевым. Он недавно ездил в Свердловск — призывал местную братву проситься на строительство канала.

Между прочим сочиняет неплохие стихи. Михаил Александрович, как он представился, произвел на Ладу странное впечатление. Она, воспитанная на русской и украинской классике, не могла понять: как можно совмещать поэзию с нецензурщиной и блатным арго?!

На обратном пути «заскочили» на второй участок, где начальником работ был товарищ Могилянской по несчастью и Белморстрою, комендант Зимнего дворца в момент его штурма и бывший полковник русской армии Александр Ананьев.

Знакомый профиль с бородкой увидели издалека.

— Зимой — мороз, весной — паводок, летом — комары: вот так и живем, — встретил он Ладу. — Впрочем, мы с вами это уже проходили в Карелии.

Короткая справка. Александр Григорьевич Ананьев умер на трассе канала 5 марта 1935 года. Не выдержало сердце.

Вскоре Могилянская уехала в столицу Беломоро-Балтийского водного пути — Медвежью Гору. Писать очерк о заключенных.

*Забывших предков древние сказанья
Хранит Карелия в граните гор,
Глазами синими лесных озер
Уходит в глубь веков ее молчанье...*

*Не меркнул день. Оранжевое пламя,
Дрожа, сверкало в крупных каплях рос.
А ветер бережно на крыльях нес
В карельских бурях выцветшее знамя...*

Два больших серых дома, подпиравших старые стены монастыря, встречали разных людей. Консультантов, командировочных с предприниматель-поставщиков, постояльцев всех рангов.

После работы к Ладе Могилянской заглядывала Галя Левицкая, лагерьный поэт Коля Жигульский, иногда приходил писатель Лев Нитобург с неизменным спутником журналистом Романом Тихомировым.

А однажды открылась дверь и на пороге — отец.

Короткая справка. Михаил Михайлович Могилянский родился в 1873 году в Чернигове. Учился на юридическом факультете Петербургского университета.

Известный украинский писатель.

У М.Могилянского было четверо детей. Трое из них и зять Борис Исаев стали журналистами.

В 1938 году Бориса Исаева отправили на восемь лет в Норильский лагерь, а вскоре арестовали и выслали на пять лет в Красноярский край его жену Елену Михайловну. В село Большая Мурта в эвакуацию к дочери в 1941 году приехал Михаил Михайлович с младшей дочерью Ириной. В 1942 году в Красноярском крае он и умер.

После отбытия ссылки Елена Михайловна работала начальником сектора оперучета в конторе крайзаготживсырья.

В 1945 году она и ее муж были реабилитированы и вернулись в Москву. И еще один близкий человек появился однажды на пороге гостиницы. Письмо из Дмитрова было от сестры.

Лидия звала Дмитрия на канал. На его строительстве есть много возможностей для творческого роста. Начальник Дмитлага Фирин все для этого сделает.

Возможно, она и права. Имя поэтессы Лады Могилянской известно всей трассе. Ее стихи печатают газеты и журналы, ее песни звучат на концертах и радио.

Была заключенная, а теперь редактор газеты.

А тут... издательство «Радянська школа» переведено из Харькова в Киев. В новую столицу Украины. И всех сотрудников в связи с этим уволили. Что сделал за последнее время сын известного писателя?

Работал переписчиком в военкомате, в газете «Комуністична боротьба», «Красное знамя» (Это уже посерьезнее — орган компартии Украины), печатался в газете «Пролетарская правда» и журнале «Глобус».

Нет, надо ехать в Дмитров!

И он сел на московский поезд.

Из материалов парткома МВС: Слушали: информацию начальника Дмитлага т. Фирина, который рекомендовал Могилянского Дмитрия Михайловича, родившегося в 1901 году в Чернигове, на должность литературного сотрудника газеты «Москва — Волга».

Постановили: с рекомендацией согласиться.

Необходимое дополнение. Дмитрий Могилянский (псевдоним — Дмитрий Тась) — автор поэм «Аглая» и «Колхозная осень». Его лучшие стихи изданы в третьем томе антологии «Украинская поэзия», вышедшем в 1930 году. Вместе с поэтом Максимом Рыльским перевел на украинский язык «Избранные произведения» А.Чехова.

И хотя работы на строительстве канала много и она казалась интересной, в сентябре 1935 года Дмитрий Могилянский вернулся в Харьков.

Из рапорта: «Доношу, что Дмитрий Могилянский работает в одной из газет Харькова под псевдонимом Дмитрий Тась. Начальник I отделения III отдела Дмитлага мл. лейтенант ГБ Пономарев. 22 июня 1937 г.»

Это случилось позже, а пока наступил 1936 год, решающий для творчества и определяющий для судеб обитателей Дмитлага и всего МВС.

Хроника событий.

14 июня. Перервинский шлюз посетил большой друг всех каналаармейцев И. Сталин и приветственно махал рукой пассажирам пароходов «Память Кирова» и «Динамовец».

17 июня. Машинисты Рыбалко и Андросов на «Ковровце» вынули 7672 кубометра грунта.

23 июня. Взорвана перемычка, отгораживающая Волгу от плотины. При перепуске реки ее остановили на три минуты.

16 июля. Река Сестра пошла по новому руслу.

20 октября. Объявлена переключка рекордами. Каменщик Кучеров уложил за смену 40 578 кирпичей. Через его руки в этот день прошло восемь вагонов кирпича. Только в Центральном районе стройки 3 310 человек выполнили норму на 200%.

Об успешной «перековке» заключенных в советских людей рассказали центральные издания — «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», а журнал «Техника — молодежи» посвятил этому «новому явлению» социалистического общества целый номер.

С помпой прошел трехдневный смотр-конкурс канальской самодеятельности, который добрым словом помянули композиторы Д. Кабалевский, И. Дзержинский, Д. Шостакович, а «Библиотека «Перековки» выпустила сборник «Каналаармейская песня».

И еще одно событие произошло в тот год: Ладу Могилянскую приняли кандидатом в Союз советских писателей. Решающее слово сказал его ответственный секретарь писатель В. Ставский.

Из каналаармейского журнала «На штурм трассы» № 8, 1936 г.: «...Стихи я пишу давно, можно сказать, как себя помню. Только раньше стихи мои были оторваны от действительности: я искала отвлеченной героики и красоты в старых сюжетах...

На Белморстрое началась новая полоса моей жизни. Там я совсем не писала стихов. По-старому уже не писалось, а новое — только входило в сознание...

...Я украинка. Я люблю наш... песенный красивый язык. Я раньше всегда писала по-украински. Теперь мне хочется, чтоб меня поняли все, и я рада, что могу сейчас писать на русском языке так же легко, как и на украинском...

...Я начала писать на канале по-новому.

...Теперь у меня нет недостатка ни в темах, ни в образах...

...Могут быть и будут неудачи и затруднения... Я не боюсь их. У меня есть талисман, который поддерживает меня в трудную минуту. Это дорогие мне слова Алексея Максимовича Горького, который так тепло отозвался о моих стихах...» Эти строки Лада написала сразу же после приема кандидатом в члены Союза.

*...Огонь рождает свет. И вот
Из тесных уз
Он к свету напрямик идет...
Анри Барбюс.
— Война фашизму и войне! —
Прорвет кольцо
Друзья! Умейте крикнуть «Нет!»
Врагу в лицо...*

И все же лучший герой Лады — совсем иной. Природа. И лучшие — лирические стихи ее, естественно, написаны по-украински. И хорошо, что некоторые увидели свет. Но и среди «русских» строк можно обнаружить:

*Ночь дрожит, как струна,
Под смычковым ударом,
За ветвями луна
Полыхает пожаром.
.....
В колотушку стучит
За окошком тревога.
Сеет ситом лучи
Золотая дорога.*

Новый год ждали с нетерпением. Одни с надеждой на свободу, другие — на сокращение срока по льготам, третьи говорили о будущих планах. Но все знали: через несколько месяцев — окончание стройки... И это станет важным и определяющим днем для каждого: вольнонаемного или зэка.

1937 год наступил с елкой в канальском ресторане, духовым и народных инструментов оркестрами, литературно-музыкальной композицией «Кому на Руси жить хорошо» со стихами Николая Некрасова и музыкой зам. начальника санитарной службы МВС композитора Петра Триодина.

Блистали тостами начальники с ромбами в петлицах, упражнялся в бильярде командир дивизиона охраны Борис Кравцов, по соседству, в клубе крутили ленты, снятые кинослужбой Дмитлага.

Год 1937 казался не похожим на предшественника. Так оно и случилось. Первый гром грянул в марте, когда арестовали бывшего «главного строителя канала» и наркомвнудела Ягоду. Но основным удар пришелся на конец апреля, когда на следующий день после хвалебной публикации и портрета в «Правде» объявили «врагом народа» его главного наместника на трассе Фирина.

— Может, обойдется: выгонят с работы? — тешили себя надеждой дмитлаговские поэты и журналисты.

Их наивность была понятна, но реальность оказалась куда горше. Так радужно начавшийся год, подбираясь к своей макушке, начал кровавую жатву.

Приехавшего в командировку от газеты «Соціалістична Харківщина» на открытие канала Дмитрия Тася на праздничную флотилию не пустили. А вскоре начались аресты.

Ночью к Ладе Могилянской постучали. В дверях — начальник третьего отделения Константиновский и оперуполномоченный Серогородский.

— Не за тобой еще, — ухмыльнулся начальник. — Будешь понятой при аресте «врага народа».

Говоря это, 49-летний Сергей Николаевич не мог и предположить, что через две недели и его объявят «врагом народа», а спустя месяц расстреляют.

Пришли действительно не за ней. Еще... Пришли за Галей Левицкой. Большее издевательство для подруг трудно придумать! А потом пришли за Ладой...

— Жигульский, — сказал начальник культурно-воспитательного отдела Юлий Липский, — принимай отдел поэзии. Могилянскую бах-бах...

Но вскоре пришли и за Николаем. Тоже кандидатом в Союз советских писателей.

Новый начальник Дмитлага, бывший зам. наркома НКВД Украины Зиновий Кацнельсон, как говорится, рыл землю: племянник поэта Сергея Городецкого, начальник художественной мастерской Глеб Кун, брат известного киноартиста Петра Соболевского художник Константин Соболевский, режиссер Игорь Терентьев, поэты, журналисты — все оказались в дмитровской тюрьме.

Кацнельсон рыл землю, а потом и его зарыли. Дело новоиспеченного «врага народа» продолжил капитан ГБ Пинхус Симановский, но и его вскоре настигла кровавая коса.

Новый сигнал сверху — арестован зять Ягоды главный архитектор канала Иосиф Фридланд, и коса замахала в другом направлении — начальник архитектурной мастерской Петр Козырев, архитекторы Юрий Янжул, Эрих Густавсон, машинистка мастерской Екатерина Загрязская.

«Начальнику 10 отделения III отдела Правкину от помощника начальника Дмитровской тюрьмы № 1 Рябцева.

Рапорт. Доношу, что 10 февраля 1938 г. в 8 часов утра камера № 6 была выпущена на прогулку во двор. В то время, как дежурный т. Никитенко отошел в коридор, арестованный Могилинский зашел в уборную и повесился на полотенце, но был замечен и снят. 19.02.38 г. Рябцев».

Земляной вал. Собор. Школа. До боли знакомый городской силуэт. Сколько раз хожено здесь. С Ладоею. На рынок. На праздники. На открытие канала...

Дмитрия Могилинского расстреляли в Бутове 28 февраля 1938 года. Еще раньше та же участь постигла Ладу.

В Бутове расстреляли и лагерного поэта Сергея Матвеева. Писал стихи по заданию «врага народа» Могилинской — так значится в предъявленном ему обвинении.

Из письма жены Д.М. Могилинского художницы Агнессы Михайловны Уманской, 1940 г.:

«Я разыскиваю его с первых дней заключения, но мои неоднократные жалобы и просьбы о пересмотре дела остались без удовлетворения...»

А. Уманская писала и в 1953, и в 1956 годах, но ее мужа реабилитировали только в марте 1958. Ладу годом раньше. А по делу 1929 года — в 1990 году.

Редакция выражает благодарность за помощь в подготовке материала Управлению Службы безопасности Украины по Черниговской области, директору Черниговского областного исторического музея Л.П. Линюк и заведующему отделом современности Т.П. Журавлеву.

Работал для других

Соловьи распевают в кустах. Пробудившийся ветерок размахивает ветками деревьев и ерошит траву. Предраассветный полумрак и спокойствие. Вскоре взойдет солнце, и начнется новый день. С массой невзгод и вопросов. И главный: как там на фронте? Враг отброшен от столицы, но снова рвется в глубь страны. И это заставляет действовать быстро, ведь и от итогов сегодняшнего эксперимента тоже зависит победа.

— Можно начинать? — спрашивает капитан.

Майор поворачивает голову к стоящему рядом штатскому с бородой и отдает команду.

Кустарник. Лес. Небольшая лощина. Где-то впереди — хорошо укрытый от наблюдения «противник».

Полигон под Москвой. 4 июня 1942 года. Испытания новых светотривов. Автор разработки — Сергей Сергеевич Баранов.

Из автобиографии: Сергей Сергеевич Баранов. Родился в 1893 году в Москве. В 1914 году окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, а четыре года спустя — Петроградский технологический институт по специальности научные приборы и оптичес-

кие инструменты. Исследовательскую и проектную работу начал в Ленинграде, одновременно состоял главным редактором научного издательства. Сегодня прибор дал поразительные результаты. Он видит все, разоблачил любую хорошо спрятанную цель.

По кружкам разливают спирт, ловко вскрывают банку с консервами, режут хлеб.

— За победу! — говорит майор. И не понять: за сегодняшнюю на полигоне или будущую — с их аппаратурой, а может быть, ту, до которой еще так далеко. Да оно и не важно. — Победа, она одна, общая — над фашистами.

— А ты, Сергей Сергеевич, — голова, — обращается к штатскому майору. Языки незаметно развязываются.

— Вот вы, товарищ майор, назвали Сергея Сергеевича головой, — восторженно замечает капитан. — Да я по его книгам техникой и увлекся. «Зимой на парусах», «Самодельная водяная турбина...» А «Звездная азбука» чего стоит. И фотографии учился по его учебнику!..

Да на таких головах страна всегда держалась! И в этой войне непременно победила!

Из заключения комиссии: Товарищ Баранов С.С. является руководителем работ по изготовлению светофильтров для расшифровки защитных окрасок, проводимых при светомаскировках неприятеля. Полевые испытания изготовленной продукции дали положительный результат..

Одновременно ставим в известность, что т. Баранов С.С. является единственным специалистом по светофильтрам и поляроидам.

— Скажите, Сергей Сергеевич, это не вы участвовали в испытаниях быстрого наполнения баллонов газом? — переходя на «вы», интересуется майор.

— Не только в испытаниях, но и в разработке, — добавляет изобретатель.

Из письма профессора В.С. Веселовского. 24.04.1942 г.:

«...Две недели назад ко мне в лабораторию явился военный инженер 3-го ранга... Сушинин. Принес баллон из прорезиненной ткани и предложил разработать способ быстрого наполнения газом мешков, заменяющих парашюты при прыгании с самолета с небольшой высоты.

Наполнение баллонов должно производиться за несколько секунд...

Неожиданно опыты дали прекрасные результаты...»

Короткая справка. Глубокоштатский человек С.С. Баранов награжден медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Тихая ясная ночь. Черное небо и мерцание звезд. И ярче других — звезды. Кажется: кто-то невидимый включил их сразу же после падения солнца за горизонт, и они, постепенно разгораясь, с любопытством рассматривают округу. Ну, как вы тут?

А как вы там? Может, и нет уже вас, а свет все мчится к Земле. Миллионы километров, миллионы лет.

Что человеческая жизнь в сравнении со скоростями мироздания? И поэтому надо торопиться успеть сделать как можно больше.

Телескоп Булкова устремил взор к небу. Но не звезды интересуют молодого ученого, а Луна. И не астрономические открытия, а возможность создания новых приборов, способных помогать изучению вечной спутницы Земли.

Ведь если методом светофильтров определить цветность ее пепельного света, то можно заняться изучением избирательного отражения земной атмосферы!

Сегодня объект наблюдения — Луна, а еще есть и наше главное светило. Здесь же, в Булкове он определил температуру солнечных пятен и завершает работу над научной статьей, которую назовет «Точность сравнительного определения температуры пятен и фотосферы». Она не первая, и надо надеяться, не последняя.

Из автобиографии: Одна из начальных оригинальных моих работ по исследованию экспериментов инж. Стипы, который пытался опытным путем найти наилучшие условия для работы воздушного винта. Идея... не получила ожидаемого результата.

Исследуя вопрос дедуктивным методом, мне удалось установить условия, при которых насадка на винт дает выигрыш.

Построенная теория одинакова для воздушных и водных винтов...

Одна из первых работ... А дебют состоялся в 1913 году, когда студент университета опубликовал «Принцип клиновой фотометрии».

Молодость и энергия, множество идей и талант — что может быть лучше! Продолжить научные исследования? Или с головой уйти в механику? Но товарищи советуют стать литератором. Уйти в беллетристику, тем более с редакторством получается неплохо? Да и со стихами и прозой тоже... Он пишет для всех, но в первую очередь — для юношества. В увлекательной форме научить молодых читателей конструировать и строить.

«Петя Кустов был специалистом по индейским делам. Сколько им прочитано книг об индейцах! Он знал кучу индейских слов и имен...

У него было прекрасный лук со стрелами, самодельный томагавк, он умел строить вигвам... и носил прозвище «Черный Скальп»...

— Снимите повязки с глаз, бледнолицый вождь... Не дожидаясь помощи, бледнолицые освободили глаза.

Перед вигвамом на обручке ствола сидел в боевом уборе Черный Скальп, по бокам на земле — Зоркий Глаз и Гремучая Змея. Полукругом от шалаша вправо и влево стояли с копьями в руках остальные индейские воины...»

А в конце книги «Три республики» будут советы: как построить лодку, сделать солнечный телеграф, организовать через реку индейскую переправу, окрасить перья.

Но подобные работы презревшей все прошлое революции просто не нужны да и опасны.

Высылаются за границу ученые, уничтожаются литераторы, открываются концлагеря.

Писать можно только о революции, пролетариате и всепобеждающем социализме. Решайте: с кем вы? А у вас, гражданин Баранов, особое мнение?

Особое!..

Ученый, изобретатель, редактор и литератор, возможно, в первый и последний раз становится публицистом. Он пишет «Обращение русских писателей к писателям мира». Его 10 июля 1927 года публикует влиятельная эмигрантская газета «Возрождение».

«Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпох и народов, проходите мимо нас, русских, обреченных грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идет удушение великой литературы?..

Или вы не знаете о нашей тюрьме для слова — о коммунистической цензуре?..

Идеализм, огромное течение русской художественной литературы, считается государственным преступлением... Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены... возможности... издать свои произведения. Сами они как враги и разрушители современного общественного строя, изгоняются со всех служб и лишаются всякого заработка...»

Далее в тексте значится то, что было еще и совсем недавно. Всеобъемлющая цензура, изъятие книг из библиотек, конфискация изданий «за ошибки».

Без проверки цензора «нельзя отпечатать даже визитной карточки», даже театральные плакаты с надписью «не курить», «запасной выход» помечены внизу все той же сакраментальной визой цензуры, разрешающей плакаты к печати.

Для читателя подпись «группа русских писателей» ни о чем не говорит, но, кроме всеобъемлющей цензуры, есть всезнающее ОГПУ. Ему аноним известен.

Сергея Баранова арестовали 9 марта 1930 года и, обвинив в участии в нелегальной антисоветской организации, спустя год приговорили к пяти годам лишения свободы. Отправили сначала на Соловки, а затем на строительство Беломоро-Балтийского канала. И там светят звезды и луна. Гляди — наблюдай, если выпадет минута отдыха в ночную смену!

Но еще раньше, размышляя о будущем, Сергей Сергеевич выбрал свой путь. Отныне — это механика, создание и усовершенствование приборов, способных помочь людям: ученым, инженерам, рабочим. А еще он подумал о тех, кто придет им на смену — детям.

Арбат — целая страна. Улочки-переулки, тупики, проходные дворы. И всюду жизнь. Лавочки-магазинчики, пивнушки-забегаловки, мастер-

ские, конторы, редакции. Шум, суeta, пестрота. Нэп в самом разгаре. Он наслаждается жизнью. В одном из полуподвальных — все иначе. Здесь в тишине издатели ожидают автора из Ленинграда. Его книжечки для любознательных ребятишек, что выпускаются в двух столицах, пользуются большим спросом.

Нэп нэпом, а детвора хочет мастерить, фотографировать, летать. Но прежде всего играть. И предложения изобретателя Баранова — в самый раз!

Звякнул колокольчик у двери.

— Сергей Сергеевич приехал!

— Что нового привезли?..

Из воспоминаний издателя М.Сабашникова: «...В реорганизованном товариществе, получившем название «Сотрудник», я занял должность ответственного редактора. Выпускали... игры и наглядные пособия. Особенно надо выделить превосходно задуманную С.С. Барановым серию чертежей, пособий для изготовления детьми самодельных игрушек и приборов под общим названием «Для умелых рук».

Во времена нэпа Сергей Сергеевич Баранов под этим же названием выпускал брошюры... В новом оформлении... эти пособия пошли с прежним успехом...»

Нэп, как мотылек, попорхал и сгорел в огне социалистических новаций, а интересы у мальчишек остались прежние.

И Арбат изменился мало. Сюда Сергей Сергеевич придет еще раз. В 41-м, после разгрома немцев под Москвой. Когда казалось, что все беды уже миновали его.

Из письма С.С. Баранова профессору В.С. Веселовскому. 27.12.1941 г.:

«Дома у меня телефона нет. Адрес служебный... Это против диетического магазина на Арбате... Свернете с Арбата в переулок, и первые ворота направо, затем в правом углу — дверь в подвал. Там артель «Труд и знание», а там я.

Из письма профессора В.С. Веселовского. 10.01.1942 г.:

«Я был у С.С. Баранова (вторично — Н.Ф.). Он женат на Горбуновой-Посадовой. Симпатичная, но болезненная женщина. Ее семья — вегетарианцы-толстовцы. Баранов предпочитал жить не у них, а в подвале кустарной мастерской на Арбате... Я без труда устроил ее на службу в нашем институте» (Всесоюзный институт минерального сырья — Н.Ф.).

После ареста за участие в нелегальной антисоветской организации (по делу проходило более ста человек) С.С. Баранова 10 февраля 1931 года приговорили к пяти годам лагерей, и спустя год его освободили.

И хотя официально ему разрешили проживать в Карелии, Сергей Сергеевич заселился домой, в Ленинград. К жене и дочери.

Но жена после ареста отказалась от него и, хотя и освобожденного, но «врага народа» не приняла.

Из письма С.С. Баранова:

«Больше всего радуюсь жизни дома. Роюсь в книгах и пишу. С дочкой Ниной приводили в порядок библиотеку. Мне выделили в квартире угол с письменным столом...»

Сергей Сергеевич работает инженером в гидролаборатории. Его все больше увлекает мысль, высказанная им же раньше: «...мне удалось установить условия, при которых насадка на винт дает выигрыш. Построенная теория одинакова для воздушных и водных винтов...»

Увеличение тяги возможно при насадках на винт?!

Дождь сменяет снег, а снег — дождь. Волны гонят друг друга к берегу, а холод — людей с палубы судна.

Из письма С.С. Баранова 9.10.1936 г.:

«Дела наши идут неважно, опыты делаются медленно... До зимы едва ли успеем получить нужные данные. И как замерзнет Нева, все кончится. До весны вряд ли отложат, предпочитают все дело положить под сукно...»

А это строки с Медвежьей горы.

М.М. Веселовской.

5.03.1937 г.: «У нас самое отвратительное настроение и перспектива удалиться еще дальше от друзей. Медвежка (Медвежья гора на Беломор-канале — Н.Ф.) — дверь, далекая от всего, а мы еще за 7 км от станции...»

6.04.1937 г.: «Встречали радушно, дали по хорошей комнате. Но очень плохо с питанием в столовой заключенных».

12.04.1937 г.: «Заячий остров, мыс, впадающий в Онежское озеро, а впереди — три маленьких заросших соснами островка... Командировка в Дмитров».

В Дмитрове Сергей Сергеевич работал и прежде. С 1932 года инженером на строительстве канала Москва—Волга, где занимался изобретательской деятельностью.

Из автобиографии С.С. Баранова: «В 1937 году построил... прибор для исследования условий шлюзования судов, за что ввиду значительной пользы, принесенной этим прибором, был награжден денежной премией.

Одновременно мною разработан и внедрен в производство метод изготовления форсунок «бюсайрус», освободив страну от импорта».

Четыре года, когда Сергей Сергеевич жил в Дмитрове, у него частенько собирались гости. Приходили Голицыны: художник Владимир Михайлович и его сестры, сослуживцы. Появлялся и один из первых и лучших авиаторов страны Александр Раевский — «враг народа», когда-то первым сделавший в небе России фигуру высшего пилотажа, в Дмитлаге служил фотолаборантом. Заходили «на огонек» и приезжавшие из Москвы Ольга Шереметьева и известный художник Павел Корин.

Варили чечевицу, обсуждали новости, веселились. Елена Голицына пела романсы.

Веселились как могли, а завтра снова начинались заботы...

Сергей Сергеевич отправлялся на службу в отдел строительства канала или ехал в московское издательство.

— И где вы, Сергей Сергеевич, такие истории черпаете?

— В народе.

Из книги «Юные техники в колхозе» (о появлении трактора в деревне):

— Лошади овес надо.

— А этот керосин жрет.

— А сколько в ем сил?

— Сорок.

— Чего сорок?

— Сорок лошадиных сил... Двадцать пар цутом. Двадцать груженных возов...

— А ну, тронь, мы его десятью мужиками остановим.

И десяток рыжих колхозников уперлись плечами, руками. Кто чем и за что мог уцепиться в ожидании, когда тракторист двинет машину. Остальные с интересом глядели на этот опыт.

— Ну, сейчас трогаю... Под колеса не попадите...

Трактор легко и спокойно двинулся вперед, разметая, как мух, кучу здоровенных мужиков.

— Что ж вы, «сила земли», ослабели? Может еще попробуем?...»

И эта занимательная книга снабжена советами, как соорудить водопровод, построить мост через речку, провести телефонную линию.

Из записей профессора В.С. Веселовского. 10.03.1942 г.:

«Я написал оппонентский отзыв о диссертации С.С. Баранова. Он развил энергичную деятельность на оборонные темы, надеясь получить за это снятие судимости... Среди многих мелких работ изобретательского характера Баранов ухитрился разработать способ изготовления поляроидной пленки, пропускающей только поляризованный луч света... Эту работу он объединил с ранее выполненными исследованиями по физической оптике. Получилась неплохая диссертация».

Талант и деятельность всего-то исполняющего обязанности научного сотрудника таковы, что сразу же после появления его в институте вопрос о защите диссертации — как само собой разумеющееся.

С таким списком работ, научных и популярных, и изобретений — не быть кандидатом наук — просто нонсенс. И не надо давать никаких минимумов, открывать участников, чертить диаграммы — все перед вами, товарищи!

Доктор технических наук профессор В.С. Веселовский в оппонентском отзыве так и написал.

«На основании рассмотрения научной деятельности С.С. Баранова считаю его бесспорно достойным ученой степени кандидата технических наук без защиты диссертации и ученого звания старшего научного сотрудника».

Но прошло пять лет, прежде чем появился вот этот приказ:

«31.07.47 г. № УС-5225. Министерство высшего образования СССР. Решением президиума Высшей аттестационной комиссии Баранов С.С. допускается к сдаче кандидатских испытаний и защите диссертации без наличия диплома о высшем образовании. Ученый секретарь М.Борисов».

И наконец...

«И.о. старшего научного сотрудника минералого-петрографической лаборатории Баранова С.С. перевести на должность старшего научного сотрудника с 15.10 в связи с присуждением ему ученой степени кандидата технических наук. Зав. лабораторий Е.В. Рожкова».

Из отзывов о работе С.С. Баранова:

«...Труды его в области прикладной математики и инженерного дела... производят исключительно благоприятное впечатление: оригинал решения сопровождается в них четкой математической отработкой...

Чрезвычайно ценной является популяризаторская деятельность С.С. Баранова... Особенно потому, что его популяризация не имеет ничего общего с тем упрощенчеством, которое нередко компрометирует этот род деятельности... Профессор, доктор технических наук. Н.Калашников».

«Труд С.С. Баранова заслуживает скорейшего издания, т.к. он помогает в работе многим научным и заводским работникам». Доктор химических наук, профессор Ерофеев».

Но мнение специалистов — это одно, а карьеристов — другое. И мнение, и сигналы последних — часто важнее. На них нередко создается общественное мнение, а в те времена заводились уголовные дела и уничтожались люди.

Из записок профессора В.С. Веселовского. 1948 г.: «Против меня и моих сотрудников начались интриги карьеристов. Одна из первых... (фамилия опущена редакцией) Она занимает неопределенную должность при директоре. Заведует оформлением аспирантов и приемкой отчетов по темам, выполненным по плану.

Более крупное состояло в том, что участвовала в оклеветании С.С. Баранова».

И неважно, что в тексте доноса — фамилия крупного специалиста, талантливый изобретателя.

Ну и пусть, что в государстве он единственный специалист в своей сфере деятельности! — Сигнал поступил!

Ну и пусть, что избавил страну от импорта! А у нас компромат имеется!

Ну и пусть, что наука и техника только проиграют! — Незаменимых людей нет. Ну и пусть, что станем жить хуже! — А вот это ложь и антисоветская вылазка. У нас с каждым годом растет благосостояние людей. Вся пресса и радио об этом сообщают, а они врать не станут. Сравните с 1913 годом...

Записка сестры С.С. Баранова М.М. Веселовской. 1949 г.:

«...Сергей Сергеевич по-старому в Москве. Пишет два письма в месяц. Видеть его не разрешают. Иногда его письма такие грустные и безнадежные».

С.С. Баранова осудило особое совещание МББ СССР 23 апреля 1949 года. Статьи обвинения стандартные: 58-8, 58-10 и срок — 10 лет.

Из писем сестры С.С. Баранова Клавдии Горяиновой к М.М. Веселовской.

1.11.1951 г.: «...Катя стала лучше говорить, но отсталость есть и вряд ли совсем пройдет. — Отца она помнит. Она видела его за эти три года один раз в прошлом году. Узнала, хотя он был без бороды. Он мало изменился, а, может быть, я за 30 м, да еще за двумя решетками не заметила... Только он стал совсем седой».

23.04.1953 г.: «Брата в январе 1952 г. почему-то перевели в тюрьму. Там он был до августа. Когда я в августе пришла с передачей, мне сказали, что его в Бутырках нет. Я начала искать его по тюрьмам и не нашла.

...Я ходила каждую неделю и получала тот же ответ... Я пошла в Военную прокуратуру... Там дела брата не было до января... В начале апреля предложили прийти в конце мая. В последний раз я до того разволновалась, что сказала им, что за год 7 месяцев можно было узнать, в чем человек виноват. Значит, просто нет причин держать человека, а сознаться стыдно. Ведь 5 лет назад... дали срок, а теперь, видно, создали еще какое-нибудь дело».

Клавдия Сергеевна оказалась права. Дело действительно создали, и 12 марта 1952 года прежний приговор отменили. Все тем же ОСО МГБ СССР. И направили дело на доследование.

Одного только не знала она. И деньги не принимают для осужденного, и передачу тоже, потому что передать их некому. Сергея Сергеевича Баранова расстреляли 26 августа 1952 года. По приговору Верховного суда СССР. За полгода до смерти Сталина. Как «врага народа» — человека, многое сделавшего для народа.

25.02.1955 г.: «Милая Мария Михайловна, зная, как Вы относитесь к Сергею Сергеевичу, хочу поделиться своим горем. Неделю назад получила справку из ЗАГСа, что 15/VI 1953 г. он умер в Иркутских лагерях от рака печени.

...Как его жалко. Как он мучился от болезни и от того, что ничего о нас не знал.

Как хотелось сообщить ему, что Катя стала учиться читать, писать и немножко считать... Спрашивает, когда приедет папа?

...Горько за Сережу до последней степени. В его жизни он жил для других...»

Сергея Сергеевича Баранова реабилитировали в 1957 году. В День Победы. Для которой и он потруился.

...Тихая ясная ночь. Черное небо и мерцание звезд. И они с любопытством рассматривают округу. Ну, как вы тут?

А как вы там? Может, и нет уже вас, а свет все мчится к Земле...

Телескоп Пупкова устремил взор к небу.

Кто теперь у него?..

Редакция выражает благодарность за помощь в подготовке материала Е.М. Перцовой, В.В. Веселовскому, М.В. и И.В. Голицыным, заведующей отделом литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки Н.В. Рыжак, заведующей архивом ВНИИ минерального сырья Г.В. Робоустовой, заместителю начальника службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области С.В. Чернову и начальнику горотдела УФСБ по Москве и Московской области Сыромятникову.

Татарский «Бухарин»

Со скрежетом открылась и захлопнулась дверь камеры. Яркий свет лампы упал на «новичка», и что-то неуловимо знакомое обнаружилось на его потрепанном исхудалом лице.

— Ну, вот, Бари, и снова встретились! — донеслось с нар. — Ты раструбил везде, что я враг народа, а теперь и сам оказался в компании врагов.

А тюремная перестук-азбука уже сообщала заключенным сенсацию. Арестован пер-в-ый се-кр-е-тарь Т-а-т-а-р-с-к-о-го о-б-к-о-ма п-а-р-ти-и А-б-д-у-л-л-и-н.

Впрочем, большой сенсацией это не стало. Вчерашний герой сегодня становился вне закона, а завтра получал пулю в затылок. Таким остался в памяти 1937 год.

Из статьи секретаря Татарского обкома партии Б. Абдуллина и других «Нет больше нищеты татарской деревни». Газета «Красная Татария» 15 мая 1933 года: «Парторганизация Татарстана дала и дает решительный отпор правым и левым оппортунистам. Она беспощадно ударила по буржуазно-националистической султангалиевщине. Она борется со всеми попытками классово-вредных элементов, выступающих под фальшиво национальным флагом... Не так давно большевики Татарстана разоблачили и ликвидировали контрреволюционную группировку — «сагидуллинщину».

— Сагидуллин!? — разглядывая нары, удивился вошедший.

Из анкеты. Сагидуллин Мингарей Сагидуллович. Родился в 1900 году в крестьянской семье. С должности заведомо Татарского обкома ВКП(б) в 1928 году направлен в распоряжение ЦК ВКП(б). На момент ареста — слушатель Института красной профессуры. Автор теоретических работ.

Мингарей

Толпа была настроена враждебно и решительно.

— Ишь что придумал Сагидуллин: комитет бедноты! Комбед — тыща бед!

— Распустить! Уничтожить!

Ситуация становилась опасной. Богатеи, собранные на сход Советом крестьянских депутатов, распалаялись все больше и больше.

— Учит в школе и пусть учит!

— Выгнать его из школы! Большевицкими штучками калечит.

— Комсомол тут в деревне развел!

— Бей его!

И толпа двинулась на восемнадцатилетнего парнишку.

Наверняка и отлупили бы, а может, и убили ненавистного активиста, да товарищи его из комбедта подоспели вовремя.

Это случилось в восемнадцатом, а вскоре Мингарея избрали в сельсовет. Имея начальное образование, он слыл «шибко» грамотным, а главное, готов был отдать все силы для улучшения крестьянской жизни.

Из автобиографии М. Сагидуллина: «Осенью 1915 года сельское общество назначило меня помощником учителя нашей деревни, где я занимаюсь светскими науками, в то время как старший учитель ведет всю религиозную часть...

На эту работу я смотрел как на средство, могущее содействовать продолжению моего образования.

Летом 1917 года был на краткосрочных педагогических курсах, где пришлось услышать о разных политических течениях и партиях... Во время выборов в Учредительное собрание выступил против мусульманских правых партий...

В это время очень много читал политлитературы и газет разного толка... В конце 1918 года я из газет узнал о союзах молодежи, вступил в КСМ (комсомол — **прим. ред.**), организовал ячейку и культурно-просветительский кружок, членов которого все называли «большевиками». Узнав, что начали создаваться комбеды, создал комитет бедноты, собрав к себе 30 человек...

В начале 1920 года вступил в РКП (Российскую коммунистическую партию — **прим. ред.**), и организовал партячейку в деревне.

Мингарея заметили. Бросались в глаза его начитанность, активность и организаторские способности. Уездный комитет партии переводит его в город Мензелинск, где поручает редактирование «Окон РОСТА» на татарском языке.

«У меня имелось непреодолимое желание получить образование». И он добивается главного и, казалось, почти для себя невозможного. Его командировывают в Москву на учебу в Коммунистический университет имени Я.Свердлова.

По окончании теоретического курса пути слушателей расходятся: одни продолжают учебу, а Сагидуллин возвращается к практике.

Шамсия

Когда Шамсие Азановой исполнилось десять лет, родители решили: пора работать!

Крестьянская девочка стала домработницей. И не где-то рядом с домом, а в далекой Вологде. Хозяева смотрели-смотрели на нее, а потом и заявили: ты смышленная, но знаешь мало, читать не умеешь — давай учиться!

И пошла Шамсия в школу.

В 1922 году в Казани она закончила уже совпартшколу второй ступени и стала инструктором, а затем завженотделом обкома ВКП(б) и редактором популярного тогда и сейчас журнала «Азат Хатын» («Свободная женщина»).

Партийная работа — это встречи с людьми, командировки и выступления, общение с коллегами. В Заречном районе, промышленном центре Казани, познакомилась Шамсия с секретарем райкома Мингареем Сагидуллиным.

Всем он был хорош! И собой, и стремлением к знаниям. Особенно к истории и жизни своего народа. И она потянулась к нему и пошла за ним. А он у ж и глаз с нее не сводил. Вот и поженились! А иначе и быть не могло!

В 1926 году они по заданию партии поехали в Узбекистан. Как в таких случаях говорят, для укрепления кадров. Однако местный климат резко сократил сроки пребывания в Ташкенте, и они вернулись в Казань, где Мингарей становится заведующим отделом печати обкома партии, а затем направляется в распоряжение ЦК ВКП(б).

Против «племени подхалимов»

Как неувовимо и неумоливо поменялось время! Победные рапорты все больше заслоняют работу с людьми. Уже несутся лозунги о всеобщей коллективизации села и погромыхивают первые раскаты будущей грозы. ЦК не нравится ситуация в партии и особенно в Татарстане. ЦК обсуждает политическую обстановку в республике. Московские ветры одного за другим сдувают с мест секретарей обкома, разносят по кабинетам всевозможные ярлыки. Чаще всего — «левых» и «правых». Мингарей Сагидуллин считается «левым».

Личность яркая. Прекрасный аналитик, изучающий, малоизвестные вопросы революционного движения в республике, серьезный журналист. К десятилетию советской власти «Истпарт» обкома выпускает его книгу «Татарские трудящиеся на путях Великого октября», а тремя годами позже выходит и работа «К истории ваисовского движения».

Однако вышедший в свет «Краткий курс истории ВКП(б)» под редакцией И. Сталина должен стать настольной книгой страны, а все остальное принижено, осуждено и забыто. Так первый исследовательский труд Мингарея Сагидуллина становится враждебным партии и обществу.

В 1929 году партия объявляет о чистке своих рядов. И снова победные рапорты: предупрежден... исключен... Газета «Правда» публикует репортажи и отчеты с мест, тучи сгущаются и над любимцем партии Николаем Бухариным. Газеты подробно изучает его взгляды и уклонь будущего члена Академии наук СССР и главного редактора «Известий».

И тут в газете «Кзыл Татарстан» теоретик партстроительства Мингарей Сагидуллин публикует памфлет «Племя льстецов и подхалимов». Работа татарского Бухарина, в которой резко обличаются угодничество руководящих

партработников перед начальством и хамство с подчиненными, тупость и необразованность хозяев кабинетов, их стремление к собственному благополучию, сравнима с разорвавшейся бомбой. Обком уже знаком с «вражеской вылазкой» Шацкина в газете «Красная Татария» и Стэна в «Комсомольской правде», и теперь еще один удар, гораздо большей силы.

Из протокола № 39 заседания бюро Татарского обкома ВКП(б) от 20 августа 1929 года: «Бюро ОК решительно осуждает статью тов. Сагидуллина «Племя подхалимов»... в корне ложно ориентирующую партийную организацию...» (Далее — обычная демагогия о ставке на развитие самокритики, преодоление антиленинских уклонов, но при этом оказывается: «тов. Сагидуллин под видом борьбы против подхалимства направляет удары по основным кадрам партии, ... статья тов. Сагидуллина способна лишь принести вред делу очищения рядов от перерожденческих элементов...»

Мингарею Сагидуллину объявляется выговор, президиум областной контрольной комиссии ОКК ВКП(б) 29 сентября 1929 года предупреждает его, что «при повторении подобных ошибок он поставит себя вне рядов партии».

Выполняя постановление обкома партии, газета «Красная Татария» публикует анонимную статью. «Только на большевистском пути. «Об ошибках тов. Сагидуллина».

И началась травля!

Мингарей с орггруппой ЦК уезжает в Ростов-на-Дону, а затем поступает на философский факультет в Институт красной профессуры. Шамсия учится на курсах марксизма-ленинизма, потом работает секретарем парткома строящейся станции метро «Дворец Советов» (теперь «Кропоткинская»).

— Когда переехали в Москву, — вспоминает дочь Сагидуллина Луиза, — то жили в общежитии шестого Дома советов. Система коридорная, но у папы — отдельный кабинет. Окна выходили на Новодевичье кладбище. К папе часто приходили друзья.

Когда мы возвращались домой, стали замечать на улице вещи, выброшенные из комнат. Это выселяли семьи «врагов народа».

Однажды туда же полетели и наши...

Арест «красного профессора»

Мингарея Сагидуллина арестовали 21 декабря 1932 года. Учитывая его положение в ВКП(б) и важность сочиняемого уголовного дела, вопрос о тов. Сагидуллине 9 февраля 1933 года слушался на Коллегии ЦКК коммунистической партии. Его объявили руководителем и теоретиком левой контрреволюционной националистической организации, переросшей в троцкистскую повстанческую антисоветскую организацию «Красный Иттифак» (союз — прим. ред.), приговорили к 10 годам лишения свободы и отправили на строительство канала Москва—Волга.

Вместе с М.Сагидуллиным арестовали 58 «повстанцев»: партработников, руководителей колхозов и совхозов, журналистов, спецов в области сельского хозяйства и рядовых тружеников полей. Пятерых из них расстреляли, остальных кинули в лагерь. Теперь обком мог победно рапортовать: в один ряд с громкими «разоблачениями» — «шахтинским делом» и «промпартии» удачно вставала и собственная «повстанческая организация».

Из статьи-рапорта «Нет больше нищей татарской деревни, «Правда», 13 мая 1933 года: «Успех Татарстана... родился в ожесточенной борьбе с классовым врагом... Парторганизация Татарстана беспощадно ударила по буржуазно-националистической султангалиевщине... Еще не так давно большевики Татарстана разоблачили и ликвидировали контрреволюционную группировку «сагидуллищину». Бари Абдуллин, секретарь Татарского обкома партии. Киям Абрамов, председатель совнаркома. Гумер Байгурин, председатель областной КК и РКИ. Мигдат Ягудин, председатель ЦИК.

— Ну, вот, Бари, и снова встретились...

— Это четыре года спустя, в 37-м. В казанской тюрьме. Первый секретарь и автор статьи о разгроме «сагидуллищины» Бари Абдуллин и ее герой Мингарей Сагидуллин. Первый и здесь оказался первым: не пережил Мингарея. Абдуллина осудили 3 августа и тут же расстреляли.

Шамсия

Когда начальнику Дмитлага Семену Фирину доложили о заключенном Сагидуллине, он поморщился. Фирин не терпел партноменклатуру, это «племя лъстцов и подхалимов». За его неграмотность и демагогию, отсутствие настоящей профессии и постоянное стремление совать нос во все дела. А еще и потому, что сам в определенной степени тоже принадлежал к этому «племени». Поморщившись, он все же приказал доставить нового эка. Прежний опыт кадрового разведчика подсказывал: этот «красный профессор» в начавшейся «перековке» заключенных может многое.

В разговоре Фирин понял: никакая перековка самому Сагидуллину не нужна, пусть перековывает других. После беседы Фирин назначил Сагидуллина редактором канальской газеты на татарском языке.

— Мы приезжали к отцу в Дмитров, — говорит Луиза Гареевна. — Его редакция располагалась на втором этаже деревянного барака.

Мама переписывалась с отцом. В последнем письме он сообщал, что пришлет нам с нарочным гитару.

В 33-м Шамсию Азановну исключили из партии, но после ее письма секретарю Центральной Контрольной Комиссии Е.Ярославскому восставили, объявив выговор «за политическую близорукость». Наказывали и предупреждали и позже: за связь с «врагом народа», но она продолжала переписку с мужем.

Тогда в 1937 году ее арестовали.

— Ночью мы проснулись от стука в дверь. Потом был обыск. Рылись во всем. Один из оперов позвонил начальнику: что делать? У нее дочка больна. — Забирать! — последовал приказ.

Мы с братом смотрели в окно, как ее посадили в машину. Потом нас отправили в детдом в Ульяновскую область, а бабушка осталась в Москве одна и стала домработницей у соседей. Нас соседи хотели усыновить, но не получилось.

Группу детей доставили в поселок Сенгирей и заперли в изоляторе. Группа — сборная: из Муром, Днепропетровска, Москвы. Все — дети «врагов народа», все сплочены единым горем, единой надеждой.

Детдомовцы кричали под дверью изолятора: «Транкистов» (троцкистов — **прим. ред.**) привезли».

Соседи писали за бабушку письма в детдом, прислали адрес матери. Луиза закончила школу и вернулась в Москву.

— Маме дали пять лет, и она этапом прошла девятьсот километров пешком на север, в Коми.

В поселке Харьяга работала в хозяйстве, снабжавшем шахтеров овощами и молоком. Дояркой, телятницей.

Луиза и Рафаэль ждали ее в 42-м, но началась война. Тогда Шамсия Азановна организовала бригаду овощеводов, а в 46-м ее наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

— Нас с братом не хотели принимать в комсомол, но мы были идейными и сумели доказать.

Впоследствии Рафаэль окончил техникум и работал на авиационном заводе в Свердловске, Луиза — с отличием медицинский институт и ординатуру.

Выйдя на пенсию, Шамсия Азановна вернулась домой. Ее реабилитировали только в 88-м.

Мингарей

Строки неровно ложились на листок бумаги. «Тов. Фирин! Я еще не разобрался, какое со мной приключилось несчастье и почему меня перебрасывают в другой лагерь.

Я здесь поработал почти полтора года и изо всей силы. Я... скоро напишу заявление о помиловании. Прошу Вас как заместителя начальника ГУЛАГа мое ходатайство о помиловании поддержать.

Еще прошу Вас: для жены моей эта переброска — большой удар. Я верю в Вашу доброту и отзывчивость. Позвоните моей жене... в Москву сказать пару человеческих слов обо мне. Этого хватит, чтобы она поддержала. Я ее до сих пор не просил, теперь уже прошу, чтобы она написала заявление в ЦИК о помиловании меня... У меня двое детей-двойняшек — сын и дочь по 10 лет. Они не знают, им не положено знать о моем аресте...

В эту минуту хотелось очень просить Вас крепко — надо ли жить или махнуть на все рукой, считать себя пропавшим. Но увижу ли я Вас?..

Тов. Фирин! Я чувствую в этот момент особо покинутым и решил и Вам написать. Нет у меня жизненной опоры, кроме Вас. А жить сильно хочется». С приветом М.Сагидуллин. 24.12.34 г.»

Неизвестно: разобрался или нет М.Сагидуллин в сложившейся ситуации. Два обстоятельства бросили его на север: начавшаяся после убийства партийного вождя Ленинграда С.Кирова новая волна репрессий и письмо самого М.Сагидуллина из Дмитлага писателю М. орькому о помощи. Е.Ярославский ответил мне: нет никаких оснований для пересмотра дела.

А дети Мингарея Сагидуллина узнали обо всем в 37-м, после ареста матери. В стуле они нашли то, что не обнаружили оперативники — копию ее письма Е.Ярославскому.

«Тот самый»

На севере Мингарей Сагидуллин работает инспектором по стахановскому движению. Но начинается следующая волна репрессий, и его эпатируют в Казань, чтобы рассмотреть дело об участии в контрреволюционной организации в Дмитлаге. А проще говоря, пересмотреть приговор, «справедливый» для 1933 года, но «мягкий» для 1937 года.

Мингарея Сагидуллина должна постигнуть участь Николая Бухарина.

Из книги Е. Гинзбург «Крутой маршрут»:

(В камере, освоив тюремную азбуку, на стук в стену она получает в ответ фамилию соседа: Сагидуллин.)

«— Тот самый?

Да, он подтверждает, что он «тот самый» Гарей Сагидуллин, имя которого уже много лет упоминается в Казани только с суффиксом «щина». Сагидуллинщина...

— Был и остался ленинцем. Клянусь седьмой тюрьмой...

...Коба (Сталин — прим. ред.)... Физическое истребление лучших людей партии, мешающих или могущих помешать окончательному установлению его тирании...

Говори прямо о несогласии с линией Сталина, называя как можно больше фамилий таких несогласных. Всю партию не арестуют. А если будут тысячи таких протоколов, то возникнет мысль о созыве чрезвычайного партийного съезда, возникнет надежда на «его» свержение. Поверь: внутри ЦК «его» ненавидят не меньше, чем в наших камерах. Может быть, такая линия будет губительна для нас лично, но это единственный путь к спасению партии.

Я никогда не видела этого человека. Но знаю одно: с покоряющим мужеством переносил он седьмую по счету тюрьму, одиночку, перспективу расстрела. Сильный, настоящий был человек»...

Был... Потому, что 10 мая 1938 года его расстреляли. Двумя месяцами раньше эта участь постигла Николая Бухарина.

По обоим «делам» Мингарей Сагидуллин реабилитирован.

Р.С. Редакция благодарит за помощь дочь М.С. Сагидуллина Луизу Гаревну, общество «Мемориал», Центральный госархив историко-политической документации Республики Татарстан, Российский госархив социально-политической истории.

«Дмитровский вестник», 29.10.2002–14.10.2003

ПРЕСС-РЕЛИЗ

10 декабря 2003 г. в 12 часов в День прав человека в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова состоялась торжественная церемония награждения и чествования лауреата, номинантов и финалистов конкурса на **премию имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок»**.

На конкурс 2003 г. были выдвинуты работы около 100 авторов из десятков городов России.

Лауреатом конкурса стала Галина Ковальская («Еженедельный журнал», Москва) – посмертно.

Номинанты: Наталья Чернова (Москва), Миясат Муслимова (Махачкала), Инга Земзаре (Санкт-Петербург).

Специальный диплом жюри «За жизнь, отданную журналистике» присужден Юрию Шекочихину («Новая газета», Москва) – посмертно.

Дипломами награждены участники финальной стадии конкурса. Ими стали: Майнат Абдуллаева (Грозный), Регина Азеран (Санкт-Петербург), Тимур Алиев (Грозный), Михаил Башков (Ижевск), Геннадий Годлевский (Орел), Алла Голованова (Кемерово), Виктор Гушин (Москва), Константин Катанян (Москва), Алексей Клочихин (Пермь), Ольга Тодощенко (Пермь), Екатерина Колесова (Санкт-Петербург), Нона Комиссарова (Пенза), Василий Мельниченко (Свердловская область), Тамара Проскурякова (Камышин), Марк Розовский (Москва), Зоя Светова (Москва), Александр Сорокин (Кемерово), Сергей Трушников (Пермь), Николай Федоров (Московская область), Людмила Филиппович (Екатеринбург), Георгий Целмс (Москва).

За публикацию работ лауреата дипломом награждена редакция «Еженедельного журнала» (Москва).

За публикацию работ номинантов дипломами награждены редакции «Новой газеты» (Москва), журнала «Город» (Санкт-Петербург), газет «Молодежь Дагестана», «Дагестанская правда», «Новое дело», журнала «Дагестан» (Махачкала).

Содержание

Премия имени Андрея Сахарова	
«За журналистику как поступок»	3

Сегодняшняя журналистика нуждается в моральных авторитетах...

<i>Алексей Симонов, председатель жюри премии</i>	
<i>имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок»,</i>	
<i>президент Фонда защиты гласности</i>	<i>5</i>

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

Галина КОВАЛЬСКАЯ

Штурм и глупость	9
Зона рискованного проживания	12
Беженцы сданы на комиссию	19
Все на прием Конституции!	24
Полевой командир по прозвищу Муфтий	30

Майнат АБДУЛЛАЕВА

Уезжать из Грозного не хочется. В Грозном хочется жить	35
Справка форма десять	38
Хотели как хуже... ..	40

Тамерлан АЛИЕВ

Искалеченная республика	42
Короли и капуста	47

Наталья ЧЕРНОВА

Гость столицы	53
«Прочие расходы»	67

Зоя СВЕТОВА

Киноцентр испугался Чечни	70
---------------------------------	----

Марк РОЗОВСКИЙ

Наша «победа» на две трети — «беда»	73
---	----

«С ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ!..»

Галина КОВАЛЬСКАЯ

Закон есть закон	101
------------------------	-----

Миясат МУСЛИМОВА

Как Узунаев стал политиком	107
----------------------------------	-----

Геннадий ГОДЛЕВСКИЙ

Стыдливый Альхен, или Бритоголовые идут	113
Москва травит Россию	117

ВСЕ ЛУЧШЕЕ – ДЕТЯМ**Миясат МУСЛИМОВА**

Отцы и дети по-дагестански	123
Преступление и наказание	128
Война и мир диалектики образования	135
Что делать?	140
Общество и школа: реформы или бег на месте?	147

Екатерина КОЛЕСОВА

Как битье определяет сознание	154
-------------------------------------	-----

Михаил БАШКОВ

Пусть всегда будет мама	160
«У нас просят абсолютно здоровых детей»	165
«Хорошая семья – это где уроки заставляют учить»	166
Закалка по-чиновничьи, или Почему в санаторной группе +2°C	170
Ребенок – не игрушка	173
«А ты возьми ребенка на лето»	175
Как усыновить ребенка или оформить над ним опекунство	178
Большой секрет	180
«Я не хочу с этим умирать»	182
О чем все знают и все молчат	184

НАШИ ГОЛОСА**Виктор ГУЩИН**

Мы – не идиоты! Идиоты – немые!	191
---------------------------------------	-----

Константин КАТАНЯН

Всем молчать!	195
Молчание акул	198

Василий МЕЛЬНИЧЕНКО

Вертикаль без основания падает	199
Доступность власти	204

Александр СОРОКИН

«Эффективная форма сосуществования...»	208
Кадровые страдания	213
Перерасход поцелуев	216

Екатерина КОЛЕСОВА

Просроченный йод	224
------------------------	-----

КРИМИНАЛ И ЮСТИЦИЯ

Галина КОВАЛЬСКАЯ

Закон Ома для подозреваемого	235
------------------------------------	-----

Георгий ЦЕЛМС

Протестуй, не протестуй... ..	239
Писан ли закон для прокуроров и судей?	244
Объединенные безысходностью	247

Зоя СВЕТОВА

За фабрикацию дела никто не ответит	251
Цена журналистского расследования — арест	253

Сергей ТРУШНИКОВ

Был у нас в детстве парнишка	257
Состава преступления нет	260

Людмила ФИЛИППОВИЧ

Жестокость	264
------------------	-----

ХРОНИКИ

Василий МЕЛЬНИЧЕНКО

Трагедия российского села	273
---------------------------------	-----

Галина КОВАЛЬСКАЯ

Облава	279
--------------	-----

Алексей КЛОЧИХИН, Ольга ТОДОЩЕНКО

Ракеты возвращаются	284
---------------------------	-----

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ...

Инга ЗЕМЗАРЕ

Место прописки — Валаамская трапезная	291
Идите с Богом	295

ПАМЯТЬ

Нонна КОМИССАРОВА

Молитва моя — молчание	299
Хроника одного убийства	309
Помни язык своей матери	315

Николай ФЕДОРОВ

Канал и судьбы	323
----------------------	-----

Пресс-релиз	363
-------------------	-----

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

Президент — А.К. Симонов

Адрес для контактов: Москва, Зубовский бульв., 4, к. 432.

Адрес для писем: 119021, Москва, а/я 536.

Факс: (095) 201-49-47.

Телефоны: (095) 201-44-20 (приемная президента ФЗГ
и исполнительного директора);

(095) 201-32-42 (службы мониторинга);

(095) 201-49-74 (юридическая служба).

E-mail: fond@gdf.ru Интернет: www.gdf.ru

Банковские реквизиты:

ИНН 7704146560

Рублевый счет: р/с 40703810900000000030 в АКБ «МАСС-МЕДИА БАНК»
корр.счет 30101810200000000739 БИК 044583739

Валютный счет: р/с 407038409000009000030 в АКБ «МАСС-МЕДИА БАНК»
корр.счет 30101810200000000739 для USD

Фонд будет признателен вам за любую финансовую помощь

Художественно-публицистическое издание

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПОСТУПОК

*Сборник публикаций победителей и финалистов
премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок»
за 2003 год*

Отв. ред. — А.К. Симонов

Составители — А.Б. Панкин, Б.М. Тимошенко

Руководитель издательских программ ФЗГ —
профессор М.В. Горбаневский
E-mail: migor@gdf.ru

Компьютерная верстка — О.М. Проскурина
Макет обложки — И.П. Игнатьев
Корректор — И.М. Артемова

Подготовка к печати и печать —
Издательский Дом «Медея»

Подписано в печать 08.11.2004 г. Формат 60х90/16.
Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.
Усл. печ.л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ 305
БЕСПЛАТНО